This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4345.1.11

N 1898

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887.)

Received 1 July, 1895.

(7)

Pjat' desjat let nazad. Roman v dvuh častjah.

M. Kamenskaja
Sanktpeterburg 1861

—

Fifty years ago. Novel in two parts

M. Kamenskaja
St. Petersburg 1861

(Russian – Novel)

ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

М. КАМЕНСКОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1861.

819/7 Slav 4345.1.11,

Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 20 декабря 1860 года.

Цензоръ П. Новосильскій.

НЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

РОМАНЪ.

Часть первая.

I.

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, въ одномъ изъ домовъ Конюшенной Улицы, въ бель-этажѣ, который занималъ князь Леонидъ Петровичъ Годинъ, въ глухую полночь, когда все кругомъ спало глубокимъ сномъ, въ окнахъ вдругъ замелькали огоньки.

Калитка въ подворотню щелкнула, отворилась: кто-то, закутанный въ шинель, шмыгнулъ изъ нея и побѣжалъ по направленію къ Невскому. Немного погодя, опять выскочилъ мужчина и побѣжалъ въ противоположную сторону, а между-тѣмъ огоньки все быстрѣе-и-быстрѣе мелькали по окнамъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ спустился въ корридоръ парадной лѣстницы и тамъ остался.

Видно было ясно, что въ домѣ произошло что-то необыкновенное, и что кого-то ждутъ. Немного погодя, отъ Невскаго послышался скрипъ полозьевъ, и сани подкатили къ подъѣзду. Изъ нихъ вылѣзла маленькая, толстая женщина, съ большимъ мѣшкомъ на рукѣ; она, уткой переваливаясь, побрела къ дверямъ, которыя передъ ней тотчасъ же и отворились. Спустя нѣсколько минутъ подъѣхали еще двое саней. Изъ нихъ вышли двое мужчинъ: одинъ—сухой, длинный, а другой—маленькій, толстенькій, съ чѣмъ-то подъ-мышкой. Потомъ все стихло, умолкло, и въ двухъ только угловыхъ окнахъ остался огонь.

Уже подъ-утро парадное крыльцо опять открылось; въ дверяхъ бокомъ показалась длинная фигура. За ней стоялъ еще кто-то въ военномъ сюртукѣ, безъ эполетъ.

— Докторъ, я васъ не выпущу; скажите мнѣ правду, есть ли надежда?

— Гу....мъ, князь, я не Богъ и не могу вамъ ничего сказать... Трудно, очень-трудно, а все-таки молодость можетъ взять свое. Теперь при больной останется Карлъ Карлычъ, а я дежурный, я тороплюсь.

Сказавъ это, докторъ приподнялъ слегка фуражку, прыгнулъ въ сани и, закричавъ кучеру: «Въ больницу!» скрылся изъ глазъ.

Постоявъ немного въ раздумьи, князь Годинъ повернулся, прижалъ пальцы къ глазамъ и, щелкнувъ ими какъ-то странно, побѣжалъ по ковру лѣстницы.

Войдя въ переднюю и встрѣтивъ тамъ большаго, кудряваго человѣка, князь спросилъ:

— Ну, что̀? и, не дождавшись отвѣта, началъ пробираться на-цыпочкахъ по комнатамъ. Пройдя залу и гостиную, онъ остановился у полуотворенной двери въ спальню, изъ которой раздавался крикъ новорожденнаго ребенка.

Тамъ, на кровати лежала, какъ полотно блѣдная, молодая женщина; казалось, она была безъ чувствъ или въ забытьи. Докторъ Карлъ Карловичъ, полусидя на краю кровати, держалъ въ одной рукѣ пульсъ больной, а въ другой часы. Дѣвушка терла ей виски и повременамъ давала нюхать спиртъ. Немного поодаль, у печки, повивальная бабушка мыла новорожденнаго и очень-громко давала наставленія двумъ дѣвушкамъ, которыя ей помогали.

— Лей, лей, лей! съ головки, съ головки! кричала она во весь голосъ; потомъ подняла малютку къ своему лицу, лизнула его вдоль спины и, укутавъ въ одѣяло, понесла пеленать.

Князь уже стоялъ у кровати, опершись на нее обѣими руками, и глядѣлъ то на жену, то на акушера. Въ глазахъ его было столько вопроса, столько горя, что докторъ, опустивъ тихо руку больной, подошелъ къ нему, обнялъ его и тихо повелъ въ гостиную.

— Князь, будьте же благоразумны! вы на себя не похожи, поберегитесь... Вспомните, что вы отецъ!

— Такъ развѣ нѣтъ никакой надежды? шепнулъ князь и, какъ ребенокъ, упалъ на грудь доктора.

— Князь, я былъ бы безчестный человѣкъ, еслибъ сталъ обнадеживать васъ. Вы знаете сложеніе княгини, ея молодость... Преждевременные роды всегда опасны, а роды княгини были, къ-тому же, и неправильны. Теперь не скрою отъ васъ: не все еще кончено. Я жду; но если натура не возьметъ свое, чрезъ нѣсколько минутъ я принужденъ буду сдѣлать еще операцію, и тогда... Богъ знаетъ, кàкъ перенесетъ ее княгиня... Она слаба... Почему вы не пошлете за ея матушкой?

Князь какъ-то судорожно встряхнулся всѣмъ тѣломъ, отеръ глаза, кивнулъ головой доктору и пошелъ въ нереднюю.

— Иванъ! сказалъ князь своему камердинеру: — поѣзжай къ матушкѣ. Скажи, что мнѣ Богъ далъ дочь, Елизавету, что княгиня очень-слаба, и что я прошу ее пріѣхать сейчасъ же. Заѣзжай къ батюшкѣ, къ братьямъ. Скажи все... скажи, что я жду ихъ. Скорѣй!

Князь опять-было сталъ пробираться въ спальню, но оттуда послышался глухой, протяжный стонъ. Князь закрылъ лицо руками, вбѣжалъ въ свой кабинетъ и, какъ снопъ, повалился передъ образомъ.

Князь Леонидъ Петровичъ Годинъ былъ человѣкъ лѣтъ около сорокá, средняго роста, стройный, ловкій и живой. Черты его лица крупныя, но правильныя, были пріятны. Нѣжный, почти женскій румянецъ всегда горѣлъ на верхней части его щекъ; темносѣрые глаза его смотрѣли то бойко и лукаво, то невыразимо-грустно изъ-подъ длинныхъ, густыхъ рѣсницъ. По лицу князя всегда бѣгала неуловимая улыбка; полнымъ смѣхомъ онъ смѣялся очень-рѣдко; а разсказывая что-нибудь, даже очень-смѣшное, самъ былъ всегда совершенно-серьёзенъ, чтó и придавало особенную прелесть его разсказу. Всегда готовый на шутку, на острое слово, князь никогда въ жизни дурно ни о комъ не говорилъ. Подшучивая въ глаза надъ всѣми, задѣвая стараго и малаго и ловко вывертываясь, онъ не нажилъ себѣ ни одного врага. Любимый товарищами, уважаемый даже начальствомъ, онъ смолоду сдѣлалъ блистательную карьеру. Замысловатый умъ, затѣйливые фарсы князя гремѣли по Петербургу. Служа въ свитѣ государя и находясь при дворѣ, онъ и тамъ былъ точно тотъ же, и тамъ, какъ и вездѣ, ему все прощалось, все сходило съ рукъ. Присутствіе князя, гдѣ бы то ни было, всегда обозначалось раскатами единодушнаго хохота. За нимъ всегда ходило нѣсколько

его обожателей, въ ожиданіи, что, вотъ-вотъ, онъ выкинетъ какую-нибудь штуку...

Князь Годинъ былъ женатъ на дѣвицѣ Рытовой. Совершенно-счастливо прожилъ онъ два года съ своей женой, и вдругъ, нежданно, его посѣтило страшное горе: княгиня разрѣшилась преждевременно дочерью и была безъ всякой надежды.

На другой день, часовъ въ шесть вечера, около подъѣзда князя опять стояло нѣсколько экипажей; окна залы были завѣшаны, изъ подъѣзда вышли попы. Въ гостиной, на диванѣ, сидѣла заплаканная генеральша Рытова, мать княгини, и, ломая себѣ руки, что-то причитала. Въ углу тихо плакали двѣ женщины: одна—высокая, стройная, лѣтъ девятнадцати, прелестная собою; а другая—маленькая, худенькая, съ умными голубыми глазами. Это были княгиня Софья Ѳедоровна Година, жена меньшаго брата князя, и сестра его Глафира Петровна. Старый князь Годинъ сидѣлъ у окна. Сыновья его, Леонидъ, Андрей и Юлій, стояли передъ нимъ и тихо о чемъ-то толковали между собой. Въ полуоткрытую дверь залы слышалось однообразное чтеніе псалтиря. Тамъ, на столѣ, лежала скончавшаяся къ утру княгиня Година. Остальными гостями, какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, никто изъ хозяевъ не занимался. Мужчины, составивъ небольшую группу, весело разговаривали о новостяхъ Европы, а дамы, окруживъ молодую княгиню Рѣдкину, двоюродную сестру князя, повертывали ее кругомъ и разглядывали ея дорогой черный кружевной палатинъ.

— Что̀ дѣлать, другъ мой Леонидъ? говорилъ старый князь, взявъ руку своего сына:—всѣ мы подъ Богомъ... Покорись его святой волѣ. У тебя осталась дочь—и за то возблагодари Господа Бога. Теперь не́чего дѣлать, слезами не воротишь, только себя убьешь. Да и ей, моей голубушкѣ (при этомъ старый князь заглянулъ въ залу), тяжки твои слезы. Что́ тутъ плакать? Не плачь... не плачь... человѣкъ земля былъ—земля и будетъ... Положенъ предѣлъ, его же не перейдешь. Ей тамъ хорошо; мы съ тобой, братъ, тамъ не будемъ. Ты теперь береги себя для дочери. Чѣмъ она виновата, что Господь тебя посѣтилъ? Вотъ я тебѣ что́ скажу: ты мужчина, служащій, должностной. Нельзя же тебѣ все съ ребенкомъ сидѣть—чего и не доглядишь; а на людей полагаться нельзя. Мой бы тебѣ отцовскій совѣтъ: отдать дочку къ брату Юлію; тамъ моя добрая невѣстушка, Софья Ѳедоровна,

за ней приглядитъ, какъ мать родная. У нея свой ребенокъ, Богъ дастъ, скоро будетъ, такъ она бы ихъ вмѣстѣ и выхолила.

— Слушаю, батюшка; я буду просить объ этомъ сестру Софи.

— Чтó, чтó? раздалось съ дивана, гдѣ сидѣла старуха Рытова:—чтó? Родную-то, бабку-то, обходишь? Да чтó это вы, батюшка-князь, со старости, что ли, поряхнулись? Чтобъ я, мою внучку, въ чужой домъ при жизни отдала!..

— Вопервыхъ, онъ не чужой, матушка Дарья Яковлевна, а вовторыхъ...

— Такъ я, по-вашему, не ближе? не ближе... родная-то бабка?

Старый князь вспыхнулъ, хотѣлъ что-то сказать, но, взглянувъ въ двери залы, опомнился, махнулъ рукой и промолчалъ.

— Не допущу, не допущу! кричала старуха, наступая на стараго князя.

— Да ты чтó стоишь, Леонидъ? При тебѣ, мнѣ такіе афронты дѣлаютъ, а ты молчишь, да еще потакаешь! Жена глазъ не успѣла закрыть, а мать ея ужь и не родня стала! И внучку ей нельзя поручить!

— Полноте, матушка, теперь не время...

— Какое тутъ время? Знать я ничего не хочу!

— Успокойтесь, матушка; мы увидимъ...

— Чтó тутъ видѣть? Плевать я на васъ хотѣла! Вотъ возьму да и увезу... Вишь, чтò затѣяли...

И старуха, забывъ, что дочь ея возлѣ лежитъ на столѣ, забывъ свое горе и слезы, бѣгала, размахивая руками, по гостиной и кричала:

— Внучку-то, внучку... кровь мою отнять! Увезу, увезу!...

Всѣ молчали; только старый князь, который былъ страшная горячка, часто порывался сказать что-нибудь, но всякій разъ дѣлалъ надъ собою усиліе и не договаривалъ начатаго слова. На лицахъ гостей пробѣгала невольная улыбка, а робкая и тихая княгиня Година начала торопливо надѣвать шляпку. Немного погодя, изъ воротъ выѣхала карета: въ ней сидѣла генеральша Рытова, держа подъ салопомъ укутанную внучку. Напротивъ нея сидѣла мамка малютки, заваленная почти съ головой подушками и приданымъ новорожденной.

Старуха Рытова взяла свое. Князь не посмѣлъ отказать ей. Надобно было идти на ссору. Маленькая Лиза была единственная наслѣдница бабушки. Князь зналъ характеръ старухи, зналъ, что она, разсердившись, могла всего лишить свою внучку. Самъ князь

имѣлъ слишкомъ-маленькое состояніе, чтобъ упрочить будущность своей дочери. Вотъ что̀ побудило его, почти противъ воли, уступить требованію Дарьи Яковлевны.

II.

Генеральша Рытова жила на канавѣ, за Казанской, лѣтъ ужь десять на одной квартирѣ. Въ нее переѣхала она еще при жизни мужа; въ ней схоронила его и, выдавъ замужъ дочь свою за князя Леонида Петровича Година, осталась совсѣмъ-одинока. Кромѣ старой горничной ея, Савишны, стараго лакея Фильки, множества дѣвокъ, мальчишекъ, моськи, кота, повара Фоки и кучера Осипа, приближеннаго никого не имѣла. Кромѣ князя съ княгиней, гости наѣзжали только по праздникамъ да въ именины Дарьи Яколевны. И хотя сама старушка видѣла, что квартира для нея велика, скучала въ ней, и часто, бродя послѣ обѣда, заложивъ за спину руки, говаривала:

— Я въ ней какъ лютый звѣрь по лѣсу рыщу!

А все жила. Жила потому, что въ другой церкви, кромѣ Казанской, молиться Богу не умѣла. Восемь лѣтъ уже ходила Дарья Яковлевна въ соборъ, всякій день утромъ и вечеромъ съ того самаго дня, когда двери храма въ первый разъ отворились для всѣхъ богомольцевъ.

Пойдетъ, бывало, къ заутрени ранымъ-ранёхонько, станетъ въ свой уголокъ, салопъ развѣситъ, сторожъ ей коврикъ подъ ноги подстелетъ, она стоитъ-себѣ и молится, да попихиваетъ, да поталкиваетъ того, кто ей молиться помѣшаетъ.

Дѣвчонка ли, мальчишка ли зазѣваются да къ ней невзначай на коверъ станутъ—она его и щелкъ въ ма̀ковку: «Вишь, шишь какой на носъ сталъ!» скажетъ и опять себѣ молится.

А сторожъ увидитъ, еще прибавитъ; приметъ ребятъ въ толчки, да и приговариваетъ: «Во...отъ, во....оотъ, вотъ! Не видите, чертенята, что генеральша стоитъ!»

Она его поблагодаритъ, и опять-себѣ молится да молится.

Свѣчку ли, просвирку ли—все ей первой. Попъ ли съ крестомъ выйдетъ, чрезъ всѣ головы ей первой подастъ поцаловать. Потомъ поздоровается, объ здоровьи спроситъ, послѣ службы чайку зайдетъ выпить. Покалякаютъ, потолкуютъ.

— Въ другой церкви трутъ тебя въ бока, какъ простую бабу, а тутъ: одно слово, говаривала она набожно крестясь:—изъ храмовъ-храмъ! Сходишь къ заутрени, сходишь къ обѣдни, къ вечерни сходишь, анъ, глядишь и день прошелъ. И все это подъ рукою, и все это мило да чинно́. Благодать божья и только! Ну, ка́къ разстаться съ этакимъ сокровищемъ?

Дарья Яковлевна была сухая, высокая, прямая старушка, съ большими, быстрыми сѣрыми глазами, съ длиннымъ, острымъ носомъ и съ какой-то всегда кислой физіономіей. Капотъ носила она темный левантиновый, чепецъ съ брыжами и съ коричневымъ бантомъ на маковкѣ. Комнаты, въ которыхъ жила она, никакъ не походили на жилище живыхъ людей, а скорѣе на какой-то дворецъ давно-отжившихъ, который показываютъ какъ рѣдкость любопытнымъ зрителямъ. По стѣнамъ, какъ солдаты, шпалерой стояли въ чинномъ порядкѣ кресла, въ серединѣ диванъ, передъ нимъ столъ, надъ диваномъ зеркало въ овальной золотой рамѣ, въ видѣ лавроваго вѣнка. Между окнами, штучные ломберные столы; надъ ними длинныя зеркала въ такихъ же рамахъ. Кой-гдѣ, только прерывая однообразную нить креселъ, скромно стояла у стѣнки зеркальная этажерка или пуза́тое штучное бюро съ саксонскими пастушка́ми и пасту́шками наверху. Но бюро это никогда не открывалось. Чернильницу же, въ случаѣ надобности, можно было найти, полную мухами, на кухнѣ у Фоки: онъ одинъ въ этомъ домѣ занимался литературой.

Во всѣхъ комнатахъ царствовалъ мракъ, духота и какой-то смѣшанный запахъ цвѣтовъ и кошекъ. Одна спальня Дарьи Яковлевны была какъ-то живѣе и напоминала присутствіе человѣка въ этомъ домѣ. Въ ней безъ всякой симетріи были напиханы камодики, шкапики, красные кованые сундуки; а на всемъ этомъ узелки, коробочки, баночки.

Весь правый уголъ занималъ большой кивотъ съ старинными образа̀ми въ золоченыхъ ризахъ.

Въ лѣвомъ углу, у окна, стояло покойное кресло, въ которомъ всегда сиживала старуха Рытова. Весь задній планъ занимала кровать подъ штофнымъ завѣсомъ, съ пышно-взбитыми перинами и подушками, которыя пирамидою тянулись къ потолку. Кромѣ этихъ форменныхъ подушекъ, пониже ихъ, лежала еще маленькая горка подушечекъ, любимицъ Дарьи Яковлевны. Одна изъ нихъ называлась «милкой» и подкладывалась подъ шею; другая «дружокъ» и имѣла назначеніе подпихиваться подъ бочокъ; третья звалась

«душкой» и клалась подъ ушко. Безъ нихъ старушка не засыпáла, а крѣпостныя дѣвки ея твердо знали, куда какую подсунуть.

Проснется, бывало, Рытова, помолится, къ заутрени сходитъ, домой вернется, подъ окошечкомъ сядетъ; Савишна ей чайку подастъ. Она сидитъ, кушаетъ, а Савишна ей кой-что по хозяйству докладываетъ. Потомъ пойдетъ она по комнатамъ ходить, во всѣ уголки заглядывать. Навернетъ свой бѣлый платокъ на палецъ— идетъ, идетъ, да и мазнетъ имъ по стулу или по окошку. Остановится, поморщится, дѣвку крикнетъ, да и мазнетъ ее тѣмъ же платкомъ по носу, а пыль-то на носу и останется; генеральша возьметъ ее за ухо да къ зеркалу и подведетъ: «Чтó? хорошо?» скажетъ. И пошла дѣвка съ полотенцемъ сновать во всѣ углы. А генеральша, между-тѣмъ, и въ дѣвичью пройдетъ, гдѣ дѣвки ей на продажу разные палантины да воротнички шьютъ. Вотъ и пойдетъ она въ обходъ, между пяльцами; къ каждой наклонится, прищурится, поморщится. Иную подъ затылокъ толкнетъ, а у другой изъ-подъ руки подставочку выдернетъ да и между плечъ хватитъ. Вѣрно, кто чего удостоится.

Изъ дѣвичей зайдетъ въ кухню; тамъ велитъ къ себѣ всѣ кострюли полудой повернуть, потретъ ихъ платкомъ, понюхаетъ; посмотритъ кошачью говядину, и ту понюхаетъ; велитъ Фокѣ при себѣ руки мыломъ вымыть. Судомойку щелкнетъ раза два да и пойдетъ глядѣть, кáкъ лошадямъ овса задаютъ. Потомъ сама въ руки скребницу возьметъ, чеснетъ ею буланаго или воронаго, да и сунетъ скребницу Осипу въ бороду, а онъ стоитъ, только почесывается.

На возвратномъ пути остановится Дарья Яковлевна въ передней: тамъ всѣ столы, лари поотворяетъ, огарки повыкидаетъ, замасленныя карты въ мальчишекъ броситъ; щеткою, чтó по окнѣ съ ваксой валяется, имъ рожи повыпачкаетъ. А на стараго Фильку прикрикнетъ только:

— Что ты, старый чортъ, барыню до чего доводишь? Чтò дьяволятъ-то пораспустилъ? Нѣтъ, чтобъ ихъ еще до меня за вихоръ оттрясти! Я терплю, терплю, да васъ всѣхъ поголовно и передеру!

Скажетъ такъ, пойдетъ въ спальню, шляпку, салопъ надѣнетъ и къ обѣдни уйдетъ. Оттуда вернется—кофе кушаетъ, а потомъ сядетъ въ кресло и начнетъ на рогулькѣ снурокъ вязать: все на ризу работала. Позоветъ, отъ скуки, Савишну—и толкуютъ онѣ

о томъ, о сёмъ; а больше все о томъ разсуждали, что нынѣшній народъ ни къ чорту не годится.

— А что̀, Савишна, скажетъ Дарья Яковлевна:—ныньче такихъ людей, какъ въ наше время были, и днемъ съ огнемъ не найдешь!

— Гдѣ найти-съ, матушка барыня-съ! отвѣтитъ Савишна и соберетъ въ темную точку огромный беззубый ротъ.

— Все мелочь какая-то; ни кожи, ни рожи. А въ наше-то время? Дама ли войдетъ—городъ, да и только! все на ней пышно, шумитъ; на робронтѣ матерія коломъ стоитъ; кружева, перья, бусы, банты, цвѣты—всего въ волю! А ныньче-то на барыняхъ все это подхлопнуто, да прищелкнуто, точно краденое—прости меня, Господи!—При этомъ старушка крестилась.—Ну, да ужь это куда бы ни шло: нарядомъ кичиться нéчего, онъ Адаму и Евѣ былъ данъ, чтобъ грѣхъ прикрыть; а то, дерзость-то какая во всѣхъ стала непомѣрная! Вотъ хоть бы этотъ Наполеонишка, что̀-таки задумалъ—весь свѣтъ покорить! Значитъ, глупъ?

— Глупъ-съ, матушка барыня-съ.

— А какъ ты думаешь, Савишна, ничего ему не сдѣлать?

— Гдѣ ему сдѣлать-съ, матушка барыня-съ!

— Фанаберія въ немъ, больше ничего!

Этого Савишна не повторила, а только сдѣлала жалкую мину.

— И на героя-то онъ не похожъ. Видѣла я его портретъ: шамуратикъ какой-то. То-ли-дѣло нашъ Потемкинъ; вотъ ужь герой былъ, такъ герой!

— Ирой, матушка барыня-съ.

— Да что это ты заладила: «матушка барыня-съ, матушка барыня-съ»? Тьфу ты пропасть! А я еще съ ней какъ съ человѣкомъ говорю! Ну, что̀ втянула въ себя свою пропасть? Только-то ты и умѣешь! Убирайся съ глазъ моихъ, покуда я тебѣ оплеухъ не надавала.

И не сдобровать бы Савишнѣ, да Филька вошелъ, съ салфеткой на рукѣ, и доложилъ, что кушать подано.

У Дарьи Яковлевны такой нравъ былъ: говоритъ она все тихо, смирно и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вскинется на человѣка.

Вотъ пойдетъ она къ столу, а моська и котъ за ней бѣгутъ. Котъ-то фыркаетъ, а моська огрызается; а генеральша идетъ, улыбается и имъ пальцами щелкаетъ. Она за столъ—и они у стола на полу сядутъ; дѣвка имъ салфеточки подвяжетъ, чтобъ

шерстка не пачкалась; поставитъ имъ по тарелочкѣ и разрѣзываетъ, что́ барыня имъ положитъ. Дарья Яковлена до того любила свою моську и кота, что у нихъ свои постельки съ одѣяльцами были, и дѣвка около нихъ, для присмотру, на полу спала. А разобьетъ, бывало, что-нибудь котъ, такъ дѣвка или на себя прими, или такъ доложи: что-де котикъ изволили разбить. *Ты*, бывало, коту не скажи—Боже сохрани! та́къ генеральша вся и позеленѣетъ.

Отъ стола Дарья Яковлевна прикурнуть ляжетъ часочка на два; тамъ, сходитъ къ вечерни, вернется домой, чайку напьется и сядетъ съ Савишной въ фофаны играть. Савишна лукава была: фофана подглядитъ, да его на рукахъ и придерживаетъ, чтобъ генеральша не проиграла. А проиграетъ, бывало, надуется, съ глазъ прогонитъ. Наскучитъ въ фофаны—начнутъ онѣ въ свои козыри. Тутъ Савишна, какъ-будто невзначай, своихъ козырей и сбудетъ съ рукъ; схватитъ себя за голову, да и закричитъ: «охъ, я старая дура! и забыла, что кресты-то мои козыри!»

Дуются онѣ такъ часовъ до десяти. Дарья Яковлевна обыграетъ Савишну въ-пухъ. «Ну» скажетъ «убирайся старая дура, ты только меня въ грѣхъ вводишь!» И станетъ передъ кивотомъ молиться, поклоны класть, а потомъ сей же часъ и на боковую. Дѣвки ей подушечки подсунутъ, Савишна одѣяло за спину утыкаетъ, а дѣвка Машка въ ноги на кровать влѣзетъ, подошвы гладитъ. И какъ захрапитъ она съ присвистомъ, а верхняя губа начнетъ къ носу летать—точно въ нее вѣтеръ поддуваетъ—она и слѣзетъ: значитъ, спитъ; свернется у кровати на полу въ комочекъ и сама заснетъ. Вотъ и день прошелъ.

Такъ жила Дарья Яковлевна съ-тѣхъ-поръ, какъ дочь ея вышла замужъ: тихо, безмятежно, всякій день одинаково, и жила бы такъ и многіе годы, еслибъ не водворилась къ ней въ домъ внучка ея, Лиза.

III.

Торжественно вступала по лѣстницѣ старуха Рытова, неся подъ салопомъ съ бою взятую внучку. Филька и мамка малютки поддерживали ее подъ оба локтя. Савишна, дѣвки, мальчишки вышли ей на встрѣчу со свѣчами. Войдя въ спальню и положивъ драгоцѣнную свою ношу на кровать, Дарья Яковлевна на-

цыпочкахъ вышла въ гостиную и приказала позвать къ себѣ всю свою дворню.

— Слушайте! сказала старуха Рытова, когда всѣ собрались:— вопервыхъ, вы знаете, что Богъ отнялъ у меня дочь мою, княгиню, (при этомъ Дарья Яковлевна прослезилась)—извольте же у меня всѣ, поочередно, сходить поклониться княгинину тѣлу, какъ быть водится. Вы должны чувствовать господское горе паче своего. Вовторыхъ, я привезла сюда княжну Елизавету Леонидовну, мою милую внучку и наслѣдницу, а вашу законную барышню. Чуръ, у меня, служить ей вѣрой и правдой, уважать княжну больше меня самой и беречь какъ зеницу ока своего. А кто изъ васъ осмѣлится въ чемъ бы то ни было забыть мои теперешнія слова— запорю до смерти! Не родится бы тому лучше на свѣтъ!

Послѣ этой рѣчи, Дарья Яковлевна допустила всѣхъ людей къ своей рукѣ и ушла въ свою комнату.

Чрезъ три дня, отдавъ послѣдній долгъ княгинѣ Годиной, старуха Рытова занялась исключительно княжной. Весь домъ пошелъ вверхъ дномъ.

Въ гостиной, возлѣ спальни Дарьи Яковлевны, гдѣ прежде никто не смѣлъ сдвинуть стула съ мѣста, явились ширмы, за ними нарядная люлька и кровати мамки и Савишны, которая переименовалась въ нянюшки. Намѣсто парадной печи со статуей, жарко пылала вновь-выложенная лежанка. Кресла, диванъ, столы, какъ испуганное стадо барановъ, были загнаны во вторую гостиную, гдѣ и стояли въ тѣсной кучѣ. Порядку не было и слѣда. Вся жизнь старухи Рытовой измѣнилась: то не попадетъ она къ заутрени, то опоздаетъ къ вечерни; то моську, то кота своею рукою прибьетъ. Въ фофаны ей играть нѐкогда. Не узнаётъ никто въ домѣ свою барыню, развѣ когда, въ суетнѣ, оплеуху кому дастъ—такъ какъ-будто бы все то же.

Больше всѣхъ, должно быть, дивились этой перемѣнѣ въ домѣ моська и котъ. Нѣтъ имъ ни салфеточекъ, ни сладкихъ кусочковъ, ни уваженія; ни залаять, ни замяукать нельзя. Бродятъ они, бѣдные, по кухнѣ, всѣ выпачканые, изъ милости у повара поѣсть выпрашиваютъ; а толчковъ, толчковъ-то сколько отвѣдаютъ они въ день—просто, страсть! Побѣгутъ, бѣдняги, жаловаться Дарьѣ Яковлевнѣ: котъ хвостикъ подыметъ, трется около нея спинкой, заведетъ въ горлѣ свою пѣсенку, а моська сядетъ на заднія лапки, служитъ, на руки просится. А того, бѣдные, не понимаютъ, что у барыни изъ милости вышли; и того они не

понимаютъ, что кто у барина изъ милости вышелъ, того холопы бьютъ. На томъ и свѣтъ стоитъ!

Не до кота, не до моськи Дарьѣ Яковлевнѣ: вся она въ своей внучкѣ. То пискнула, то закричала—она ужь тутъ. Животикъ заболѣлъ — она мажетъ, третъ; родные ли кто на нее посмотрятъ, похвалятъ—она съ уголька да съ трехъ замкóвъ умываетъ, облизываетъ, сплёвываетъ, чтобъ не сглазили. Ночь придетъ, не поспится малюткѣ, заблажитъ—скокъ Дарья Яковлевна съ постели; дѣвокъ всѣхъ перебудитъ, свѣчи зажжетъ, сама поетъ, пляшетъ передъ Лизочкой, а дѣвки, кто на гребеночкѣ играетъ, кто въ тазъ ложечкой бьетъ, шумятъ, гремятъ на весь домъ, пока барыня не успокоится.

Стала дѣвочка подрастать; два года ужь было; рѣшилась бабушка и отъ мамки отнять. Стала ее съ собой спать класть. И привыкла Лизочка къ бабушкѣ, на шагъ ее отъ себя не отпускаетъ, днемъ за капотъ такъ и держитъ, а ночью, чтобъ бабушка не ушла, схватитъ ее ручонкой за ночной чепецъ, да такъ и спитъ. Понадобится старушкѣ встать зачѣмъ-нибудь, она завязки у чепца развяжетъ да и вылѣзаетъ потихоньку, чтобъ Лизочка не проснулась.

Было худо жить людямъ у Дарьи Яковлевны, а теперь такъ стало, что хоть поди въ сарай да повѣсься.

Не такъ встала, не такъ подала, платьемъ махнула—все бѣда. Кашлянетъ княжна — дѣвки простудили; заплачетъ — дѣвки раздразнили; жаръ сдѣлается—дѣвки уронили. Бьетъ, колотитъ ихъ Дарья Яковлевна; и ужь била бы сама, а то и княжну пріучать начала. Не угодятъ ей чѣмъ-нибудь—заплачетъ она, а бабушка ужь тутъ: поставитъ княжну на стулъ, сниметъ у нея съ ножки башмачокъ, дастъ ей его въ руки, подведетъ къ ней дѣвку да и учитъ ее по щекамъ бить. А сама приговариваетъ:

— Бей, матушка, дѣвку, бей ее, каналью! Вотъ такъ! вотъ такъ!

И бьетъ малютка, потѣшается. А какъ увидитъ, что у дѣвки слезы льютъ, броситъ башмачокъ и сама заплачетъ... Сердце у нея было доброе, да бабушка ее портила. И тутъ бѣда, какъ заплачетъ княжна: Дарья Яковлевна изъ себя выйдетъ, вытащитъ дѣвку въ дѣвичью и начнетъ ее колотить за то, что смѣла плакать при барышнѣ:

— Чтò, убила тебя княжна? убила? И потѣшиться ребёнку нельзя? Я васъ выучу!

Не стало людямъ силы терпѣть, начали къ князю Леониду

Петровичу забѣгать, жаловаться. Сильно огорчило это князя; онъ ничего объ этомъ не зналъ: при немъ Дарья Яковлевна, зная его доброту, всегда остерегалась.

Съ-этихъ-поръ онъ началъ подробнѣе входить въ воспитаніе Лизы. Начались безпрестанныя стычки, непріятности, и князь рѣшился вырвать, во что̀ бы ни стало, дочь свою изъ рукъ бабушки.

Лизѣ минуло уже семь лѣтъ. Князь, придравшись къ тому, что ее пора начать учить серьёзно, несмотря на сопротивленіе и слезы старухи Рытовой, отвезъ ее въ смольный монастырь.

IV.

Въ смольномъ началась новая жизнь и новая порча бѣдной сироты. Съ первыхъ же дней ея водворенія тамъ, судя по корзинамъ, которыя везлись и неслись ей отъ бабушки Рытовой, княжну Лизу Годину прокричали богачихой. Около нея составился дворъ маленькихъ дѣвочекъ, которыя, въ ожиданіи, что имъ перепадетъ что-нибудь изъ этихъ корзинокъ, угождали ей, приготовляли ей бѣлье, платье, шнуровали, одѣвали, завивали ей волосы въ мильйоны мелкихъ буколь, что̀ споконъ вѣку во всѣхъ казенныхъ женскихъ заведеніяхъ означаетъ любовь подругъ. Лиза не видѣла въ этомъ ничего необыкновеннаго: бабушка ей столько разъ твердила: «ты, княжна, матушка, а не простая какая-нибудь дѣвочка!» И она всѣ эти угожденія принимала за должное и пользовалась ими вполнѣ. Ученіе шло такимъ же образомъ: за нее писали, рисовали подруги, а она платила имъ за это сластями. За то, ка́къ скоро привились къ ней всѣ привычки заведенія! Никогда не ѣла она за обѣдомъ: карманы ея всегда были напиханы лакомствами; она, на пари́, съѣдала банку варенья, покуда сбѣжитъ съ лѣстницы, обожала русскаго учителя, завертывала ему мѣлъ въ конфектную бумажку, краснѣла при его приходѣ и кричала ему вслѣдъ: «душка! милка! очаровательный!»

По воскресеньямъ, когда князь пріѣзжалъ въ полной формѣ и въ орденахъ, она гордо поднимала свой маленькій носикъ; напротивъ, ка́къ огорчала ее бабушка, когда являлась въ своемъ неизмѣнномъ левантиновомъ капотѣ, съ коричневымъ бантомъ на маковкѣ! Она любила бабушку и всей душой была ей рада, но ей было стыдно... Словомъ, она сдѣлалась истая монастырка.

Разно и сбивчиво тоже дѣйствовали на нее посѣщенія отца и бабушки.

Прямодушный князь, желая добра дочери, часто проводилъ всѣ полтора часа свиданія въ залѣ, журя ее за лѣность, за неопрятность, за нерадѣніе. Лиза цаловала его, плакала, обѣщалась исправиться, и оканчивалось тѣмъ, что вынимала изъ кармана бумажку, на которой было написано:

На первой строчкѣ: «Купить непремѣнно».

А ниже слѣдовало столбцомъ:

«Ветчины,
Тетрадку для calligraphie,
Платочекъ голубой,
Постилы красной,
Яблокъ кислыхъ,
Подвязки,
Рябчикъ,
Соленыхъ огурцовъ,
Восковаго амурчика,
И еще чего-нибудь изъ кусочковъ.»

Князь развертывалъ записку, читалъ ее и, горько улыбаясь, говорилъ Лизѣ:

— Вотъ видишь ли, другъ мой, у тебя все вздоръ въ головѣ. Ну, къ-чему всѣ эти глупости? Ты бѣдная дѣвушка, не должна пріучать себя исполнять всѣ свои капризы. Думáй теперь только о томъ, чтобъ учиться хорошо: почемъ знать? можетъ-быть, тебѣ придется самой хлѣбъ добывать. Да скажи мнѣ, пожалуйста, не-уже-ли ты голодна?

— Дá, папочка, у насъ столъ очень-дуренъ. Я сегодня не обѣдала.

— А что у васъ сегодня было?

— Да какой-то супъ; въ немъ все какія-то тряпки плавали.

— Потомъ?

— Потомъ соусъ, говядина съ черносливомъ и съ изюмомъ— такая гадость! дѣвицы никто не ѣли.

— Потомъ?

— Пирожное—письма съ яблоками; я ихъ очень люблю, да масло было горькое — такія поганыя; я ѣсть не могла.

— Ну, полно, ты все преувеличиваешь. Ты знаешь, чтó дѣлай, когда сядешь за столъ: скажи себѣ, всякій разъ послѣ мо-

литвы: «сколько есть на свѣтѣ дѣтей, у которыхъ и этого нѣтъ!» Посмотри, ка́къ тебѣ вкусенъ покажется твой обѣдъ.

Лиза кинется къ отцу на шею, прижмется къ нему крѣпко и шепнетъ ему на́ ухо:

— Правда, папочка!

Но не всегда оканчивались такъ благотворно для Лизы дни свиданія съ родными. Посрединѣ недѣли пріѣзжала одна Дарья Яковлевна.

Тутъ все принимало совсѣмъ другой оборотъ.

— На́, вотъ тебѣ, матушка, на́!

Начинала съ того старуха Рытова свое посѣщеніе, вытаскивая изъ кармановъ и ридикюля разныя сласти.

— Напрасно, бабушка, вы такъ тратитесь. Мнѣ папочка сказалъ, что я бѣдная дѣвочка, что мнѣ не надо баловать себя.

— Вретъ онъ, матушка, не слушай его. Это онъ тебя только пугаетъ; да и скупенёкъ онъ таки-немного: ему жаль на тебя красненькую истратить. Вретъ онъ! какая ты бѣдная? пусть-жа онъ это при мнѣ скажетъ... Вретъ онъ. Ты меня спроси, я тебѣ всю правду скажу. У тебя въ ломбардѣ пятьдесятъ тысячъ лежитъ: я при рожденьи твоемъ положила. А какъ я умру—все твое будетъ.

— Не умирайте, бабушка; мнѣ ничего не надо...

— Какъ ненадо? А замужъ пойдешь? Что и въ сундукахъ-то у меня, онъ скажетъ, ничего нѣтъ? Вретъ онъ! Однихъ батистовыхъ шитыхъ сорочекъ четыре дюжины лежитъ. Вретъ онъ! И жемчугъ, и фермуаръ, и серьги брильянтовыя, и шали турецкія—все тебѣ! Машку, Алёнку, Катьку тебѣ въ приданое отдамъ; поварёнка для тебя учиться отдала къ французу. Форейторъ Васька то же твой, Петька и Алёшка лакеи твои будутъ. Вретъ онъ; не вѣрь ему; ты у меня богатая невѣста!

— А папочка говоритъ, что мнѣ, можетъ-быть, придется своими руками хлѣбъ добывать.

— Не въ мамзели ли идти прикажетъ? Онъ думаетъ, что какъ у него въ карманахъ пусто, такъ и у тебя такъ же будетъ? Отдалъ бы тебя къ своей возлюбленной невѣстушкѣ, такъ она бы тебя, чего добраго, и впрямь мамзелью сдѣлала! Да я-то на что́? Не бойсь, тогда не дала тебя, и теперь не покину. Ты у меня красавица, умница: жениховъ-то не оберешься. Я тебя замужъ за красавца, за военнаго, за богатаго отдамъ; будутъ у тебя лошади, карета...

— И карета будетъ, бабушка? Ахъ, какъ это мило! А шляпка какая будетъ, бабушка?

— Разумѣется, самая модная, съ перомъ.

— Ахъ, бабушка! скоро ли я выйду? Я считала: мнѣ остается отъ сегодняшняго дня 1095 дней и восемь часовъ. Бабушка, какъ долго! Я не доживу!

— Что́ ты, Господь съ тобой, какъ не дожить? Вотъ, еслибъ не отецъ, я бы тебя раньше срока взяла. Чему тебѣ учиться еще три года? всего не переучишь; а были бы деньги—любой генералъ замужъ возьметъ... Да вотъ, съ княземъ не сладишь; такой характерный...

— Нѣтъ, бабушка, я въ бѣлыя хочу: насъ въ придворныхъ каретахъ подъ качели будутъ возить. Вотъ ужь скоро экзамены начнутся. Я такъ боюсь за ариѳметику; нашъ господинъ Фишеръ такой поганый! да и нѣмецъ тоже...

— Ну, чего ихъ бояться? Кого тамъ надо, ты скажи, я подарю—перейдешь съ Богомъ.

И точно, Лиза перешла.

Въ бѣлыхъ все пошло своимъ порядкомъ. Начались вздохи, обозрѣніе братцевъ-гусаровъ, преображенцевъ, улановъ. Началось изученіе петлицъ, эполетъ, отворотовъ. Лиза знала всѣ полки по мундирамъ; аксельбанты сводили ее съ ума. Началось чтеніе романовъ: Лафонтенъ, Радклифъ, Дюкре дю-Мениль были поглощены. Ка́къ ловко умѣла Лиза подкладывать «Галатею» подъ курсъ географіи и передергивать ту или другую книгу, смотря по надобности! Подъ вліяніемъ бабушки, романовъ и подругъ, голова бѣдной дѣвушки шла кругомъ. Ни одно изъ этихъ вліяній, однакожь, не положило своей печати на характеръ Лизы, а между-тѣмъ, всѣ они, спутанныя вмѣстѣ, мѣшали ей принять какую-нибудь самобытную складку. Вѣтренная, добрая, живая, капризная и безалаберная, Лиза ничего еще сильно не желала, никого, кромѣ отца, слишкомъ-горячо не любила, ни о чемъ долго не думала, ни на чемъ не останавливалась. Какой-то непонятный, несложенный ни въ какую форму хаосъ блуждалъ въ головѣ ея. Разумѣется, что въ этомъ хаосѣ сильно были примѣшаны шляпки съ перьями, братцы-уланы и гусары, карета, жемчуги, любовь въ хижинѣ, кучеръ ея Васька и выходъ изъ монастыря. Жалкую будущность готовила вся эта кутерьма бѣдной дѣвочкѣ, но бабушка не находила въ ней ничего дурнаго и еще болѣе сбивала Лизу съ толку въ каждый свой пріѣздъ.

Семейство Годиныхъ видѣло, замѣчало все это и порывалось давать Лизѣ добрые совѣты; но они влетали въ одно ухо и вылетали въ другое. Къ-несчастью, она, по настроенію бабушки, считала ихъ за враговъ своихъ. Только отецъ умѣлъ въ одинъ пріѣздъ свой разрушать всѣ ея воздушные зáмки и переносить ее въ міръ дѣйствительный. Но и этого послѣдняго вліянія суждено было ей лишиться: князь Годинъ умеръ на послѣднемъ году ея пребыванія въ смольномъ. Сильно почувствовала Лиза свою потерю. Какой-то внутренній голосъ говорилъ ей, что безъ отца она пропадетъ въ этомъ мірѣ.

Видя горе внучки, Дарья Яковлевна приревновала ее даже къ слезамъ по отцѣ. Заставить Лизу забыть князя—сдѣлалось новой задачей старухи Рытовой. Взять ее изъ монастыря прежде экзамена, нарядить, завертѣть въ свѣтскихъ удовольствіяхъ—вотъ чтó могло помочь ей.

Сказано — сдѣлано.

Торжественно выводила генеральша Рытова свою внучку, одѣтую въ богатое шелковое траурное платье, изъ швейцарской смольнаго монастыря. Улыбаясь сквозь слезы, вышла Лиза за бабушкой. Выйдя на крыльцо, она вдругъ развеселилась совершенно и, оглядываясь во всѣ стороны, спросила стараго Фильку:

— Душечка Филиппъ, хорошо въ городѣ?

— Очень-хорошо, матушка барышня, отвѣтилъ онъ, подсаживая княжну въ карету.

Карета покатилась.

Второе водвореніе Лизы въ домъ старухи Рытовой сдѣлало въ немъ совершенно-другой переворотъ. Лиза съ перваго же дня забрала совершенно бабушку въ руки и начала лѣпить изъ нея, какъ изъ воску. Отвыкшая совершенно въ эти девять лѣтъ своего пребыванія въ казенномъ заведеніи отъ тиранскаго обращенія старухи Рытовой съ людьми, она стала за нихъ горой. И только Дарья Яковлевна собиралась, по старой привычкѣ, при Лизѣ муштровать кого-нибудь, она загораживала собой виноватаго и, топая на бабушку ногой, кричала:

— Бабушка, вы опять? Не смѣйте! Я убѣгу отъ васъ сейчасъ къ дяденькѣ, Юлію Петровичу: онъ не дерется.

Этого было довольно: старуха Рытова становилась смирнѣе овцы. Люди блаженствовали и благословляли свою барышню.

Ласково, истинно-породственному приняло семейство князей Годиныхъ пріѣхавшую къ нимъ Лизу съ бабушкой. При про-

щаньи княгиня Софья Ѳедоровна просила у старухи Рытовой позволенія присылать почаще за княжной. И хотя Лиза все еще дичилась тётки, но ей показалось такъ весело у нихъ въ домѣ, что она тотчасъ же обѣщала пріѣзжать всякій разъ, когда за ней пришлютъ. Старуха Рытова нехотя изъявила тоже свое согласіе.

V.

И точно, трудно было найдти въ Петербургѣ домъ пріятнѣе, веселѣе и радушнѣе дома князя Юлія Петровича Година. Онъ былъ сборнымъ пунктомъ родныхъ и добрыхъ знакомыхъ, которые по сердцу и уму приходились по-душѣ князю. И не по платью встрѣчалъ Юлій Петровичъ гостей своихъ. Вечера князя сильно походили на ассамблеи Петра-Великаго. Чего и кого тамъ не было? Табачный дымъ, шумъ и говоръ, хохотъ, пѣніе, литераторы, прелестныя молодыя женщины, артисты, художники, дядюшки-москвичи съ грудой печатей на длинныхъ цѣпочкахъ, тётушки-московки въ чепцахъ, которыя едва пролѣзали въ дверь, длинныя, сухія фигуры какихъ-то нѣмцевъ, группы рѣзвящихся дѣтей, и военная и статская молодёжь вѣчно-готовая составить неожиданный балъ, катанье, сюрпризъ. Не было тамъ одного только — сковывающаго жизнь человѣческую этикета.

Но не такъ легко отворялись двери въ этотъ пріютъ веселья, радушія и простоты. Какъ часто, наслышавшись о театрахъ, маскарадахъ и вечерахъ князя, богатые его родные напрашивались къ нему Христомъ-Богомъ. Онъ всегда уклонялся отъ этого, не желая стѣснить задушевный кругъ свой присутствіемъ людей большаго свѣта; къ-тому же, Юлій Петровичъ былъ убѣжденъ, что людямъ большаго свѣта скученъ и страненъ покажется его безцеремонный и простой домъ. Но невсегда удавалось ему отлавировать отъ нашествія иноплеменныхъ. Къ нему врывались непрошеные и нежданые, и на этотъ разъ предложенія князя, что у него будутъ скучать—не сбывались.

Стѣсненные вѣчно въ большомъ кругу, богатые и знатные родные князя проводили вечеръ въ его домѣ въ какомъ-то чаду удивленія и удовольствія, и, какъ дѣти, наслаждались незнакомою имъ свободою въ задушевномъ кругу его.

Князь Юлій Петровичъ богатъ не былъ; все состояніе его

ограничивалось небольшимъ имѣніемъ, которое давало ему возможность сводить концы съ концами.

Князь не служилъ; онъ былъ артистъ въ душѣ, любитель всего изящнаго и страстный механикъ. Возиться цѣлый день въ своемъ кабинетѣ, выдумывать и устроивать разныя машины и замысловатые фокусы—было для него наслажденіемъ.

Чего не выдумывалъ онъ съ своими маленькими средствами, чтобъ доставить удовольствіе и повеселить родныхъ и знакомыхъ! Какъ часто простыя комнаты его дома превращались въ рыцарскія залы, и самъ хозяинъ, одѣтый шателяномъ, принималъ гостей своихъ.

Многіе старички, старожилы Петербурга, поминаютъ до-сихъ-поръ, какъ князь Юлій Петровичъ Годинъ, въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодости, съ красавицей-женой, явился въ маскарадъ, гдѣ всѣ были усыпаны брильянтами, фарфоровымъ пастушкомъ и пастушкой. Платья, цвѣты, шляпки, украшенія—все было сдѣлано изъ разноцвѣтной глянцовитой бумаги. Сходство съ фарфоромъ было до того неподражаемо, что тогдашніе ловеласы, подходя ангажировать прелестную княгиню, всякій разъ говорили:

— Какъ бы не сломать васъ, очаровательная куколка?

Кто изъ людей того времени не запомнитъ также кабинетъ князя, съ куполомъ наверху, гдѣ онъ, въ своемъ бархатномъ казакинѣ, подпоясанный ремнемъ, удивлялъ гостей своихъ чудесами магіи! Да мало ли, мало ли чего не дѣлалъ князь Юлій Петровичъ!

Эти чудеса, которыя въ другомъ домѣ стоили бы огромныхъ денегъ, дѣлались у него безъ большихъ тратъ: содѣйствіемъ приверженныхъ къ нему друзей и собственными его руками.

Обыкновенная жизнь князя текла мирно и тихо среди семейства и родныхъ со стороны его и жены, которые всѣ безвыходно жили въ его домѣ.

Собственно семейство князя состояло изъ жены его, двухъ еще невзрослыхъ дочерей, сестры его, Глафиры Петровны, и двухъ свояченицъ, Вѣры и Прасковьи Ѳедоровны Рудиныхъ, сестеръ жены его. Днемъ домъ князя Година, кромѣ часовъ обѣда, чая и ужина, когда все семейство собиралось за одинъ столъ, могъ бы показаться пустымъ: все сидѣло по своимъ угламъ. Князь работалъ въ своемъ кабинетѣ, княгиня шила на дѣтей, въ спальнѣ. Княжна Глафира Петровна и дѣвицы Рудины сидѣли наверху въ своей комнатѣ, каждая у своего окошка, и за-

нимались работой. Дѣти съ гувернанткой своей, доброй m-lle Диммеръ, учились въ дѣтской.

Вечеромъ все семейство собиралось въ столовой за большой круглый столъ.

Князь придвигалъ къ себѣ двѣ сальныя свѣчи и принимался за работу. Подлѣ Юлія Петровича всегда работали два нѣмца: одинъ, Торстенсенъ, рѣзщикъ, а другой — часовщикъ Кнусенъ.

Другія двѣ свѣчи свѣтили дамамъ, изъ которыхъ одна читала вслухъ, а прочія работали. Дѣти, пріютившись тутъ же, рисовали. Братъ княгини Софьи Ѳедоровны, Алексѣй Ѳедоровичъ Рудинъ, и товарищи его, офицеры, подсаживались къ дамамъ во второй рядъ и, куря трубку за трубкой, безпрестанно прерывали чтеніе: имъ было не до литературы. Часто они брали свое—вся компанія вскакивала, столъ летѣлъ въ уголъ, начиналась возня: кошки и мышки, веревочка, и наконецъ танцы. Вѣра Ѳедоровна садилась за фортепьяно и начинала потѣшаться.

Торстенсенъ, какъ бы ни играла музыка, все вальсировалъ тихо, плавно, какъ-то присѣдая при поворотѣ; а Кнусенъ, напротивъ, вертѣлся, какъ угорѣлый. Для Вѣры Ѳедоровны это былъ истинный праздникъ; какъ-только она видѣла, что Торстенсенъ беретъ даму, она тотчасъ мѣняла тактъ и играла какъ-можно-скорѣе; но онъ не обращалъ на это никакого вниманія и выдѣлывалъ съ любовью свои колѣнцы. Напротивъ, когда Кнусенъ пускался изъ угла, какъ помѣшаный, и длинные его рыжіе волосы вертѣлись около головы, руки Вѣры Ѳедоровны переставали бѣгать по клавишамъ, и она начинала тихій и плавный «Ach du lieber Augustin!...»

Торстенсенъ находился подъ особеннымъ покровительствомъ князя. Исторія его была ужасна. Онъ былъ незаконный сынъ дочери одного датскаго профессора. Отецъ простилъ вину дочери, но вся ярость обратилась на несчастнаго ребенка: не проходило дня, чтобъ старикъ не хваталъ несчастнаго за ноги и не грозился разбить ему голову объ печку. Разъ, когда мальчикъ былъ уже довольно-великъ, профессоръ исполнилъ свою угрозу; но, несмотря на страшный ударъ, мальчикъ уцѣлѣлъ; а на другой же день мать съ нимъ бѣжала изъ дома отца, пріѣхала въ Петербургъ и отдала его къ часовщику. Тамъ, уже нѣсколько лѣтъ спустя, увидѣлъ его князь, узналъ его исторію, сжалился надъ нимъ, пріютилъ его у себя въ домѣ—и онъ сдѣлался всеобщимъ фаворитомъ.

Но не всегда такъ семейно оканчивались зимніе вечера князя.

Разъ, какъ-то, войдя послѣ обѣда въ комнату сестеръ своихъ, княгиня Софья Ѳедоровна услышала сильный запахъ кушанья.

— Что́ это, дѣвки (такъ, шутя, называла она сестеръ своихъ), какъ у васъ ветчиной и рябчиками пахнетъ?

— Вѣрно, изъ кухни нанесло, отвѣтила, немного покраснѣвъ, княжна Глафира Петровна, невольно поглядывая подъ кровати.

Но ни то, что кухня была чуть не за версту, на дворѣ, ни внезапный румянецъ княжны не остановили вниманія княгини: она повѣрила на-слово. Вечеромъ всѣ сидѣли, какъ обыкновенно, за круглымъ столомъ; дамы были въ ситцевыхъ платьяхъ, кавалеры въ сюртукахъ, а князь въ черномъ бархатномъ казакинѣ, подпоясанный ремнемъ. Вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ; входятъ пренарядныя дамы. Княгиня раздвигаетъ рядъ стульевъ и усаживаетъ ихъ около себя; опять звонятъ—входятъ нѣсколько мужчинъ; опять звонъ — опять гости. Кружокъ раздвигается все шире-и-шире.

Князь встаетъ, забираетъ свою работу, несетъ ее въ кабинетъ и, мимоходомъ, тихонько вызываетъ жену.

— Соня, что́ это съ ними сдѣлалось, сколько ихъ понаѣхало? Есть ли чѣмъ накормить?

— Ужь я, мой другъ, сама не знаю, что̀ дѣлать. Гдѣ теперь провизіи взять? ужь поздно.

— Нельзя же оставить безъ ужина. Похлопочи. Пошли Филиппа: онъ достучится.

И княгиня собиралась уже бѣжать въ кухню, но ей загородила дорогу меньшая сестра ея, Прасковья Ѳедоровна.

— Куда? куда? Не хлопочи, не твое дѣло; ступай въ залу, къ гостямъ.

— Да какъ же?...

— А ветчиной-то пахло! Сегодня ты наша гостья. У насъ ужинъ съ утра подъ кроватями отъ тебя спрятанъ стоялъ. Ступай!

Въ эту минуту послышался строй бальной музыки. Изумленная княгиня остановилась въ дверяхъ залы; слезы готовы были брызнуть...

Полная гостями зала была уже ярко освѣщена лампами; музыка начинала первые аккорды польскаго. Старый князь съ ловкостью кавалеровъ восьмнадцатаго вѣка подалъ руку княгинѣ и повелъ ее въ первой парѣ.

Такъ начался балъ-сюрпризъ.

Княгиня и ея сестры, въ ситцевыхъ платьяхъ, нисколько не заботясь о нихъ, весело вмѣшались въ шелкъ и бархатъ гостей своихъ и проплясали такъ до утра. Князь тоже не подумалъ переодѣваться и остался въ своемъ черномъ казакинѣ.

Было уже совершенно-свѣтло, а гости и не думали разъѣзжаться.

— Ка́къ бы теперь чайку, Сонюшка? Я, чай, пора, сказалъ развеселившійся старый князь Годинъ хозяйкѣ.

Она распорядилась, и гости разъѣхались только въ половинѣ девятаго утра.

Вотъ еще одинъ изъ вечеровъ, неожиданно-разъигравшійся шуткой — impromptu въ домѣ Годиныхъ.

Къ нимъ ѣзжала, часто на цѣлые дни, старая дѣвушка, Машенька Олесникова. Она жила у одной старой, знатной дамы, дальней родственницы князя Година, чѣмъ-то въ родѣ шутихи; но она не шутила, а была просто дурочка: вѣрила всему наслово и дѣлала разныя глупости—не отъ желанія смѣшить, а отъ простоты сердечной и съ полнымъ убѣжденіемъ, что она поступаетъ умно. Вотъ примѣръ: у Машеньки Олесниковой былъ маленькой капиталъ, на который она постоянно мечтала купить домъ. Одинъ извѣстный въ то время въ Петербургѣ повѣса, подслушавъ ея желаніе, разъ заѣхалъ нарочно въ домъ старой барыни, гдѣ жила Машенька, и объявилъ ей очень-серьёзно, что если она все еще желаетъ купить себѣ домъ, то въ настоящее время ей представляется къ тому выгодный случай; что именно на Петербургской Сторонѣ, въ Дворянской Улицѣ продается двухъэтажный домъ, верхъ каменный, на колесахъ, низъ деревянный. Когда низъ сгніётъ, то сто́итъ только столкнуть съ верху каменный— и опять у ней новый домъ — и какой домъ! къ нему сто̀итъ только припречь лошадей, и поѣзжай хоть въ Москву. Въ неописанный восторгъ пришла Машенька Олесникова; воображеніе ея разъигралось: она мысленно уже катилась въ своемъ домѣ...

— Но, главное, предупредилъ ее повѣса:—не пропустите это сокровищо, потому-что желающихъ пропасть.

Что̀ долго думать? Машенька Олесникова надѣваетъ шляпку, беретъ извощика и летитъ на Петербургскую; пріѣзжаетъ въ Дворянскую Улицу, останавливается у будки и спрашиваетъ у будочника:

— Гдѣ тутъ, мой милый, продается домъ: верхъ каменный, на колесахъ, а низъ деревянный?

Будочникъ молчитъ.

— Да ужь не увезли ли его? приступаетъ къ нему Машенька.

— Да́; въ Коломну увезли, отвѣчаетъ, махнувъ рукой, будочникъ.

— Въ какую улицу? спрашиваетъ Машенька.

— Въ Торговую! говоритъ будочникъ.

Машенька летитъ въ Коломну, въ Торговую Улицу, подъѣзжаетъ къ будкѣ и дѣлаетъ будочнику тотъ же вопросъ.

— Не могимъ знать, отвѣчаетъ онъ.

— Какъ не могимъ знать? Я сейчасъ съ Петербургской; этотъ домъ прежде былъ тамъ; мнѣ сказали, что его привезли сюда.

— Знаю теперь, знаю! Вы та̀къ бы и сказали. Часа два, какъ подъ Смольной увезли, говорилъ будочникъ, улыбаясь.

Машенька скачетъ къ Смольному, отъ Смольнаго ее шлютъ въ Гавань, и она вечеромъ, замерзшая, возвращается домой, въ полномъ убѣжденіи, что изъ Гавани домъ увезли въ Москву. Вотъ какова была Машенька Олесникова!

Въ одинъ прекрасный день она забралась съ утра къ Годинымъ съ тѣмъ, чтобъ у нихъ прогостить нѣсколько дней. Ея появленіе доставляло всегда неописанную радость дѣвицамъ. Сейчасъ же пошло у нихъ шушуканье, шептанье; наконецъ, вдругъ неожиданно получили въ домѣ Годиныхъ извѣстіе, что принцъ оранскій будетъ къ нимъ вечеромъ на чашку чаю. Дѣвицы хлопочутъ, наряжаются. Машенька Олесникова тоже бѣлится, притирается румянами, чешется, помадится и, въ нетерпѣніи, не отходитъ отъ окна. Вдругъ раздается звонокъ. Все семейство Годиныхъ бѣжитъ въ переднюю; всѣ становятся въ чинномъ порядкѣ, чтобъ встрѣтить почетнаго гостя. Старый князь впереди всѣхъ.

Двери распахиваются на обѣ половинки, и на порогѣ является принцъ.

Голова его напудрена; онъ увѣшанъ орденами, множествомъ звѣздъ и лентами черезъ плечо.

Старый князь, раскланявшись церемонно, подходитъ и цалуетъ протянутую ему принцемъ оранскимъ руку. Остальное семейство дѣлаетъ то же, и торжественно вводятъ принца въ гостиную. Начинается угощеніе. Принцъ ѣстъ и вдругъ кричитъ старому князю:

— Князь Петръ Петровичъ, подай-ка, братецъ, мнѣ стаканъ воды!

Князь, поклонясь, выходитъ изъ комнаты и возвращается съ стаканомъ воды на серебряномъ подносѣ. Принцъ выпиваетъ и небрежно начинаетъ лорнировать дамъ. Болѣе всѣхъ привлекаетъ его вниманіе Машенька Олесникова; онъ проситъ стараго князя ему ее представить; старый князь идетъ за Машенькой и подводитъ ее къ принцу. Она жеманно присѣдаетъ и конфузится; но принцъ до того пораженъ ее красотой (Машенька дурна, какъ смертный грѣхъ), что не выдерживаетъ и высказывается вслухъ, потомъ сажаетъ ее подлѣ себя и начинаетъ ей нашептывать что-то на-ухо, отчего она краснѣетъ сквозь бѣлила.

Начинаются танцы. Принцъ оранскій постоянный кавалеръ Машеньки. Наконецъ онъ обращается къ ней и спрашиваетъ, не хочетъ ли она протанцовать съ нимъ танецъ, который у него всегда танцуютъ при дворѣ.

— Какой-съ? Я не знаю, отвѣчаетъ Машенька.

— О, прелестный! говоритъ принцъ:—это — фонтуртельтакъ; я васъ научу.

Обезумѣвшая отъ восторга Машенька впивается въ подставленную ей принцемъ оранскимъ руку, и начинается фонтуртельтакъ. Неизвѣстно почему, въ это время всѣ двери, прежде распахнутыя на обѣ половины, вдругъ припираются на одну половину. Принцъ оранскій несется, какъ посланный бѣсомъ, по всѣмъ комнатамъ и безпрестанно продергиваетъ Машеньку, которая очень-толста, сквозь полузапертыя двери. Ей больно, но блаженство летать съ принцемъ заставляетъ забывать все. Послѣ фонтуртельтака принцъ сажаетъ едва-дышавшую свою даму на диванъ и предлагаетъ ей руку, сердце и корону. Разумѣется, она согласна и объявляетъ, по-секрету, свое счастіе дѣвицамъ Рудинымъ. Тѣ ее поздравляютъ и просятъ не забыть ихъ, когда она будетъ принцессой оранской.

— Что̀ вы, душки! да̀ могу ли я васъ забыть? говоритъ имъ Машенька.

Послѣ ужина принцъ оранскій раскланивается и собирается уѣхать. Всѣ съ нимъ прощаются и цалуютъ опять его ручку; приходитъ чередъ Машеньки Олесниковой проститься съ принцемъ, но онъ вырываетъ у нея руку и чмокаетъ ее въ губы.

— Тьфу! губы въ салѣ! говоритъ Машенька.

Начинаетъ вглядываться въ набѣленное и нарумяненное лицо принца и вдругъ вскрикиваетъ:

— Алёшка! Злодѣй, негодяй!

И точно, принцъ оранскій былъ Алёша Рудинъ, братъ княгини Годиной. Съ утра устроилъ онъ эту шутку съ дѣвицами, а больше всѣхъ содѣйствовалъ ему старый князь Годинъ. Съ первой минуты, какъ только Машенька увидѣла, что всѣми уважаемый князь Петръ Петровичъ поцаловалъ у вошедшаго гостя руку, она была убѣждена, что онъ не кто иной, какъ принцъ оранскій. И вдругъ... о, разочарованіе! это вѣчный ея врагъ и мучитель Алёшка Рудинъ, да еще съ намазанными свѣчнымъ саломъ губами!

Въ домѣ Годиныхъ всегда не изъ чего составлялось веселье. «Побѣситься, повозиться» было девизомъ беззаботной молодёжи; а поводъ къ этому нетрудно было найти въ то блаженное время, когда стоило только подмигнуть, чтобъ и старый и малый были равно готовы сію же минуту на шалость, на веселую шутку.

VI.

Ознакомясь покороче съ семействомъ дяди своего, Юлія Петровича, Лиза усердно приняла участіе въ семейной ихъ жизни и удовольствіяхъ. Скоро поняла и полюбила она родныхъ своихъ и невольно начала принимать складку ихъ жизни. Хорошій примѣръ, кроткіе и добрые совѣты тётокъ сильно дѣйствовали на ея молодую душу. У Годиныхъ Лиза становилась милой, рѣзвой, доброй дѣвушкой; дома, у бабушки, оставалась попрежнему капризнымъ и своенравнымъ ребенкомъ. Старуха Рытова замѣтила это и еще болѣе начала ревновать внучку къ Годинымъ. Все, что̀ дѣлалось не подъ вліяніемъ Дарьи Яковлевны, возбуждало въ ней зависть и неудовольствіе. Разъ увидавъ, что внучка ея возвратилась вечеромъ отъ дяди съ баульчикомъ на рукѣ, въ которомъ лежала работа, старуха вышла изъ себя:

— Что̀ это у тебя, матушка? Никакъ ты воротничокъ шьешь?

— Да̀, бабушка, мнѣ тётенька Глафира начала. Онѣ всѣ работаютъ: мнѣ совѣстно сидѣть одной сложа руки.

— Пусть ихъ тамъ себѣ хоть полы моютъ, а надъ тобой хитрить я не позволю. Что́, у тебя дѣвокъ нѣтъ, что́ ли? Любой отдай — всякая въ-мигъ сошьетъ.

— Да, бабушка, вѣдь нынче всѣ дамы работаютъ: это въ модѣ.

— Работаютъ? Знаю: тѣ, у которыхъ полторы души съ надставкою; а ты у меня, слава Богу, богатая невѣста: есть кого заставить, кому приказать. Ну, что изъ этого будетъ? Пальцы себѣ перетычешь—ногтоѣды пойдутъ, будутъ лапы, какъ у Савишны. Да что они выдумали тебѣ совѣты давать? Тебя сама матушка императрица воспитывала, такъ ужь нѐчего имъ тутъ съ своимъ носомъ соваться! А вотъ я тебя къ этимъ выскочкамъ пускать перестану, такъ онѣ и спѣшатся!

— Не пускать меня къ дяденькѣ Юлію? Да съ чего вы взяли, бабушка, что я васъ послушаюсь?

— Да тамъ слушайся, не слушайся, а тебѣ ни кареты, ни лакея не дамъ, такъ по-неволѣ не поѣдешь!

— Не давайте! Дяденька за мной пришлетъ.

— Какъ же! есть кого твоему дядинькѣ разсылать! У него всего двѣ лошадёнки.

— Не пришлетъ, такъ я сама пѣшкомъ уйду.

— Не уйдешь.

— Уйду, уйду, уйду! Не-уже-ли вы думаете, что мнѣ весело сидѣть съ вами въ этой тюрьмѣ? Это вы все изъ зависти: вамъ завидно, что тамъ весело, что тамъ всѣ молодыя, хорошенькія, а вы старая, дурная... Тёточки тамъ всѣ добрыя, а вы злая! Тамъ мило, мило, мило! Какіе тамъ офицеры душки! а у васъ никого нѣтъ. А вотъ, если вы меня пускать не будете, я попрошу дяденьку Юлія, онъ меня совсѣмъ возьметъ. Я теперь совершеннолѣтняя: вы меня держать не смѣете!

Рытова слушала эту тираду любимой внучки. Голосъ ея замеръ; она какъ-то безсмысленно качалась на стулѣ, вытянувъ на колѣни судорожно-сжатыя руки, а слезы крупными каплями, одна за одной, падали на коричневыя завязки чепца. Странно, что Лизѣ, всегда чувствительной и доброй, не было жаль бабушку въ эту минуту; она какъ-то злобно глядѣла на ея слезы и, не сдѣлавъ ни одного шага для примиренія, съ сухими глазами ушла въ свою комнату. Стычки эти повторялись часто. И точно, Лиза исполнила бы свое обѣщаніе перебраться къ дядѣ совершенно, еслибъ одно обстоятельство не отвлекло ея на-время отъ дома Годиныхъ.

VII.

Пришелъ великій постъ. На послѣдней недѣлѣ Лиза начала говѣть съ бабушкой. Разъ, стоя у преждеосвященной обѣдни, Лиза замѣтила недалеко отъ себя молодаго драгуна необыкновенной красоты. Онъ стоялъ прислонившись къ колоннѣ и не спускалъ съ нея глазъ. Она вспыхнула и, чтобъ скрыть свое смущеніе, сдѣлала земной поклонъ.

Привставъ, она не выдержала и взглянула на него опять; глаза ихъ встрѣтились снова, и перестрѣлка продолжалась всю обѣдню. На другой день Лиза застала драгуна уже въ церкви; онъ стоялъ ближе къ уголку, гдѣ помѣщалась Дарья Яковлевна. Взгляды ихъ продолжались. При выходѣ изъ церкви, когда народъ началъ тѣснить ихъ, армеецъ проложилъ себѣ дорогу и предложилъ старушкѣ Рытовой свои услуги, чтобъ провести ее до экипажа. Она поблагодарила его. Онъ подалъ руку Дарьѣ Яковлевнѣ и, ограждая другой рукой княжну отъ толпы, вывелъ ихъ на паперть. Старушка разсыпалась въ благодарности молодому человѣку. Усаживая дамъ въ карету, драгунъ слегка пожалъ локотокъ княжнѣ, которая съ его помощью вспорхнула за бабушкой. Лошади тронулись тихой рысцой, и не успѣли еще завернуть по канавѣ, какъ ихъ перегнала лихая пара съ пристяжкой: на новыхъ, съ иголочки, дрожкахъ сидѣлъ тотъ же самый драгунъ и вѣжливо раскланивался съ дамами.

— Кто это, Лизанька, офицеръ такой милый, не знаешь ли ты?

— Почемъ мнѣ знать, бабушка?

— Вѣжливый какой! богатый, должно-быть, молодой человѣкъ; лошади какія прекрасныя, да и собой какой красавчикъ!

Лиза не отвѣчала и, отвернувшись, чтобъ скрыть отъ бабушки вдругъ-вспыхнувшій румянецъ, очень-пристально глядѣла въ окно.

— Что ты, матушка, мнѣ не отвѣчаешь?

— А что́, бабушка?

— Я говорю: красавчикъ какой этотъ офицеръ. А какого онъ полка, матушка?

— Драгунъ, бабушка.

— Славный и вѣжливый какой! твердила старуха до самаго дома.

На третій день молодой драгунъ былъ опять въ церкви и стоялъ уже передъ самой Дарьей Яковлевной. Все время службы

онъ не обращалъ никакого вниманія на княжну, усердно молился и клалъ земные поклоны.

Лиза стояла надувшись.

— Посмотри, матушка, шептнула старуха Рытова, толкнувъ локтемъ внучку:—никакъ это тотъ же офицеръ?

— Гдѣ? Я не вижу, бабушка, отвѣчала тихо Лиза.

Она лгала, потому-что замѣтила его въ первую же минуту, когда вошла въ церковь, и была даже не въ духѣ, потому-что драгунъ не глядѣлъ на нее.

— Какъ, гдѣ? Ужь я слѣпая да вижу. Вонъ, передо мной стоитъ, сказала старуха и, перекрестясь, положила земной поклонъ.

— Да́, кажется, что это онъ, бабушка.

— Богомольный какой, мой голубчикъ! ка́къ, вѣдь, молится! хоть бы ворохнулся! Стоитъ-себѣ какъ вкопанный. Вотъ человѣкъ, такъ человѣкъ!

По окончаніи обѣдни, армеецъ опять предложилъ Дарьѣ Яковлевнѣ вывести ее и внучку изъ церкви.

— Спасибо тебѣ, мой батюшка, дай Богъ тѣбѣ здоровья за то, что ты старыхъ людей уважаешь, сказала Дарья Яковлевна, и безъ церемоніи взяла его подъ-руку.

— Помилуйте, ваше превосходительство, это мой долгъ. Вы, я думаю, очень устали, ваше превосходительство? Такъ было жарко!

— Ужь не говори, мой батюшка! Вишь сколько мужичья налѣзло. Мнѣ чуть дурно не сдѣлалось. А ты, мой батюшка, почему меня знаешь?

— Помилуйте, ваше превосходительство, я такъ наслышанъ.

— Вотъ какъ! вотъ какъ! А позволь тебя спросить, мой батюшка, какъ твоя фамилья?

— Поручикъ Китинъ, ваше превосходительство.

— А по имени, по о́тчеству ка̀къ, мой батюшка?

— Николай Иванычъ, ваше превосходительство.

— Вотъ какъ! вотъ какъ!... Да ты богомольный какой! это хорошо, очень-хорошо... А родителей имѣешь?

— Батюшка и матушка, слава Богу, живы, ваше превосходительство.

— Слава Богу, слава Богу!... Ну, мой батюшка Николай Иванычъ, спасибо, что вывелъ меня, старуху. Спасибо спасибо... ворчала она себѣ подъ-носъ, долго усаживаясь въ карету.

— Вашу ручку, княжна, шепнулъ Китинъ Лизѣ, которая поставила уже ногу на подножку.

Лиза, думая, что онъ хочетъ помочь ей, подала ему руку; но въ то время, какъ онъ подсаживалъ ее въ карету, она вдругъ почувствовала, что ей въ руку крѣпко зажали маленькую бумажку. Вопросительно взглянула она въ глаза Китину; онъ молчалъ, но, вмѣстѣ отвѣта, рука ея сжалась еще крѣпче въ рукѣ драгуна. Карета покатилась. Въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи сидѣла Лиза возлѣ бабушки. Тихо ощупывала она подъ шалью вложенную ей въ руку бумажку.

Лицо ея горѣло; сердце хотѣло выскочить; любопытство не давало ей дышать; вопросы, одинъ за однимъ, пробѣгали въ ея головѣ: отчего онъ знаетъ, что я княжна? чтó онъ пишетъ мнѣ? почему онъ знаетъ бабушку? Можетъ-быть, онъ влюбленъ въ меня? И съ этимъ послѣднимъ заключеніемъ въ ней въ одинъ мигъ проснулся смольный, съ его мечтами, надеждами. Любовныя завязки и развязки романовъ воскресли въ памяти всѣ вдругъ. Интрига! любовная интрига у нея, у Лизы Годиной! Ахъ, кàкъ это мило! какое блаженство! Чтó бы сказали дѣвицы, еслибъ онѣ знали это?

Всю дорогу она молчала, не прерывая и не слушая бабушки, которая, съ своей стороны, была тоже очень занята и выказывала вслухъ свои мысли.

— Вотъ человѣкъ, такъ человѣкъ. Умница какой, вѣжливый! старость кáкъ уважаетъ! Кáкъ со мной говорилъ: «ваше превосходительство, ваше превоеходительство, я такъ наслышанъ!» И богомольный какой—помилуй его Господи! Милый молодой человѣкъ, на рѣдкость человѣкъ! И богатъ; по пріему видно, что богатъ. Вотъ бы Лизѣ—лопнули бы отъ зависти Годины... Дай-то Господи! дай-то Господи!..

Пріѣхавъ домой, Лиза отказалась отъ кофе и, отговариваясь усталостью, убѣжала отъ бабушки и заперлась въ своей комнатѣ. Руки ея дрожали, когда она распечатывала крошечную раздушоную записочку, запечатанную маленькой облаткой, на которой была нарисована незабудка. Долго Лиза, прислонясь къ окну, смотрѣла на мелкую, бисерную, мужскою рукою исписанную бумажку и не видѣла ничего: въ глазахъ ея бѣгали искры и радужные круги... Наконецъ, успокоившись немного, Лиза прочла:

«Княжна!

«Простите, я виноватъ, я безумецъ! Но я не въ силахъ мол-
«чать долѣе... Я васъ люблю, люблю страстно... всѣмъ пыломъ
«души моей... Давно вездѣ слѣжу за вами, какъ ваша тѣнь...
«Прежде я могъ только любоваться вами и втайнѣ плакать и
«молчать... Теперь это выше силъ моихъ. Я хочу быть съ вами,
«хочу слышать васъ и сказать вамъ: люблю, люблю на вѣкъ!
«Я все сказалъ. Теперь въ вашей волѣ однимъ словомъ произ-
«несть мой приговоръ.

«Напишите мнѣ «нѣтъ!» — и вы меня никогда не увидите —
«да»—и я у вашихъ ногъ!...

Nicolas Kitine »

Прочитавъ это армейское посланіе, Лиза пришла въ такой неописанный восторгъ, что чуть не выскочила съ нимъ къ бабушкѣ; но, вспомнивъ, что это нарушило бы прелесть тайны, она остановилась.

Наконецъ съ ней самой начинало осуществляться то, что́ она читала съ такою жадностью въ монастырѣ. Она дѣлалась сама героиней романа, настоящаго романа, въ городѣ!

«Ахъ, какъ это мило! какой онъ душка! онъ меня любитъ! пишетъ, и пофранцузски пишетъ! Прелесть! Очаровательный!» кричала Лиза, хлопая въ ладони и прыгая по комнатѣ. «Жаль, что онъ армейскій: я такъ люблю гвардейцевъ! Ну, да все-равно — онъ можетъ перейти. Какой чудный почеркъ! Что̀ кабы я такъ писала! мнѣ бы Шутовъ ставилъ за calligraphie всегда двѣнадцатъ. А я-то ка́къ погано пишу! Ка́къ я буду ему отвѣчать? Что́ же мнѣ дѣлать? Онъ ждетъ, бѣдный; онъ умретъ, если я ему не отвѣчу. Чего же мнѣ стыдиться? я буду его жена; онъ, все-равно, увидитъ мой почеркъ». И, не думая больше, Лиза усѣлась за столикъ, вынула изъ ящика разрисованную бумажку и проворно и криво написала:

«Да̀! Vous êtes charmant, je crois que je vous aime aussi; ne mourez pas, je ferai de mon mieux pour que ma grand' mère vous engage à venir chez nous, ésperez.

«A vous de coeur

Elise Godine.

«Pardon que je griffone comme une chatte.»

Окончивъ писать, Лиза свернула свою записку въ самый маленькій форматъ, сунула ее за корсетъ и въ весьма-веселомъ расположеніи духа отправилась въ комнату бабушки.

— Что́, душа моя, отдохнула?

— Отдохнула, бабушка.

Обѣ замолчали. Лиза не знала, съ чего начать, ка́къ подбить бабушку на разговоръ о Китинѣ.

— Ка̀къ сегодня тѣсно было въ церкви, бабушка! наконецъ сказала она.

— Да̀, матушка, всѣ кишки бы повыдавили, еслибъ не этотъ офицеръ... какъ-бишь его, Лиза?

— Китинъ, бабушка.

— Вотъ ужь милый, такъ милый молодой человѣкъ, вѣжливый какой, почтительный, да и богомольный какой! начала опять панегирикъ старуха.

— Вотъ вы его хвалите, бабушка: стало-быть, вы видите, что онъ хорошъ. Отчего же къ вамъ все такіе уроды старые ходятъ, да и то по торжественнымъ праздникамъ? Чтобъ веселить меня, вы возите меня въ театръ, на балы; а дома —ничего! Вы ревнуете меня къ Годинымъ за то, что мнѣ тамъ весело, а сами къ себѣ никогда никого порядочнаго не пригласите. Вѣдь я молода, мнѣ все со стариками скучно. Вотъ кабы и у васъ въ домѣ бывали молодые люди, я бы и не подумала такъ часто проситься къ Годинымъ.

Лиза подвела мину и ждала взрыва. Она очень-хорошо знала, что зависть бабушки къ Годинымъ могла намного подвинуть впередъ исполненіе ея желанія.

— Что̀ ты мнѣ все Годиными глаза-то колешь? А вотъ я захочу, такъ у меня веселѣе ихъ будетъ!

— А ка̀къ же вы это сдѣлаете?

— Ка̀къ сдѣлаю? Тоже принимать буду. Что́, у меня напоить, накормить, что-ли, нечѣмъ? Слава-Богу, не занимать стать!

— А кого вы кормить станете, стариковъ-то?

— Какихъ стариковъ? Молодыхъ приглашу.

— А кого? Вы ни съ кѣмъ незнакомы, добиваясь до своего, подзыкивала Лиза бабушку.

— Да вотъ, хоть бы этого офицера... какъ бишь его?

— Китина? сказала Лиза и вздохнула свободно.

— Ну, да̀! Онъ малый такой почтительный, внимательный, богомольный... да и еще такихъ приглашу!

Лиза не добивалась больше знать, кого еще пригласитъ къ себѣ старуха Рытова.

— А когда же вы его пригласите, бабушка? Вотъ бы разговѣться пригласили.

— Чтó жь, приглашу, пожалуй. Онъ милый такой, внимательный, почтительный. Приглашу; отчего не пригласить?

— Душка-бабушка! не выдержавъ, сказала Лиза и кинулась на шею старухи.

— Не души, не души! Экъ обрадовалась, дурочка! Да чтó онъ тебѣ, понравился, что ли?

— Очень-понравился, бабушка. Развѣ вы не видѣли, какой онъ амуръ, какіе у него усики хорошенькіе?

— То не видала, не видала, да вдругъ все и разсмотрѣла! улыбаясь, сказала Дарья Яковлевна.

— Это я сегодня, бабушка. Знаете ли, бабушка, онъ французскій языкъ знаетъ, проговорилась Лиза.

— А ты, матушка, почемъ знаешь? Онъ со мной все порусски говорилъ.

— Еще бы, бабушка! вы не говорите пофранцузски! а я вотъ сейчасъ, по манерамъ вижу, подхватила, немного покраснѣвъ, Лиза.

— Вишь ты у меня какая вострýха, по манерамъ узнала; а я хоть вѣкъ буду глядѣть, ничего не разберу. А вотъ, что онъ милый, почтительный, богомольный — это я вижу. Чтó вижу, тò вижу. Ну, приглашу, приглашу: быть по-твоему, только къ Годинымъ часто не просись: не люблю я ихъ.

На другóй день, при выходѣ изъ церкви, Лиза передала свою записочку точно такъ же ловко, какъ Китинъ передалъ ей свою.

VIII.

У заутрени свѣтлаго Христова Воскресенья Китинъ стоялъ подлѣ бабушки и Лизы и исполнялъ всѣ порученія старухи Рытовой: нѣсколько разъ бѣгалъ онъ въ алтарь, нося то свѣчку, то просвирку, зажигалъ свѣчи и тушилъ ихъ, когда старухѣ становилось очень-жарко.

Наконецъ, послышалось за дверьми: «Христосъ Воскресе!»

Послѣ заутрени, когда началось христосованье со священниками и вся церковь огласилась чмоканьемъ и жужжаньемъ, Дарья Яковлевна поцаловала Лизу три раза.

— Позвольте похристосоваться, ваше превосходительство?

— Христосъ-воскресе, мой батюшка, съ праздникомъ! сказала Дарья Яковлевна и подставила ему свои впалыя щеки.

Они троекратно поцаловались. Дошелъ чередъ и до Лизы. Китинъ чинно подошелъ къ ручкѣ.

— Что ты это, мой батюшка, нѣмецъ, что ли? остановила старуха Рытова.

— Такъ позволите похристіански, ваше превосходительство?

— Похристіански, мой батюшка, похристіански!

Китинъ, подправивъ кверху свои маленькіе, шелковистые усики, крѣпко поцаловалъ Лизу три раза. Она сильно покраснѣла.

— Чего краснѣть? нѐчего: это долгъ христіанскій, сказала Лизѣ Дарья Яковлевна и, обращаясь къ Китину, прибавила: —у меня, батюшка, до тебя просьбица есть.

— Чтò прикажете, ваше превосходительство?

— А вотъ чтó я тебѣ прикажу, мой голубчикъ: не откажи, со мной, со старухой, разговѣться сегодня.

— Если позволите, ваше превосходительство, я почту за честь.

— Ужь тамъ честь, не честь, а вотъ я тебя не выпущу, съ нами и поѣзжай.

Катинъ поклонился.

Отошла обѣдня, старухѣ Рытовой подали экипажъ. Китинъ не зналъ, чтó ему дѣлать: карета была двумѣстная, а ихъ было трое.

— Я доѣду на дрожкахъ: я боюсь стѣснить ваше превосходительство.

— Куда на дрожкахъ! дождь такъ и льётъ, тебя до костей промочитъ. Садись, садись; ничего, мѣсто будетъ. Лиза между насъ сядетъ: она у меня уютная такая.

Усѣлись довольно-спокойно. Дорога была прескверная. Нерастаявшій еще, переколотый ледъ лежалъ на улицѣ буграми; сильно колыхало карету; при большихъ ухабахъ Лиза невольно перескакивала то на колѣни бабушки, то на колѣни Китина. Всякій разъ, какъ это съ ней случалось, она, стараясь пересѣсть на свое мѣсто, говорила:

— Pardon, monsieur, и хохотала до слезъ своимъ дорожнымъ приключеніямъ, нисколько не удивляясь, когда, желая предохранить отъ толчковъ, Китинъ бралъ ее за талью.

— Merci, monsieur, говорила она ему всякій разъ въ простотѣ души.

Скоро доѣхали они до дома. Войдя въ залу, гдѣ, на большомъ

столѣ были разставлены куличи и пасхи, старуха Рытова снова привѣтствовала своего гостя.

— Добро пожаловать, мой голубчикъ, будь у меня какъ дома. Вотъ я пойду съ людьми христосоваться, а ты съ княжной посиди.

Старуха ушла, и молодые люди остались одни.

— Вы прочли мой отвѣтъ? просто и естественно сказала Лиза, первая прерывая молчаніе.

— Прочелъ, княжна, и не знаю, какъ высказать вамъ мою благодарность.

— Вотъ видите, я исполнила мое обѣщаніе. Теперь вы не хотите умирать?

— Нѣтъ, княжна, теперь я хочу жить съ вами и для васъ.

— А когда вы скажете бабушкѣ?

— Что́, княжна?

— Какъ, что́? Развѣ вы не хотите на мнѣ жениться? и Лиза сдѣлала недовольную мину.

— Княжна, это было бы первѣйшимъ для меня блаженствомъ въ мірѣ.

— Если такъ, скажите бабушкѣ: она васъ полюбила, она будетъ очень-рада.

— Но вы, княжна, вы скажите мнѣ, что вы полюбили меня?

— Ахъ, какой вы смѣшной! Я, кажется, вамъ писала... сказала Лиза и, покраснѣвъ, опустила головку:—нельзя такъ вдругъ... я не умѣю... я въ первый разъ.

Китинъ улыбался и, кусая усы, наклонился и поцаловалъ ея руку.

— Такъ вы скажете бабушкѣ? Я хотѣла молчать, а теперь мнѣ не хочется, мнѣ это тяжело; лучше скажемъ... умоляющимъ голосомъ говорила Лиза.

— Княжна, вы знаете, что каждое мгновеніе, отдаляющее отъ меня минуту, въ которую я васъ назову моею, кажется мнѣ вѣкомъ; но я долженъ наложить на себя эту пытку на нѣсколько дней. Бабушкѣ вашей можетъ показаться страннымъ это скорое сватовство.

— А развѣ нельзя такъ скоро свататься?

— Можно, княжна; но я имѣю счастье сегодня быть въ первый разъ въ вашемъ домѣ. Надо, чтобъ бабушка ваша узнала меня; я хочу дѣйствовать навѣрное. Отказъ вашей бабушки убьетъ меня; къ-тому жь, я долженъ испросить прежде позволе-

ніе моихъ родителей, хотя я увѣренъ, что они никогда не будутъ препятствовать въ моемъ счастіи.

— Ну, вотъ и чудесно! А за бабушку вы не бойтесь. Вопервыхъ, она не откажетъ; а еслибъ она вдругъ отказала, я сейчасъ все передѣлаю. Мнѣ стóитъ только сказать, что я уйду жить къ дяденькѣ Юлію—она испугается и все сдѣлаетъ по-моему.

Тутъ вошла Дарья Яковлевна и прервала ихъ разговоръ. Всѣ усѣлись за столъ. Старушка потчивала, угощала на-убой, а Лиза болтала какъ заведеные часы. Невольно свела она разговоръ на монастырь, и воспоминанія полились неумолкающимъ потокомъ.

— А Вердина, Вердина! Вы знаете Вердину, monsieur Китинъ?

— Нѣтъ, княжна, не имѣю этого удовольствія.

— Какъ? Julie Verdine, ее еще у насъ кошкой звали? Кáкъ, вы не знаете?... Ну такъ вотъ она кàкъ разъ насъ напугала. Мы всѣ сидѣли въ классѣ у поганаго Фишера. Онъ намъ задалъ задачу: сколько-то яблокъ разрѣзать на сколько-то кусковъ и дѣлить на сколько-то дѣвицъ... ничего не помню! Вдругъ Вердина вскочила на лавку и закричала: «mesdames! мышь!...» Такая была страсть! Въ одну минуту весь классъ былъ на лавкахъ, на столахъ... Мимишка Комова упала со стола въ обморокъ. Кàкъ насъ всѣхъ бранили за обѣдомъ, мы всѣ были debout; Комову свели въ лазаретъ, а Вердина была hors de banc. А въ другой разъ, въ саду, вотъ тоже ужасъ былъ! На большую сторону вошелъ козелъ; Пѣтухова увидала его первая и закричала: «Mesdames! un fantome!» и пустилась бѣжать по аллеѣ. Мы всѣ за ней. Она спотыкнулась и упала, всѣ дѣвицы на нее въ кучу... Притащилась синяя вѣдьма Зегеръ и велѣла намъ всѣмъ снять передники. Мы тáкъ всѣ плакали!... А вы знаете Розочку Bodin? не правда ли, что она душка? Какой у нея братъ очаровательный! онъ уланъ. Отчего вы армейскій, monsieur Китинъ? Такъ мило быть уланомъ!

— Если вамъ нравится этотъ мундиръ, княжна, я постараюсь перейти.

— Ахъ! кàкъ это будетъ мило! Къ вамъ пойдетъ...

Болтанью не было бы конца, еслибъ ее не перебила бубушка и не заговорила о вещахъ положительныхъ.

— Что ты трещишь, матушка, слова не дашь никому выговорить? сказала вдругъ старушка Рытова и, обратясь къ Китину прибавила:—Ты мнѣ, кажется, говорилъ, что твои родители живы: гдѣ жь они живутъ, мой батюшка?

*

— Матушка живетъ постоянно въ своей деревенькѣ, подъ Ямбургомъ, хозяйничаетъ, старушка; а батюшка служилъ прежде въ Петербургѣ, недавно вышелъ въ отставку, и еслибъ его не задерживало въ Петербургѣ тяжебное дѣло матушки, то онъ давно бы уѣхалъ туда же, въ деревню, на покой.

— А съ кѣмъ тяжба-то у матушки твоей, мой батюшка?

— Съ сосѣдомъ, помѣщикомъ Шарохинымъ, ваше превосходительство, по неправильному размежеванію земли.

— Чужую землю захватилъ? Экой шельма! Это, мой батюшка, сплошь и рядомъ дѣлается... Экая каналья какая!... Чтó жь, и суда, расправы на эту бестію нѣтъ?

— Какъ не быть, ваше превосходительство! есть. Только матушка сама виновата: она запустила это дѣло, и теперь сосѣдъ опирается на давность владѣнія.

— Опирается... экая шельма! А имѣнье-то чье: материно или отцовское?

— Матушкино, родовое. Еще при покойномъ ея родителѣ Шарохинъ владѣлъ неправильно этою землею.

— Владѣлъ!... Ахъ, каналья! каналья! А чего они смотрѣли? Чтó жь отецъ-то твой?

— Онъ давно хлопочетъ. Это дѣло тянется лѣтъ ужь двадцать-пять; но теперь перешло въ сенатъ.

— Двадцать-пять!... А земля-то какая? пахотная?

— Пахотная, ваше превосходительство.

— Пахотная... Ахъ, онъ воръ этакой! Да его бы туда упечь, куда и воронъ костей не заносилъ!

— Упечь его нельзя, лишь бы получить свое.

— Упечь его нельзя, мошенника-то этакого? Такъ, чтò жь за напасть такая, Господи ты Боже, праведный!... Такъ вотъ, первая бестія придетъ ко мнѣ въ имѣнье, откромсаетъ у меня, сколько душенькѣ его угодно, десятинъ, а я и гляди... да поклонись ему въ ноги, да и говори: «рѣжь, батюшка... кушай на здоровье...» Да чтобъ у него каждое зерно мое поперегъ горла стало!... Чего жь отецъ-то твой хлопочетъ, мой батюшка?

— Батюшка въ настоящее время въ деревнѣ, у матушки. Здѣсь ему теперь дѣлать нѐчего. Дѣло приняло правильный ходъ, и онъ поѣхалъ отдохнуть на лѣто; а если онъ на чтó по дѣлу будетъ нуженъ, то сейчасъ дадутъ знать, и онъ пріѣдетъ въ Петербургъ.

Разговоръ тянулся въ такомъ тонѣ до пяти часовъ; на этотъ

разъ бабушка не давала выговорить слова, и только въ шесть часовъ утра Дарья Яковлевна, вся раскраснѣвшаяся отъ праведнаго гнѣва своего на сосѣда матери Китина, проводила гостя своего до передней, прося убѣдительно не забывать ее, старуху, своимъ посѣщеніемъ.

IX.

Выйдя изъ дома старухи Рытовой, Китинъ сѣлъ на дрожки, помчался по Невскому, завернувъ въ Большую Садовую и, проѣхавъ прямо до Покрова, остановился у небольшаго деревяннаго дома, соскочилъ съ дрожекъ и дернулъ за колокольчикъ. Дверь отворилась, и на встрѣчу ему вышелъ сѣдой, маленькій человѣкъ, въ нанковомъ сюртук , повязанный, вмѣсто галстуха, пестрымъ набойнымъ платкомъ.

— Христосъ воскрсе, Потапычъ! сказалъ Китинъ и, вскользь поцаловавъ старика, пошелъ по корридору.

— Воистинну воскресъ, батюшка Николай Иванычъ! съ праздникомъ, батюшка! отвѣтилъ Потапычъ и, свѣтя барину съ боку, вошелъ съ нимъ въ просторную, чисто-убранную гостиную.

Поставивъ шандалъ на столъ и вынувъ конвертъ изъ боковаго кармана своего сюртука, Потапычъ прибавилъ:

— Вотъ письмецо, вчера около полудня принесли, только-что вы изволили уѣхать, должно быть отъ матушки.

— Давай! Былъ у меня кто-нибудь?

— Никто не бывалъ, батюшка.

Китинъ распечаталъ письмо, сѣлъ, придвинулъ къ себѣ свѣчку и началъ читать. Потапычъ сталъ поодаль, у стѣнки. На лицѣ у него было видно страшное любопытство.

Китинъ прочелъ письмо, бросилъ его на столъ и, положивъ оба локтя на колѣни, зажавъ руками голову, началъ качаться на стулѣ.

— Ну, что́, Николай Иванычъ, матушка вамъ изволитъ писать?

— Ничего особеннаго. Она, слава Богу, здорова, батюшка тоже. Она пишетъ, что денегъ не можетъ прислать прежде двухъ мѣсяцевъ, что хлѣбъ все еще не проданъ и съ оброчныхъ еще не собрала.

— Гдѣ имъ взять, батюшка? Вѣдь у нихъ не фабрика денежная... Ну, нѣтъ, значитъ и нѣтъ. Да и батюшка теперь тамъ: такъ при немъ онѣ послать не посмѣютъ; и въ полкъ-то вамъ для отпуску, крадучись отъ батюшки, три-то тысячи прислали. А ка́къ они ихъ собрать-то изволили—это меня спросите, батюшка. Я къ барынѣ отъ васъ за деньгами-то ѣздилъ; при мнѣ дѣло-то было... Дома-то въ сборѣ немного было. Серьги-то, фермуаръ-то съ жемчугомъ купчихѣ Брылкиной кто продалъ? — я. Вы меня спросите: я вамъ скажу, ка́къ она, сердечная, билась, какъ рыба объ ледъ, чтобъ ваше желаніе исполнить... Батюшка и по-сю-пору ничего не знаютъ; думаютъ, что брильянты-то въ сундукѣ лежатъ... Вотъ оно что̀.

— А мнѣ-то что жь дѣлать? въ Петербургѣ нельзя безъ денегъ жить; мнѣ нужны деньги.

— Кабы не проиграли на масляницѣ, такъ и были бы деньги. Простите меня, стараго, что я такъ говорю.

— Ну, что́ жь дѣлать, проигралъ! Это несчастье можетъ случиться со всякимъ.

— Да и живете-то, батюшка, больно-шибко; рѣдкій день, по двѣнадцати съ полтиной вамъ не выдаешь, а иной разъ и бѣленькую возьмете.

— Нельзя же мнѣ безъ гроша въ карманѣ быть. А сколько у насъ тамъ денегъ?

— Да вотъ, батюшка, разсчитывая по пальцамъ, началъ Потапычъ: — матушка вамъ три тысячи для отпуска прислали; на дорогу мы сто издержали; за мундиръ, по пріѣдѣ въ Питеръ, семьдесять-пять заплатили; перебрать, съ хозяйствомъ, четыреста-пятьдесятъ изволили. Вотъ ужь оно и пятьсотъ-семьдесятъ-пять. За лошадокъ, какъ батюшка въ деревню уѣхали, двѣсти дали, да за дрожечки двѣсти-пятьдесятъ, вотъ оно и тысяча-двадцать-пять; лошадокъ промѣнять изволили—пятьдесятъ придали, вотъ оно ужь и тысяча семьдесятъ-пять... За овесъ выдалъ, за сѣно. Андрей началъ шептать себѣ подъ-носъ, загибая пальцы.

— Оставь это! Я тебя спрашиваю: сколько у тебя денегъ?

— Да вотъ проиграть изволили въ пятницу на масляницѣ девятьсотъ рублей...

— Тебя объ этомъ не спрашиваютъ! выйдя изъ терпѣнія, сказалъ Китинъ.— Я тебѣ русскимъ языкомъ говорю: сколько у тебя осталось моихъ денегъ?

— Да вотъ проиграть изволили девятьсотъ рублей... да за

овесъ по четыре рубля за куль, значитъ, шестнадцать рублевъ... да за сѣно по сорока копеекъ за пудъ — восемь пудовъ—одиннадцать рублевъ—вотъ оно, значитъ, всего двѣ тысячи, два рубли. Такъ, что ли, по-вашему, мой батюшка?

— Такъ, такъ! Да денегъ-то у тебя осталось сколько? спросилъ опять Китинъ, который пропустилъ мимо ушей весь разсчетъ Потапыча.

— Ну, значитъ, девятьсотъ съ хвостикомъ наберется...

— Ну, поживемъ еще! сказалъ, развеселившись, Китинъ.

— Да что, батюшка, вы бы на эти денежки въ полкъ изволили ѣхать: срокъ-то, кажись, давно прошелъ.

— Не твое дѣло! крикнулъ Китинъ и пошелъ къ своей спальнѣ, вынулъ изъ кармана ключъ, отворилъ дверь и вошелъ въ нее. Андрей со свѣчой, молча, опустя голову, провожалъ его.

X.

Верстъ за двадцать, проселкомъ отъ города Ямбурга, между мелкимъ кустарникомъ олешника и молодаго березняка, стояла небольшая деревушка. Маленькія, крытыя соломой избы, неправильно-разбросанныя по кочковатой, болотистой землѣ, кривились во всѣ стороны, окружая въ почтительномъ разстояніи сѣрый одноэтажный господскій домикъ, который съ двухъ сторонъ тонулъ въ старомъ фруктовомъ саду, третьей стороной примыкалъ къ дворику и службамъ на просёлочную дорогу.

Это была усадьба Анны Павловны Китиной. Было часовъ шесть вечера; въ небольшой, чистой залѣ господскаго дома, на столѣ, покрытомъ красною скатертью, кипѣлъ и шипѣлъ ясно-вычищеный самоваръ. Хозяйка дома, Анна Павловна Китина, маленькая, кругленькая женщина, лѣтъ пятидесяти, съ добродушнымъ, кроткимъ лицомъ, суетилась около самовара. Поодаль отъ нея, у окна, сидѣлъ мужъ ея, въ полосатомъ халатѣ и вязанномъ бѣломъ колпакѣ съ длинною трубкою въ зубахъ.

Маленькая дѣвочка, лѣтъ тринадцати, въ тиковомъ платьѣ и холщевомъ чистомъ передникѣ, безпрестанно шмыгала изъ залы въ сѣнцы и изъ сѣнецъ въ залу, скрипя немилосердо тяжелой одностворчатой дверью и таская барынѣ на столъ то горшокъ со сливками, то желѣзный листъ съ горячимъ еще печеньемъ, то

коровай, то сливочное масло; то подходила къ барину, который окликивалъ ее словомъ: «эй!» и протягивалъ ей трубку. Она брала ее, подходила къ печкѣ, вычищала золу гвоздемъ въ мѣдный тазикъ, набивала свѣжимъ табакомъ, подавала барину и, взявъ длинную бумажку, просовывала ее въ рѣшетку самовара, и, доставъ огня, подносила Ивану Степеновичу закурить; то опять исчезала за дверьми за новымъ порученіемъ.

Старички молчали. Анна Павловна снимала въ молочникъ деревяной ложкой густыя сливки со вчерашняго молока, а Иванъ Степановичъ, прищелкивая губами, пускалъ кольца дыма и съ наслажденіемъ слѣдилъ, какъ они, постепенно расширяясь, летѣли отъ него въ даль и, развиваясь совершенно, втягивались въ рѣшетку самовара. Наконецъ Анна Павловна прервала это занятіе своего мужа, поднеся ему чашку крѣпкаго чаю.

— Брось ты свою соску, Иванъ Степанычъ, покушай чай-то съ печеніемъ: это твое любимое, только-что изъ печи. Палашенчка! подай, матушка, барину... не это, не это, вотъ завитушички-то.. ну, да.. да, неси всѣ сюда. Отвѣдай-ка, Иванъ Степанычъ: такъ во рту и таитъ, сказала Анна Павловна, откусивъ своими свѣжими, бѣлыми еще зубами хрупкую завитушку и, суя остатокъ въ ротъ дѣвочкѣ, которая обѣими руками держала подносъ передъ бариномъ, прибавила: — что застыдилась? баринъ ничего не скажетъ... Это она къ тебѣ еще не привыкла, Иванъ Степанычъ.

— Ну, что? хорошо? спросила Анна Павловна, усѣвшаяся опять на свое мѣсто, за столъ, и подувая на блюдечко съ чаемъ.

— Очень-хорошо! отвѣтилъ несовсѣмъ-внятно, сквозь полный ротъ завитушекъ, Иванъ Степановичъ.

— Вотъ и Коля тоже въ тебя: любитъ завитушки. Жаль, что ихъ посылать нельзя— холодныя-то нехороши, жостки—а то бы я ему послала... Да что ты мнѣ, Иванъ Степанычъ, про него ничего не скажешь? вѣдь мнѣ все знать хочется...

— Что ты, Анна, помилуй! вотъ я три недѣли какъ пріѣхалъ. Почитай-что страстную, святую и ѳоминую только о немъ и говоримъ, а ты все говоришь: ничего не скажешь... Да и пишетъ же онъ къ тебѣ: ты, почитай, больше моего знаешь.

— Знаю, знаю, да говорить-то мнѣ о немъ хочется. Ну, что онъ, похорошѣлъ?

— Да, вѣдь, онъ былъ у тебя проѣздомъ въ отпускъ-то. Ну, все такой же молодецъ.

— Голубчикъ! А службу-то, ты говоришь, онъ все еще не перемѣнилъ?

— Хлопочетъ, да, вѣдь, мать ты моя! эти вещи скоро не дѣлаются; подождать надо.

— А живетъ-то онъ хорошо? Чисто ли у него?

— Хорошо, чисто, матушка. Хоть я у него и рѣдко бывалъ, а, кажется, хорошо.

— Ахъ, Иванъ Степанычъ! ка̀къ ты это стерпѣть могъ? я бы, кажется, всякій день къ нему бѣгала. И отсюда бы уѣхала взглянуть, да на кого домъ-то оставить? Старики-то всѣ повымерли, все молодёжь осталась — народъ все разгульной такой, долго ли до грѣха? зажгутъ гдѣ-нибудь, а домишки всѣ соломой крыты — порохъ, да и только, на пустырѣ оставятъ... Вотъ и сижу, ему же берегу.

— Бережешь, такъ и не хлопочи, матушка. И я о немъ же стараюсь. Хочется мнѣ дѣльцо-то въ нынѣшнемъ году кончить съ мошенникомъ Шарохинымъ. Теперь оно въ сенатъ пошло на разсмотрѣнье. Та̀къ, либо сякъ, да конецъ-то бы поймать; надоѣло мнѣ пороги-то обивать. Всякій день ходишь, ходишь, а ты еще говоришь, ка́къ я утерпѣлъ у Николая всякій день не бывать... Близенькаго свѣту — къ Покрову забрался! Да и что́ мнѣ таскаться? Онъ у меня всякій день, хоть на минуту, да бывалъ. А живетъ какъ всѣ офицеришки... та̀къ-себѣ.

— Нѣтъ, Иванъ Степанычъ, онъ такой акуратный да экономный. Я знаю, зачѣмъ онъ у Покрова-то нанялъ: это чтобъ подешевле было — я его знаю. Къ-тому же съ нимъ Потапычъ. Коля его какъ отца уважаетъ: стало-быть, у нихъ дебошу въ домѣ быть не можетъ.

— Да кто жь тебѣ говоритъ про дебошъ? Нѣтъ, у него знакомство все хорошее.

— Что̀ это Архипъ не ѣдетъ? Я его на почту послала, спросить, нѣтъ ли отъ Коли письма. — Палашенька, выбѣги, матушка, на крылечко, посмотри, не ѣдетъ ли Архипъ.

Дѣвочка выбѣжала на крыльцо, постояла, потомъ спрыгнула съ лѣстницы и, хлопая по грязи, вышла на средину дороги, но, не увидавъ никого, скоро вернулась съ отвѣтомъ:

— Не видать-съ, сказала она, стоя въ дверяхъ и вытирая ноги объ постланный въ сѣнцахъ пеньковой половикъ.

— Вишь, дурочка, ка́къ выпачкалась! Поди мокренькой тряпочкой оботри. Грязь на ногахъ засохнетъ — нехорошо: перетрес-

каются... Да что́ башмачонки-то не надѣнешь? Нѐчего жалѣть, новые куплю.—Смерть люблю эту дѣвочку, прибавила Анна Павловна когда Палаша заперла за собою дверь: — та́къ мнѣ пріятно, какъ около меня душа невиная! Большія-то дѣвки всѣ избалованныя такія, да лукавыя. Въ глазахъ такъ ноги готовы лизать, а за глаза, сама слыхала, какъ онѣ меня честятъ: «чтобъ тебя вихремъ подняло! чтобъ тебѣ распространѣлило!»—вотъ, ей-богу. А что́ я имъ дѣлаю? А Палаша-то, моя голубушка, въ глаза скажетъ «врешь ты, барыня!», а за глазами какъ мать почитаетъ. За то я ее при себѣ и держу.

— Да ты, матушка, и ее избалуешь: знаю я тебя, баловницу! Вотъ хоть бы Николаю: ты ужь мнѣ не говори, что ты ему не откатила порядкомъ.

— Послала, да немного. Гдѣ мнѣ много взять? ты знаешь мои приходы, отвѣчала, краснѣя, Аниа Павловна, наклоня голову и крутя уголъ своего платка.

— То-то, смотри, Анна, не балуй сына на свою шею. Покуда молодъ, пусть потретъ лямку — не великій господинъ! Мать-то у него боярыня столбовая, а я не важная фигура: фельдъегерь былъ, теперь капитанъ въ отставкѣ: такъ пусть знаетъ онъ, что только честнымъ трудомъ можетъ себя поддержать, а не у матери изъ сундука потаскивать... Это-то легко; а пусть онъ пройдетъ съ мое: мнѣ мать-то ничего не совала... Всего натерпѣлся, и голоду и холоду... Вотъ тогда человѣкъ будетъ, тогда хоть все отдай — слова не скажу.

— Ка̀къ это вы такъ разсуждаете, Иванъ Степанычъ? Ну, могу ли я видѣть свое дитя въ нуждѣ? Ужь что Палашка, и за той смотришь, чтобъ и тепло и сыто было; а то сынъ родной...

— Это другое дѣло: Палашка твоя раба; гдѣ ей взять, если ты не дашь? Ты за нея Богу отвѣтишь, если она страдать будетъ. А сынъ твой не въ крайности: жалованье царское получаетъ; онъ человѣкъ свободный, ему дорога открыта—работай, трудись... а ты только дѣла не порть...

— Да чѣмъ же я дѣло-то порчу? что малость-то пошлю?

— Ну, малость отчего изрѣдка не послать? А то Петербургъ — чортова яма: суй въ нее — до верху не добьешь! Въ немъ тотъ малый и спасенъ, у кого въ карманѣ-то не позваниваетъ.

— Вы все меня пугаете. У меня и то сердце-то не на мѣстѣ. Что̀ это Архипъ не ѣдетъ? Коля и такъ двѣ почты пропустилъ. Пойду-ка сама погляжу, не ѣдетъ ли Архипъ.

И Анна Павловна вышла на крылечко.

Смеркалось. Вороны черною тучею съ крикомъ носились надъ домомъ, усаживаясь на ночлегъ. Было холодно; дулъ рѣзкій вѣтеръ, сильно качая обнаженныя еще деревья сада и мелкій кустарникъ за дорогой. Анна Павловна приподняла съ шеи платокъ на голову и пристально глядѣла на извилистую даль дороги. Палашка, опершись на перила, прыгала передъ, ней какъ бѣлка, изъ стороны въ сторону. Наконецъ, на поворотѣ, показалась черная точка.

— Палашенька, погляди-ка, матушка — у тебя глаза то молодые — никакъ ѣдетъ!

— Ѣдетъ барыня, ѣдетъ.

— Ну, славу Богу! Дай-то, Господи, чтобъ письмо привезъ.

Недолго ждала Анна Павловна: черная точка видимо приближалась, и скоро ясно можно было разсмотрѣть мужика на рыжей лошади. Онъ тоже, вѣроятно, завидѣлъ барыню, прибавилъ рысцы и, немного погодя, подъѣхалъ къ крыльцу.

— Что? привезъ, Архипушка?

— Привезъ, матушка-барыня, отвѣчалъ Архипъ, соскакивая со стараго одѣяла, которое было подвязано на лошади вмѣсто сѣдла, и доставая изъ-за армяка письмо.

— Спасибо, мой голубчикъ, сказала Анна Павловна, радостно хватая письмо и уходя съ нимъ въ комнату.

— Палашенька, матушка, поищи очки мои тамъ, въ спальнѣ, на окошкѣ или на божничкѣ. Скорѣй же, матушка, пошевеливайся. Да свѣчку зажги: темно, не вижу, говорила Анна Павловна, надѣвая очки. Помахай свѣчку-то: вишь, еле горитъ, прибавила она, усаживаясь къ столу, и принялась за чтеніе.

— Что жь ты, матушка, вслухъ не читаешь? спросилъ Иванъ Степановичъ.

— Погоди немного, дай я прежде сама прочту, а послѣ и тебѣ. У меня голосъ теперь дрожать будетъ.

— Ужь не хитри, Анна: вѣрно боишься, что онъ денегъ проситъ.

— Постой, постой, батюшка! Ахъ, ты Господи! что же это такое, Иванъ Степанычъ, съ Колей случилось?... Какое-то счастье... На̀, читай: я не могу! вдругъ заливаясь слезами и подавая письмо, едва могла выговорить Анна Павловна.

— Какое счастье? флегматически привставая со стула, спросилъ Иванъ Степановичъ.

— Да читай же, батюшка. Видишь, я не могу.

Иванъ Степановичъ присѣлъ къ столику и, взявъ у жены изъ рукъ письмо, началъ читать:

«Драгоцѣнные родители!

«Спѣшу увѣдомить васъ, что сына вашего постигло необыкновенное счастье. Послѣ отъѣзда батюшки, я нечаянно познакомился въ домѣ генеральши Рытовой, у которой прелестная внучка, княжна Година. Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній, мнѣ бабушка ея дала замѣтить, что не прочь выдать за меня свою внучку...»

— Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи! прервала чтеніе Анна Павловна. — Голубчикъ ты мой, Колинька. Охъ! охъ! захлебываясь слезами, говорила она, качаясь на стулѣ.

— Полно, Анна! Что̀ ты, матушка, бѣснуешься? Дай докончить.

— Милый ты мой, сынъ ты мой! взыскалъ тебя Богъ. Господи! услыхалъ ты мою грѣшную молитву... Читай, читай, батюшка. Охъ, не могу! О-о-охъ! удушливо вскрикнула Анна Павловна и упала на спинку кресла.

— Анна, Анна! что̀ съ тобой? спросилъ Иванъ Степановичъ бросаясь къ женѣ.—Палашка, Палашка! дѣвки! воды, воды скорѣй! кричалъ онъ, поддерживая жену, которая лежала па рукѣ его, закрывъ глаза, и тяжело дышала.

Вбѣжала дѣвушка Палаша и начала суетиться около барыни. Иванъ Степановичъ взялъ въ ротъ большой глотокъ воды и прыснулъ имъ въ лицо Аннѣ Павловнѣ. Она вздрогнула, глубоко вздохнула, открыла глаза и, взглянувъ на мужа, проговорила:

— Прошло... прошло; не пугайся; это у меня такъ, отъ нечаянности дыханье захватило. Читай, батюшка, читай... Дѣвушки, вонъ подите: мнѣ теперь хорошо.

— Прошло, а сама вся трясешься. На́-ка водицы выпей... вишь, руки-то какъ трясутся.

— Читай, батюшка, что́ тамъ еще.

— И читать не хочу! Убьетъ тебя когда-нибудь твоя глупая любовь.

— Полноте, Иванъ Степанычъ, ка́къ вамъ не грѣхъ!.. А сами-то развѣ вы его не любите?

— Люблю, матушка, да не бѣснуюсь.

— И я не бѣснуюсь. Я не виновата, что мнѣ что-то подъ сердце подкатилось. Читайте же, я васъ прошу.

— Ну, слушай, да чуръ, не глупи у меня больше.

— Не буду; ей-богу, не буду.

Иванъ Степановичъ развернулъ опять письмо и прочелъ слѣдующее:

«... За княжной Годиной, говорятъ, кромѣ приданаго, сто тысячъ деньгами. Вы видите, что этакая партія и не для меня была бы находка. Теперь отъ васъ, любезные родители, зависитъ мое счастье. Батюшка! матушка! благословите меня—и я буду свататься формально. Полный надежды, что вы не отвергнете моей просьбы, остаюсь покорный вашъ сынъ

«Николай Китинъ.»

— Все, батюшка?... Ахъ ты, Господи!

— Погоди, погоди, матушка. Тамъ еще что-то есть, сказалъ Иванъ Степановичъ пробѣгая пост-скриптумъ письма.—Вотъ это, такъ и я скажу, молодецъ! Ай-да парень!..

— Что жь ты одинъ читаешь? И я знать хочу...

— А вотъ что: Николай на-дняхъ будетъ переведенъ въ гвардію. Молодецъ! Право, молодецъ!

— Ахъ ты, Господи! ахъ...

— Полно, Анна! Ты опять? строго сказалъ Иванъ Степановичъ:—ты и радоваться-то не умѣешь. Утри, утри глаза... Плакать-то тутъ нѐчего, что сынъ у тебя малый хорошій, находчивый... Вотъ, признаться, я не ожидалъ, чтобъ онъ такъ скоро пристроился. Экой вѣтеръ какой! не пишетъ, въ какой полкъ поступаетъ. Охъ ты, молодость, молодость! говоритъ Иванъ Степановичъ улыбаясь и глядя на письмо.—Анна, Анна! слышишь, что пишетъ? «Матушка! на васъ вся моя надежда, умолите батюшкю не препятствовать моему счастью». Экой дурень какой! да что, мнѣ, что ли, жить съ его княжной? Мнѣ-то что? Кабы онъ еще былъ дѣвка, такъ я бы поломался, не позволилъ бы не въ свои сани сѣсть... а онъ мужчина: его никакіе князья не заѣдятъ, хоть онъ и фельдъегерскій сынъ. Это ужь княжое дѣло разбирать, а не мое. Господь съ нимъ, пошли ему Богъ счастье!

— Пошли, Господи! набожно повторила за мужемъ Анна Павловна.—Это, Богъ съ ней, что она княжна, только бы добрая, простая была, Колю бы любила. Ты правду говоришь, Иванъ Степанычъ: онъ мужчина, его, хоть и неровню, а не загонятъ въ княжескомъ домѣ.

— Кольку-то? Да его самъ чортъ не загонитъ.

— Что̀ это вы, кого во святомъ дѣлѣ поминаете, Иванъ Степанычъ!

— Вырвалось, Анна, вырвалось на радостяхъ! Вотъ пере-

шелъ-то, перешелъ въ гвардію—вотъ главное! Теперь пойдетъ—я его знаю; хорошо пойдетъ, говорилъ Иванъ Степановичъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, самодовольно потирая руки.

— Что жь, Иванъ Степанычъ, отписать, вѣдь, ему поскорѣе надо. Онъ, я думаю, ждетъ-не-дождется.

— Отпишемъ, матушка; погоди, не горитъ.

— А ка́къ ты думаешь, Иванъ Степанычъ, можно ли мнѣ ему тихвинскую Матерь Божью послать, что̀ съ изумрудомъ, благословеніе родительское? Не бѣдно это будетъ? Вѣдь ризато тяжелая.

— Анна, Анна! женщина ты умная, богомольная, а какой вздоръ несешь: бѣдна Матерь Божья!

— Да я думала, въ домъ-то такой, чтобъ не осудили.

— Полно. Ее, Царицу Небесную, и князья по платью не встрѣчаютъ. Это у тебя гордость, Анна, заговорила. Грѣхъ, Анна! И безъ ризы пошли, хоть къ царю-батюшкѣ — и у него дорогая гостья будетъ.

— Прости ты меня, Господи! набожно перекрестившись, прошептала Анна Павловна.—И впрямь, смолола, грѣшная. А что́, Иванъ Степанычъ, когда Коля жениться будетъ, поѣдешь ты на свадьбу? Я-то ужь не могу: куда мнѣ въ знать лѣзть! Вотъ ужь пять лѣтъ, какъ въ Петербургѣ не была, чепца съ лентами не надѣвала—куда мнѣ!

— А мнѣ куда? Чего я не видалъ? Ка́къ парня съ дѣвкой вѣнчаютъ? Такъ я помню, какъ самъ съ тобой подъ вѣнцомъ стоялъ. Нѣтъ, не хочется, Анна. Лучше напишемъ, чтобъ насъ и не тревожилъ. А женится—недалеко, пусть жену сюда привезетъ — познакомимся. Здѣсь она лучше и отца и мать узнаетъ, на ихъ гнѣздѣ; тутъ мы въ своей натурѣ будемъ. Хочетъ—полюбитъ, а не хочетъ — какъ хочетъ. Изъ-за сына намъ не въ свои сани садиться нѐчего. Куда мы полѣземъ? князьевъ и графьевъ смѣшить? Да и Николая надо поберечь; онъ тамъ нашелся, онъ малый ловкій, красивый, умный, самъ не хуже любаго князя, а тутъ, я подъ бочекъ стану: «Ну, скажутъ, отецъ-то того... не важная фигура». Только подгадишь... та̀къ, Анна?

— Ну, ужь Богъ-знаетъ, что́ ты говоришь: ты нигдѣ не подгадишь.

— А все-таки, матушка, лучше не лѣзть туда, гдѣ ничего общаго съ людьми нѣтъ—вотъ тебѣ мое слово, Анна.

— Ну, какъ хочешь, и ужь я не поѣду.

Такъ потолковали между собой старики Китины и рѣшили на другой же день написать сыну письмо съ изъявленіемъ своего родительскаго согласія на бракъ его съ княжной Годиной и послать ему въ благословеніе образъ тихвинской Божьей Матери, съ просьбой, не тревожить ихъ, стариковъ, на свадьбу.

XI.

Прошелъ мѣсяцъ. Княжна Лиза, хорошенькая, свѣженькая въ нарядномъ платьѣ сидѣла у окна. Два длинные каштановые локона лежали на ея открытыхъ, круглыхъ плечахъ. Черная ленточка, на которой висѣлъ большой золотой крестъ, туго притянутая около шеи золотымъ сердечкомъ, еще болѣе возвышала матовую бѣлизну кожи. Широко-заплетенная коса лежала діадемой вокругъ головы. Лиза, то нетерпѣливо барабанила своими розовыми пальчиками по столу, то вскакивала, садилась на окно и, прижимаясь къ стеклу щекою, глядѣла вдоль къ Невскому.

Вдругъ загремѣли дрожки.

Лиза встала на колѣни на окно и, отворивъ форточку, высунула въ нее свою головку. Все лицо ея загорѣлось яркимъ румянцемъ. Она кому-то кивала головой и, прижавъ пальчики къ губамъ, посылала поцалуи; а когда шумъ дрожекъ умолкъ подъ самымъ окномъ, Лиза соскочила съ него, побѣжала въ переднюю, сама отворила дверь и пустилась внизъ по лѣстницѣ.

На первой площадкѣ ей загородилъ дорогу Китинъ, который, распахнувъ шинель, принялъ ее въ свои объятія, поднялъ за талью и поцаловалъ.

— На-силу ты пріѣхалъ! Я такъ давно тебя жду! сказала ему Лиза, цалуя его нѣсколько разъ.

— Душка моя, если я опоздалъ, такъ это ты же виновата. Я хотѣлъ сегодня тебѣ сдѣлать сюпризъ. Ты ничего не замѣчаешь? сказалъ Китинъ, тихо опустивъ Лизу на полъ и сдернувъ съ себя шинель.

— Боже! закричала Лиза, отступая назадъ и вглядываясь въ Китина:—ты гвардеецъ! ты уланъ!

— Дá, mon ange, ты этого желала, а твое желанье для меня законъ.

— Очаровательный!.. прелесть... повернись!

— Хорошо, хорошо; пойдемъ въ комнаты.

Они, обнявшись, пошли по лѣстницѣ. Войдя въ залу, Лиза начала вертѣть Китина и оглядывать новый мундиръ его.

— Ахъ, кàкъ ты милъ! Кàкъ идутъ къ тебѣ отвороты—прелесть! Давно ли? Какой секретникъ: ничего не сказалъ, что тебя перевели! Бабушка, бабушка! подите скорѣй, скорѣй! кричала Лиза.

— Чтò у васъ тамъ? Горитъ, что ли? Чтó такое, что ты кричишь, Лиза? ворчала старуха, тихо бредя по амфиладѣ комнатъ.

— Да скорѣй же, бабушка! кричала опять Лиза и, пустившись бѣжать къ ней на встрѣчу, схватила ее за руку, притащила въ залу и, поставивъ старуху противъ Китина, сказала:

— Вы ничего не видите, бабушка?

— Какъ не видать? Николай Иванычъ.

— И больше ничего, бабушка?

— Что, мать ты моя, почемъ мнѣ знать, чтó у васъ за секреты.

— Какіе секреты, бабушка! Чтò это какія вы старыя, ничего не видите. А это что? спросила Лиза, взявъ въ руку кончикъ отворота.

— И впрямъ стара стала. Что это? Новый мундиръ, кажется?

— Слава Богу! догадались. Коля гвардеецъ, Коля уланъ. Вы рады, бабушка? сказала Лиза и бросилась цаловать старуху.

— Не души, не души. Какъ не рада, очень-рада. Поздравляю тебя, мой батюшка.

— Благодарю васъ, бабушка, сказалъ Китинъ и поцаловалъ руку старухѣ.

— Ну, бабушка, когда жь мы будемъ дѣлать визиты? Вотъ ужь мѣсяцъ, какъ вы и колины родители благословили насъ, мы женихъ и невѣста, а никто еще этого не знаетъ. Я хочу познакомить Колю съ Годиными, я хочу, чтобъ всѣ его видѣли, а мы сидимъ въ-заперти.

— По-мнѣ бы, пожалуй, мать моя, хоть сейчасъ, да самъ Николай Иванычъ просилъ подождать.

— Отчего жь ты не хочешь, Коля?

— Душка, я не люблю этихъ собачьихъ комедій. Вы будете возить меня, какъ звѣря, на-показъ— это несносно; и потому я желалъ бы, чтобъ визиты и сговоръ сдѣлать какъ-нибудь поближе къ свадьбѣ. Ты еще не знаешь, что женихъ и невѣста съ той

минуты, какъ объ этомъ объявятъ, дѣлаются общимъ достояніемъ. Насъ начнутъ таскать изъ дома въ домъ, и тогда ни одной минуты покоя. Впрочемъ, я готовъ сейчасъ.

— Вотъ, Коля, почему бы мнѣ хотѣлось сдѣлать визиты скорѣй. У Годиныхъ будетъ на-дняхъ театръ, сюрпризъ дѣдушкѣ. Если тебя не представятъ тамъ женихомъ, мнѣ придется ѣхать одной; а я не хочу, я не поѣду. Пожалуйста, согласись.

— Я согласенъ, поѣдемъ. Поѣдемъ хоть послѣ-завтра.

— Mercі, милка, ангелъ, очаровательный! Ахъ, ка́къ я рада! А то оно не такъ ловко. Годины вѣрно все знаютъ чрезъ людей, а отъ насъ ни слова. Они могутъ обидѣться: это не хорошо.

— Ну, кончено, мы ѣдемъ, успокойся.

— Ахъ, ка́къ я рада! Знаешь, Коля, ка́къ у Годиныхъ весело? Просто, прелесть!

— Ну, ужь не́видаль какая! Что́ у нихъ веселаго? И толку-то въ домѣ никакого нѣтъ, и на князей-то они не похожи... сказала старуха Рытова.

— Вы, бабушка, всегда спорите; вы ненавидите Годиныхъ, а они всѣ милые, милые, милые! Коля самъ увидитъ, что вы все выдумываете.

— Лизочка, Лизочка!.. прервалъ ее Китинъ.

— Она и все бабку на нихъ мѣняетъ. Тебѣ это новость, мой батюшка, а я привыкла. Точно приколдовали они ее—прости Господи меня, грѣшную! ворчала Дарья Яковлевна.

— Я не мѣняю, бабушка; а люблю и васъ и ихъ. А вы хотите, чтобъ я ихъ ненавидѣла, какъ вы: этого не будетъ!

— Богъ съ тобой! Люби кого хочешь, сказала старуха и, махнувъ рукой, пошла въ свою комнату.

Китинъ и Лиза остались одни.

— Зачѣмъ ты такъ сердишь бабушку, Лиза? Это, право, нехорошо.

— Ты не знаешь, Коля, какая она злая. Я не могу слушать, когда она нападаетъ на Годиныхъ, которые ей ничего не сдѣлали—ну, не могу, да и только!

— Душка моя, положимъ, бабушка и несправедлива, да тебѣ-то что́ жь за дѣло? Она можетъ разсердиться и не дать тебѣ того, что она прежде располагала.

— Что жь, пусть ничего не даетъ! Вѣдь у тебя есть чѣмъ жить: ты самъ богатъ.

— Ты судишь какъ ребенокъ. Зачѣмъ же терять свое? Повѣрь, что деньги никогда не лишнія.

— Я не люблю денегъ; мнѣ бы только все было. А я сама не бѣдная невѣста. У меня пятьдесятъ тысячъ въ ломбардѣ: она же положила. Да еще у меня есть папенькина часть въ дѣдушкиной деревнѣ въ В....ой Губерніи. Это все что-то очень-много; мнѣ больше ненадо.

— Все-таки ты не должна грубить.

— Я знаю, Коля, но не могу съ бабушкой говорить какъ съ другими. Я не знаю почему, мнѣ такъ весело ей грубить.

— Это дурно, душка; надо уважать бабушку.

— Нѣтъ, Коля, ужь этого я не могу, даже для тебя не могу... Да что это мы говоримъ все про бабушку и противныя деньги? Лучше давай болтать о чемъ-нибудь другомъ.

— О чемъ же мы будемъ болтать, Лиза? задумавшись, разсѣянно сказалъ Китинъ.

— Ка́къ, о чемъ? Давай говорить о томъ, ка̀къ мы будемъ съ тобой жить. Что̀ квартира?

— Отдѣлывается. Всѣ комнаты готовы, залу только красятъ; я думаю, завтра все будетъ кончено, и обойщики начнутъ свое дѣло. А мёбель поставить недолго. Сегодня у насъ двадцать-второе; къ первому мая все будетъ готово, а пятнадцаго, какъ мы предполагали, можно будетъ сдѣлать свадьбу...

— А бабушка все говоритъ, что если въ маѣ будетъ свадьба, я весь вѣкъ буду маяться—это, вѣдь, неправда, Коля?

— Полно, душка! Это предразсудки старыхъ людей. Ужь въ этомъ я и самъ не уступлю бабушкѣ. Каждый день мнѣ кажется вѣкомъ.

И Китинъ притянулъ къ себѣ Лизу и поцаловалъ ее.

— Ты любишь меня, Коля? говорила Лиза, положивъ обѣ руки на плечи Китина и глядя ему прямо въ глаза.—Знаешь, я прежде сама не знала, что́ я дѣлаю; мнѣ было весело, что ты въ меня влюбился, что все это случилось такъ необыкновенно; я воображала, что и я влюблена... А сказать ли тебѣ правду? Тогда я не умѣла любить... Теперь совсѣмъ другое... теперь я чувствую, что я не та, совсѣмъ не та... Я переродилась... теперь только я люблю тебя, Коля. Знаешь ли что́, продолжала она шопотомъ, прижавшись къ Китину:—я до-сихъ-поръ никого не любила. Я сейчасъ готова уѣхать отъ бабушки, не видать родныхъ... а тебя?... Еслибъ у меня отняли тебя, я побѣжала

бы за тобой на край свѣта. И, странно, я и сама не знаю, какъ это со мной сдѣлалось. Когда и въ какую минуту я переродилась—не помню... А чувствую, что я не та, совсѣмъ не та...

— Полно, Лиза, не говори такъ! сказалъ Китинъ, подъ вліяніемъ какого-то грустнаго чувства.

— Отчего не говорить? Что ты сталъ вдругъ такой серьёзный? добивалась Лиза, разбирая своими пальчиками его черные кудри.

— Такъ. Я не люблю, когда ты говоришь такимъ языкомъ: мнѣ это тяжело.

— Тебѣ тяжело, что я люблю тебя?

— Нѣтъ, мнѣ грустно, что ты такъ рано хочешь сбросить съ себя свою милую рѣзвость: она такъ оживляла все вокругъ тебя... Ты въ первый разъ заговорила со мной какъ-то по новому—вотъ отчего я и задумался.

— Вопервыхъ, monsieur Китинъ, языкъ любви мнѣ теперь, по вашей милости, уже неновый... А вовторыхъ, я не сбрасывала своей рѣзвости, и сброшу ее въ тотъ только день, когда вотъ эта рожица меня разлюбитъ... Втретьихъ, не глядите такъ: вы похожи на ястреба, комически-серьёзно сказала Лиза, видимо желая разсмѣшить Китина.

— На ястреба? улыбаясь, спросилъ онъ.

— Да-съ! на ястреба. А вы развѣ еще не знали, что всякій человѣкъ, когда ему зажать нижнюю часть лица, похожъ на какое-нибудь животное... Вотъ, право ястребъ! прибавила Лиза, зажимая рукой ротъ Китина. — Да́! ястребъ, ястребъ... только теперь въ хорошемъ расположеніи духа.

Китинъ молча цаловалъ ея руку.

— А бабушка, не правда ли, похожа на сову? А Савишна совершенная лиса?

— Вотъ такъ, Лиза; будь всегда такая! Такой я узналъ тебя, такой и желалъ бы видѣть тебя всю жизнь.

— Это странно! точно ты хочешь, чтобъ я всю жизнь была пустая дѣвчонка, опять серьёзно сказала Лиза.

— Нѣтъ, не пустая, а милая, рѣзвая, довѣрчивая дѣвушка, немного смутившись, отвѣчалъ Китинъ.

— Изволь, Коля, я буду все, все, что́ ты хочешь. Только люби меня, много, много... такъ, какъ я тебя люблю.

— Развѣ я не люблю тебя, Лиза?

— Любишь, только ты скученъ сегодня. Да не называй меня Лиза; это что-то такъ строго.

*

— Ка́къ же звать тебя? Кажется, всѣ зовутъ тебя такъ.

— Всѣ, а не ты! Найди мнѣ другое имя.

— Ну, я буду звать тебя Лиля — хочешь? сказалъ, смѣясь, Китинъ.

— Хочу. Это очень-мило! А я тоже не буду звать тебя Коля: это что-то такъ просто. Ка́къ бы мнѣ звать тебя?

— Зови меня Коко.

— Ахъ, нѣтъ! захохотавъ, сказала Лиза:—не могу! Мы въ монастырѣ бумажныхъ пѣтушковъ называли «cocotes!» Не могу, не могу! Знаешь, что́ мы съ ними дѣлали? Мы ихъ всегда подкидывали въ шляпу Фишера. Ка̀къ онъ злился — просто, умора! Нѣтъ, я лучше буду звать тебя Нини: это такъ мило! Розочка Bodin всегда такъ называла своего брата. Да́, да́! Я буду звать тебя Нини. Ты любишь меня, Нини?

— Люблю, Лили...

— Нини-Лили, Лили-Нини... Ахъ, какъ это смѣшно!...

Оба расхотатались.

— Нѣтъ, давай лучше говорить по-старому... не могу, право не могу!...

И долго Лиза не унималась отъ смѣха.

XII.

Чрезъ день послѣ этого, рано утромъ, въ комнатѣ Лизы были разложены по стульямъ только-что принесеные изъ магазина наряды...

Лиза, въ утреннемъ капотѣ, тихо ходила по комнатѣ и всякій разъ, мимоходомъ, дотрогивалась до какой-нибудь вещи: то приподнимала она рукавъ бѣлаго шитаго платья и разглядывала его, то брала шляпку, примѣряла ее и, расправляя пальчиками цвѣтокъ подъ полями, улыбалась, глядя на себя въ зеркало, то вдругъ оставляла все и задумывалась. И въ эту минуту на лицѣ ея было столько мысли, столько души, что никто не узналъ бы въ ней прежней, вѣтряной Лизы.

Видимо было, что характеръ ея начиналъ измѣняться, что она была именно въ томъ переходномъ состояніи, когда дѣвушка, оставаясь еще ребенкомъ, слановится уже женщиной.

Лизѣ не суждено было—какъ это бываетъ со многими женщинами, получившими ложное воспитаніе— остаться на всю жизнь

недоконченнымъ созданіемъ; не суждено ей было прожить свой вѣкъ, скользя отъ легкихъ привязанностей къ удовольствіямъ свѣта. Нѣтъ, глубокое, сильное чувство, дремало въ груди вѣтрянаго, повидимому, ребенка.

Воспитанная бабушкою, которую не уважала, окруженная подругами, которыми повелѣвала, родными, которыхъ чуждалась, Лиза, какъ сама она говорила, никого еще горячо не любила.

Что̀ жь мудренаго, что первое, новое вліяніе должно было сильно подѣйствовать на незанятое еще сердце Лизы? Къ-тому же, это новое вліяніе явилось въ давно-мечтанномъ, миломъ образѣ молодаго офицера. Чего же болѣе? Побѣда была на сторонѣ Китина: ему, какъ первому пришедшему въ необитаемый край, суждено было открыть всѣ сокровища нетронутой еще почвы.

Та́къ и случилось. Китинъ сдѣлалъ первый шагъ — и поддержанная подѣтски Лизой интрига разыгралась преобразованіемъ всего ея существа. Со всѣмъ пыломъ юной души бросилась она довѣрчиво на встрѣчу новому чувству и полюбила не шутя.

Теперь, разглядывая свои наряды, она то радовалась имъ, какъ дитя, то, совершенно забывая о нихъ, уносилась мыслью за тѣмъ, кто, по ея мнѣнію, одинъ только могъ открыть ей новый міръ любви и счастья.

«О! ка́къ люблю я тебя, Коля! Что̀ бъ было со мною, еслибъ ты не явился ко мнѣ? Я бы прожила весь вѣкъ и не узнала бы, что можно любить иначе, ка́къ я люблю бабушку. Не приди ты, я весь вѣкъ осталась бы пустой дѣвчонкой. Отчего это ты не хочешь, чтобъ я задумывалась даже на минуту? Не думать можетъ только человѣкъ, который никого не любитъ, а я люблю крѣпко и много. О! какъ я люблю тебя, Коля! За одну минуту твоего счастья я готова заплатить цѣлою жизнью мученій. Но ты не будешь несчастливъ — нѣтъ, я буду съ тобою. Теперь я уже не капризная дѣвочка, которая не могла бы составить счастье человѣка — нѣтъ, ты переродилъ меня. Но почему же тебѣ не нравится то именно, что̀ ты самъ разбудилъ во мнѣ? Да̀, я не та уже Лиза, которую полюбилъ ты; но я лучше, Коля, право лучше. Теперь, я думаю, я люблю... а прежде я не думала, не любила. Не бойся, я не утрачу моей веселости, которая такъ тебѣ нравится. Для тебя я съумѣю быть и рѣзвымъ ребенкомъ и любящей женщиной!»

Долго бы такъ промечтала Лиза, но ее позвали къ бабушкѣ.

Лиза вошла въ комнату Дарьи Яковлевны.

Передъ старушкой, въ почтительномъ отдаленіи, стоялъ Иванъ Кудрявый, камердинеръ покойнаго Леонида Петровича Година.

Лиза весело кивнула ему головой.

— Здравствуй, голубчикъ Иванъ, ка̀къ я давно тебя не видала!

— Здравствуйте, ваше сіятельство. Я слышалъ, что Господь вамъ посылаетъ судьбу: вотъ я и пришелъ васъ поздравить. Позвольте ручку поцаловать.

— Благодарю тебя, Иванъ, сказала Лиза и протянула руку, которую Иванъ бросился цаловать съ радостнымъ лицомъ.

— Дай вамъ Богъ, матушка-барышня, всякаго благополучія!

— Благодарю, благодарю, Иванъ.—Вы звали меня бабушка? сказала Лиза обращаясь къ старухѣ Рытовой.

— Звала, матушка. Что́, ты все еще не одѣта? Вѣдь двѣнадцатый часъ, отвѣтила Дарья Яковлевна, которая, разряженная въ пухъ, сидѣла на своемъ стулѣ.

— Я скоро одѣваюсь, бабушка; я сейчасъ буду готова.

— Да вотъ, мать моя, Иванъ пришелъ. Онъ теперь кухмистеръ, столы снимаетъ, такъ проситъ на свадьбу твою столъ сдѣлать. Хочешь ты его взять, или француза какого? Дѣлайте тамъ, ка́къ знаете, а мое дѣло только деньги заплатить.

— Не откажите, ваше сіятельство, позвольте мнѣ хоть чѣмъ-нибудь васъ возблагодарить за милости ко мнѣ вашего покойнаго батюшки. Онъ меня на волю по духовной отпустилъ, да еще наградилъ мой ничтожный ему трудъ—я долженъ это чувствовать. А теперь, по его милости, Богъ благословилъ, дѣла мои идутъ хорошо: я столы снимаю. Такъ вотъ я и пришелъ просить ваше сіятельство, чтобъ вы позволили мнѣ и на вашу свадьбу столъ сдѣлать. Я, матушка-барышня, съ васъ возьму только то́, что́ мнѣ самому будетъ стоить, и канделябры, фарфоръ, стекло и серебро поставлю все въ лучшемъ видѣ. А французъ-то съ васъ и сдеретъ пофранцузски, ваше сіятельство. А ужь я вамъ смѣло доложу, что мой столъ любому французскому не уступитъ. Прикажите только, ваше сіятельство.

— Разумѣется, Иванъ, ты будешь дѣлать столъ. Ты нашъ, свой. Я очень рада, благодарю тебя.

Иванъ опять подошелъ и поцаловалъ руку княжны.

— А ка́къ насчетъ *меню съ* изволите приказать?

— Что́ это такое *меню-съ?* Я не знаю.

— То-есть вразсужденіи блюдъ-съ, вина и прочаго.

— Ну, ужь этого я не понимаю. Погоди; сейчасъ Коля долженъ пріѣхать, онъ тебѣ прикажетъ.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство.

Лиза ушла одѣваться, а Дарья Яковлевна осталась толковать съ Иваномъ.

Скоро пріѣхалъ Китинъ, узналъ отъ бабушки, въ чемъ дѣло, и порѣшилъ съ Иваномъ, чему и какъ быть.

Чрезъ полчаса къ нимъ опять вышла Лиза.

Китинъ бросился къ ней.

— Какъ ты мила, мой ангелъ! сказалъ онъ, взявъ ее за талью.

— Не извольте мять меня, милостивый государь: я сегодня, по вашимъ словамъ, не ваша, а общее достоянье!

Точно, Лиза была прелестна въ эту минуту. Легкое, кисейное бѣлое платье совершенно обрисовывало ея тонкую талью; открытая, высокая грудь слегка прикрывалась прозрачной пелеринкой; длинныя бѣлыя перчатки оставляли наружу два полные локотка, на которыхъ виднѣлись глубокія ямочки; изъ-подъ круглой, пастушеской бастовой шляпки, какъ-бы обсыпанной яблочнымъ цвѣтомъ, выглядывало милое, свѣжее личико Лизы; двѣ бѣлыя завязки вились по плечамъ и впутывались въ два каштановые, длинные локона; темносѣрые, большіе глаза, вполовину прикрытые рѣсницами, смотрѣли на Китина. Она улыбалась и показывала свои бѣлые, ровные зубки.

— Нѣтъ, сыдарыня вы моя, сегодня какъ и всегда! отвѣчалъ Китинъ на выговоръ Лизы.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, не мни ты ея, мой батюшка. Что́ за срамъ, на что она похожа будетъ! Перестань, перестань Николай Иванычъ! Ѣхать пора, мой батюшка; вонъ часъ бьетъ, заворчала старуха Рытова.

Всѣ трое отправились съ визитами.

Были у Годиныхъ, которые, какъ и всегда, ихъ радушно приняли, хотя немного удивились, что къ нимъ прямо привезли жениха и невѣсту, не предувѣдомивъ ихъ о томъ, что племянница ихъ выходитъ замужъ.

На прощанье, князь Юлій Петровичъ и жена его пригласили старуху Рытову и Лизу съ женихомъ къ себѣ на вечеръ втораго мая—день рожденія стараго князя.

Отъ Годиныхъ они отправились къ генералу Рѣдькину, жена котораго была двоюродная сестра князя Юлія Година.

Генералъ Рѣдькинъ встрѣтилъ гостей. Жена его еще спала. Онъ былъ высокаго роста; голова его была вытянута кверху угломъ. Онъ былъ очень-важенъ и принялъ гостей покровительственнымъ тономъ.

— Здравствуй, дитя, сказалъ онъ Лизѣ, не обращая вниманія на старуху:—дитя, дитя... мудрецъ, мудрецъ... Ты замужъ идешь? Не рано ли? говорилъ онъ очень-глубокомысленно. И потомъ, обратясь къ Китину, подалъ ему два пальца:

— Поздравляю васъ, молодой человѣкъ, сказалъ онъ ему и, поворотившись къ дамамъ, прибавилъ:

— Дитя, ступай съ бабушкой къ женѣ: она, я думаю, уже проснулась, а мы съ твоимъ женихомъ здѣсь потолкуемъ.

Лиза повела бабушку по длинному, днемъ лампами освѣщенному корридору; встрѣтила тамъ англичанку, горничную Магдалины Андревны Рѣдькиной, которая тотчасъ же пошла доложить о нихъ барынѣ, и возвратилась съ отвѣтомъ, что Магдалина Андревна проситъ ихъ войдти.

Какъ-только они переступили порогъ, съ ширмъ, съ занавѣсей кровати, съ окошекъ, поднялась стая голубей и начала кружиться надъ ихъ головами. Попугаи, лазая внизъ и вверхъ по жердочкамъ, пронзительно кричали. Канарейки въ садкахъ, на окнахъ, старались перекричать попугаевъ. Нѣсколько кроликовъ, въ испугѣ, заскакали по ковру; изъ-подъ кровати и одѣяла, подъ которымъ лежала Магдалина Андревна, раздавалось злобное ворчанье собакъ; напрасно она била ихъ сверхъ одѣяла, онѣ приходили въ совершенную ярость, перепрыгивали по ней взадъ и впередъ и заливались на нѣсколько голосовъ залы воющимъ лаемъ.

Лиза и старуха боялись сдѣлать еще шагъ.

— Не бойся, чучело; онѣ не кусаются, сказала Магдалина Андревна Лизѣ, весело протягивая ей руку. — Не бойтесь, ma cousine, не бойтесь, обратилась она къ старухѣ Рытовой.

Дамы ободрились и подошли къ кровати. Англичанка подвинула имъ кресла, и онѣ сѣли.

Магдалина Андревна лежала въ шитой батистовой рубашкѣ, съ накинутою на плечи турецкой пунцовой шалью.

Она была очень-молода и хороша собой; волосы ея были свернуты въ колечко и проколоты золотыми шпильками. На го-

лыхъ рукахъ надѣты дорогіе браслеты, а на пальцахъ множество колецъ, изъ которыхъ, на четвертомъ пальцѣ лѣвой руки отличалось одно, съ огромной трехугольной бирюзой.

Усѣвшись поближе къ тёткѣ, удивленная Лиза невольно обратила вниманіе на маленькій столикъ, который стоялъ у кровати: на немъ былъ поставленъ старинный раскольничій складень, подлѣ котораго лежалъ молитвенникъ и французскій открытый романъ, стояла чашка кофе и еще что-то серебряное, чему бы не слѣдъ, кажется, стоять тутъ же, на столѣ, передъ складнемъ.

Магдалина Андревна лежала и ничего не говорила, кромѣ хм... хм... хм..., ma cousine! Ха-ха-ха! ma cousine.

Съ дамами она вообще трудно находилась въ разговорѣ.

— Тёточка, я выхожу замужъ, начала первая Лиза.

— За кого? привставъ на локтѣ, спросила Магдалина Андревна.

— За поручика Китина.

— Только! Жаль, что такъ поторопилась; я хотѣла тебѣ посватать князя Неумѣева.

— Ахъ, тёточка, какъ это можно! Я люблю Китина.

— Qu'est-ce qu'il y a parler de l'amour! Epouse avant et l'amour viendra après. Я же вышла за Рѣдькина! Il est laid, tout promis?

— Il est beau, comme un ange.

— Oh! alors il n'est pas à prendre avec des pincettes. Dis plutôt, beau comme Apollon, cela vaut mieux, petite sotte! На этомъ прекрасномъ совѣтѣ окончился визитъ.

Лиза встала, старуха Рытова, пригласивъ Магдалину Андревну на свадьбу пятнадцатаго мая, раскланялась, и обѣ пошли въ залу. Имъ оставалось еще просить Пафнутія Михѣевича Рѣдькина въ посаженые отцы къ жениху.

Дарья Яковлевна требовала этого непремѣнно. Генералъ Рѣдькинъ былъ лицо офиціальное; его очень любило начальство за то, что ни у кого не было такого порядка на службѣ. Особенно Пафнутій Михѣевичъ любилъ чистоту. Это онъ изобрѣлъ, въ свое время, сыпать грядками песокъ по краямъ лѣстницъ, за что и былъ въ большомъ ходу. А Дарья Яковлевна протекцію такихъ людей ставила выше всего.

Она опять вошла въ залу. Генералъ Рѣдькинъ все стоялъ опершись рукой на столъ, а другую заложивъ за третью пуговицу.

Онъ никогда не садился самъ передъ молодыми людьми, чтобъ не имѣть повода посадить и ихъ.

Когда Дарья Яковлевна объявила ему свою просьбу, онъ поклонился одной головой, изъявилъ согласіе, потомъ проводилъ дамъ до дверей, говоря Лизѣ:

— Прощай, дитя... дитя... Мудрецъ... мудрецъ!

Послѣ дома Рѣдькиныхъ, женихъ и невѣста сдѣлали еще нѣсколько визитовъ.

Были тоже у тётушки, генеральши Тулупиной, которая ихъ приняла съ кислой физіономіей.

— Здравствуйте, почтенная Дарья Яковлевна! здравствуй, милочка! сказала генеральша Тулупина Лизѣ, усаживая старуху Рытову на диванъ и жеманно кланяясь Китину.

— Позвольте сперва, моя матушка, представить вамъ Наколая Ивановича Китина — это женихъ Лизы. Прошу любить да жаловать.

— Честь имѣю васъ поздравить, сказала Тулупина, обводя однимъ поклономъ всѣхъ гостей вмѣстѣ и сдѣлавъ мину еще кислѣй.

— Вотъ какъ, милочка, ты выходишь замужъ, а мы ничего и не знали! Впрочемъ, нынче родные стали люди посторонніе: имъ всегда самыя пріятныя новости сообщаются послѣднимъ. Ка́къ не цѣнить, послѣ этого генерала Коврижкина? Что́ мы ему? Ничего. Онъ начальникъ моего Доли; Доля мой его подчиненный, а ка̀къ онъ милъ, внимателенъ! Повѣришь ли, милочка, что когда, на прошлой недѣлѣ, захворала моя Розочка (Розочка эта была собака, шарло), онъ тотчасъ прислалъ ко мнѣ чиновника своего, Валетова, который изобрѣлъ цѣлебныя лепешечки; но ничто не помогло—страданія ея были ужасны! А послѣ, когда моя Розочка окончила жизнь, самъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ навѣстить меня; и ка́къ я ни была убита, это меня тронуло до слезъ.

Въ этомъ тонѣ тянулся разговоръ, наполненный колкостями и шпильками. Китинъ, не принимая въ немъ никакого участія, пожималъ, отъ нетерпѣнія, плечами.

Вошелъ самъ генералъ Тулупинъ, крошечнаго роста съ мосичьей физіономіей, со звѣздой на виц-мундирѣ. Онъ тоже былъ необыкновенно-сладокъ и нѣженъ, но сквозь эту нѣжность проглядывала сильная напыщенность и надутость. Впрочемъ, тутъ не было ничего необыкновеннаго. Тулупинъ былъ дѣйствительный

статскій совѣтникъ, имѣлъ звѣзду, которую не снималъ даже ходя съ дачи на озеро купаться. Что̀ жь мудренаго, что онъ зналъ себѣ цѣну и умѣлъ давать себѣ вѣсъ?

Видимое непріятное чувство, овладѣвшее Китинымъ, заставило дамъ прекратить визитъ, которымъ и кончилось представленіе роднымъ жениха и невѣсты.

XIII.

Наступило утро втораго мая. Въ домѣ князя Година всѣ, какъ всегда бывало, въ это время не сидѣли по своимъ угламъ. Во всѣхъ комнатахъ была суетня и приготовленія къ чему-то необыкновенному. Двери въ залу были заперты снутри съ обѣихъ сторонъ. Въ ней глухо слышались голоса нѣсколькихъ человѣкъ. Княгиня шила что-то, запершись въ своей спальнѣ, и безпрестанно примѣряла на двухъ маленькихъ дочерей. Въ столовой, Матрена Ефремовна, семидесятилѣтняя няня князя Юлія Петровича, выдавала людямъ хрусталь, посуду, столовое бѣлье и перебранивалась съ дѣвушками и лакеями.

— Ну, что̀ схватила? Покажи! кричала она на дѣвушку.—Да не хватай же ты лапищами, какъ медвѣдь! ворчала она на лакея. — Образа-то въ васъ человѣческаго нѣтъ, а все оттого, что выросли-то вы безъ заготовленія, какъ ковыль въ степи. Да и князь-то самъ дитя... (Матрена Ефремовна всю жизнь воображала, что князь, котораго она няньчила, все еще ребенокъ). Гдѣ ему съ вашей хамовой породой сладить!... Нѣтъ, господамъ служить такъ, съ вѣтру, нельзя. Тутъ нуженъ молъ да и перемолъ... Насъ не такъ учили...

— А ка̀къ же васъ учили, Матрена Ефремовна? спросила вострушка-горничная, переглядываясь съ лакеями.

— Да не такъ, какъ тебя. Ты поди и кудлашки отродясь не чесывала, а за барскую голову берешься, да еще за какую—за княжью... Да сто̀ишь ли ты этой чести?

— Отчего же не сто̀ю?

— Оттого, что неполированная.

— А что̀ это такое полированная значитъ, Матрена Ефремовна?

— То и значитъ, что въ наше время такихъ неумоекъ, какъ вы, и въ комнату не пускали; а выберутъ, бывало, изо всей деревни дѣвчонку, не паршивую какую-нибудь, а бѣлую, чистую, холеную, отъ отца, отъ матери. Вотъ и привезутъ княгинѣ—нашего-то бабкѣ — на глаза сводятъ. Она посмотритъ, прикажетъ косу ей стричь, въ баню сводить, да и отдать по началу; а по началу что̀ значило? то-есть въ кухню. Вотъ въ кухнѣ-то и пошла дѣвка тряпицей у всѣхъ людей: всякій ей дѣло суетъ, всякій затрещины даетъ—вотъ онъ человѣкъ-то и оболванивается. Вотъ въ кухнѣ-то бьютъ-бьютъ и въ людскую отдадутъ. Вотъ въ людской-то бьютъ-бьютъ, да и къ дворецкому служить сведутъ. Дворецкій-то съ женой бьетъ-бьетъ, да какъ она пообшмыгается, и въ дѣтскую подымутъ. Въ дѣтской-то няньки дерутъ-дерутъ за уши, таскаютъ-таскаютъ за волосы, да готовую только барынѣ служить представятъ... Вотъ оно полированная-то что̀ значитъ. Идешь, бывало, по комнатѣ, словно по бархату—не то̀, что̀ вы, точно табунъ нагнали...

— Да ужь это, спаси Господи, хорошо полированье! Я бы всѣ глаза повыдрала, сказала та же горничная.

— Не повыдрала бы: у княгини и на это средство было. Такая, какъ ты, попадется да зартачится, княгиня морковку сдѣлать прикажетъ... Небойсь, сейчасъ уймется.

— Что это такое еще за морковка? Господи Боже ты мой! со страхомъ спросила дѣвушка, перетирая хрусталь.

— Морковка? А вотъ возьмутъ тебѣ всѣ юбки на голову да веревкой сверхъ маковки завяжутъ; за пучокъ-то держатъ, а на чемъ слѣдуетъ, дурь-то и выколачиваютъ... Небойсь, не зартачишься!

— Ахъ, страсть какая! сказала дѣвушка и закрыла лицо руками.

Лакеи громко захохотали.

— Страсть? За-то всѣ люди присутствіе господъ чувствовали.

— И изъ васъ тоже морковку дѣлали, Матрена Ефремовна? спросилъ одинъ изъ мужчинъ.

— Дѣлали... Что̀ я за писанная была? холопка—больше ничего. Вотъ и мой отецъ всѣмъ домомъ заправлялъ, любимецъ княжій былъ, а и ему, какъ провинится, княгиня не спускала. Ужь подъ шестьдесятъ былъ, а она его на колѣни передъ собой ставила съ чулкомъ, урокъ задавала на нитку, ради стыда, къ своему стулу привязывала... Умѣла, покойница—дай ей Богъ

царствіе небесное — съ нами обращаться. Не тó, чтó князь Юлій Петровичъ; гдѣ ему? Молодъ... да и княгиня-то Софья Ѳедоровна такая же—гдѣ тутъ порядку быть? Дѣвка замужъ захотѣла, на волю просится — иди... Мужчина жениться захотѣлъ— вольную даютъ. Всѣхъ деревенскихъ бобылей въ домъ забираютъ, кормятъ... Анамнясь Аксютку изъ семейнаго дома привезли— князь прогнѣвался: кáкъ смѣли отъ матери взять? «Я, говоритъ, сироту приказалъ привезти, а не отъ отца, отъ матери!» а княгиня обнялась съ дѣвчонкой да и плачутъ обѣ... Гдѣ тутъ пути быть? Не бывать пути! Дѣти, то-и-дѣло, то тому, то другому изъ людей вольную выпрашиваютъ да спорятъ между собой, кому отнести подарить... Точно радость какая!... А скоро и людей-то не будетъ: всѣхъ пораспустятъ... Вотъ мой племянничекъ, Иванъ Кудрявой, скоро богаче господъ станетъ... Грамотный, на дворянкѣ женился, въ коляскѣ ѣздитъ. Пришелъ онъ анамнясь къ князю, а тотъ ему: «садись, Иванъ». Спасибо, что не сѣлъ, а то я бы ему въ пакли-то вцѣпилась: знай у меня сверчокъ свой шестокъ!...

Странно и непонятно казалось Матренѣ Ефремовнѣ, которая прошла сама всѣ ступени полировки и возвышенія старинныхъ слугъ, филантропическое направленіе ея молодаго барина. Сама она воли не хотѣла и не понимала, на чтò она, и кáкъ можно давать ее людямъ. Еслибъ ей сказать тогда, что придетъ счастливое время, когда всѣ сердцà, всѣ умы, займутся освобожденіемъ человѣчества, что для этого будутъ наряжаться коммиссіи, устроятся комитеты, она бы ни за чтó не повѣрила, а подумала бы, что ее дурачатъ, и сама отвѣчала бы шуткой: «Да на что вамъ, моимъ батюшкамъ, комитеты? Возьмите моего князя и княгиню: они вамъ въ одинъ мигъ весь свѣтъ пораспустятъ».

— Ну, чтó вы рты-то, какъ вороны, поразинули? чтó я вамъ сказочница, что ли досталась? Да знайте, что вы мнѣ всѣ, сколько васъ ни есть — тьфу!... больше ничего...

Матрена Ефремовна плюнула; люди захохотали. На эту сцену вошелъ старый князь.

— Здравствуй, Ефремовна. Что ты тутъ воюешь?

— Какъ не воевать, будешь воевать! Распустилъ всѣхъ князь Юлій Петровичъ—мóченьки моей съ ними нѣтъ! отвѣтила, низко кланяясь, Матрена Ефремовна.

— Ну, полно, полно! Гдѣ всѣ наши?

— Легко вамъ говорить «полно»! Глаза бы не видѣли, сердце бы не болѣло. А я все тутъ торчу, какъ пугало на огородѣ; одна за барское добро стою. Какъ не воевать—завоюешь!

— Я тебя спрашиваю: наши всѣ гдѣ? спросилъ нетерпѣливо старый князь.

Ефремовна еще не успѣла отвѣтить, какъ изъ дверей показалась маленькая фигура дѣвушки, лѣтъ восьмнадцати, не красивой, но доброй наружности. Она поспѣшно подошла къ князю и, краснѣя, сказала:

— Здравствуйте, князь. Мнѣ поручила Глафира Петровна просить васъ, какъ только вы пріѣдете, придти къ намъ наверхъ.

— А Юлій, Соня гдѣ?

— Они? Они оба заняты, сказала молодая дѣвушка и вспыхнула, такъ-что брови покраснѣли.

— Заняты?... Молодецъ Лёлинька! Вотъ секретница, такъ секретница! Когда у меня будетъ тайна, моя душа, я за тобой пришлю... сказалъ князь, улыбаясь и трепля ее по плечу.

— Какая тайна, князь? Я не знаю, про что вы говорите.

— Вотъ онъ, секретъ-то гдѣ! сказалъ князь, показывая на ея проборъ, по которому начала уже пробираться краска съ яркопылавшаго лица.—Ну, ну, хорошо; у васъ тутъ ничего нѣтъ, я ничего не знаю. Не выдамъ я тебя. Пойдемъ наверхъ.

И старичокъ, обнявъ дѣвушку, поднялся съ ней по лѣстницѣ, которая вела изъ столовой наверхъ, въ комнату дѣвицъ.

— Полно, полно — это умѣетъ сказать... Старой слугѣ и поворчать нельзя! А мамзель дѣтскую, какъ ровню, обнимаетъ... А она-то и идетъ, за панибрата, тоже рукой обняла!... И въ умѣ-то, поди, нѣтъ, съ кѣмъ идетъ... Тьфу ты, Господи, что за вѣкъ такой!... проворчала имъ въ слѣдъ Ефремовна.

— Здорово, дѣвки! весело крикнулъ князь, войдя въ комнату дѣвицъ.

Всѣ три дѣвушки вскочили. Глафира Петровна подошла къ ручкѣ отца, а дѣвицы Рудины, безъ церемоніи, подставили ему свои губки.

— Садитесь, батюшка, сказала Глафира Петровна, усаживая отца противъ себя на кресло. Мадмуазель Диммеръ подсѣла къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ.

— Ну, что у васъ новаго, дѣвки?

— У насъ, батюшка, ничего, отвѣчала Глафира Петровна.

— А Лиза-то выходитъ замужъ, отозвалась изъ угла Вѣра Ѳедоровна.

— Слышалъ, слышалъ, матушка. Ужь не говори! сказалъ князь, поворачиваясь къ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ. — Пріѣзжали ко мнѣ съ женихомъ, да меня дома не было. Что̀, каковъ онъ?

— Онъ очень-хорошъ собой и, кажется, очень-милый молодой человѣкъ, отвѣчала Вѣра Ѳедоровна.

— Ну, вамъ, коли хорошъ, такъ и милый — знаю я вашу братью-молодёжь! А мнѣ сдается, что тамъ, гдѣ эта старая вѣдьма Рытиха ворожитъ, добра не бывать. Не погубила бы она дѣвчонку. Жаль мнѣ ее, смерть-жаль будетъ.

— Что̀ это, батюшка, ка̀къ можно, не зная человѣка, судить?

— Я никого никогда не сужу, Глафира; а мнѣ все что-то странно кажется это знакомство въ храмѣ божьемъ. Люди говорятъ, что старуха-то его изъ Казанской привезла, и что̀ это за тайна такая?... точно они жениха украли, цѣлый мѣсяцъ дѣвка-невѣста, и никому ни гугу... Дай Господи, чтобъ я ошибался; а мнѣ все это кажется неладно...

Всѣ замолчали. Князь началъ, отъ-нечего-дѣлать, глядѣть въ окно. Вдругъ все его вниманіе было привлечено чѣмъ-то на сосѣднемъ дворѣ.

— Что̀ это тамъ, Глафира, за фигура на шестѣ поставлена— не разберу, сказалъ князь, прищуривъ глаза.

— Это флюгеръ, батюшка, чтобъ знать, куда вѣтеръ дуетъ.

— Знаю, матушка; что̀ ты мнѣ толкуешь? я не малолѣтный. Точно я флюгера во всю жизнь не видывалъ! Знаю, что флюгеръ, да фигура-то какая?

— Пѣтухъ, батюшка.

— Пѣтухъ! Какой же это дуракъ посадилъ пѣтуха? спросилъ, начиная сердиться, старый князь. — Онъ дуракъ, матушка! тутъ мысли никакой нѣтъ! Какъ посадить пѣтуха! Экой оселъ! Гумъ... пѣтухъ... Дуракъ!... Пѣтуха...

— Да что же вы сердитесь, батюшка? Я не понимаю, что̀ вамъ дѣлаетъ этотъ пѣтухъ?

— Ты дура, матушка! Какъ-таки посадить пѣтуха?... Да тутъ смыслу никакого нѣтъ. Пѣтухъ вертится. Зачѣмъ пѣтуху вертѣться, цѣлый день вертѣться?... Глядѣть не могу... ворчалъ князь, выходя изъ себя.

— Такъ не смотрите, батюшка, и не сердитесь, сказала Глафира Петровна и, не выдержавъ, вдругъ расхохоталась. Дѣвицы Рудины и мадмуазель Диммеръ дружно ее поддержали.

— Дурищи! сказалъ князь и скорыми шагами пошелъ къ двери. Дѣвицы вскочили и загородили ему дорогу.

— Батюшка, куда вы? Князь, не уходите! Внизъ нельзя! кричали онѣ всѣ въ одинъ голосъ.

Князь остановился, забылъ про пѣтуха и смотрѣлъ съ удивленіемъ на эту атаку. Потомъ, какъ-бы припомнивъ что-то, улыбнулся и мигнулъ значительно глазами мадмуазель Диммеръ—которая опять вся вспыхнула—пошелъ къ креслу; но, взглянувъ нечаянно въ окно и увидѣвъ опять на сосѣднемъ дворѣ ненавистнаго пѣтуха, сердито повернулъ кресло и сѣлъ спиною къ окну. Между-тѣмъ внизу продолжалась тревога и суетня. Въ запертой съ обѣихъ сторонъ залѣ приготовлялся сюрпризъ для стараго князя. Вечеромъ долженъ былъ идти на домашнемъ театрѣ «Фельдмаршальскій мундиръ», комедія Коцебу, «Сцена изъ Эдипа», и дивертиссементъ «Крестьянская свадьба». Для сохраненія секрета и во избѣжаніе болтовни людей, всѣ приготовленія дѣлались руками князя Юлія и друзей его. На полу, на разостланной, неготовой еще задней занавѣси, лежалъ князь Юлій Петровичъ съ выпачканными краскою лицомъ и руками. Онъ дописывалъ декорацію сада для послѣдней пьесы. Торстенсенъ, Кнусенъ и еще два офицера, безъ сюртуковъ, помогали ему: кто растиралъ краски, кто приколачивалъ на дерево готовыя уже боковыя кулисы; Алёша Рудинъ дерзалъ даже намазывать кистью.

— Юлій, Юлій! посмотри каковъ я сдѣлалъ листокъ на березѣ: живой, просто живой! съ восхищеніемъ кричалъ онъ:—да обернись же! Каковъ?

— Ай-да Лёша! Валяй еще, валяй весь уголъ — не разсмотрятъ издали... Вотъ я сейчасъ кончу эту аллейку и барскій домъ — и дѣло въ шляпѣ!

— Не забудь, что у комнаты мыши зеркало проѣли, надо заплату положить, отозвался Алёша Рудинъ.

— Баронъ! вотъ клейстеръ, залѣпите, а послѣ я запишу, сказалъ князь, подавая кусокъ парусины.

— Мнѣ нельзя, князь, я держу... кулиса упадетъ, отвѣчалъ баронъ Штраль, одинъ изъ актёровъ.

— Квости завсѣмъ нейтъ, раздался изъ угла печальный голосъ Торстенсена.

— Такъ возьмите у Сони денегъ и сбѣгайте, пожалуйста, сами въ лавочку, сказалъ князь, обращаясь къ Торстенсену. — Да вы съумѣете ли спросить гвоздей?

— Мой можетъ, отвѣтилъ важно Торстенсенъ.

— Подите ко мнѣ, я васъ выучу, сказалъ Алёша Рудинъ и взялъ Торстенсена за плечо:—ну, повторяйте: гвоздей обойныхъ, гвоздей обойныхъ, гвоздей обойныхъ!

— Квости опойна, квости опойна, квости опойна, повторилъ за нимъ Торстенсенъ.

— Ну, теперь бѣгите въ лавочку, сказалъ Рудинъ, поворачивая Торстенсена къ двери.—Маршъ! живо!

Торстенсенъ выбѣжалъ изъ залы, крича:

— Квости опойна, квости опойна!

— А что́, господа, гдѣ у насъ хлопушки для «Фельдмаршальскаго мундира?» Послѣ придется стрѣлять—и не найдешь, спросилъ князь.

— На окнѣ, за кулисами, князь. Не безпокойтесь, отвѣчалъ баронъ Штраль.

— То-то, пожалуйста, чтобъ онѣ были подъ-рукой, подтвердилъ князь.

Немного погодя, работа князя была кончена, и дѣло стало только за гвоздями. Ждутъ Торстенсена. Наконецъ онъ вбѣгаетъ.

— Принесли гвозди? давайте скорѣе! говоритъ князь.

— Нѣйнъ квости.

— Отчего?

— Мой упалъ, нѣйтъ квости, мой забывалъ, печально отвѣчаетъ Торстенсенъ, показывая на бокъ своего сюртука, выпачканный въ грязи.

Оказывается, что Торстенсенъ, выйдя изъ воротъ, пустился бѣжать, какъ изъ лука стрѣла, крича во все горло «квости опойна, квости опойна», чтобъ успѣть добѣжать до лавки и не позабыть, что́ спросить—и какъ-тутъ налетѣлъ на тумбу, шлёпнулся со всѣхъ ногъ въ лужу, забылъ заученыя слова: «квости опойна» и вернулся домой съ пустыми руками.

XIV.

Часовъ въ семь вечера, домъ князя Година былъ ярко освѣщенъ. Гости были въ полномъ сборѣ и, въ ожиданіи спектакля, помѣщались въ гостиной. Молодёжь, отдѣлясь особой группой, весело болтала, старики мирно толковали, а старушки въ чепцахъ, въ видѣ павлиньихъ хвостовъ, усѣвшись чинно по двѣ, сплётничали-себѣ втихомолку. Изъ кабинета Юлія Петровича раздавались голоса мужчинъ, которые, составивъ тѣсный кружокъ, громко спорили, судили и рядили. Лиза Година, въ голубомъ креповомъ платьѣ, съ серебряными колосьями на головѣ, ходила съ Китинымъ подъ-ручку между группами гостей и, какъ это обыкновенно бываетъ съ женихомъ и невѣстой, обращала на себя общее вниманіе.

— Вотъ, подите, матушка! шептала генеральшѣ Тулупиной старушка въ огромномъ чепцѣ, который, при каждомъ ея движеніи, производилъ шумъ ржи во время вѣтра:—вотъ оно, счастье-то что́ значитъ! Ну, что́ въ Лизѣ-то Годиной необыкновеннаго есть? Ничего—а вышла судьба. Мои-то и всѣмъ взяли (при этомъ старушка кивнула головой вправо, и чепецъ ея указалъ на двухъ зрѣлыхъ, полныхъ дѣвъ, которыя болтали съ кавалерами, дѣлая разныя ужимочки маленькихъ дѣтей), а судьбы-то нѣтъ—и сидятъ. Что̀ ты будешь дѣлать? А вотъ княжна и маленькая, и сухонькая, а выходитъ. Вотъ тутъ и судите!

— Да̀, милочка, ужь не говорите! Я вамъ скажу, что это все склеилось только потому, что старуха богата и все оставляетъ внучкѣ — вотъ главный магнитъ гдѣ.

— Что̀ вы, матушка? Говорятъ, что онъ самъ богачъ. Знай это я прежде, ужь бы познакомилась, не дала бы имъ поддѣпить его.

— Да, вѣдь, онъ, милочка, пріѣзжій: трудно было знать; а старуха Рытова—пролаза. Человѣкъ пришелъ въ храмъ божій—она его оттуда, безъ зазрѣнія совѣсти, вытащила. Согласитесь, милочка, кто изъ насъ на это способенъ?

— Да́, вотъ подите! А мои-то все сидятъ да сидятъ...

— А который годъ вашей меньшой, Сашечкѣ? язвительно спросила генеральша Тулупина.

— Ей, ей? Сашечкѣ?... да шестнадцатый, не вдругъ отвѣтила старуха.

— Стало-быть, я ошибаюсь; мнѣ все казалось, милочка, что Сашенька была лѣтъ десяти, когда я выходила за моего Долю, двадцать лѣтъ назадъ... Вотъ память-то ка́къ иногда сбиваетъ. Та̀къ вотъ и помнится, ко́сы у нея еще были такія длинныя; я все любовалась...

Но старуха уже не слушала ее и, сдѣлавъ вольтъ чепцомъ, обратилась къ другой дамѣ.

Во всѣхъ углахъ слышались разспросы о женихѣ, но никто не могъ удовлетворить любопытству; всѣ видѣли его въ первый разъ и знали только, что онъ пріѣзжій. Между-тѣмъ Китинъ, оставивъ Лизу, знакомился со всѣми, толковалъ съ мужчинами, любезничалъ съ дамами, обворожалъ дѣвицъ своей красотой, манерами, находчивостью—и скоро вся зала огласилась похвалами красавцу-Китину. Генеральша Рѣдькина, наконецъ, завладѣла имъ совершенно, утащила его на диванъ, усѣлась съ нимъ рядомъ и болтовнѣ не было конца.

— Il est charmant! вскрикивала она всякую минуту, называла его «mon cousin», развивала ему свои теоріи, и «хи-хи-хи, ха-ха-ха» раздавались на всю гостиную.

— Зачѣмъ вы женитесь, mon cousin? Я терпѣть не могу ни женитьбы, ни замужства; c'est si bête un mariage...

— Вы хотите сказать, ma cousine, что для любви не надобно оковъ.

— Я хочу сказать, что мужъ самъ оковы.

— Не для васъ, ma cousine... шепнулъ Китинъ, наклонясь надъ полнымъ плечомъ Магдалины Андревны и лукаво заглядывая ей въ глаза.

— Чучело!.. сказала Рѣдькина, ударяя слегка Китина вѣеромъ:— Пафнутій Михѣичъ... Ne touchez pas c'est un homme d'or... и залилась громкимъ смѣхомъ.

— Золото легко спускать съ рукъ, ma cousine...

— Taisez vous vaurien... Хи-хи-хи... Я васъ спрашиваю: что́ вамъ за охота жениться и возиться съ такимъ ребенкомъ, какъ Лиза?

— А, можетъ-быть, она у меня тоже золото, ma cousine...

— Хи-хи-хи! Il est charmant...

— А что̀ бы вы изъ меня сдѣлали, ma cousine?

— Я? Я бы сдѣлала изъ васъ адъютанта, mon cousin...

— При Пафнутіи Михѣичѣ?...

— Можетъ-быть... Во всякомъ случаѣ, я не понимаю, что̀ вамъ за охота носить этотъ мундиръ? Что̀ это за фалдочки!... C'est indécent, mon cher... хи-хи-хи...

Лиза Година подошла къ нимъ.

— Лиза, я говорю твоему жениху, что его мундиръ ни на что не похожъ. C'est un beau garçon, это, просто, жалость. Вели ему перейти къ кому-нибудь въ адъютанты—c'est si noble...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, Коля, отчего ты лучше не перешелъ въ адъютанты? Аксельбантъ — это прелесть! Перейди, если можно...

— Постараюсь. Pour vous plaire, mes dames, je suis prêt à devenir l'aide de camp du Grand Turc.

— Пожалуйте, пожалуйте въ залу! раздался голосъ Юлія Петровича.

Княгиня Софья Ѳедоровна подошла къ старому князю и, взявъ его подъ-руку, повела въ театръ и посадила въ первый рядъ, на приготовленное ему кресло. Гости съ шумомъ начали усаживаться; на фортепьяно, за кулисами, заиграли увертюру. Сѣрый каленкоровый занавѣсъ, на которомъ была нарисована золотая лира въ лучахъ, началъ тихо подниматься. Первой пьесой шелъ «Фельдмаршальскій мундиръ».

Когда занавѣсъ поднялся на аршинъ, подъ нимъ вдругъ пробѣжали ноги въ пестрыхъ чулкахъ: онѣ принадлежали князю Андрею Петровичу, старшему брату хозяина дома, который всегда торопился и боялся опоздать. Въ эту минуту, зная, что ему первому выходить, онъ не выдержалъ и вылетѣлъ прежде, чѣмъ занавѣсъ поднялся. Хотя его поймалъ баронъ Штраль и втащилъ опять за кулисы, но дѣло было уже сдѣлано: толстыя икры князя въ полосатыхъ чулкахъ трактирщика, произвели свой эффектъ. Долго зрители не унимались отъ смѣха. Эта маленькая неудача отзывалась впродолженіе всей комедіи; князь торопился еще болѣе, пропускалъ реплики и сбивалъ себя и другихъ. Игравшая съ нимъ трактирщицу сестра его, Глафира Петровна, растерялась, начала все перевирать и заговариваться, и въ то время, когда ей слѣдовало сказать: «а къ намъ гостей путемъ поналетѣло», кто-то шепнулъ изъ-за кулисъ: «смотри, ты не скажи: гу-

сей»... и за словомъ, какъ-тутъ, Глафира Петровна брякнула: «а къ намъ гусей путемъ поналетѣло»...

Настроенные на смѣхъ, съ самаго поднятія занавѣса пестрыми чулками князя Андрея Петровича, зрители не выдержали. Старый князь затрясся на своемъ креслѣ, плечи его запрыгали, и отъ него электрической искрой смѣхъ побѣжалъ по рядамъ и сообщился актёрамъ. Никто не могъ ни слушать, ни играть — все хохотало. Занавѣсъ упалъ. Немного погодя, его подняли, и пьеса пошла хорошо. Актёры играли прекрасно, и только въ то время, когда, въ ужасѣ, вбѣгаетъ трактирщица и кричитъ: «пальба! пальба!» хоть бы кто пальцемъ щелкнулъ. Кромѣ какой-то глухой возни за кулисами и перебранки нѣсколькихъ голосовъ, ничего не было слышно, и, спустя нѣкоторое время, когда о пальбѣ не было уже и помину, вдругъ послышалось какое-то страшное бряцанье, что-то въ родѣ нѣсколько разъ захлопнутой заслонки о печку. Впрочемъ, этотъ звукъ, принятый за случайность, прошелъ непримѣтно, только плечи стараго князя попрыгали немного, и пьеса окончилась благополучно. Пока переставляли кулисы для сцены изъ «Эдипа», публика разбрелась по комнатамъ; актёры выскочили въ костюмахъ и вмѣшались въ толпу гостей. Старый князь цаловалъ всѣхъ и благодарилъ за сюрпризъ.

— Спасибо, друзья, говорилъ онъ:—а ужь Андрею и Глафирѣ—мое почтеніе... Молодцы! потѣшили старика. Я, грѣшный человѣкъ, ненавижу чинныхъ, домашнихъ спектаклей: то-то въ нихъ и мило, какъ что̀ запутается да перевретъся; а на то, чтобъ спать, есть у насъ и настоящій театръ. Да что̀ это у васъ, други мои, за пальба такая была?

— Ахъ, батюшка! сказала Глафира Петровна:—вѣдь у насъ бѣда случилась. Юлій наклеилъ чудныхъ хлопушекъ; мы вчера пробовали — совершенныя пушки; да баронъ Штраль вздумалъ передъ спектаклемъ выпить съ Лёшей Рудинымъ шампанскаго, вѣроятно, чтобъ не оробѣть, и нужно было имъ откупоривать бутылку именно у того окна, гдѣ были хлопушки: пробка выскочила, вино убѣжало—и прощай наши пушки! Братъ Юлій нашелъ только бумажный кисель. Никто не придумалъ въ первую минуту, что̀ дѣлать, и перепуганный Штраль, желая загладить свою вину и палить чѣмъ бы то ни было, бросился къ заслонкѣ и началъ ею хлопать объ печь. Къ-счастью, что его скоро оттащили, а то бы я опять расхохоталась.

— Спасибо и барону: чѣмъ больше неудачъ, тѣмъ лучше! стоялъ на своемъ старый князь.

— C'est charmant! charmant! кричала Рѣдькина.

— Мудрецы, мудрецы... говорилъ актёрамъ генералъ Рѣдькинъ. — Что́ у васъ еще идетъ?

— Сцена изъ «Эдипа въ Аѳинахъ», отвѣтила хозяйка дома.

— Вотъ что́! А какіе мудрецы въ ней играютъ?

— Эдипа — князь Андрей Петровичъ, а Антигону — сестра моя, Паша.

— Дитя! Хорошо, хорошо!

— А еще, милочка, что́ идетъ? Мы, вѣдь, хоть родные, а ничего не знаемъ, спросила генеральша Тулупина.

— Ка́къ же ты хотѣла знать то, что́ отъ всѣхъ скрывалось, Саша? Это былъ сюрпризъ батюшкѣ; мы желали, чтобъ онъ первый узналъ его, отвѣтила тихо княгиня Софья Петровна на шпильку своей двоюродной сестры.

— Да́, милочка, я и забыла, что у васъ въ домѣ все секреты... Насъ такъ избаловалъ генералъ Коврижкинъ... мы всегда знаемъ первые, что́ у него дѣлается въ домѣ—такъ я, милочка, та̀къ и сказала...

— Да ка̀къ, мать ты моя, Коврижкину и быть-то съ тобой иначе? подхватилъ, вспыхнувъ, старый князь:—ты вспомни только, что́ почтеннѣйшая матушка твоя для него дѣлала, когда онъ зимой въ нанковомъ сюртукѣ ходилъ... Вѣдь онъ у нея нахлѣбникомъ былъ. Вмѣстѣ съ твоимъ мужемъ оба тогда голяками ходили; я, вѣдь, помню... Это было въ то время, когда вы съ сестрой и ваша матушка — дай ей Богъ царствіе небесное, вотъ святая душа была!—на гостиный дворъ шляпки и чепцы шили... ка̀къ не помнить, помню! Очень я уважалъ васъ тогда. Такъ ка̀къ же Коврижкину-то этого не помнить, хоть онъ и взъисканъ теперь? Это ему, въ моихъ глазахъ, честь дѣлаетъ. Вотъ онъ и мужа твоего вытащилъ—ты генеральша стала... Ка̀къ не помнить! все надо помнить, мать моя, слово изъ пѣсни не выкинешь... А что́ жь послѣ «Эдипа»-то идетъ, золото мое? прибавилъ князь, обращаясь къ своей невѣсткѣ, очень-довольной, что напѣлъ правду Тулупиной, которая позеленѣла отъ злости.

— Послѣднимъ пойдетъ девертиссементъ, батюшка; но я не скажу вамъ, кто играетъ: это-то и есть главный сюрпризъ.

— Мало тебѣ досталось за секретъ, душа моя! Ну, да я подожду.

— Эдипъ! Эдипъ! раздалось въ нѣсколько голосовъ, и пестрая толпа бросилась въ залу.

Сцена изъ «Эдипа» шла превосходно. Князь Андрей Петровичъ былъ гримированъ удивительно, игралъ такъ, что у зрителей невольно навертывались слезы. Пашенька Рудина, прекрасная актриса, была неподражаема. Но и тутъ бѣда: въ самую патетическую минуту, когда въ рядахъ зрителей кавалеры сильно моргали, а дамы всхлипывали, прижимая къ глазамъ шитые носовые платки, Эдипъ, который, впродолженіе всей сцены для вящшей вѣроподобности, чтобъ представить совершенно-слѣпаго, бродилъ по подмосткамъ съ закрытыми глазами, и когда Антигона предлагаетъ ему отдохнуть на камнѣ и говоритъ: «Се камень, вижу я, ты отдохни на немъ»... Эдипъ, вѣрный своему сюжету, который не видалъ ни зги и не подумалъ пріотворить глазъ, чтобъ разсмотрѣть, куда сажаетъ его «дочь нѣжная преступнаго отца»— рухнулъ всѣмъ тѣломъ мимо камня... Напрасно поднимала его Антигона своими слабыми руками: ноги Эдипа запутались въ длинномъ хитонѣ, и онъ только прыгалъ и опять опускался на подмостки подъ оглушительными аплодисментами забывшей плакать публики. Старый князь хлопалъ; шумѣлъ больше всѣхъ, слезы текли изъ глазъ его...

— Умру! умру!... Воды! воды!... Эдипа! Эдипа! кричалъ онъ, топая ногами и задыхаясь отъ хохота, смѣшаннаго съ старческимъ кашлемъ.

Спектакль князя Година, на радость отца его, былъ точно на этотъ разъ заколдованъ: ни одна пьеса не проходила безъ приключеній. Въ девертиссементѣ князь Юлій Петровичъ игралъ помѣщика, графа Свѣтскаго, Софья Ѳедоровна — жену его, Алёша Рудинъ—мужика, Паша Рудина—деревенскую дѣвку; дѣти князя Юлія Петровича — двухъ деревенскихъ ребятъ; Лили старшая удивительно вошла въ роль деревенскаго мальчика лѣтъ двѣнадцати, который узнаётъ, что жениха его сестры отдаютъ въ солдаты, бѣжитъ къ своему барину, разсказываетъ ему про плутни старосты и устроиваетъ счастье двухъ влюбленныхъ. Старый князь, въ восторгѣ, глядя на свою внучку, отиралъ слезы. Но на этотъ разъ маленькая Мери, которая, вѣроятно, была въ заговорѣ съ злымъ геніемъ спектакля, помѣшала дѣдушкѣ проливать сладкія слезы: они играла дѣвчонку, которая, по пьесѣ, все время

должна была плакать и ревѣть; но ей заблагоразсудилось лучше хохотать и прятаться за мать свою, которая играла графиню; кто-то изъ большихъ, желая унять ее, пригрозилъ ей тихонько, и она заревѣла въ-самомъ-дѣлѣ именно въ то время, когда графиня говоритъ послѣднія слова пьесы: «вотъ, наконецъ, и Дашка разсмѣялась». Не Дашка разсмѣялась, а опять-таки дѣдушка, который не далъ унасть занавѣсу, перешагнулъ черезъ рампу и вынесъ шестилѣтнюю заплаканную актрису въ гостиную, расцаловалъ ее и, положивъ ей въ платье горсть конфектъ, передалъ нянѣ, которая унесла утѣшенную актрису спать.

Гости оставались еще долго и разъѣхались послѣ ужина.

XV.

На Петербургской Сторонѣ, въ Введенской Улицѣ, у воротъ небольшаго домика, стоялъ Андрей. Съ нимъ говорила баба, повязанная по-купечески.

— Что̀ жь твой баринъ за квартиру-то не платитъ? Задатку далъ пять рублевъ, да и баста.

— Не пропадутъ твои деньги за моимъ бариномъ. Отродясь копейки чужой не пропадало. Ты не сомнѣвайся... отдадимъ; погоди.

— Погоди! Вѣдь мнѣ коровушекъ кормить надо. Вонъ нѣмецъ проклятый, учителишко, не платитъ; тоже говоритъ: «погоди»... Да еще самоваръ ономнясь, лѣшій, попросилъ, а я съ дуру и дай. Смотрю: бѣжитъ ко мнѣ мой нѣмецъ и кричитъ: «самовара ушла!»— «Ну, прикройте, молъ, крышкой», говорю я. «Она и съ крышкой ушла!...» говоритъ онъ. Я ему: «Какъ ушла?»—«За вороты ушла...» говоритъ онъ. А это онъ его, лѣшій, раздулъ, да чадно ему показись, онъ его вынеси на дворъ, а самъ-то и уйди. Ворота-то были отперты, самоваръ-то кто-то и стилисни; а онъ, нѣмецъ проклятый, и сказать не умѣетъ: «ушла» говоритъ. Поди съ нимъ и судись! Ни самовара, ни денегъ. Жди-пожди — вотъ она, сиротская доля-то, что значитъ: ладь тутъ съ вами...

— Да ужь за нами не пропадетъ...

— То-то не пропадетъ! Съ нѣмца-то я сдеру, не выпущу безъ этого. У него нѣбелишка кой-какая есть, все заберу. А съ васъ-

то что̀ взять? Нѐбель-то у васъ моя стоитъ. На парѣ-то вы удерете—и пиши пропало. Нѣтъ, Андрей Потапычъ, ты похлопочи! Грѣшно вамъ сироту обижать. Обѣщались впередъ платить, а дали задатку, да и концы... А не то я къ надзирателю пойду. Боюсь я этихъ верхолётовъ. Чортъ меня сунулъ васъ пустить; словно что̀ обошло.

— Да что̀ ты мелешь? Кто тебя обижаетъ? Да какой мой баринъ верхолётъ? У него матушка имѣнье имѣетъ, да и самъ-то онъ на богачихѣ женится. Батюшка его въ Петербургѣ служилъ... Сказалъ отдадутъ, и отдадутъ.

— На богачихѣ женится, самъ богачъ; да что жь къ вамъ никто ни ногой? И знакомства-то у васъ нѣтъ?... Кромѣ отца, и собаки, никого не видала; да и отецъ-то не важный такой, на извощикѣ ѣздитъ... Врёшь ты все, старый! Грѣхъ тебѣ сироту обижать... Вотъ у меня коровушки сѣна просятъ, а ты все «отдадимъ, да отдадимъ». Грѣшно тебѣ. А свадьба-то когда? Вы не улизните отъ меня! Съ нѣмцемъ-то я справлюсь, а васъ-то, соколиковъ, ищи-свищи...

— Да что̀ ты, бѣлены, что̀ ли, объѣлась? Экъ пристала!... Да что̀ мы, бѣжимъ, что ли?

— То-то не бѣжимъ... Похлопочи, Андрей Потапычъ, а то я, вотъ-те Христосъ, въ фарталъ пойду, сказала хозяйка и пошла въ ворота.

— Вотъ ты тутъ и вертись, какъ знаешь! проворчалъ Андрей, оставшись одинъ.—Наказалъ ты меня, Господи, на старости лѣтъ! Вишь чортова баба, какъ пристала... И вѣры ей неймется. Экой избалованный народъ, все впередъ подавай! Да и Николай-то Иванычъ, Богъ его вѣдаетъ, что̀ съ нимъ стало...

Тутъ Андрей смолкъ, понюхалъ табаку, сѣлъ, кряхтя, на порогъ калитки, опустилъ голову и, перебирая пальцами свой красный бумажный платокъ, погрузился въ глубокую думу. И понесся онъ въ давнопрошедшее; сквозь-слезы, мерещился ему образъ ребенка, а за ребенкомъ статный юноша, и дальше, дальше потянулась безконечная нить воспоминаній.

«Мнѣ ли его не знать?» думалъ Андрей, тоскливо качая головой: «мнѣ ли его не знать... Отъ мамки на руки взялъ, а барыня моя, голубушка, только на меня и полагалась. Мамка ли, нянька ли, гулять безъ меня не цойди: все я, какъ хвостъ сзади иду.

А подростать-то сталъ мальчикъ-то, какой занятный былъ! Сидимъ, бывало, съ нимъ у дому подъ березками, сопелочку, или змѣй ему дѣлаешь, а онъ глазёнки-то вытаращитъ да смотритъ таково понятно. А тамъ, глядишь, и самъ норовитъ то же сдѣлать, такъ, вотъ, у него въ ручонкахъ все и кипитъ—удивленье, бывало, да и только. А рисовать-то: лошадь нарисуетъ—лошадь и есть, собаку ли—ну, собака, да и только... Послѣ въ Питеръ, въ корпусъ свезли; я подлѣ корпуса фатеру нанималъ. Чистилъ ему платьеце, холилъ его, нѣжилъ, къ барину по воскресеньямъ водилъ, къ барынѣ вмѣстѣ на каникулы ѣздили. Въ офицеры вышелъ, въ полкъ уѣхалъ—и я съ нимъ. Былъ человѣкъ, какъ быть водится, тихій, акуратный; начальство не нахвалилось. Напишетъ, бывало, мнѣ барыня, потихоньку отъ барина: «Напиши мнѣ, Потапычъ, что̀ и ка̀къ мой сынокъ, а твой баринъ, поживаетъ? Ка́къ себя ведетъ? ка̀къ служитъ? Ничего не скрой отъ меня, старый». Да чего и скрывать было? Вотъ и отпишу, бывало: «Матушка, барыня! извольте только Богу молиться: вашъ сынокъ Николай Иванычъ—дай ему Богъ впередъ такой успѣхъ—утѣшенье вамъ будетъ, по гробъ вашей жизни...» Та́къ все и шло до-тѣхъ-поръ, пока въ анаѳемскій Питеръ не затѣялъ въ отпускъ ѣхать. Затарантилъ, заегозилъ передо мной: «поѣзжай, да поѣзжай къ матушкѣ, проси мнѣ денегъ». Что́ мнѣ, дескать, здѣсь въ этомъ полчишкѣ гнить? я тамъ въ гвардію перейду, я не дуракъ какой, найдусь: чины пойдутъ, жалованье большое. Никогда впередъ въ жизни родителямъ гроша стоить не буду. Теперь пусть только матушка для начала мнѣ поможетъ. Да и циферу-то какую заломилъ... привези, дескать, три тысячи... На шею вѣшался, цаловалъ. Говоритъ: «ты мнѣ отцомъ вторымъ былъ, помоги же и въ люди выйти. Отвези отъ меня письмо къ матушкѣ и проси ты ее вытащить меня изъ этой трущобы: она тебѣ не откажетъ...» Вотъ и поѣхалъ я, окаянный, къ барынѣ, пріѣхалъ, письмо отдалъ, да и бухъ ей въ ноги, прошу, молю, что-де не оставьте вашего рожденья, имъ, дескать, судьба выходитъ... Помогите; вамъ же на радость послѣ будетъ. Она, моя голубушка, и сло́ва поперегъ не сказала. Только рученками развела, да и говоритъ: «вѣдь у меня столько денегъ нѣтъ въ сборѣ, капитала трогать я не могу: эти деньги у насъ, ты знаешь, съ бариномъ общія; онъ мнѣ строго наказалъ ни копейки при жизни изъ нихъ не трогать. Николаю жь бережемъ, когда насъ не будетъ. Иванъ-то Степанычъ все, что́ ни скопитъ, въ ломбардъ

кладетъ, а билеты мнѣ посылаетъ. Счетъ и моимъ и своимъ деньгамъ знаетъ: не могу ни копейки взять. Вотъ, что́ съ деревушки накоплю, онъ мнѣ не мѣшаетъ Колѣ посылать. «Посылай» говоритъ, «только немного»... А теперь у меня въ сборѣ всего малость; тяжба проклятая разорила. Гдѣ жь взять-то?... Развѣ брильянты, жемчугъ продать... я было его женѣ берегла... Ну, да Богъ съ ними, это дѣло наживное! Иванъ Степанычъ про нихъ, поди, и забылъ, а спроситъ, скажу, на церковь пожертвовала... Богъ видитъ мою душу, Онъ меня проститъ... Я сына, а никого другаго спасаю... Они пять тысячъ стоили, хоть бы три-то дали. Ну ихъ совсѣмъ! только бъ Колѣ помочь... Онъ, мой голубчикъ, въ люди выйдетъ, генералъ будетъ... А то, и впрямь, сгніетъ въ своемъ полчишкѣ...»

«Вотъ и продала она ихъ, моя матушка, купчихѣ Брыкиной, отдала деньги мнѣ. «Поѣзжай» говоритъ «скорѣй къ барину: онъ ждетъ, мой голубчикъ...» И все это весело и кротко, а я окаянный взялъ деньги, да и маршъ... Все, думалъ, на пользу дѣлаю... Вотъ, пріѣхалъ, отдалъ денежки. Прыгъ опять ко мнѣ на шею Николай Иванычъ: «благодѣтель! такой-сякой...» Загорѣлось дѣло. Написалъ прошенье, отпускъ вышелъ, мы и шастъ въ Питеръ, къ старому барину, какъ снѣгъ на голову. Онъ ничего... обрадовался, а все жь, извѣстно, мужчина, сердце-то не материнское. Поцаловалъ, помиловалъ, да и говоритъ: «Что, братъ, Николай, я тебѣ радъ, а жить-то тебѣ у меня негдѣ; я на казенной квартирѣ, часто въ отлучкахъ по должности бываю, а ты у меня тутъ, безъ меня товарищей наведешь, содомъ поднимете... Знаю я, вашу братью, молодёжь: всѣ вы хороши до перваго поднесенья, а мнѣ это ни при мнѣ, ни безъ меня не приходится... Тебѣ, вѣрно, мать малую-толику прислала, такъ ты ужь и квартиру найми...» Вотъ и наняли. Первые дни все ничего, туда и сюда... Да какъ нанюхался питерскаго-то воздуха—и пошло у насъ все вверхъ дномъ. Началъ шильничать, да мыльничать... иной разъ и подъ куражомъ пріѣдетъ... А отецъ-то вѣдать не вѣдаетъ. Извѣстно, онъ къ нему въ своемъ видѣ приходитъ, а самъ-то баринъ къ намъ рѣденько заходилъ... «Что, дескать, мнѣ старику таскаться? Чего я у васъ не видалъ?...» А того не видалъ, что сынишку-то съ собаками не найдешь... Вѣстимо, какъ знаетъ, что отецъ придетъ, такъ и посидитъ вечерокъ, а въ другой бы день зашелъ, фю-ю-ю! ищи сердечнаго... А гдѣ и какъ—Богъ его вѣдаетъ. Развѣ что самъ скажетъ, а то гдѣ узнаешь? не

побѣжишь за нимъ. При отцѣ все еще лучше было, хоть лошадей не заводилъ, потише былъ; а только отецъ въ деревню— поѣхали наши на парочкѣ, пристяжная въ кольцо... Вотъ хозяйка-то, баба—больше ничего... а и та крючокъ загнула: «какое, дескать, у васъ знакомство, никто къ вамъ, дескатъ, ни ногой...» А что́ ей скажешь?... И впрямь, живой души съ-тѣхъ-поръ, какъ въ Питерѣ, кромѣ стараго барина, у него никого не видалъ Только самъ—завей горе веревочкой, подопри дверь коломъ—знай себѣ свищетъ отъ зари до зари! Вотъ ты тутъ и суди: фатеры мѣняетъ, съ службы на службу переходитъ, женится, говорятъ, на богатой... все графья, да князья; а разспрашивать начнешь— заладилъ новую манеру: «молчать! не твое дѣло». Ну и молчу, а сердце-то ноетъ... Ума не приложу, что̀ съ нимъ сталось. Довѣрія меня на старости лѣтъ лишилъ. Спальню свою отъ меня запираетъ, ключъ въ карманъ кладетъ... По ночамъ, запершись, пишетъ, а что́ пишетъ?... Поди, матери-то такія побасёнки выписываетъ, что она, сердечная, и впрямь думаетъ, что онъ и не вѣсть кто скоро будетъ. И радуется, поди, бѣдная; да и баринъ-то мужчина, а тоже всему на слово вѣритъ. Поди отписалъ имъ, что чуть не на царевнѣ женится. Они, мои голубчики, и благословенье прислали. «Вѣнчайся, дескать, молъ, а насъ, стариковъ, не тронь: куда намъ въ знать лѣзть! Мы люди простые, а жонку послѣ свадьбы привези, милости просимъ, рады дорогимъ гостямъ».

«И черкнулъ бы словечко, да жаль: убить недолго. Ужь и самъ не знаю, что̀ дѣлать. Былъ я, матушкѣ барынѣ вѣрный рабъ съ молодыхъ похвей, а теперь, словно Іуда-предатель сталъ; а что́ ты будешь дѣлать? Да и деньги-то съ рукъ у меня отобралъ, покидываетъ, да побрасываетъ, поди, а я тутъ отдувайся, да точи бабѣ турусы на колесахъ. На дѣло такъ и денегъ нѣтъ. И все вретъ. Намедни въ сюртукѣ бумажникъ забылъ; я подглядѣлъ, грѣшный человѣкъ: биткомъ набитъ. А гдѣ беретъ—одинъ Богъ вѣдаетъ. Поди въ картишки выигрываетъ... Пропадетъ съ нимъ моя головушка! Какой отвѣтъ я матушкѣ-барынѣ дамъ? Я тебѣ, скажетъ, сына на руки человѣкомъ отдала, а ты та̀къ-то мнѣ его сберегъ? Что́ я скажу, старый хрычъ, въ ту пору? Я, чай, мнѣ и на страшномъ судѣ не легче будетъ...»

Послышался шумъ дрожекъ, Андрей отеръ слезы, которыя катились по небритому его лицу и, приложивъ руку къ глазамъ, началъ глядѣть вдоль по улицѣ.

— Никакъ Китинъ напоминѣ легокъ, сказалъ старикъ, тяжело вставая.

И точно, подъѣхалъ Китинъ. Шинель на-распашку, въ новомъ адъютантскомъ мундирѣ. Оба съ Андреемъ вошли они въ комнату.

— Ну, Потапычъ, сложи всѣ мои вещи въ чемоданъ. Завтра моя свадьба; мы переѣдемъ на новую квартиру.

— Завтра? Ахъ, ты, Господи!... едва могъ выговорить Потапычъ.

Китинъ, не сказавъ больше ни слова, отворилъ свою спальню и началъ выбирать бумаги изъ стола и укладывать ихъ самъ въ большую шкатулку.

— Позвольте вамъ доложить, батюшка-баринъ, бормоталъ Андрей, отворивъ немного дверь: — хозяйка за квартиру проситъ; мы ей только задатокъ дали, а ей за полмѣсяца слѣдуетъ.

— Нà, отдай.

И Китинъ протянулъ Андрею бѣленькую.

— Этого много. Ей всего красненькую слѣдуетъ; вѣдь синенькая въ задатокъ дана, а наняли-то мы фатеру за тридцать со столомъ, а только полмѣсяца прожили: ей всего пятнадцать, выходитъ, надо, да и кушать-то вы ни разу не кушали.

— Отдай все; остальное я ей дарю.

Китинъ заперъ дверь.

— Даритъ... вишь богачъ какой! Нѣтъ, не бывать этому; и безъ того грѣха довольно; я лучше припрячу про черный день, ворчалъ старикъ, уходя отъ Китина, и прошелъ прямо къ хозяйкѣ.

— Ну, чтó бурчала за деньги! Сдачи давай. Да баринъ тебѣ жалуетъ на кофій полтинникъ. Знай нашихъ! мы завтра съѣзжаемъ, а не бѣжимъ. Вотъ и ступай теперь къ своему фартальному. Чтó взяла? важно сказалъ хозяйкѣ Андрей и, положивъ полученную отъ нея сдачу въ карманъ, пошелъ укладываться, тихо ворча себѣ подъ-носъ: «Посѣтилъ Ты меня, грѣшнаго, Господи, посѣтилъ. Женится, женится, а я-то, окаянный, что дѣлаю?... Посѣтилъ ты меня, Господи, посѣтилъ!»

XVI.

Рано утромъ проснулась Лиза, въ день своей свадьбы. Съ тихою радостью глядѣла она на все окружавшее; на душѣ у нея было спокойно. Она не разставалась ни съ отцомъ, ни съ ма-

терью; ей не было жаль покинуть пріютъ, съ которымъ не связывало ее ни одно родное, сладостное воспоминаніе. Одна бабушка, но бабушка съ своею раболѣпною любовью могла ли имѣть перевѣсъ въ сердцѣ Лизы именно въ ту минуту, когда передъ ней открывался новый міръ, новая жизнь любви и счастья? Къ-тому жь, думая о ней, Лиза, говорила себѣ: «Развѣ я покидаю бабушку? Нѣтъ, я буду близко, я не оставлю ее никогда. Коля уважаетъ бабушку и мы вдвоемъ успокоимъ ея старость». И Лиза утѣшилась совершенно и погрузилась опять въ свои сладкія, спокойныя мечты.

Въ это время въ комнатахъ Дарьи Яковлевны была страшная суетня; сама она и всѣ люди были на ногахъ съ ранняго утра. Въ залѣ стоялъ въ правомъ углу столъ, покрытый бѣлой скатертью, на немъ образъ Спасителя, хлѣбъ, соль и чаша съ водой. Въ срединѣ залы, на длинныхъ столахъ, были разложены подушки на розовыхъ чехлахъ, обшитыя кружевами, салопы, шубы, платья и шали невѣсты, въ ожиданіи священника, который послѣ обѣдни долженъ былъ отслужить молебенъ съ водосвятіемъ.

Старушка Рытова съ дѣвушками принялась укладывать приданое Лизы въ красные кожаные сундуки, окованные жестью. Передъ началомъ этого дѣла Дарья Яковлевна набожно перекрестилась и обернулась къ дѣвушкѣ, стоявшей за нею съ большимъ подносомъ, на которомъ лежали грудою мелкія серебряныя деньги, перемѣшанныя червонцами, кусочками чернаго хлѣба, и соль, завернутая въ маленькія бумажки.

— Ну, Маша, стань поближе къ сундуку.

Маша подвинулась. Дарья Яковлевна взяла съ подноса горсть денегъ, хлѣба, соли и, носыпая ими дно сундука шептала: «это, чтобъ у нея, моей голубушки, хлѣбъ-соль и деньги всегда водились». Потомъ старушка, сгорбившись, начала сама таскать со стола дюжинами перевязанное розовыми лентами бѣлье и укладывать его въ строгомъ порядкѣ. Дѣвушки помогали ей; но она, противъ обыкновенія, была тиха и кротка съ ними; часто, свѣсившись въ сундукъ и опуская пачку бѣлья, долго оставалась въ такомъ положеніи и слезы, одна за одной, капали въ сундукъ. Потомъ, съ испугомъ приподнимаясь, кричала дѣвушкѣ: «Алёна! Алёна! посмотри, матушка, никакъ я, старая дура, ленту-то у кофточки слезами испортила; вытри, матушка, скорѣй» и садилась на стулъ, закрывая лицо руками.

— Что это вы, матушка-барыня, такъ убиваться изволите? Не

сегодня, такъ завтра надо же княжну замужъ выдавать, а вы ее словно хороните, прости Господи! говорила сердито Савишна, разряженная въ шаль и парадный чепецъ, чтобъ вести приданое своей воспитанницы въ домъ жениха.

— Молчи, старая! дай проплакаться, пройдетъ. Такъ что-то къ сердцу подкатило; выплачусь, такъ легче будетъ.

— Грѣхъ, право грѣхъ, въ этакой день плакать, ворчала Савишна:—вы накличете чего...

— Матушка-барыня, посыпьте... сказала Маша, переходя къ другому сундуку, потому-что первый былъ ужь полонъ.

Старуха Рытова встала, взяла горсть съ подноса и покатила опять деньгами по дну сундука.

— Что́ теперь укладывать прикажете?

— Палантинъ соболій. Кладите шубу песцовую, шубу лисью, лѣтніе салопы наверхъ—и будетъ въ этотъ сундукъ. А въ тотъ на дно шали, а сверху платья... Да, нѣтъ, я сама положу: боюсь, перемнете.

Старуха встала и начала опять укладывать и пересыпать деньгами и хлѣбомъ. Все съ помощью дѣвушекъ было уложено, и Дарья Яковлевна, собравъ съ подноса остальныя деньги и даже крошки хлѣба, опустила ихъ въ уголъ послѣдняго сундука, и опять прошептавъ: «это, чтобъ у нея всегда хлѣбъ-соль и деньги водились», усѣлась отдыхать. Глядя съ самодовольною улыбкою на полные сундуки, она сказала дѣвушкамъ:

— Что̀, не стыдно отпустить въ чужіе люди?

— Какой же стыдъ! Словно царевну какую наградить изволили, отвѣчала за всѣхъ Савишна.

— Это что̀... тряпки!... презрительно и вмѣстѣ гордо сказала Дарья Яковлевна, кивнувъ головой на сундукъ: — а вотъ, Богъ-дастъ, вечеромъ жемчугъ съ фермуаромъ надѣну, серьги, колосья брильянтовые... Такъ пусть глаза-то пялятъ Годины. Взять дѣвку въ домъ не трудно, и взяли бъ—что́ тутъ мудренаго. Выдали бъ то съ чѣмъ? Она, дескать, у насъ безприданница. Знаю я ихъ!... И у самихъ въ карманѣ-то свищетъ... А я вотъ ужо и шкатулочку Лизѣ вручу, на сонъ грядущій, съ билетиками... Пятьдесятъ тысячъ при рожденьи ея положила, ни копейки не тронула... Семнадцать лѣтъ не трогала—вотъ онъ у меня, капиталецъ на капиталецъ и наросъ... А они и знай, какова я бабка была!... Они что́ дали? Отцовскую часть въ имѣньи, такъ это ея часть, законная. Тутъ фарсить имъ нѣчего. Вотъ ужо пусть глаза-то

откроютъ, небойсь стыдно будетъ... Да имъ что́? И стыда-то въ нихъ нѣтъ. Все какъ съ гуся вода... Не люблю я ихъ... Смерть моя...

Послѣ обѣдни пришелъ священникъ; вышла Лиза. Собрались всѣ люди и торжественно былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго Дарья Яковлевна, набожно неся чашу со святой водой, обошла всѣ сундуки и вещи, прося священника окропить святой водой приданое невѣсты.

Не успѣлъ еще уйти священникъ, какъ раздался звонокъ и влетѣлъ въ залу Китинъ. Лиза обрадовалась и бросилась цаловать его, а Дарья Яковлевна видимо разсердилась и измѣнилась въ лицѣ.

— Что́ не дѣло, мой батюшка, то́ не дѣло, сказала она Китину, когда тотъ подошелъ цаловать ея руку:—не показано жениху въ день свадьбы видѣть невѣсты, а ты все свое. Вѣдь я говорила нельзя и нельзя...

— Что́ это у васъ, бабушка, все предразсудки... Слава Богу, эти времена прошли.

— То-то и есть, что у васъ, что̀ ни есть добраго да законнаго, все прошло, да все трынь-трава. А по-мо́ему это срамъ, чистый срамъ...

— Бабушка, ангелъ!... Не сердитесь; онъ очень-мило сдѣлалъ, что пріѣхалъ. Да что жь тутъ дурнаго? скажите.

— Что?... Не показано—значитъ, и не надо, ворчала старуха, не зная сама, что́ отвѣчать.—Я сказала, а тамъ дѣлайте, какъ знаете. Что только добрые люди скажутъ... Срамъ, просто срамъ!

— Ну, мы уйдемъ, бабушка, чтобъ не сердить васъ.

И женихъ съ невѣстой ушли, оставивъ бабушку угощать священника чаемъ.

— У бабушки на все свои примѣты, сказала Лиза, входя въ свою комнату:—какъ-будто сегодня не то, что̀ вчера, и завтра не то же, что̀ сегодня.

— Нѣтъ, душа моя, завтра не то, что̀ сегодня. Сегодня надо терпѣть и молчать, а завтра можно просто сказать: «мы такъ хотимъ»...

— Отчего жь завтра? отчего жь не сказать сегодня то же самое?

— Оттого... оттого, что ты дитя... отвѣтилъ Китинъ и, чтобъ, замять разговоръ, началъ цаловать Лизу.

— Ты любишь меня, Коля? спросила Лиза, забывъ про бабушку.

— Люблю, мой ангелъ! А ты скажи мнѣ, любишь ли ты меня такъ, чтобъ жертвовать для меня всѣмъ?...

— Всѣмъ? Да чѣмъ же всѣмъ жертвовать? Я твоя, ты берешь меня... Мнѣ грустно, что у меня нѣтъ никакой жертвы... Папочки, мамочки нѣтъ. Одна бабушка. Мнѣ жаль старушку; но когда я съ тобой, я о ней забываю... Къ-тому жь я знаю, что ты любишь ее и не будешь требовать, чтобъ я ее забыла. Какая жь жертва, я не понимаю...

— Я не буду требовать, чтобъ ты забыла бабушку... А еслибъ мнѣ вдругъ пришлось уѣхать изъ Петербурга?

— Что жь? развѣ это жертва? Я буду съ тобой, мы возьмемъ и бабушку.

— А если нельзя?...

— Нельзя... Что́ жь такое? поѣдемъ одни. И это не жертва, и ничто не жертва, только бы съ тобой всегда, вездѣ съ тобой, шептала Лиза, прижавшись къ Китину. — А ты думаешь уѣхать изъ Петербурга?

— Можетъ-быть; но я это говорю одной тебѣ... Я самъ еще ничего не знаю. Я только хотѣлъ быть увѣренъ...

— Во мнѣ? перебила Лиза.—Ахъ, Коля! хоть на луну, въ какой-нибудь невѣдомый полкъ...

— Смотри, я буду помнить, Лиза! сказалъ задумчиво Китинъ.

— Не помни, пожалуйста; я сама не забуду, потому-что безъ тебя я умру, сію минуту умру...

И слезы вдругъ покатились градомъ изъ глазъ Лизы.

— Полно, полно, душка! О чемъ же тутъ плакать, что я желаю вѣкъ быть съ тобой...

— А я-то какая дура? чего я плачу? Ты хочешь, я хочу, мы хотимъ... И будетъ такъ, и будемъ всегда, всегда вмѣстѣ...

И Лиза разсмѣялась.

Вошла старуха Рытова.

— Срамъ, право срамъ!... Что люди-то скажутъ... Они себѣ амурятся! Будетъ время вамъ; а сегодня не показано... Убирайся ты, шалопай, домой! Вечеръ недалеко...

И старуха Рытова потащила за рукавъ Китина къ двери.

— Иду, иду, бабушка... Дайте еще разъ поцаловать.

— Не дамъ, не дамъ! Нечего тебѣ тутъ сегодня дѣлать. Люди добрые въ этотъ день постятся, а ему цалованье на умѣ! Ступай, ступай!

И старуха выпихнула Китина въ дверь.

— А ты, матушка-дѣвушка, стыдись... Молись-ка лучше Богу: вспомни, какой шагъ ты дѣлаешь.

— Такъ, бабушка, душка, я готова безъ устали шагать...

— И эта тоже. А я вотъ что́ тебѣ скажу: коли хочешь всю жизнь быть счастлива, да коли чего больше всего желаешь, такъ ужь въ церкви, когда священникъ три раза скажетъ: «Господи, славою и честію вѣнчаяй я!» ты въ это время и проси у Бога— только съ вѣрой — всего, чего хочешь, и онъ тебѣ подастъ непремѣнно.

— Я буду просить, чтобъ мнѣ вѣкъ любить Колю, бабушка.

— А еще-то что̀?

— А еще, чтобъ безъ него не жить на свѣтѣ.

— Вотъ и глупо! Иной разъ женщинѣ Богъ и три судьбы посылаетъ... что́ тутъ умничать — не́чего...

— Ахъ, бабушка! Какія страсти!

— Ну, ужь и страсти! у васъ все страсти... Пойдемъ-ка лучше. Посмотри, ка̀къ твое приданое повезутъ со двора. Вотъ я говорила тебѣ, что ты у меня богатая невѣста, поди и посмотри... Поди, поди въ залу: въ окошко все видно будетъ.

Лиза пошла въ залу съ бабушкой. Дарья Яковлевна, приказавъ, всѣмъ людямъ присѣсть на стулья, сама сѣла съ Лизой на диванъ; чрезъ нѣсколько секундъ встала и положила три земные поклона предъ образомъ; Лиза и всѣ люди тоже молились. Послѣ этого Рытова заперла своей рукой сундуки, и, опустивъ всѣ ключи въ карманъ, начала давать инструкцію людямъ:

— Ну, принимайтесь дружно! Несите съ Богомъ сундуки на подводы, да чуръ у меня, на поворотахъ лѣстницы, кожи на сундукахъ не задрать, чтобъ все съ иголочки было... Сверху все поакуратнѣе коврами укрыть... Да ѣхать у меня чинно, плавно... не́чего спѣшить— куда спѣшить? Пусть люди поглядятъ... стыда не будетъ... пусть глядятъ... А что̀, я и забыла, Маша: выдала ты розовыя ленты лошадямъ?...

— Выдала, матушка барыня-съ, отвѣчала Маша.

— То-то... А что̀, хорошо?...

— Оченно хорошо-съ, матушка барыня-съ.

— Народъ, поди, стоитъ у воротъ?...

— Съ ранняго утра стоитъ-съ, матушка барыня-съ.

— Вотъ, вотъ, пусть поглядятъ... Намъ не стыдно, говорила самодовольно старуха.

Мужчины взялись за сундуки и понесли ихъ на подводы. Дарья Яковлевна оборотилась къ дѣвушкамъ:

— Ну, берите-ко подушечки, несите въ карету, смотрите не мять у меня... Положите на сидѣнье къ кучеру... Взбейте попышнѣе, чтобъ въ окна-то видно было... Ну, ты, старая, подойди, сказала Дарья Яковлевна Савишнѣ:—ну! на кого ты похожа?... И чепца на тебя надѣть нельзя... точно ворона изъ гнѣзда выглядываешь...

И старуха начала своими руками расправлять красные банты на Савишнѣ.

— Вотъ та́къ... да ротъ-то не жми въ кучу... Чортъ знаетъ, на что похожа...

Савишна разжала губы.

— Ну вотъ часъ-отъ-часу нелегче! Что́ пропасть-то раскрыла?...

Савишна опять сжала роть въ точку.

— Ну ужь такъ лучше, чортъ тебя побери! сказала Дарья Яковлевна:—изъ тебя человѣка не сдѣлаешь, и съ сердцемъ всунула въ руки Савишнѣ ключи отъ сундуковъ. — Смотри, ты, не наглупи тамъ у меня. Я Машку тебѣ на подмогу пришлю. Постель у меня оправить пышно, ровно, чтобъ ни складочки не было... Капотикъ спальный... чепецъ... ты, Маша, разложи на кровати... А то эта, старая дура, своими граблями все перемнетъ... Халатъ Николая Иваныча такъ положить, чтобъ и подкладка и верхъ видны были... А туфли его—Боже васъ сохрани! не ставьте вы у меня носками отъ кровати... упаси васъ Господи! поверните носками подъ кровать, а то онъ отъ жены бѣгать станетъ... Эта ужь такая вѣрная примѣта: на себѣ испытала... Мой покойникъ всю жизнь, только не догляди, такъ и норовитъ, бывало, улизнуть... Ну, помни жь ты все, старая, не осерди ты меня въ такой день... На̀, возьми образъ, держи его прямо... На́ узелокъ съ хлѣбомъ-солью, да соль-то не просыпь, держи на вѣсу, а то миру въ домѣ не будегъ... Ну, ступай, ступай съ Богомъ...

Савишна отправилась садиться въ карету, а Дарья Яковлевна подошла къ Лизѣ, которая все это время сидѣла задумавшись, подпершись локтемъ на окно.

— Гляди, гляди, матушка, поѣхали наши...

И старуха Рытова начала крестить въ окно—сперва карету, въ которой лежали грудой розовыя подушки и сидѣла Савишна

съ образомъ, а потомъ подводы съ сундуками, укрытыми пестрыми персидскими коврами.

— Ахъ, бабушка! ка́къ смѣшно: кто это всѣхъ лошадей причесалъ въ розовые банты? сказала Лиза и начала хохотать.

— Чего ты хохочешь?... Срамъ какой, люди увидятъ, что невѣста хохочетъ..! Чего тутъ хохотать?... Все сдѣлано, какъ быть водится. Ты не бѣдная какая у меня невѣста: надо, чтобъ все въ своемъ видѣ было...

— Я не могу, бабушка... Савишна такая уморительная!... ка́къ Коля будетъ хохотать...

— Вотъ все хохотать да хохотать... А показано ли сегодня хохотать?... Не показано... Сегодня день-то надо провести скромно да тихо, въ посту и молитвѣ. А вамъ бы все цаловаться да хохотать, хохотать да цаловаться... Смотрите, чтобъ худо не вышло!...

— Что̀ это, бабушка, вы говорите? какъ вамъ не стыдно...

— Чего тутъ стыдиться? не́чего... бѣсъ-то́ силенъ...

— Какое дѣло бѣсу до нашей свадьбы, бабушка?... вы смѣшите...

— То-то смѣшите! Онъ вездѣ съ носомъ суется; а гдѣ смѣхъ да грохотъ, тутъ безъ него не обойдется... То-то молодость, молодость! проворчала Дарья Яковлевна и опять начала хлопотать и суетиться о свадьбѣ.

XVII.

Въ семь часовъ вечера комнаты генеральши Рытовой были полны народа. Семейство князей Годиныхъ и знакомые со стороны невѣсты собрались у Дарьи Яковлевны, кромѣ генерала Рѣдькина, который, какъ посаженый отецъ Китина, отпускалъ жениха изъ своего дома.

Лиза сидѣла передъ туалетомъ, и ее убиралъ французъ-парикмахеръ. Дамы и дѣвицы окружали ее. Старуха Рытова стояла возлѣ и все ворчала на парикмахера:

— Ну, что̀ ты, мой батюшка, вороты-то ей на лбу сдѣлалъ?... Ты посади ей посередкѣ-то что-нибудь...

Французъ оглядывался на старуху и, не понимая, что́ она ему говоритъ, продолжалъ свое дѣло.

— Ну, что̀ озираешься? Вѣдь я тебѣ русскимъ языкомъ го-

ворю, что̀ за мерзость такую сдѣлалъ? Тутъ букли, тутъ букли, а на маковкѣ-то что̀ за просѣка такая?

— Онъ самъ знаетъ, ка̀къ носятъ. Что вы ему говорите? Онъ васъ не понимаетъ, отозвалась, раскраснѣвшаяся, Лиза.

— Не понимаетъ? Какъ же онъ смѣетъ меня не понимать? Деньги-то я ему буду платить. Не понимаетъ? А хлѣбъ-то онъ какой ѣстъ? небойсь знаетъ, что русскій, а не французскій. Умѣетъ небось имъ мамонъ-то свой набивать. Такъ и говорить учись! Небойсь приди я къ нему въ его анаѳемскій Парижъ, такъ онъ со мной порусски и заговоритъ? Какъ же! И языкомъ не повернетъ—знаю я ихъ. Такъ и къ намъ не́чего съ своимъ уставомъ ходить.

Долго бъ проворчала Дарья Яковлевна, не замѣчая, что ей никто не отвѣчаетъ и не слушаетъ, еслибъ Лиза не напомнила ей, что надо заплатить парикмахеру, который окончилъ свое дѣло и собирается уходить.

— На́ тебѣ, подавись, окаянный! сказала старуха и неоченьвѣжливо сунула французу въ руку деньги.

Дѣвицы собрались одѣвать Лизу. Сидя на стулѣ, она протянула свою ножку маленькому сыну Петра Андреевича Година, который, какъ свѣчной братъ, долженъ былъ обувать невѣсту. Маша, горничная княжны, стоя на колѣняхъ, помогала ему. Когда дѣло дошло до бѣлыхъ атласныхъ башмаковъ, въ которыхъ было положено нѣсколько червонцевъ и мальчикъ началъ съ ними надѣвать башмакъ на ногу Лизѣ, старуха Рытова остановила его:— вынь, батюшка мой, вынь червончики. Это тебѣ отъ невѣсты въ подарокъ. И когда мальчикъ вспыхнулъ, застыдился и не хотѣлъ брать деньги, Дарья Яковлевна прибавила: «Бери, бери мой батюшка. Это тебѣ, это такъ водится. Вотъ умница! Ну, а теперь, обувай, мой батюшка, невѣсту. Да и платье надѣвать пора. Умница, умница; ай-да молодецъ! Ну-ко, барышни, теперь ваше дѣло: опоя́ньте-ко ее пояскомъ, да вотъ эту ладонку за корсетъ положите: коли кто со зла что́ ей подъ вѣнцомъ недоброе сдѣлать захочетъ, такъ никакая сила не возьметъ».

Дѣвицы засмѣялись.

— Чего смѣетесь? Смѣяться не́чего. Али не бываетъ? Бываетъ. Да какъ еще заговариваютъ! всякую жилочку, всякій волосокъ, все платье помя́нутъ. А вотъ-какъ положимъ что́, чего они знать-то не могутъ—почемъ имъ знать, что́ я въ ладонку-то зашила—вотъ злу-то дѣйствія и не будетъ. Да вамъ все смѣшки, а какъ на

моихъ глазахъ дочь купца Михѣева послѣ вѣнцавсю, какъ опару вздуло, такъ вотъ вы и судите.

Подъ смѣхъ дѣвицъ и воркотню бабушки Рытовой Лиза была совершенно одѣта, и старушка съ гордостью отворила футляры съ брильянтами.

— Это ужь дамское дѣло. Ну-ка, барыни, кто изъ васъ счастливица?

— Я! я! отозвались княгиня Година и Магдалина Андреевна Рѣдькина.

— Ну, коли ты счастливица, такъ надѣнь моей Лизанкѣ серьги — та́къ быть водится, сказала Дарья Яковлевна и, обойдя княгиню, подала футляръ съ серьгами генеральшѣ Рѣдькиной, а сама вынула фермуаръ съ жемчугомъ и надѣла его на шею Лизѣ.

Невѣсту вывели въ залу и посадили посрединѣ дивана за столъ, накрытый бѣлой скатертью, передъ образомъ Спасителя и хлѣбомъ съ солью. Дѣвицы составили около невѣсты тѣсный полукругъ.

Скоро пріѣхала почетная дама и шаферъ отъ жениха, пригласить невѣсту въ церковь. Шаферъ поднесъ невѣстѣ букетъ цвѣтовъ; но Лиза не успѣла еще протянуть руки, какъ Дарья Яковлевна выхватила у шафера букетъ и безъ церемоній швырнула его въ уголъ.

— Нѣтъ, отецъ родной, этой бѣсовской моды я не принимаю. Къ-чему невѣстѣ этотъ букетъ? Она должна свѣчу держать, а ты ей помѣло въ руки сунешь. На что́ ей оно? Это все нехристи у насъ завели, а у меня ужь пусть будетъ все, ка́къ быть водится, по-старому да по-христіански. Прости ты меня, мой батюшка, старуху.

Передъ благословеніемъ невѣсты, всѣ гости присѣли на нѣсколько секундъ и потомъ, привставъ, начали молиться. Старый князь Годинъ, посаженый отецъ Лизы, взялъ образъ Спасителя, а бабушка Рытова, ея посаженая мать — хлѣбъ и соль.

— Сдѣлай, матушка, три земные поклона, сказалъ старый князь, и Лиза троекратно поклонилась на коврѣ.

Дѣдъ благословилъ ее образомъ, Дарья Яковлевна—хлѣбомъ. Перемѣнившись хлѣбомъ и образомъ, старики благословили ее вторично.

Началось прощанье. Лиза бросилась на шею бабушкѣ и, забывъ о своемъ нарядѣ, крѣпко впилась въ старушку. Слезы вдругъ пробились изъ глазъ и покатились на грудь бабушки. Тутъ

только, до-сихъ-поръ веселая, беззаботная Лиза почувствовала, что эта бабушка, несмотря на всѣ ея слабости, все-таки замѣняла ей мать; тутъ только поняла Лиза, что въ бабушкѣ она оставляетъ единственное теплое сердце, которое не переставало биться для нея ни на одну минуту со дня ея рожденія.

— Простите бабушка! я васъ огорчала. Мнѣ жаль васъ, бабушка... моя душка! мой ангелъ! моя золотая! громко говорила Лиза, забывъ о гостяхъ и цалуя руки старухи, которая вдругъ потеряла всю свою бодрость и безъ слезъ, едва дыша, опустилась на подставленный ей стулъ:—мы не разстаемся, бабушка, продолжала Лиза: — мы будемъ всегда вмѣстѣ. Мы теперь вдвоемъ будемъ любить и беречь васъ.

Женихъ ждалъ въ церкви; надо было ѣхать; шаферъ княжны, Алексѣй Ѳедоровичъ Рудинъ, накинулъ на нее шаль. Старый князь нѣжно отвлекъ Лизу отъ бабушки, поцаловалъ ее съ глубокимъ чувствомъ и, перекрестивъ еще разъ, сказалъ: «Дай тебѣ Богъ всего, всего хорошаго. Утри-ко слезы, простись съ родными и добрыми знакомыми, да и маршъ».

Невѣста и поѣзжане съ ея стороны отправились въ церковь. Китину и княжну Лизу вѣнчали въ Казанской. На паперти стояла толпа любопытныхъ. Въ церковь никого, кромѣ принадлежавшихъ къ свадьбѣ, по просьбѣ жениха, не пропускали. Недовольная этимъ толпа судила и рядила: «Вишь фря какая Рытиха, двери всѣмъ на носъ запереть приказала. Экая фигура! Ономнясь князь какой распреважный вѣнчался, не ихъ жениху чета, да всѣхъ пускали», говорила старушка въ пестромъ ситцевомъ платьѣ, покрытымъ чернымъ платкомъ съ плёрезами. «Врядъ ли это она: это вѣрно у жениха «воздахторша» есть, такъ онъ и боится, чтобъ она въ церковь не ворвалась, да свадьбу-то не остановила»... «Вѣстимо, зачѣмъ на свадьбахъ-то запираются... Не малолѣтные, знаемъ», сказалъ, понюхавъ глубокомысленно табаку, маленькій старичокъ въ фризовой шинели, съ подбитымъ глазомъ. «Плевать бы я на нихъ хотѣла... Рытихину внучку вѣнчаютъ... экая фигура! Тьфу!... крикнула басомъ толстая дѣвка съ непокрытой головой, вѣроятно, выбѣжавшая изъ сосѣдняго дома, держа голыя руки подъ передникомъ, и, несмотря на свои слова, тѣснилась ближе къ дверямъ.

— Пустите! пустите полковницу! кричалъ лакей въ ливреѣ, ведя подъ-руки толстую даму въ шляпкѣ съ перьями и толкая всѣхъ, чтобъ дать барынѣ дорогу.

— Что прёшь-то, обломъ этакій!... пустить? куда пустить? цер-

ковь-то заперта; никого, кромѣ поѣзжанъ, не пускаютъ, сказалъ кто-то въ толпѣ.

— Не пускаютъ? пропищала дама:—васъ, челяди, не пускаютъ, а меня пустятъ: я полковница! и продралась къ дверямъ; но ее не пустили.—Вотъ не видаль какая! поручика вѣнчаютъ; я и глядѣть-то не хочу... Велика ему честь, что полковница хотѣла быть на его свадьбѣ! ворчала она, сходя съ лѣстницы.

— Кого вѣнчаютъ? спросилъ изъ любопытства у жандарма офицеръ въ армейскомъ драгунскомъ мундирѣ, пріостановивъ своего извощика передъ папертью, покрытой народомъ.

— Кого? адъютанта Кытына, отвѣчалъ флегматически жандармъ, осаживая неизвѣстно зачѣмъ свою лошадь.

— Китина? А чей онъ адъютантъ?

— Немогымъ знать, ваше благородіе.

Офицеръ ударилъ по плечу извощика и поѣхалъ своей дорогой.

Изъ церкви выбѣжалъ шаферъ и приказалъ подавать карету посаженому отцу жениха. Генералъ Рѣдькинъ и посаженая мать ускакали впередъ, чтобъ встрѣтить съ образомъ молодыхъ на квартирѣ Китина.

Чрезъ нѣсколько минутъ, пройдя толпу любопытныхъ, уѣхали и молодые, а за ними и всѣ поѣзжане.

Проходя по освѣщенной лѣстницѣ своей новой квартиры, Лиза вдругъ вскрикнула, а Китинъ невольно вздрогнулъ: Савишна, по приказанію Дарьи Яковлевны, пустила въ нихъ изъ-за угла двѣ горсти ржи и пшеницы.

Въ первой комнатѣ новобрачныхъ встрѣтили съ образомъ, хлѣбомъ и солю и, поставивъ на разостланную на полу соболью шубу, благословили.

Раздалась музыка. Молодые вошли въ гостиную и усѣлись на диванѣ, передъ столомъ, убраннымъ розовыми гирляндами. Начались поздравленія новобрачнымъ, тосты за отца и мать Китина, посаженыхъ отцовъ и матерей, родныхъ и знакомыхъ и наконецъ присутствовавшихъ и отсутствовавшихъ. Шампанское лилось рѣкой; шаферы одинъ передъ другимъ старались выказать свое умѣнье угощать—разумѣется, не забывая и себя. По окончаніи этого свадебнаго обряда, начались танцы польскимъ и продолжались до двухъ часовъ.

Лиза, забывъ свое минутное горе, весело порхала съ мужемъ и сдѣлала недовольную мину, когда Иванъ Кудрявый, въ бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, торжественно возвѣстилъ, что ужинать подано.

Послѣ ужина дамы увели Лизу, и она опять явилась къ гостямъ уже на порогѣ своей спальни, въ розовомъ капотикѣ и чепцѣ.

Пожелавъ счастья молодымъ, гости разъѣхались. Осталась одна только Дарья Яковлевна и, прощаясь съ Лизой, вынула изъ-подъ шали маленькую булевскую шкатулочку.

— На̀ тебѣ, моя матушка, это твое, береги... Тутъ будетъ съ тебя.

— Ахъ, бабушка! напрасно вы себя лишаете; мнѣ, право, ненадо.

— Какъ ненадо? Надо, надо... Это твое, береги... У меня на мою жизнь хватитъ, а умру—все твое будетъ.

Лиза взяла и бросилась цаловать бабушкѣ руку. Китинъ, взглянувъ на шкатулку, которую держала его жена, вздохнулъ свободно и тоже подошелъ благодарить Дарью Яковлевну.

— Ну-ну перестань, что благодарить? Нѐчего. Это я ей при рожденьи положила. И кому жь мнѣ и давать, коли не ей? Она у меня одна, какъ порохъ въ глазу. Правда, есть у меня племянникъ, сестринъ сынъ, да его, мошенника, и на глаза не пускаю. Все ей, все ей... Самъ увидишь, батюшка, что не голую какую взялъ. Береги ты только ее у меня, мою голубушку. Она не то, что̀ другія: ни къ чему не пріучена... нѣжная такая, деликатная... А въ тягость тебѣ жена не будетъ. У тебя свое, у нея свое. Только люби ты ее, не убей ты меня, старуху. Ну, прощайте, дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь. Ну, поцалуй же меня еще, голубка ты моя... Какъ-то я безъ тебя жить буду?... Золото ты мое! дорогая ты моя, не покидай ты меня, старуху! прибавила Дарья Яковлевна и, заливаясь слезами, прижала къ себѣ Лизу.

— Бабушка! душка! успокойтесь! говорила Лиза тоже расплакавшись:—насъ теперь у васъ двое; мы будемъ васъ беречь, успокоивать вашу старость.

— Это наша обязанность, бабушка, сказалъ съ чувствомъ Китинъ, цалуя опять руку старухи Рытовой.

— Ну, спасибо вамъ, голубчики мои, прощайте. Устала я, смерть моя.

И старушка, перецаловавъ снова молодыхъ, пошла въ переднюю.

Китинъ проводилъ Рытову до кареты и стрѣлой бросился назадъ по лѣсницѣ, опередивъ лакеевъ, которые усаживали старуху.

— Фу! гора съ плечъ свалилась!... сказалъ онъ, войдя снова въ переднюю и, прочесавъ пальцами свои черныя кудри, пошелъ въ спальню къ женѣ.

XVIII.

На другой день, въ легкомъ утреннемъ капотикѣ и чепцѣ Лиза сидѣла за чайнымъ столикомъ возлѣ мужа и весело оглядывала свое новое хозяйство.

— Коля! ангелъ! ка́къ у насъ хорошо!.. Я и не разсмотрѣла вчера. Ка́къ весело! ка̀къ свѣтло! ка̀къ милъ этотъ маленькій уголокъ!... Особенно послѣ бабушкиныхъ, большихъ, темныхъ комнатъ! это просто рай... И ты это всё сдѣлалъ для меня?.. Коля! ангелъ мой! ка́къ я счастлива!

Такъ говорила Лиза, прижимаясь къ Китину.

— Малымъ же ты довольна, душка! Жаль, что я не мильйонеръ: ты посмотрѣла бы, какихъ бы чудесъ я для тебя надѣлалъ!

— Чудесъ? На что́ мнѣ чудеса, Коля? Еслибъ даже и тутъ не было такъ прелестно, еслибъ ты жену привелъ въ хижину и сказалъ: «Лиза, у меня ничего нѣтъ; вотъ мой уголъ; кромѣ моей любви ты въ немъ ничего не найдешь» я и тогда, какъ теперь, упала бы къ тебѣ на грудь и сказала: «Я счаслива, Коля! мнѣ ничего больше ненадо».

— Монастырь мой, монастырь! сказалъ, смѣясь, Китинъ. — Лиза, ты еще не видала жизни и не можешь судить о ней. Хижина и любовь—это хорошо только въ сладкой страницѣ романа, гдѣ голодъ и холодъ унимаются поцалуемъ; а въ настоящей, матеріальной жизни, куда это должно быть «погано»! говоря по монастырски. То-ли дѣло, какъ любишь-то въ свѣтлой да теплой комнатѣ, какъ, намѣсто оборванныхъ лохмотьевъ на женщинѣ, которую любишь, видишь кружева, а на мѣсто слёзъ, которыя надо еще трудиться утирать, цалуешь радостное, веселое личико, вотъ такое... прибавилъ Китинъ и, закинувъ голову Лизы, поцаловалъ ея розовую щеку. Къ-тому жь вспомни, что̀ бабушка говорила вчера про тебя...

— Что́ говорила бабушка, я не помню, съ улыбкой спросила Лиза.

— Не помнишь... Что она, дескать, у меня не то, что другія: деликатная, нѣжная... ни къ чему не пріучена...

— Во-первыхъ, Коля, стыдно тебѣ повторять слова бабушки, также, какъ мнѣ стыдно было вчера ихъ слушать. Бѣдная старушка воображала, что она говоритъ мнѣ похвалу, сказала, вспыхнувъ, Лиза: — а во-вторыхъ, что бабушка могла баловать меня и погрѣшила, быть-можетъ, во многомъ въ моемъ воспитаніи своею слѣпой любовью, но все не заглушила во мнѣ ни добраго сердца, ни доброй воли. Погоди, Коля, ты еще не знаешь, что̀ изъ меня выйдетъ. Я чувствую, что для тебя я все перенесу, а опять-таки тебѣ говорю, что и въ хижинѣ мнѣ съ тобой будетъ хорошо... Смѣйся, смѣйся! вотъ увидишь...

— Избави Господи! Я не раздѣляю съ тобой желанія пройти на опытѣ страницу плаксиваго романа, да этого и не будетъ.

— Отчего не будетъ?

— Оттого, что бабушка твоя, кажется, позаботилась о томъ, чтобъ ты не разъигрывала героини романа...

— Что жь бабушка? Судьба, по-твоему?

— Да чуть ли не лучше: судьба не всегда подкладываетъ такія шкатулки, какую она вчера положила.

— Да, бабушка только и думаетъ о деньгахъ...

— И славно думаетъ, и славная она у тебя бабушка! Хорошо тому жить, кому бабушка ворожитъ. Лиза, кстати: а сколько она тебѣ наворожила?

— Что̀ ты говоришь, я не понимаю, Коля...

— Я говорю про шкатулочку: сколько у тебя въ ней денегъ?

— Ахъ! я не знаю, я не глядѣла.

— Вотъ безсребренница! Пойдемъ-ка душка, посмотримъ. Знай, моя душка, что всякая хорошая хозяйка деньги принимаетъ счетомъ, прибавилъ Китинъ и повелъ жену въ спальню.

Подойдя къ туалету, Лиза взяла шкатулку, попробовала открыть, но шкатулка была заперта.

— А ключикъ гдѣ, Лиза?

— Я не знаю, Коля. Вчера онъ былъ воткнутъ въ шкатулку. Вѣрно выпалъ...

И Лиза начала искать, разбрасывая неубранныя еще съ вечера снятыя ею вещи.

— Не ищи; вонъ онъ подъ туалетомъ, сказалъ Китинъ и, наклонившись, поднялъ ключъ.

Лиза взяла его, отперла шкатулку и, перебирая въ ней рукой, сказала; «Коля! что жь это такое? тутъ никакихъ денегъ нѣтъ. Вѣрно бабушка пошутила...»

— Какъ нѣтъ? спросилъ, поблѣднѣвъ, Китинъ.

— Нѣтъ, тутъ только какія-то бумажки...

И Лиза подала ихъ мужу. Китинъ взялъ, развернулъ и вспыхнулъ:

— Дитя...

— Что это, Коля?...

— Это?.. это сто тысячъ...

— Въ четырехъ бумажкахъ?... Покажи мнѣ, Коля; я такихъ никогда не видала... Бабушка мнѣ всегда дарила красненькія, синенькія... Да откуда жь это взялось сто тысячъ?.. Бабушка мнѣ положила только пятьдесятъ...

— А проценты-то?... За семнадцать лѣтъ капиталъ на капиталъ и наросъ.

— Стало-быть, если мы ихъ не будемъ трогать еще семнадцать лѣтъ, наростетъ двѣсти тысячъ?... Ахъ, какъ это смѣшно!... Видишь, Коля, какая я буду богатая... Только это скучно, Коля: что это бабушка дала такія бумажки, которыя должны все лежать и рости!... А если мы захотимъ что-нибудь купить, и нельзя... Я больше была бъ рада, еслибъ тутъ, въ шкатулкѣ, лежали все красненькія, синенькія... Мы стали бъ тогда ѣздить въ театръ... Ну, если я захочу, напримѣръ, купить десятокъ яблокъ, мнѣ стыдно дать такую бумажку... Да у купца и денегъ не будетъ на сдачу, что жь мнѣ дѣлать?

— Попросить у меня двадцать копеекъ и купить яблокъ... А бумажки эти до времени потожить въ шкатулочку, запереть ее ключомъ, а шкатулочку положить въ комодъ и опять-таки запереть его ключомъ, а ключъ не бросать... а носить въ ридикюлѣ.

— Душка! Коля! пошли за яблоками... Я о нихъ вспомнила, и мнѣ такъ захотѣлось... только кислыхъ, сказала Лиза, запирая шкатулку въ комодъ.—Я сладкихъ не люблю...

— Какія яблоки Лиза въ маѣ мѣсяцѣ... Хочешь апельсиновъ, я сейчасъ пошлю...

— Ну, пошли; я ихъ очень люблю.

Китинъ крикнулъ Андрея, далъ ему денегъ и приказалъ купить апельсиновъ.

— Смотрите, Андрей Потапочъ, будьте такой ангелъ... принесите мнѣ непремѣнно корольковъ... Въ монастырѣ нашъ La Piere такъ чудно умѣлъ выбирать корольки... и вы покажите ваше искусство; я васъ очень буду любить, вы будете такой душка...

Китинъ впродолженіе всего времени, пока давалась эта инструкція, умиралъ со смѣху, лежа на диванѣ.

Королькй явились скоро... Лиза, одѣваясь, чтобъ ѣхать къ бабушкѣ, успѣла съѣсть восемь: два положила на дорогу, и весело побѣжала садиться съ мужемъ въ карету.

XIX.

Шумно и весело прошли для Лизы двѣ недѣли между визитами, обѣдами и вечерами, которые давали въ честь молодыхъ родные и знакомые. Правда, Лиза въ это время нѣсколько разъ замѣчала, что мужъ ея вдругъ, безъ всякой причины, задумывался, становился грустенъ. Лиза приставала къ нему и, не добившись отъ него, о чемъ онъ задумывается и груститъ, начинала даже плакать; но въ это время Китинъ вдругъ становился шумно-веселъ; начиналъ шутить, рѣзвиться и заставлялъ Лизу нехотя забывать ея огорченія и слезы. Случалось тоже раза два въ это время, что Китинъ, выйдя изъ дома, какъ онъ говорилъ, по дѣламъ тяжбы, запропадалъ и возвращался далеко за полночь. Лиза не ложилась въ постель и ждала мужа, но она не плакала, а только жалѣла бѣднаго мужа, котораго такъ поздно задерживала неспосная тяжба. Лизѣ и въ голову не приходило, чтобъ ея мужъ былъ гдѣ-нибудь въ гостяхъ въ то время, какъ она одна сидѣла дома и ждала его. И только-что возвращался Китинъ, Лиза бросалась ему на встрѣчу и первая сама давала ему ноту побранить хорошенько вмѣстѣ съ ней несносную тяжбу, которая разлучала ихъ въ первые счастливые дни ихъ супружества.

Отбывъ, наконецъ, всѣ визиты и торжества по случаю свадьбы, Китинъ повезъ жену въ Ямбургъ представить своимъ родителямъ.

XX.

Неслышно по пыльной проселочной дорогѣ подкатила двумѣстная карета, запряженная четверкой ямщицкихъ лошадей, къ сѣрому, деревенскому домику стариковъ Китиныхъ и только вспугнула утокъ и гусей, которые мирно щипали траву у крыльца. Съ крикомъ бросились гуси и утки въ канаву, передъ окнами дома и, перелетая другъ черезъ друга, съ шумомъ погрузились въ мутную воду. На крикъ птицъ изъ окна залы выглянула головка Палаши, горничной Китиныхъ, и опять тотчасъ же скрылась.

Было два часа. Старички Китины, обѣдавшіе ровно въ часъ, отдыхали послѣ обѣда. Палаша одна бодрствовала, сидя въ залѣ, и вязала заданный ей Анной Павловной Китиной на чулкѣ урокъ. Привлеченная къ окну крикомъ гусей, она первая увидѣла остановившуюся карету и бросилась опрометью будить господъ.

— Барыня, а барыня! шопотомъ сказала она на ухо Аннѣ Павловнѣ, тихо качая ее за плечо.

Но Анна Павловна сладко всхрапывала и не просыпалась.

— Барыня, а барыня! проснитесь... Гости пріѣхали...

— А? что́? кто пріѣхалъ? закричала испуганная старуха и, протирая глаза, слѣзла съ кровати. — Кто, кто пріѣхалъ, матушка? Гдѣ мои башмаки-то?

— Господа какіе-то, барыня, въ каретѣ четверкой, сказала Палаша, вытаскивая башмаки изъ-подъ кровати.

— Четверкой?... Да это наши! Ахъ ты, Господи! Барина буди! Ахъ ты, Господи! Количка! кричала Анна Павловна, пробѣгая по комнатѣ къ крыльцу и перекидывая черезъ голову платокъ на плечи. На крыльцѣ она лицомъ-къ-лицу встрѣтилась съ сыномъ и бросилась къ нему на шею. Лиза, стоя за мужемъ, начала цаловать спущенную за плечо Китина руку старушки.

— Кто тамъ мнѣ руку цалуетъ? спросила старушка, отрываясь отъ сына: — это ты, моя красавица, дочь ты моя! поцалуй меня, дай на тебя посмотрѣть... Мужа-то твоего, дурака, я знаю, а тебя-то нѣтъ. Прижмись ко мнѣ... говорила, задыхаясь отъ радости, старушка, притягивая къ себѣ Лизу. — Да какая она у тебя хорошенькая!

— Матушка-барыня, позвольте ручку поцаловать, сказалъ Андрей, смиренно и почтительно выдвигаясь изъ-за господъ.

— Потапычъ, голубчикъ ты мой! Я тебя и не вижу... Поцалуй меня, мой милый... Да что́ жь это я, старая, васъ, дорогихъ гостей, на крыльцѣ-то держу? Одурѣла съ радости. Пойдемте въ комнаты.

И Анна Павловна, ведя за руку невѣстку, вошла въ залу.

— Дай мнѣ шляпку-то, Лиза. Палашенька, на̀, возьми салопъ, вели повѣсить въ мой шкапъ поакуратнѣе. Да что́ это баринъ нейдетъ? Вѣрно, рядится. Что́ тутъ рядиться? вѣдь она родная: не осудитъ. Пусть въ халатѣ придетъ.

— Да съ чего ты взяла, что я ряжусь. Вотъ модника нашла! Я только умылся со сна, сказалъ Иванъ Степановичъ, выходя въ

халатѣ и колпакѣ изъ спальни съ радостнымъ лицомъ. — Ну, невѣстушка, поцалуй меня. Честь имѣю рекомендоваться: я отецъ твоего шалопая-мужа, прошу любить да жаловать.

Лиза подошла къ отцу и сперва поцаловала его руку, а потомъ бросилась и обняла его.

— О, да ты, я вижу славная баба! сказалъ Иванъ Степановичъ, обнимая Лизу:—Ну и ты, Николай, поцалуй меня. Поздравляю. Ты, братъ, не ошибся въ выборѣ. Я вижу птицу по полету: твоя княжна хорошая баба будетъ. Анна, что́ жь стоишь, матушка? прибавилъ Иванъ Степановичъ, обращаясь къ женѣ, которая, въ нѣмомъ восторгѣ, глядѣла на сына и невѣстку: — ты похлопотала бы чѣмъ угостить дорогихъ гостей; въ дорогѣ-то, поди горло пересохло...

— А вотъ я сейчатъ, сказала Анна Павловна и засуетилась. — Чего хотите: чайку, или кофейку съ булочками?... Я сейчасъ прикажу.

— Что̀ ты, матушка! какой кофеекъ? не время, а чайку рано. Ты шиповочки намъ покуда подай, надо молодыхъ поздравить. Да сладенькаго чего: невѣстушка вѣрно любитъ.

— Люблю, папаша, улыбаясь, сказала Лиза.

— Вотъ я сейчасъ... Палашенька, гдѣ ключи, матушка, отъ кладовой? Вотъ я сейчасъ... достану, говорила Анна Павловна, отправляясь къ двери.

— Мамочка! возьмите меня въ кладовую: я буду учиться хозяйничать.

— Не берите, мамаша, монастырку въ кладовую: это все-равно, что̀ козла въ огородъ, кричалъ имъ въ слѣдъ Китинъ.

— А что̀ плохо будетъ? спросилъ Иванъ Степановичъ у сына, захохотавъ отъ души.

— Пусто будетъ, батюшка...

— А, охотница! Ну, пусть ее потѣшится. А мы съ тобой покуда потолкуемъ. Я еще тебя побранить собираюсь. Ты вѣтеръ, Николай, больше ничего. Ка̀къ столько писалъ и ничего-таки порядкомъ не объяснилъ. Сперва, кажется, черезъ три недѣли послѣ моего отъѣзда, въ концѣ ѳоминой, да еще въ томъ письмѣ, гдѣ просилъ нашего благословенія на женитьбу съ княжной. Пишешь вскользь, что на дняхъ тебя переведутъ въ гвардію, а о полкѣ ни гу-гу. Потомъ передъ самой свадьбой опять пишешь, что случайно перешелъ въ адъютанты, а къ кому — ни полслова. Вѣдь это точно на́-смѣхъ.

— Я, батюшка, былъ занятъ Лизой въ это время, отвѣтилъ Китинъ, видимо смутившись.

— Занятъ былъ Лизой! Любовь любовью, а служба службой. Это не отговорка.

— Батюшка, вы разсуждаете, какъ человѣкъ отжившій, а я люблю въ первый разъ: что жь мудренаго? Я забывалъ все.

— Да не вертись! Виноватъ, такъ виноватъ. Ты знаешь, какъ интересуетъ меня твоя служба. Я не баба; это матери ты можешь побасёнки разсказывать... Любовь да любовь, она и раскиснетъ и проститъ все, хоть и ее забудь. А у меня люби, да и дѣла не забывай. Ты долженъ помнить, что отцу пріятно знать подробно, какъ и гдѣ ты пристроился. Это невниманіе, братъ; нехорошо...

— Извините, батюшка, мою вѣтреность... Вы помните, батюшка, во время вашего отъѣзда я сильно хлопоталъ о переводѣ. Извините, что передъ вами я скажу нескромно: наружность моя взяла свое: я понравился и былъ переведенъ въ уланы. И не писалъ вамъ подробно только потому, что переходилъ, влюблялся въ Лизу, женился—все въ одно время: голова шла кругомъ... Извините батюшка...

— Ну, Богъ съ тобой; я не сержусь. Ты знаешь мою манеру: я люблю правду отпѣть, а тамъ и ничего. Ну, говори же, къ кому ты перешелъ въ адъютанты?

— Къ генералу Розендорфу.

— Какой это такой? Я что-то не слыхалъ о немъ.

— А немудрено, батюшка: онъ прежде служилъ на Кавказѣ и только недавно переведенъ въ Петербургъ. Ему дали гвардейскую дивизію и—представьте, случай какой! на мое счастье, не успѣлъ онъ пріѣхать сюда, какъ адъютантъ его умираетъ нервической горячкой... Баронъ Шумель, племянникъ генерала, съ которымъ я недавно познакомился и подружился, спрашиваетъ меня: «не хочу ли я занять вакансію умершаго адъютанта?» Разумѣется, я ухватился за это обѣими руками... Баронъ попросилъ дядю, тотъ пожелалъ меня видѣть, я понравился и тотчасъ же, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, былъ назначенъ.

— И впрямь, что случай. Ну, Николай, теперь умѣй же оправдать рекомендацію твоего друга. Генералъ-то нѣмецъ долженъ быть?

— Нѣмецъ, батюшка.

— Стало-быть, служака. Смотри жь, держи ухо востро. Особен-

но на новой службѣ онъ захочетъ показать себя, будетъ строгъ. Что̀, поди, у васъ теперь тьма работы?

— Напротивъ, батюшка, представьте еще какой случай: по пріѣздѣ генерала въ Петербургъ, у него вдругъ отъ перемѣны климата открылись старыя раны, и онъ уѣхалъ за границу лечиться. Я этимъ воспользовался, взялъ тоже себѣ отпускъ по случаю женитьбы, и теперь свободенъ, какъ воздухъ.

— Да что ты мнѣ мелешь! развѣ безъ генерала... какъ бишь его?...

— Розендорфъ, батюшка...

— Ну да... такъ что жь, развѣ безъ него и дѣлъ не будетъ? Вѣдь кто-нибудь да справляетъ во время отпуска его должность-то?

— Разумѣется, что должность генерала передана на это время; да у того, кому передана она... ахъ Боже мой! я все забываю его фамилью... ну, да это все-равно, у него есть свой адъютантъ. Вы знаете, что̀ такое привычка, а я человѣкъ совершенно-новый... къ-тому жь отпустить меня въ отпускъ была воля генерала, да и женитьба — причина законная.

— Законная, да въ другое время, а то на̀-ка тебѣ! не успѣлъ перейдти на службу, и дня не просужилъ, да и въ отпускъ.

— Ахъ, нѣтъ, батюшка! первые дни при моемъ генералѣ я работалъ какъ волъ, и передъ вами, батюшка, не хвастаясь скажу, что успѣлъ обратить своею дѣятельностью на себя вниманіе начальства: особенно-замѣтно было, что генералъ былъ чрезвычайно-доволенъ...

— Да что̀ говорить! ты малый ловкій, пишешь, какъ бисеръ нижешь, и складно.

Тутъ разговоръ отца съ сыномъ былъ прерванъ скрипомъ двери и появленіемъ Лизы съ подносомъ, на которомъ стояла засмолёная бутылка шиповки и двѣ шампанскія рюмки. За Лизой, улыбаясь, шла Анна Павловна, тоже съ подносомъ, установленнымъ тарелочками съ вареньями и пастилой.

— Ай-да дочка у меня! ай-да хозяюшка! Поднеси-ка намъ, да поклонись пониже, такъ мы съ Николаемъ, та̀къ и быть, выпьемъ...

— Постой, батюшка, надо человѣка кликнуть откупорить бутылку; дѣвки-то не смогутъ: вѣдь она съ проволкой, да и засмолена, сказала Анна Павловна, которая успѣла уже разставить въ симетрическомъ порядкѣ тарелочки на столѣ.

— Мамаша, дайте я откупорю, отозвался Китинъ и, взявъ бутылку, отошелъ съ ней къ печи, чтобъ гвоздемъ снять проволку.

— Не уходи, Коля, не уходи: убѣжитъ... Ты знаешь, какая моя водянка, въ потолокъ бьётъ...

— Не безпокойтесь, матушка, слажу.

— Какъ не сладить! Наше дѣло ребячье щенка подковать, сказалъ съ насмѣшливой улыбкой Иванъ Степановичъ:—Ну-те-съ, бери, Анна, бокалъ, поздравимъ молодыхъ, прибавилъ онъ, подставляя рюмку подъ шипящую струю водянки и, снявъ съ лысой головы колпакъ, торжественно провозгласилъ: за здоровье молодыхъ! ура!

— Ура! крикнула Анна Павловна, выпивъ на лобъ бокалъ и опрокинувъ его надъ головой.

— Горько-съ... горько! улыбаясь и морщась, проговорилъ Иванъ Степановичъ.

— Ай нѣтъ, папочка, чудо-какъ хорошо! сказала серьёзно Лиза, прихлебывая изъ бокала, который налила ей Анна Павловна.

— Горько, горько!... стоялъ на-своемъ Иванъ Степановичъ.

— Это онъ хочетъ, чтобъ ты подсластила, матушка... Поцалуй мужа, такъ и сладко будетъ...

— Вотъ что! Я не поняла... Извольте. На это я всегда готова. Подсластить, Коля? спросила Лиза и поцаловала мужа: — что̀ сладко, папочка?...

— Вотъ теперь сладко. Славная ты баба у меня, право славная!

Такъ началось знакомство Лизы съ отцомъ и матерью мужа. Старики ей понравились съ перваго взгляда. Ласковый, простодушный ихъ пріемъ ободрилъ ее съ перваго шага въ ихъ домѣ. Она сію же минуту втянулась въ ихъ простой бытъ: начала расхаживать по комнатамъ, какъ у себя дома, разглядывать все и, какъ ребенокъ, восхищалась всѣмъ, что̀ ни попадалось ей на глаза.

— Прелесть! чудо! ахъ какъ мило! какъ чисто! какъ свѣтло! кричала она всякую минуту. — Коля, вотъ хижина, вотъ о чемъ я мечтала. Я хочу, чтобъ и мы съ тобой были такіе жь старички и такъ же сидѣли другъ противъ друга, какъ папочка и мамочка...

Такъ говорила Лиза мужу, указывая на стариковъ Китиныхъ,

которые, сидя подъ окномъ, не спускали съ нея глазъ и весело ей улыбались.

— Коля, что жь ты ничего не говоришь? Чтó ты скученъ? спросила она вдругъ, прерывая неумолкаемый потокъ своихъ наблюденій и обращаясь къ мужу, который все время въ какомъ-то неровномъ расположеніи духа ходилъ по комнатѣ.

— Я? Я не скученъ. Развѣ нельзя ни на минуту задуматься? отвѣчалъ, пойманный врасплохъ пытливымъ взглядомъ Лизы, Китинъ.

— Хорошенько его... не давай ему потачки. Дà! скажи, что нельзя задумываться, когда у тебя, у дурака, такая жена, какъ я, дескать, дà! поддакнулъ Иванъ Степановичъ, любуясь на Лизу, которая, взглянувъ пристально въ глаза мужу, вдругъ присмирѣла.

— Нѣтъ, папочка, у него вѣрно есть какое-нибудь горе... Вотъ онъ всегда такой: все веселъ, веселъ—и вдругъ задумается. Вы его лучше моего знаете; скажите мнѣ, отчего это? Когда я его разспрашиваю, онъ всегда отъигрывается шутками, а я вижу, что у него что-нибудь да есть на сердцѣ.

— У него? Балуй, балуй его! Развѣ ты не видишь, что это онъ, какъ котъ на солнцѣ, нѣжится, чтобъ ты больше вилась около него. А ты плюнь да и отойди: вотъ онъ походитъ-походитъ, да какъ увидитъ, что хитростью-то не возьметъ, и перестанетъ блажить.

— Батюшка совершенно-правъ: ненадо обращать на меня вниманія; у меня такой дурацкій нравъ; я иногда безъ всякой совершенно причины задумываюсь, а потомъ это скоро и пройдетъ, какъ теперь, я готовъ и прыгать и дурачиться съ тобой, Лиза... А чтò, матушка, вы ей свой садикъ не покажете она страстная охотница до цвѣтовъ...

— Пойдемте, пойдемте, голубчики мои; у меня тамъ теперь очень-хорошо. Жаль, что клубника-то еще сыра, а то бы ты потѣшилась, пощипала, Лизанька, сказала Анна Павловна, отворяя дверь.

Лиза выпорхнула какъ птица и полетѣла черезъ дворъ къ калиткѣ сада.

Китинъ догналъ ее, обхватилъ за талью и заставилъ дожидаться Анну Павловну, которая брела за ними.

Въ саду минутное горе Лизы было забыто. Она забралась между грядъ и, разводя рукой густую зелень клубники, начала ощипывать полусырыя ягоды.

— Что̀, матушка, шалишь? животикъ заболитъ. Мнѣ, вѣдь, не жаль, а Боже оборони, что̀ случится! Коля, смотри, что̀ жена-то дѣлаетъ...

Китинъ вмѣстѣ съ матерью вытащилъ насильно Лизу изъ грядъ и повелъ въ цвѣтникъ. Тамъ Лиза начала новыя опустошенія: нарвала цвѣтовъ, натыкала ихъ себѣ въ голову, приколола букетъ къ груди и, какъ ребенокъ, начала бѣгать по дорожкамъ, заставляя мужа ловить себя. Анна Павловна молчала, наслаждалась, глядя на дѣтей своихъ, ка́къ они то пробѣгали передъ ней, то скрывались за кустами сирени и акацій. Къ чаю только могли залучить въ комнаты едва-дышавшую отъ усталости Лизу. Она съ аппетитомъ присѣла къ столу и, къ великому удовольствію Анны Павловны, не отказалась ни отъ творогу со сливками, ни отъ простокваши, ни отъ печенья.

Послѣ чая, отдохнувъ отъ бѣготни, Лиза изъявила желаніе пойти въ молодую березовую рощу, которая зеленѣла за дорогой, и требовала непремѣнно, чтобъ старикъ Китинъ былъ ея кавалеромъ. Нечего было дѣлать; Иванъ Степановичъ, который никогда не выходилъ изъ дома, не могъ не побаловать Лизы, которая пришлась ему по-душѣ. Подвязавъ свой халатъ персидскимъ платкомъ и, не разставаясь съ трубкой, подалъ онъ Лизѣ руку и вышелъ съ ней первый на дорогу.

— Мы, молодые, впередъ, а вы, старые, сзади, сказалъ онъ, подмигивая на Анну Павловну и сына, которые шли за ними.

Палаша, вооруженная, по приказанью Анны Павловны, кисетомъ съ табакомъ, огнивомъ и кремнемъ, замыкала это торжественное шествіе. Долго продолжалось гулянье. Лиза успѣла пересказать Ивану Степановичу всю свою жизнь и ознакомить его совершенно съ любезными для нея воспоминаньями о монастырѣ. Все перебрала Лиза, всѣ свои планы, всѣ надежды, и Иванъ Степановичъ, чѣмъ болѣе ее слушалъ, тѣмъ крѣпче начиналъ любить и привязываться къ милому, умному, исполненному добродушія ребенку.

— Славная ты у меня, славная! часто прерывая Лизу, говорилъ Иванъ Степановичъ: — ребенокъ-то ты хорошій, а въ ребенкѣ будущая женщина еще лучше сидитъ...

Между-тѣмъ у Анны Павловны съ сыномъ, которые поотстали немного, шелъ совсѣмъ другой разговоръ. Ей крѣпко запала въ душу минутная задумчивость сына, и она очень была рада, что проворная Лиза утащила ея старика впередъ.

— Что̀ съ тобой давича было, Коля? спросила она, вдругъ пріостановивъ сына и глядя ему прямо въ глаза.

— Я сказалъ тогда же, матушка, что я часто задумываюсь безъ причины. Право ничего, отвѣтилъ Китинъ, стараясь избѣгнуть взгляда матери.

— Какъ ничего? Вотъ у кого на душѣ-то свѣтло, тотъ не задумывается. Вотъ какъ она, моя голубушка, жена-то твоя, весело идетъ, щебечетъ, какъ птичка, а ты и со мной идешь молча и часто вздыхаешь. Что жь молчишь, Коля? Давно ли отъ меня скрываться началъ? Это мнѣ обидно...

— Ахъ, матушка! не осуждайте меня; я теперь не ребенокъ, я теперь мужъ—можетъ-статься, скоро буду отецъ: не могу жь я попрежнему прыгать и скакать! У меня дѣла, обстоятельства, которыя меня тревожатъ...

— Да что̀ жь тебя можетъ тревожить? Ты теперь службу имѣешь хорошую, женился на дѣвушкѣ милой, образованной, богатой—чего жь тебѣ не достаетъ?

— Ничего, матушка; я всѣмъ доволенъ; но, если вы хотите, чтобъ я сказалъ причину моей задумчивости, такъ это мои теперешнія денежныя обстоятельства. Вы поймете меня, когда я вамъ скажу, что мнѣ съ первыхъ же дней женитьбы совѣстно признаться женѣ, что у меня нѣтъ денегъ, и просить ее, чтобъ она дала мнѣ своихъ. Конечно, Лиза, совершенный ребенокъ, дѣйствовать на нее ничего нѣтъ легче. Она мнѣ сію жь минуту отдастъ все, что̀ у нея есть. Но ея бабушка старая скряга, она ужь нѣсколько разъ спрашивала у Лизы, не бралъ ли я ея денегъ. А еслибъ я въ-самомъ-то-дѣлѣ началъ ихъ, каково бъ было мое положеніе? Лиза, которая не умѣетъ лгать, сказала бы прямо, что отдала ихъ мнѣ, и сами судите, въ какомъ бы я былъ цвѣтѣ тогда, съ перваго же времени моей женитьбы, въ глазахъ старухи, которая можетъ послѣ пригодиться, потому-что обѣщала оставить Лизѣ все, что̀ она имѣетъ. Къ-тому жь, старуха воображаетъ, что я самъ очень-богатъ.

— Не-уже-ли, Коля, ты обманулъ ее и не сказалъ ей, ка́къ есть, что ты бѣдный офицеръ? спросила съ испугомъ Анна Павловна.

— Я не обманывалъ ее, матушка, но, признаюсь вамъ откровенно, и не разувѣрялъ... Еслибъ я былъ откровененъ съ Дарьей Яковлевной, то этой свадьбѣ, можетъ-быть, никогда бъ и не бывать. Согласитесь, матушка, что это была довольно-невинная

умолчка съ моей стороны; иначе я могъ бы выпустить изъ рукъ такую выгодную партію. Къ-тому жь, чего вы тревожитесь, матушка? Это затруднительное положеніе продлится недолго. Старуха Рытова, увѣрившись во мнѣ, прекратитъ свои наблюденія, и тогда съ Лизой я заживу припѣваючи. Въ настоящую минуту мнѣ трудно только справиться. Представьте, что я, отправляясь къ вамъ, отдалъ послѣднія мои деньги Андрею, чтобъ онъ разсчитывался во время дороги, и теперь врядъ ли осталась у него красненькая...

— Что̀ жь, другъ ты мой, тебѣ деньги нужны? Говори прямо.

— Да̀, матушка, и признаюсь, я разсчитывалъ на васъ: вы мнѣ поможете обернуться на это короткое время.

— Ты знаешь, другъ мой, что я всегда готова помочь тебѣ; но у меня теперь всего двѣсти рублей въ сборѣ. Развѣ отцу сказать, такъ онъ не откажетъ на этотъ случай что-нибудь прибавить. Точно, оно совѣстно безъ своей копейки на первый разъ быть; бабки-то, бабки совѣстно.

— Къ-тому жь, матушка, я свято берегъ ваши деньги, но меня эти двѣ обмундировки разорили. А что̀ жь было̀ дѣлать? не терять же блистательной карьеры изъ-за денегъ.

— Какъ можно, Боже оборони!... Да отецъ это пойметъ; я его уговорю. Одно меня тревожитъ, Коля: ты не увѣрилъ ли старуху-то, что ты богатъ; вѣдь это обманъ, мой милый, это грѣхъ...

— Повторяю вамъ, матушка, что самъ не знаю, откуда она это взяла. Да что̀ жь? вѣдь, кажется, я и не нищій.

— Христосъ съ тобой! Все-таки у тебя какая ни-на-есть деревенька будетъ. И денегъ у насъ есть въ ломбардѣ: отецъ твой во время своихъ разъѣздовъ порядочно накопилъ. Жалованье двойное давалось, покупки за границей дешево дѣлалъ, а продавались-то онѣ въ Петербургѣ дорого. Нѣтъ, ты не нищій. Помилуй насъ отъ этого, Господи! Только отецъ твой такое со мной условіе заключилъ и поклясться заставилъ, что коли я умру, все ему оставлю; онъ умретъ — все мнѣ; а про тебя онъ говоритъ, что онъ хочетъ, чтобъ ты при жизни нашей изъ рукъ нашихъ смотрѣлъ. Не рощи, Колинька, ты ничего не потеряешь. Онъ, мой голубчикъ, денно и нощно о тебѣ думаетъ. Тебѣ жь будетъ хорошо. Намъ не два вѣка жить.

— Что̀ это вы говорите, матушка! сказалъ Китинъ и, съ слезами на глазахъ, нѣжно поцаловалъ ея руку.

— Что говорю? То, что положенъ предѣлъ, его же не прейдеши. Тутъ пугаться нѐчего. Оно такъ и должно быть, что молодые переживаютъ старыхъ, А я бы, ничего, хотѣла бъ умереть: можетъ-быть, тебѣ лучше было бы безъ насъ, стариковъ...

— Вотъ, видите, маменька, ка́къ фальшивъ разсчетъ отца, какія мысли онъ въ васъ вселяетъ, а главное, что заставляетъ выслушивать своего сына! Что жь я, по-вашему, жду, какъ воронъ, вашей смерти? — это ужасно!

— Полно, полно, Коля, перекрестись! Что̀ ты говоришь! И въ умѣ у насъ этого не было. Я такъ, отъ любви къ тебѣ, сболтнула. Вправду отецъ говоритъ, что я люблю-то тебя подуранки.

— Нѣтъ, матушка, вы любите меня свято и тепло, какъ истинная мать, и батюшка любитъ меня—я это знаю, но любитъ недовѣрчиво и съ разсчетомъ—это больно.

— Перестань же ты мнѣ душу-то разрывать, не ропщи на отца. Прости меня; это все я тебя разогорчила.

— Я не ропщу, матушка, ни на кого. Это ваша ангельская любовь ко мнѣ вырвала у меня невольно сравненіе между вами и отцомъ. Простите и вы меня, прошу васъ: забудьте, что̀ я сказалъ.

— Я и исполню. Мало ли что̀ сгоряча можетъ съ языка сорваться! Не всякое лыко въ строку. А ты мнѣ вотъ что̀, Коля, скажи, открой мнѣ твою душу: у тебя, кромѣ недостачи въ деньгахъ, другаго горя на сердцѣ нѣтъ?

— Никакого, матушка... отвѣчалъ Китинъ и невольво вздохнулъ.

— То-то! Что жь это, Лизочка-то, говоритъ, что тебѣ нѣтъ-нѣтъ, да и взгрустнется?.

— Она ребенокъ, матушка; ей все хочется прыгать и бѣгать, а я не ребенокъ, сами посудите, что̀ тутъ мудренаго, что я не всегда на это расположенъ. Иной разъ я о ней же думаю, о ея же будущемъ счастьи, а она вообразитъ, что я грустенъ и у самой польются слезы. Она дитя, совершенное дитя.

Разговоръ перешелъ на Лизу, на предположенія о ихъ жизни въ будущемъ. Старушка опять развеселилась, бодро пошла, опираясь на руку сына, давая ему разныя наставленія и, толкуя о незнакомой еще ему семейной жизни, догнала мужа и Лизу.

Соединясь, они сдѣлали привалъ и держали совѣтъ, идти ли дальше, или возвратиться домой. Иванъ Степановичъ просилъ пощады и потиралъ, сидя на кочкѣ, ноги. Лизѣ хотѣлось гулять

до-тѣхъ-поръ, пока запоетъ соловей. Про соловья, на свою бѣду, проговорился самъ Иванъ Степановичъ. Анна Павловна, какъ водится, баловница, брала сторону Лизы. Китинъ, напротивъ, сторону отца. Разумѣется, что одного слова мужа было достаточно, чтобъ Лиза первая поворотила къ дому. Но на этотъ разъ порядокъ шествія измѣнился: Палашка была послана курьеромъ впередъ, чтобъ готовили ужинъ; Лиза взяла руку мужа, а старички оба, заложивъ за спину руки, пошли за ними.

Возвратясь домой, они нашли уже готовый на столѣ ужинъ, а въ углу, у печи, по распоряженію Анны Павловны, къ дивану были придвинуты четыре стула, взвалена огромная перина и оправлена постель для двухъ. Это импровизированное ложе Анна Павловна назначила себѣ и мужу, а спальню свою уступила молодымъ, и, несмотря на сопротивленіе сына и невѣстки, ни за что не соглашалась, чтобъ они спали на стульяхъ. Поужинавъ, Анна Павловна сама уложила дѣтей на свою кровать и долго еще проболтала съ ними, пріютившись у нихъ въ ногахъ. Наконецъ, благословивъ и поцаловавъ ихъ, она тихо вошла въ залу, помолилась въ первомъ углу Богу, раздѣлась и улеглась возлѣ Ивана Степановича, который, уставъ на порядкахъ, давно уже утонулъ въ мягкой перинѣ, укрылся ваточнымъ одѣяломъ и, сладко зѣвая, собирался заснуть. Тутъ началась искусная атака Анны Павловны. Мастерски завела она ее чуть не отъ Адама и хитро свела на тягостное положеніе сына въ настоящее время.

Должно-быть, краснорѣчиво и убѣдительно говорила Анна Павловна, потому-что слушавшій ее съ дремотой на глазахъ, Иванъ Степановичъ, наконецъ поворотился на другой бокъ и сказалъ:

— Точно, что оно щекотливо. Утро вечера мудренѣе, Анна....

Анна Павловна обрадовалась словамъ мужа, смолкла, тоже перевернулась на другой бокъ и, натянувъ себѣ на ухо одѣяло, перекрестила передъ лицомъ воздухъ. Все стихло; слышно было только, какъ на окнахъ бились мухи и ночныя бабочки, нечаянно-запертыя въ комнатѣ; слышно было, какъ комаръ, кружась надъ головами стариковъ, трубилъ свою побѣдную пѣсню; слышно было, какъ за обоями, между бревенъ, бѣгали мыши, какъ, встрѣтясь на узкомъ пути, онѣ не уступали другъ другу дороги и затѣвали тутъ же и сраженье; слышно было, какъ покинутыя ихъ голорозовые наслѣдники и наслѣдницы жалобно пищали о вѣтренныхъ родителяхъ.

Но скоро всѣ эти неясные звуки ночи покрылись громкимъ,

здоровымъ храпомъ Ивана Степановича и сладкимъ всхрапываньемъ Анны Павловны.

Правду сказалъ Иванъ Степановичъ, что утро вечера мудренѣе. На другой день, послѣ нѣсколькихъ умышленныхъ и неумышленныхъ сходокъ его съ женой, Анна Павловна вся просіяла. Радость всегда заразительна. За чайнымъ столикомъ значительная улыбка старушки перелетѣла на губы сына. И на этотъ разъ никто не упрекнулъ бы его въ неровномъ расположеніи духа: онъ былъ веселъ, веселъ какъ ребенокъ.

Прошла недѣля, какъ молодые гостили у стариковъ. Сроднившаяся съ ними Лиза и не думала собираться въ Петербургъ. Садъ, и въ-особенности рощи, поля, которыя она видѣла въ первый разъ въ жизни, сильно склоняли ее погостить еще у стариковъ. Напротивъ, Китинъ съ того самаго дня, какъ улыбка матери и немного-прищуренный глазъ, незамѣтно для другихъ, вдругъ оживили его, началъ сильно поговаривать о возвращеніи въ Петербургъ. На него вдругъ напала совѣсть, зачѣмъ онъ взялъ отпускъ почти не служа. Ему стало мерещиться — разумѣется, вслухъ—что онъ можетъ самъ отъ себя потерять въ глазахъ начальства. Печально слушала его мать; Лиза надула губки; одинъ только Иванъ Степановичъ былъ на сторонѣ сына и говорилъ: »Бабъ слушать нѐчего; имъ всю жизнь бы сидѣть да глядѣть на миленькихъ. Волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Служба для нихъ что?... А ты дѣлай по-свòему. Запало на сердце чтò неладно — и поѣзжай. Сердце вѣщунъ. А тутъ не за горами... Чтó плачешь, Анна? Я и тебя насильно вытащу, право вытащу»...

— Нѣтъ! не поѣду я больше въ Петербургъ, не люблю я его, точно какъ меня тамъ горе какое ожидаетъ. Боюсь, давно боюсь, сказала Анна Павловна и, зарыдавъ, бросилась къ сыну: — Колинька, чтó это со мной сталось? Много разъ въ жизни прощалась, разставалась съ тобой — больно было, грустно, а все того не было, чтó теперь: только ты слово объ отъѣздѣ вымолвилъ, точно меня змѣя ужалила въ сердце. Знаю я, чтó это значитъ: вѣрно я умру и не увижу тебя больше...

Всѣ старались утѣшить старушку, и она, желая успокоить окружавшихъ ее, стала спокойна, даже весела. Когда былъ рѣшенъ день отъѣзда, она сама уложила всѣ ихъ вещи, напекла имъ на дорогу пироговъ, булокъ и до послѣдней минуты прощанья была все тверда и бодра; но когда всѣ сѣли и Китинъ всталъ и, помолясь Богу, подошелъ къ ней, она не могла ни встать, ни

обнять его, ни высказать всего, что́ ее душило... «Не увижу, не увижу!...» только твердила она между прерывавшимися рыданьями.

Китинъ лежалъ у нея на груди и самъ не могъ сказать ни слова. Когда его оттащилъ отецъ, лицо его было сухо и страшно; онъ стоялъ блѣдный, какъ смерть; губы его судорожно тряслись и косились.

— Да что̀ это вы, помѣшались, что̀ ли? Начали за здравіе, а кончили за упокой. Анна, побойся Бога! что̀ ты съ сыномъ дѣлаешь? Ты, вѣдь, знаешь, что онъ у тебя баба... Да и Лизу-то пожалѣй: посмотри, ка́къ она плачетъ, говорилъ несовсѣмъ-спокойно Иванъ Степановичъ.—Ну, полно бабиться-то... дальніе проводы—лишнія слезы. Поцалуй меня, братъ, да и маршъ... Прощай, моя умница, моя славная!... Не плачь... Умора, право, съ вами, только. За тридевять земель ѣдутъ... А все это Анна кашу заварила. Грѣхъ тебѣ, старая! Разрываться не́чего: все идетъ, какъ по маслу... Опомнись, не гнѣви Господа Бога. Что́ за горе, что сынъ ѣдетъ на службу? Нельзя жь ему за твою юбку держаться: у него теперь есть своя юбчонка, помоложе. Всякому свое время, Анна.

Анна Павловна, выслушавъ мужа, бодро встала и, не проронивъ больше ни одной слезы, благословила дѣтей своихъ и простилась съ ними.

Когда карета тронулась, и блѣдное лицо Китина высунулось въ окно, а глаза остановились на матери, Анна Павловна молча издали перекрестила его и, горько улыбнувшись, кивнула ему головой.

— Молитесь за меня, матушка! крикнулъ Китинъ и упалъ на спинку кареты.

Напрасно вилась около него заплаканная Лиза, напрасно нашептывала она ему обычныя женскія утѣшенія—онъ не слушалъ, не отвѣчалъ на нихъ.

«Сердце-то, сердце-то матери... Боже мой! Боже мой!» проговорилъ онъ самъ-себѣ, прижавшись лицомъ въ уголъ кареты.

Лиза замолчала, перестала приставать къ мужу. Ей пріятно было видѣть его привязанность къ матери. «Добрый, добрый Коля...» думала она: «ка̀къ онъ любитъ свою мать! Не надо мѣшать ему. Пусть его проплачется: ему станетъ легче. И я тоже бы плакала, но у меня нѣтъ ни отца, ни матери — я сирота».

И Лиза, закрывъ лицо платкомъ, также прилегла въ другой уголъ кареты и тоже тихо плакала.

Вдругъ она почувствовала, что у нея тащатъ платокъ изъ рукъ, повернулась и встрѣтилась съ лицомъ мужа; но на этомъ лицѣ и слѣда не было печали. Китинъ глядѣлъ на нее и улыбался.

— Прошло, Коля? спросила Лиза.

— Прошло, душка, отвѣтилъ Китинъ, и остальную дорогу безпечно и весело катились они до Петербурга.

XXI.

Только-что пріѣхавъ, Лиза Китина тотчасъ же отправилась къ бабушкѣ Рытовой, но не застала старухи дома: она была у всенощной. Лиза осталась ожидать ее. Савишна выбѣжала къ ней и бросилась цаловать руки своей воспитанницы.

— Что́, здорова ли бабушка? спросила Лиза.

— Ничего-съ... Только слабы становятся... Матушка, Елизавета Леонидовна-съ, вѣдь у насъ въ домѣ новость завелась, прибавила старуха шопотомъ, оглядываясь во всѣ стороны.

— Какая новость? спросила съ любопытствомъ Лиза.

— Ужь и не говорите! Мы всѣ не надивимся...

— Да что жь такое? говори же, няня...

— У насъ, вѣдь, четыре дня, какъ жилецъ новый поселился.

— Жилецъ? у бабушки? Ты шутишь, няня?

— Какая шутка! Истину вамъ докладываю. Не видала бъ своими глазами, отцу родному не повѣрила бы.

— Кто жь это, няня? спросила Лиза.

— Барынинъ племянникъ-съ, сестрицынъ сынокъ-съ.

— Какой это? Я его никогда не видала.

— Гдѣ жь вамъ было видѣть, сокровище вы мое! Барыня его и на глаза никогда не пускала.

— Ахъ! Это тотъ, котораго бабушка такъ не любила?

— Онъ самый и есть-съ.

— Откуда же онъ взялся?

— А вотъ какъ вы изволили замужъ выйдти-съ, такъ бабушка ваша, не́чего говорить, мѣста себѣ не находила. Бродятъ, бывало, въ первые-то дни по фатерѣ да знай-себѣ качаются, да приговариваютъ: «ой, Савишна, тошно! ой, голубушка, тошно!...» Душу, бывало, надорветъ. Это имъ все безъ васъ пусто казалось. Скажешь, бывало: «да что вы, барыня маяться изволите, пошлите

за Елизаветой Леонидовной.—«Что ты, что ты? Развѣ я въ ней теперь вольна? у нея мужъ есть. Отрѣзанный ломоть — не приставишь.» А вы въ ту пору загуляться изволили, нѣсколько деньковъ не бывали у бабушки. Вотъ и начали онѣ-съ, съ горя что ли, по-старому, изъ заутрени да къ ранней, да къ поздней, да въ вечерни, да ко всенощной. Живмя-живутъ-съ въ церкви. Только разъ, смотримъ, идутъ наша-съ барыня, не дослушавши обѣдни, домой, всѣ багровыя, съ форсомъ-съ таковымъ дверями хлопаютъ, индо у насъ у всѣхъ душа въ пятки ушла. Я имъ чаю—не кушаютъ, я имъ кофею—куда тебѣ! чашку на подносѣ перекувырнули, а руки такъ вотъ такъ ходуномъ и ходятъ. Начала я кофей-то на полу подтирать—онѣ меня какъ схватятъ-съ за руку да передъ собой и поставили; глаза на меня вытаращили да и говорятъ: «вѣдь я его видѣла!...» Меня ажно морозъ пробилъ: приди мнѣ въ голову, что онѣ это про покойнаго генерала говорятъ. Стою, молчу, а самоё вотъ такъ и колотитъ. А онѣ мнѣ опять: «Я тебѣ говорю, я его видѣла! Онъ въ Петербургѣ, оборванный такой, сертучишка срамный, шляпа проломанная — нищій, думаю какой». И ума не приложу, что съ барыней сталось? Знаю, что ихъ хлѣбомъ не корми—нищихъ, монаховъ на-смерть любятъ. А онѣ мнѣ опять: «Да знаешь ли, что онъ посмѣлъ мнѣ сказать?»—«Не могу, молъ, знать, матушка барыня, говорю я».—«Онъ меня тётенькой при всемъ народѣ назвалъ, оборванецъ этотъ... Митька-то!» Тутъ только я въ толкъ взяла, что бабушка ваша, сестрицы-то своей Екатерины Яковлевны сына, Митрія Митрича, въ церкви встрѣтить изволили-съ... Вотъ потолковали мы съ людьми и помалчиваемъ, смотримъ, что отъ барыни будетъ. На другой день какой-то мальчишка имъ письмо принесъ. Онѣ его прочли-съ, да и въ клочки... Рвутъ и мечутъ, а въ церковь все ходятъ... Вотъ, смотримъ мы, стали онѣ утихать, все тише да тише. Разъ передъ обѣдней порылись въ комодѣ, да что-то въ ридикюль и сунули. Какъ онѣ ушли, а я—грѣшный человѣкъ — солопишко накинула, да и за ними. Онѣ въ соборѣ стали на свое мѣсто, а я за народомъ притаилась; гляжу, а между часами и обѣдней, подходитъ къ барынѣ Митрій Митричъ. Онѣ съ нимъ ничего, таково ласково поговорили, да и даютъ ему что-то въ руку: онъ взялъ да и ну имъ руку цаловать.

— Добрая бабушка! сказала Лиза, и слезы навернулись на ея глазахъ.—А ты не знаешь, Савишна, за что прежде бабушка на него сердилась?

— Да онѣ съ сестрицей очень не ладили за то, что сестрица противъ ихъ воли за бѣднаго вышла.

— Что́ жь, бабушка теперь на него совсѣмъ не сердится?

— И помину нѣтъ, оченно съ нимъ ласкова.

— Да когда жь все это сдѣлалось? не-уже-ли въ эту недѣлю, какъ насъ не было?

— Нѣтъ-съ, встрѣтили-то онѣ его почитай недѣлю послѣ вашей свадьбы, да отъ васъ все скрываться изволили и мнѣ строго запретили никому объ этомъ не сказывать.

— Зачѣмъ же бабушка скрывалась? Не-уже-ли она думала, что мнѣ и Колѣ это будетъ непріятно?

— Да имъ совѣстно передъ вами, золото мое.

— Передо мной? Отчего жь, я не понимаю. Напротивъ, я очень-рада за бабушку: ей теперь не будетъ скучно.

— Ангельская вы душенька! чего вамъ радоваться? Теперь вѣдь все не то пойдетъ. Митрій-то Митричъ себѣ на умѣ: онъ бабушку-то въ руки заберетъ. Чего ужь, четыре дня только здѣсь, а словно какъ обошелъ ее. Лукавый такой, ручки цалуетъ, скамеечку подаетъ, подъ ручку водитъ, шевельнуться самой не даетъ; меня совсѣмъ оттеръ и въ фофаны съ ней играетъ. Да то ли еще будетъ, дайте ему опериться... Вонъ и теперь съ бабушкой ко всенощной ушелъ.

— Чего жь ты боишься? Онъ вѣрно добрый.

— Онъ для себя добрый, безцѣнная вы моя! Хитрый онъ. Значитъ силенъ, коли гнѣвъ бабушкинъ пересилилъ. Зналъ чѣмъ взять... Вишь видѣнья ему, говоритъ, были, откровенья разныя... да такъ бабушку-то вашу запугалъ, что онѣ его сами четвертаго дня изъ Казанской домой привели и за вещами не пустили— Фильку посылали-съ. А теперь поглядите-ка изъ оборванца какъ разрядился! Что́ жь, это все спроста? Нѣтъ, жаль мнѣ васъ, оченно жаль.

Послышался звонокъ; Савишна скрылась. Немного погодя, вошла Дарья Яковлевна, а за ней Дмитрій Дмитріевичъ. Дарья Яковлевна очень обрадовалась Лизѣ.

— Здравствуй, Лизочка, дитя ты мое! когда ты пріѣхала?

— Сегодня, бабушка, и съ дороги прямо къ вамъ, говорила Лиза, цалуя бабушку.

— Добрая ты моя! А мужъ гдѣ?

— Ему нужно было куда-то по дѣлу, онъ за мной заѣдетъ.

Бабушка! душка! можно васъ поздравить? Мнѣ няня сказала, что вы теперь не одни. Я такъ за васъ обрадовалась.

— Обрадовалась? Добрая ты моя! сказала Дарья Яковлевна, смутившись.

Видно было, что она на радостяхъ, увидѣвъ Лизу, совершенно забыла о своемъ племянникѣ, который стоялъ за ней сконфуженный и не зналъ, что ему дѣлать. Лиза помогла обоимъ, радушно протянувъ руку Дмитрію Дмитріевичу.

— Дяденька, рекомендуюсь, прошу любить меня: я внучка бабушки, а ваша племянница.

— Лизавета Леонидовна, я любилъ васъ даже и тогда, когда не имѣлъ счастья васъ знать, а теперь я, бѣдный сирота, постараюсь заслужить вашу ласку, сказалъ Дмитрій Дмитріевичъ и бросился цаловать руку Лизы.

Лиза невольно улыбнулась. Бѣдный сирота былъ лѣтъ тридцати мужчина, здоровый, высокій, съ круглымъ брюшкомъ, съ пухлыми, розовыми щеками.

— Лизочка, ты полюби его: онъ добрый, ласковый такой. Ужь какъ я съ нимъ, грѣшная, жестока была, а онъ, мой голубчикъ, зла не помнитъ.

— Да разразитъ меня Богъ, если я минуту въ моей жизни роптал на васъ, тёточка!

— Вотъ слышишь, Лиза? Благодарю моего Создателя, что онъ далъ мнѣ прозрѣть, умягчилъ мою душу.

— Тёточка, ваша душа всегда была ангельская. Обстоятельства, тёточка, обстоятельства...

— Онъ правду говоритъ: онъ тутъ, какъ куръ во щи попался. Я его матушку покойницу не долюбливала, а отца видѣть не могла: вотъ по нихъ-то и его на глаза не пускала. А онъ чѣмъ былъ виноватъ? Вотъ она, слѣпота-то людская... Грѣшна, грѣшна, каюсь передъ всѣми, Митя.

— Полноте, тёточка, о прошломъ вспоминать! сказалъ Дмитрій Дмитріевичъ и началъ цаловать руки старушки.

— Вотъ онъ какой! Ну, хорошо; что прошло, то прошло, того впередъ не будетъ, и говорить не станемъ. А ты поди, мой милый, пошли ягодокъ купить въ милютиныхъ, попотчуй племянницу-то.

— Тёточка, я самъ сбѣгаю, люди дрянь купятъ...

— Поди, поди, милый ты мой, возьми денегъ-то тамъ у меня, въ столикѣ бисерный кошелекъ лежитъ.

Дмитрій Дмитріевичъ поцаловалъ на прощанье руку Дарьѣ Яковлевнѣ, взялъ фуражку и вышелъ изъ комнаты.

— Вотъ Лизочка, какое мнѣ сокровище Богъ послалъ! Ты не сердись на меня: я тебя все больше его любить буду; а вѣдь мнѣ куда грустно жить одной съ хамовой-то породой.

— Бабушка, я ужь вамъ говорила, что я за васъ очень-рада.

— То-то! Ты не думай ничего: онъ у меня такъ живетъ, дорого мнѣ стоить не будетъ; а что было сказано, то сказано, такъ и мужу скажи, чтобъ онъ на него косо не смотрѣлъ. Я своего слова ни для кого въ мірѣ не измѣню.

— Бабушка, какъ вамъ не стыдно это говорить! Точно мы съ Колей такіе жадные.

— Нѣтъ, не жадные, а за свое всякій человѣкъ долженъ стоять. Я и Митѣ это говорила, чтобъ онъ и не ждалъ отъ меня ничего. Вотъ я его одѣла, обула, на службу опредѣлю. Пусть живетъ со мной, пока я жива; а какъ Богъ меня приберетъ—все ваше будетъ; да онъ и не такой: у него душа духовная, онъ весь въ Богѣ. Кабы ты знала, ему видѣнья какія были! Три ночи сряду къ нему, какъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, старикъ являлся во снѣ, въ бѣломъ одѣяніи, въ свѣтѣ несказанномъ, и все ему говорилъ: «рабъ Дмитрій, встань, иди за мной; я тебя съ тёткой помирю...» А я тоже, грѣшница, первый разъ, какъ его встрѣтила въ церкви, такъ разсердилась, даже обѣдню не выслушала, ушла. Вотъ что врагъ-то надъ нами дѣлаетъ! А онъ, мой батюшка, все со мной кротокъ такъ. «Я, тётенька, говорить не отъ себя посмѣлъ подойдти къ вамъ: мнѣ откровенье было». Да все мнѣ и разсказалъ. Съ-тѣхъ-поръ мнѣ самой покою не было. Такіе сны начала видѣть, что страсть! А на послѣднюю ночь, какъ мнѣ его въ домъ взять, себя въ котлѣ смоленомъ видѣла, а старикъ въ бѣломъ одѣяньи все мѣшаетъ да приговариваетъ: «это тебѣ, раба Анна, за раба Дмитрія». Вотъ, вѣдь, какъ дѣло-то было, Лизочка, какъ же мнѣ не покориться?

Во все время монолога бабушки, Лиза кусала себѣ губы, чтобъ не захохотать. На ея счастье, бабушка такъ была погружена сама въ себя, что не замѣтила этого, и продолжала:

— Вотъ я и привела его, моего батюшку, сюда. Онъ ужь у меня четыре дня живетъ. Да добрый какой, почтительный! Смотритъ за мной какъ за ребенкомъ... И тѣшитъ меня: всякій разъ, какъ со двора выйдетъ, подарочекъ принесетъ... Третьягодня болоночку подарилъ бѣленькую, а вчера—кота, чернаго, жирна-

го-прежирнаго... Эй! дѣвки! Катька, Оксюшка! Дружка и бурку принесите, показать Лизаветѣ Леонидовнѣ.

Дѣвушки принесли болонку и кота. Лиза начала съ ними возиться и очень была рада, что бабушка, любуясь своими новыми пріемышами, прекратила разсказъ.

Скоро вернулся Дмитрій Дмитріевичъ съ корзинкой клубники, акуратно развернулъ и началъ выхвалять ее.

— Тёточка, посмотрите, что за ягода! Вы этакой нигдѣ не найдете. Только и было двѣ корзинки: одну купили для дворца, а другую мнѣ, по дружбѣ, уступилъ купецъ, во второмъ нумерѣ. Да посмотрите, тёточка, какова ягода, пять на фунтъ — а?

И Дмитрій Дмитріевичъ самъ съѣлъ нѣсколько ягодъ.

— Сахаръ, сахаръ! продолжалъ, восхищаясь, Дмитрій Дмитріевичъ:—а ароматъ какой! Одной этакой ягоды довольно, чтобъ надушить всѣ комнаты. Я вамъ, тёточка, сыру захватилъ, швейцарскаго, два фунта—слеза такъ и льётъ, да икры паюсной—просто сливки. Не хотите ли орѣшковъ, племянница? Тёточка, не угодно ли?...

— Что ты, мой батюшка? а зубы-то гдѣ?

— Я вамъ раскушу, тёточка; покушайте, они мягкіе. Это купецъ мнѣ далъ на пробу, американскіе, совершенный кокосъ. Это вамъ въ постный день, съ кофейкомъ хорошо...

На эту сцену пріѣхалъ Китинъ. Послѣ обычныхъ поцалуевъ и привѣтствій, онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на новое лицо—мужчину въ домѣ бабушки. Старушка поспѣшила представить Дмитрія Дмитріевича, который боязливо взялъ протянутую ему Китинымъ руку и униженно разсыпался передъ нимъ въ благодарности за ласку и вниманіе къ бѣдному сиротѣ. Послѣ этого старуха Рытова пересказала снова Николаю Ивановичу всѣ обстоятельства, побудившія ее принять къ себѣ въ домъ племянника, котораго прежде ненавидѣла и не пускала на глаза. Остальной вечеръ прошелъ какъ-то странно и несвязно. Дмитрій Дмитріевичъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, наливалъ чай, угождалъ тётушкѣ, игралъ съ болонкой и котомъ, цаловалъ руки старушкѣ, клалъ ей голову на колѣни и терся около нея, какъ маленькой ребенокъ. Дарья Яковлевна улыбалась и гладила племянника по головѣ. Китинъ сидѣлъ, молча поглядывая искоса на эти нѣжности и невольно улыбался. Лиза тоже была не въ своей тарелкѣ: хотѣлось бы ей покатиться со смѣху, глядя на сиротудядюшку, а она сидѣла серьёзная. Въ первый разъ въ жизни,

въ домѣ бабушки она не дѣлала чего ей хотѣлось; въ первый разъ у бабушки ей было неловко, она была не дома. Наконецъ Дмитрій Дмитріевичъ принесъ карты и усѣлся играть въ фофаны съ Дарьей Яковлевной. Игралъ онъ точто такъ же, какъ Савишна. Тётушка все выигрывала, онъ все былъ фофаномъ и сидѣлъ за наказанье въ ночномъ чепцѣ Дарьи Яковлевны. Старуха блаженствовала. Чепецъ, на бабушкѣ, съ коричневымъ бантомъ па маковкѣ, сильно покривился на сторону, щеки и глаза горѣли; она шутила, смѣялась и ставила дрожащей отъ волненія рукой несметное количество кривыхъ палочекъ, означавшихъ, сколько разъ она усадила въ фофаны своего племянничка. Что̀ дольше играли, то̀ больше приходила въ азартъ Дарья Яковлевна, не замѣчая, какъ зѣваютъ и перемигиваются гости. Наконецъ Китины встали. Сдавая карты, какъ-то съ боку, проворно чмокнула ихъ бабушка и, подкинувъ фофана подъ колокольчикъ, нехотя стала вставать. Лиза остановила ее, прося съ ней не церемониться.

— Экая шельма! сказалъ Китинъ, выйдя на улицу съ женой и отправляясь съ ней пѣшкомъ домой.

— Дядюшка-сирота? спросила Лиза и разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Да ты хохочи: rira bien qui rira le dernier. Дѣло-то дрянь. Не видать тебѣ бабушкина наслѣдства, какъ ушей своихъ. Этотъ сирота молодецъ-мальчикъ.

— Богъ съ нимъ, Коля! Онъ вѣдь бѣдный; а мы съ тобой, слава-Богу. И ты и я имѣемъ состоянье, на что̀ жь намъ еще? Не умремъ съ голоду.

— Монастырка! сказалъ Китинъ и, молча насвистывая арію изъ «Жоконда», дошелъ до дому.

XXII.

Послѣ водворенія Дмитрія Дмитріевича, Лиза не могла заманить мужа къ бабушкѣ. «Поѣзжай одна. Что̀ мнѣ тамъ дѣлать? Я не могу видѣть этого скота-племянника», былъ всегдашній отвѣтъ.

Возвратясь въ Петербургъ, Китинъ выѣзжалъ часто изъ дома одинъ, отговариваясь то службой, то дѣлами. Такъ прошелъ іюнь, іюль и августъ. Лиза сильно скучала. Большею частью она сидѣла дома одна, работала, читала, занималась своимъ ма-

ленькимъ хозяйствомъ, писала къ старикамъ Китинымъ письма, въ которыхъ постоянно выхваляла своего мужа, а между-тѣмъ, не проходило дня, чтобъ она не поплакала. Часто, чтобъ сократить длинное утро, она ходила къ бабушкѣ, но и тамъ не находила развлеченья. Все новое, незнакомое щемило ей сердце. Старуха Рытова, прежде бодрая, живая, дѣятельная, опускалась день-ото-дня. Окруженная безпрестанною заботливостью Дмитрія Дмитріевича, который не давалъ ей самой пошевелиться, она какъ-то вдругъ насильственно превратилась въ ребенка, за котораго думаетъ и бодрствуетъ нянька. Прежде, когда ея малѣйшее желаніе не исполнялось, сію жь минуту она вся вспыхивала, вскакивала, кричала, бранилась и дѣлала сама скоро и живо, чего не успѣвали для нея дѣлать люди. Теперь старушкѣ желать было нечего: глаза Дмитрія Дмитріевича не сводились съ тётушки... Онъ не давалъ ей протянуть руки даже за табакеркой. Она все сидѣла, какъ индѣйка, которую посадили въ узкую клѣтку, чтобъ откормить и послѣ съѣсть повкуснѣе. Дарья Яковлевна не жирѣла, однакожь, хотя и усиленнаго кормленья не выпускалъ тоже изъ виду угодливый племянничекъ. Чего-чего не принесетъ онъ всякій божій день покушать и попробовать тётушкѣ! Старушка Рытова ѣла, пила и оставалась худа попрежнему. Только на лицѣ ея, всегда блѣдномъ, начали показываться пятна и дыханіе стало коротко и удушливо. Характеръ Дарьи Яковлевны тоже измѣнился. Прежде она была сердита, такъ сердита — вплотную, рвала и метала, по выраженію Савишны; весела, такъ весела, какъ ребенокъ. Вообще, всякое проявленіе какого-нибудь чувства дѣлалось въ ней сильно, прямо и открыто. Притворяться ей было нѐ для чего и нѐ для кого. Теперь на Дарью Яковлевну напала какая-то сонливость; на все глядѣла она равнодушно. Люди не сердили ее; хозяйство не занимало; свиданія съ Лизой не радовали. А что всего страннѣе: племянника, который глядѣлъ ей, казалось, въ глаза, несмотря на всѣ его ласки и униженную почтительность, она, какъ-будто-бъ побаивалась. Что ни скажутъ ей, что ни спросятъ у нея, она прежде, чѣмъ отвѣтитъ, все взглянетъ на Дмитрія Дмитріевича. На людей сердиться перестала она совершенно; никого и пальцемъ не трогала—попроситъ, что надо, тихо; принесутъ—хорошо, не принесутъ—и забудетъ. Только людямъ отъ этого стало нелегче: дома не били, а въ часть ихъ стали поваживать—за что, Богъ-знаетъ. Дмитрій Дмитріевичъ со всѣми людьми былъ ласковъ; не пройдетъ, чтобъ каждаго по

плечу не потрепать, по щекѣ не погладить. И кофеемъ часто даривалъ, а наказывать все наказывали. Что жь мудренаго, что Лиза, которая не могла постигнуть и разобрать, что творилось въ домѣ бабушки, разрывалась глядя на старуху, не узнавала ее и уходила отъ нея съ грустью на сердцѣ?

Разъ, уходя домой, Лиза встрѣтила на лѣстницѣ Савишну. Онѣ поцаловались и остановились.

— Няня, голубушка, что это съ бабушкой? Не больна ли она?

— Нѣтъ-съ, ангелъ вы Божій! Онѣ здоровы-съ.

— Да что жь это съ ней такое? Она на себя непохожа. Я ее не узнаю.

— И мы всѣ не узнаемъ-съ. Гдѣ ужь тутъ узнавать-съ? Онѣ не въ своемъ и видѣ-съ... Я, вѣдь, вамъ въ ту пору еще докладывала, что быть худу — вотъ оно, мое слово-то-съ...

— Ты думаешь, няня, что это Дмитрій Дмитричъ бабушку такъ перемѣнилъ?

— А кто жь, царица вы моя? не мы же-съ... Тутъ дѣло не спроста.

Савишна оглянулась боязливо во всѣ стороны и, прижавъ палецъ къ беззубому рту, прошептала: «Пятна-то-съ на щечкахъ у бабушки изволили замѣтить?»

— Да, няня; у нея этого никогда не бывало.

— Да отчего имъ и быть-съ прежде было-съ? Митрія-то Митрича не было-съ.

— Что ты, няня! Какъ же онъ могъ сдѣлать бабушкѣ пятна на щекахъ? сказала Лиза, невольно улыбнувшись.

— Дитя вы малое, чистосердое! Вотъ въ томъ-то и оказія. Гдѣ вамъ понять-съ? Не при васъ будь сказано и не въ вашу мѣру, пятнышки-то что? Это у бабушки кровка портиться начала. А портиться—извѣстно отъ чего-съ, кушать-то имъ Митрій Митричъ подаетъ-съ.

— Что ты, няня! ты думаешь, что онъ бабушку отравляетъ? Богъ съ тобой!

— Отравливаетъ не отравливаетъ, а подсыпаетъ, что ни-наесть, или корешокъ какой въ комнатѣ запрятанъ.

— Полно, няня, какой вздоръ!

— Вздоръ-съ? А отчего жь бабушка-то ваша воли своей рѣшились? Такъ ему, шильнику этакому, въ глаза и смотрятъ. Его волей жить стали-съ... Изъ бабушки-то вашей овцу сдѣлалъ, да и вертитъ ея разумомъ, какъ знаетъ. Я, вѣдь, слышала, какъ онъ,

язва этакая, выпросилъ у барыни, чтобъ Аксютку на съѣзжей наказали; бабушка-то и вины не спросили, словно въ бреду какомъ говорятъ: «ну, хорошо». А онъ мошенникъ и записочку написалъ къ фартальному—и наказали. А за что? спросите, солнце вы мое: за то, что Аксютка ему толстопузому, какъ онъ ее въ темномъ корридорѣ поймалъ, морду-то его жирную когтями исцарапала. Да и со всѣми онъ такъ: въ глаза лебезитъ, а тамъ бабушкѣ въ уши такую катафазію дуетъ, что и Боже упаси! Какъ же оно не обидно. Ужь добро бъ бабушка ваша взыскивали — оно все ничего: на то онѣ барыня есть. А то по угламъ бахтанъ этакій, тоже указчикомъ сталъ!

Изо всей этой путаницы Лиза поняла одно, что новый дядюшка ея, Дмитрій Дмитріевичъ, не такъ добръ, какъ она прежде думала.

Возвратясь домой, она разсказала все мужу и умоляла, чтобъ онъ вступился за бабушку и постарался уничтожить это странное вліяніе на старушку Дмитрія Дмитріевича.

— Ну, душа моя, объ этомъ ты поговори съ Савишной: можетъ-быть, она найдетъ тебѣ корешокъ, который разрушитъ чары бѣднаго сироты. А мнѣ пора ѣхать: я обѣдаю у Рѣдькиныхъ. Прощай, душка! Хочешь, поѣдемъ со мной?

— Нѣтъ, Коля! Я вся заплаканная; да и что я тамъ буду дѣлать? Магдалина Андревна ничего не говоритъ со мной. Хихи, ха-ха, да и только. А мнѣ скучно. У меня на сердцѣ кошки скребутъ. Къ-тому жь ты забылъ, что сегодня шестое августа: дяденька Юлій звалъ насъ на Черную-Рѣчку. Сегодня рожденье маленькой Лили. Тамъ будетъ фейерверкъ и иллюминація. Поѣдемъ лучше вечеромъ къ нимъ.

— Нѣтъ, Лиза, я далъ слово кузинѣ. Ты поѣзжай къ Годинымъ, а я поѣду къ Рѣдькинымъ, и дѣло въ шляпѣ: никому не обидно.

— Что жь это за наказанье! сказала, обидѣвшись, Лиза: — я съ тобой никогда не бываю вмѣстѣ.

И слезы покатились градомъ.

— Ну ужь никогда? Я вчера былъ весь день дома.

— Вчера только...

— И третьягодня все утро былъ дома.

— Я была у бабушки, я не знала, что ты вернешься такъ рано.

— Чѣмъ же я виноватъ?

— Коля! душка! поѣзжай со мной.

— Не могу, я обѣщался.

— Ну, я тебя прошу. Если любишь меня...

— Развѣ этакими пустяками доказывается любовь?

— Ну, если мнѣ хочется...

— Это капризъ, Лиза.

— Пусть это капризъ, но тебѣ ничего не стóитъ его исполнить. Поѣдемъ, пожалуйста...

— Полно ребячиться, Лиза: это скучно.

— Ты не любишь меня, Коля! проговорила сквозь слезы Лиза и прижалась къ мужу.

— Ну, ужь и не люблю!

— Душка! ангелъ!...

— Чего ты отъ меня хочешь?

— Хочу, чтобъ ты побаловалъ меня. Я такъ мало у тебя прошу...

— Я вижу, чего вы отъ меня хотите: чтобъ я былъ вашей собачонкой. Pil! aporte! Venez ici! Очень сожалѣю, что вамъ этого хочется: но этого не будетъ.

— Коля, чтò ты говоришь? Не грѣхъ ли тебѣ?

— Нисколько не грѣхъ. Я могу любить васъ и сохранить достоинство мужчины и мужа.

— Я не знала, что мужъ теряетъ достоинство, когда любитъ жену и исполняетъ ея невинныя желанія. Извините.

— Такъ знайте впередъ.

— Я знаю одно, что вы меня разлюбили... Ты не любишь меня, Коля...

— Ну, да, не люблю. Спокойны вы теперь? Прощайте.

Китинъ надѣлъ шляпу и, раскланявшись, пошелъ въ дверь.

— Коля! Коля! я не пущу тебя, закричала Лиза и, бросившись стрѣлой, загородила ему двери.

— Вы пустите! сказалъ насмѣшливо Китинъ.

— Не пущу, не пущу! говорила, раскраснѣвшаяся въ слезахъ, Лиза, судорожно схватившись за дверь.

— А я вамъ повторяю, что вы пустите.

И, оторвавъ сильно руки жены, Китинъ прошелъ въ переднюю. Лиза бросилась за мужемъ, но его въ передней уже не было: Андрей затворялъ за нимъ дверь.

— Матушка-барыня, не извольте тревожиться.

— Пустите меня, Андрей Потапычъ, я догоню его...

— Не догòните, матушка барыня. Изволите слышать.

Въ это время раздался стукъ колесъ подъ воротами: Китинъ уѣхалъ.

Лиза убѣжала въ спальню, прыгнула въ кровать, уткнулась въ подушки и покрылась платкомъ съ головой.

— Маша! Маша! крикнулъ въ дѣвичью Андрей:—поди, подай барынѣ воды. Сильно плачутъ, огорчились. Мнѣ войти-то къ нимъ неловко, не смѣю, сказалъ старикъ и, выйдя въ переднюю, усѣлся на ларь, вытащилъ изъ кармана красный платокъ, началъ тереть имъ глаза, сморкаться, приговаривая: «Согрѣшилъ я тебѣ, Господи, согрѣшилъ!»

Передъ обѣдомъ Лиза встала съ постели. Андрей пришелъ доложить, что кушать подано.

— Я не хочу, я сыта, сказала Лиза.

— Чѣмъ вы сыты, матушка барыня, не слезами ли? Извольтека въ зеркальце поглядѣться...

— Не говорите объ этомъ, Андрей Потапычъ: я сама виновата — я капризная.

— Нѣту, матушка, не капризныя вы, а молоденьки... Вотъ оно что́. Больно васъ все за сердце хватаетъ, а оно та̀къ ненадо. Мало ль что́ бываетъ, такъ вы все и будете разрываться? Вы меня простите, старика, что я съ вами осмѣливаюсь такъ говорить. Вѣдь я вашего мужа няньчилъ, такъ простите вы меня. Я и его не хвалю: форситъ онъ больно, да и вы нехорошо... Вы слово, онъ другое, вы третье... Я все слышалъ. То-то молодость-молодость! никому уступить не хочется... Одинъ запалитъ, а другой дуетъ — огонёкъ-то и ростетъ. Покушайте, матушка барыня...

Лиза молча сѣла за столъ и начала обѣдать. Андрей служилъ. Подавая пирожное, онъ сказалъ:

— Къ дяденькѣ-то не изволите поѣхать послѣ обѣда?.

— Нѣтъ, Андрей Потапычъ, мнѣ не хочется.

— Напрасно! поразсѣялись бы, да и дяденька ждать будетъ, обидятся.

Лиза молчала.

— Да и барину хотѣлось, чтобъ вы ѣхали. Пріѣдетъ домой, горячка-то пройдетъ, жаль ему васъ будетъ. Скажетъ себѣ: «это я, дескать, ее обидѣлъ». Поѣзжайте, матушка барыня. Не поѣдете, словно вы ему на зло сдѣлаете.

— Пожалуй, я поѣду. Но Коля взялъ карету.

— Я вамъ карету сейчасъ найму.

— Наймите, Андрей Потапычъ...

— А вотъ мигомъ. Стриженая дѣвка и косы не успѣетъ заплести. Эй, Маша! крикнулъ Андрей, съ веселымъ лицомъ входя опять въ дѣвичью: — одѣваться барынѣ.

Чрезъ два часа, въѣхавъ на Черную-Рѣчку, карета остановилась передъ маленькимъ деревенскимъ домикомъ. Андрей соскочилъ съ запятокъ, отворилъ дверцы и выпустилъ свою барыню въ калитку дачи князя Година.

XXIII.

Въ большомъ дворѣ, окруженномъ березами, весело пировало семейство Годиныхъ, справляя рожденіе Лили, старшей дочери князя Юлія Петровича. Сада при дачѣ не было, а палисадникъ былъ такъ малъ, что не помѣстилъ бы и четверти съѣхавшихся родныхъ и знакомыхъ. Шумъ, говоръ, смѣхъ раздавались во всѣхъ углахъ. Дѣти играли въ горѣлки. Посреди двора, окруженный дамами и мужчинами, князь Юлій, въ розовой мужицкой рубахѣ, кидалъ мѣдные шары. Съ необыкновеннымъ искусствомъ и проворствомъ заставлялъ онъ ихъ летать надъ головой кругами, пирамидами и фонтаномъ. Каждая удачная штука вызывала аплодисменты. Подальше, у забора, нѣсколько мужчинъ играло въ свайку. Въ самой глубинѣ двора, подъ полотнянымъ навѣсомъ, старушки, за длиннымъ, все еще покрытымъ скатертью обѣденнымъ столомъ, рѣзали арбузы и дыни, и огромными кусками разсылали гостямъ. Дѣвицы прохаживались попарно, подъ ручку. Военная и статская молодёжь, переходя отъ одной пары къ другой, любезничала и увивалась около нихъ. Торстенсенъ, безъ сюртука, прибивалъ транспарантъ съ буквой «Е» въ розовомъ вѣнкѣ.

— Лиза, Лиза! раздалось на разные голоса, когда Китина переступила порогъ.

— Умница, что пріѣхала; а мы думали, ты не будешь. Мужъ гдѣ? Отчего ты одна? А мы васъ обѣдать ждали, сыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Пойдемъ играть въ горѣлки! кричала маленькая Мери, таща Лизу за руку!

— Пойдемъ, я тебѣ покажу, что́ мнѣ сегодня подарили, звала Лили, схватившись за другую руку.

Лиза вертѣлась во всѣ стороны, цаловалась, отвѣчала на вопросы и, переходя изъ рукъ въ руки отъ одной группы къ другой, незамѣтно вмѣшалась въ веселую толпу. Все приняло прежній порядокъ. Пашенька Рудина подхватила Лизу и повела ходить по двору.

Переступившая черезъ порогъ съ грустью на сердцѣ, Лиза въ какомъ-то чаду, бѣгала, таскала за собой Рудину, останавливалась со всѣми, шутила, хохотала, острила, задѣвала стараго и малаго.

— Ахъ, какъ это мило! Что́ это дяденька Юлій дѣлаетъ? Пойдемъ смотрѣть, Пашенька.

Въ это время Юлій Петровичъ, оставивъ шары, съ такою жь ловкостью и проворствомъ вертѣлъ въ одной ружѣ пунцовый, шелковый снурокъ съ тяжелыми кистями, что́ дѣлало нѣчто въ родѣ мельницы.

— Gard mes dames! ушибу! закричалъ онъ на Лизу, которая подбѣжала совсѣмъ-близко.

— А тамъ что̀ дѣлаютъ, у забора? Пойдемъ туда, звала опять Лиза.

— Тамъ играютъ въ свайку, отвѣчала Рудина.

— Я хочу играть въ свайку. Пойдемъ... Дѣдушка! примите меня въ вашу игру! кричала она издали старому князю.

— Милости просимъ, сказалъ старикъ, раздвигая кругъ игроковъ, чтобъ дать мѣсто Рудиной и Лизѣ.

— Я думала, что это и Богъ знаетъ что̀ такое, а теперь вижу, что нѣтъ ничего мудренаго. Я сейчасъ кину. Вѣдь я очень-сильна. Баронъ Штраль, дайте мнѣ свайку.

И Лиза сняла перчатку.

— Ну-ка, ну-ка, покажи намъ свою удаль, улыбаясь, сказалъ старый князь.

— А вотъ, проговорила Лиза и свайка головой шлёпнулась въ землю.

— Знай нашихъ! Ай-да баба! А не хочешь ли, матушка, рѣдичку вытащить? Ты сегодня что-то очень-храбра.

— Это что̀ еще за рѣдичка? Я не знаю, а вѣрно вытащу.

— Молодецъ-баба! Ну-ка, братъ, Андрей, хвати, сказалъ старый князь, обращаясь къ сыну.

— Вотъ она! скороговоркой проговорилъ князь Андрей Петровичъ, сильно пустилъ свайку и, сдѣлавъ антраша, сталъ на одной ножкѣ.

— Браво, браво! закричали ему со всѣхъ сторонъ. Свайка глубоко вошла въ разрытую ямку и покрылась даже сверху землей.

— Только-то? Вы думаете, дѣдушка, что я не вытащу?

— Вынь, матушка; кто тебѣ мѣшаетъ!

Лиза присѣла уже на землю, но въ эту минуту вошли въ калитку незнакомыя ей дамы. Она вспыхнула и вскочила.

— Нѣтъ, merci, adieu, сказала она и птицей полетѣла по двору.

— Что́ это съ ней сегодня, ка̀къ разбѣсилась? спросилъ старый князь у Пашеньки.

— Да я сама никогда не видала ее такой. Точно сумасшедшая. Замѣтили вы, князь, у нея глаза красные? вѣрно плакала.

— Не разглядѣлъ, матушка, плохо вижу. Что́ это и муженька-то нѣтъ, не сдѣлалъ чести пріѣхать?...

— Она говорила, что его пригласили нынче Рѣдькины.

— Кажется, можно было бъ отказать. У Рѣдькиныхъ сегодня, что̀ и всегда. А здѣсь родственный праздникъ. Дрянь человѣкъ, который не уважаетъ этихъ вещей. Ужь не кутитъ ли онъ съ Магдалиной?... Она баба не промахъ, да и въ родню не вѣруетъ. Онъ же смазливый на бѣду... Жаль мнѣ Лизу, смерть жаль, а добра тутъ не бывать.

— Посмотрите, посмотрите князь: Лиза: уже дерется на рапирахъ съ Лёшой; право, она помѣшалась, сказала Рудина и начала хохотать.

— Не шути ты этимъ, Паша... Поди къ ней, матушка. Это она все чудитъ. Вѣрно они съ мужемъ повздорили; на сердцѣ-то у нея кошки, а она себя ломаетъ насильно, хочетъ быть веселой. Уведи ты ее: это тяжело.

Паша Рудина подошла къ Лизѣ.

— Что́ съ тобой сегодня, Лиза? Ты во всѣ тяжкія пустилась.

— Учусь драться, Пашечка, отвѣчала Лиза, притопывая своей крошечной ножкой и тыкая рапирой въ Рудина.

— Побѣжденъ! убитъ! закричалъ онъ и повалился на земь.

— Умри! сказала Лиза и уперлась рапирой въ его грудь.

— Полно, сумасшедшая; ты еле-дышешь, отдохни хоть на минуту.

Лиза и Пашенька вышли за ворота и сѣли въ палисадникѣ на скамейкѣ.

— Лиза, ты не въ своей тарелкѣ сегодня.

— Я? почему? спросила, смутившись, Лиза: — я очень-весела.

— А это что́? сказала Рудина, показывая на глаза.

— Это... ничего... отвѣчала Лиза, и слёзы навернулись на глазахъ.

— Вотъ видишь, ты и теперь плачешь; къ-чему жь ты бѣсишься?

— Я хочу быть весела.

— Насильно?

— Насильно.

— Лиза, что̀ съ тобой?...

— Не спрашивай. Я капризная, я мерзкая, гадкая, говорила Лиза, положивъ лицо на грудь Пашеньки.

— Ну, полно, душечка. Разскажи, что̀ у тебя случилось, что̀ такое у тебя на сердцѣ: тебѣ будетъ легче. Ты знаешь, ка̀къ я люблю тебя.

— Знаю.

— Что̀ жь съ тобой?

— Не спрашивай, Пашенька: я не скажу.

— Тебѣ скучно, что Николай Иванычъ не съ тобой?

— Нѣтъ.

— Онъ огорчилъ тебя?

— Нѣтъ.

— Ты сердишься за то, что онъ у Рѣдькиной?

— Нѣтъ.

— Ты ревнуешь его?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Ну, хорошо; такъ перестань плакать: я не могу смотрѣть на тебя.

— Постой! сказала вдругъ Лиза, проворно вскочила съ своего мѣста, отворила калитку, перебѣжала стремглавъ дорогу и скрылась по лѣстницѣ за крутымъ берегомъ рѣки.

Рудина совершенно растерялась. Ей пришло въ голову, что Лиза хочетъ броситься въ воду. Стрѣлой пустилась она за ней; но добѣжавъ до берега, она увидѣла, что Лиза преспокойно стоитъ на плоту и мочитъ свой платокъ въ водѣ.

— Что́ ты дѣлаешь, Лиза? спросила запыхавшаяся Рудина.

Лиза, улыбаясь, показала ей мокрый платокъ и приложила его къ глазамъ.

Рудина вздохнула свободнѣе.

— Ахъ, какая я дура! съ чего мнѣ это въ голову пришло? спрашивала она сама себя, тихо спускаясь по лѣстницѣ къ рѣкѣ.

— Что́, некрасны? спросила Лаза, отнимая платокъ отъ глазъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, некрасны. Прелесть ты моя! чудная ты моя! приговаривала Рудина, цалуя въ плечи Лизу.

— Незамѣтно? опять спросила Лиза, показывая на свои глаза.

— Нисколько. Теперь пойдемъ домой, насъ еще хватятся, говорила торопливо Рудина и взяла подъ-руку Лизу: — пойдемъ же, Я насильно развеселю тебя. Я покажу тебѣ нашихъ сосѣдокъ, семейство Тульфертъ—помнишь, они вошли, когда ты играла въ свайку. Преуморительные!... Еслибъ ты слышала, ка́къ они говорятъ порусски. Все стараются употреблять самыя коренныя слова — это, просто, потѣха. А Тульфертъ-старикъ страстный охотникъ до цвѣтовъ и деревьевъ, и чтобъ не покупать, онъ воруетъ ихъ у сосѣдей, увѣряя, что красть растенія не грѣхъ. И ночи не проходитъ, чтобъ его не били сосѣди, а онъ все неисправимъ и на другую же ночь, префлегматически лѣзетъ черезъ тотъ же заборъ, подъ которымъ наканунѣ колотили его. Личность замѣчательная. Да и дамы хороши; только ты не смѣйся, Лиза.

Лиза и Рудина подошли къ палаткѣ. На столѣ кипѣлъ уже огромный самоваръ, и сестра Рудиной, Вѣра Ѳедоровна, собиралась наливать чай. Софья Ѳедоровна и Глафира Петровна, занимая дамъ, приготовляли тартинки. Тульфертовы сидѣли тутъ же, жеманно и чинно, рядкомъ. Старушка-мать, вся сморщенная, какъ печеное яблоко, страшно моргала глазами. Ея невѣстка, толстая, какъ откормленная индѣйка, улыбалась во все лицо, а гувернантка ея дѣтей, вся увѣшанная фестонами изъ цѣпочекъ и утыканная разными булавочками, поднимала глаза къ небу. Когда Лиза и Паша Рудина вошли въ палатку, разговоръ шелъ о погодѣ. Нѣмки не разѣвали еще рта, а Лиза, уже вся пунцовая, кусая себѣ губы, прижалась къ Пашѣ Рудиной и шепнула ей на ухо:

— Что́ ты со мной сдѣлала? зачѣмъ ты мнѣ сказала, чтобъ я не смѣялась — не могу.

— Погоди, то̀ ли еще будетъ!

— Да̀, на-силу-то мы дождались хорошей погоды. Это ужасно! Что́ было за лѣто! говорила княгиня Софья Петровна.

— За то, душа моя, бабье лѣто будетъ хорошо, сказала генеральша Русони.

— Дай Богъ. А то столько больныхъ... Что̀ ваша нога, m-me Тульфертъ?

— *Въ костямъ ощо свербить.*

Софья Ѳедоровна закусила губу, рука Глафиры Ѳедоровны запрыгала съ тартинкой, Вѣра Ѳедоровна разглядывала полотенце, а Паша Рудина и Лиза повернулись лицомъ отъ публики и къ дверямъ палатки и тряслись всѣмъ тѣломъ.

— Что́ у васъ съ ногой? спросила Русони, отвлекая вниманіе старухи и желая скрыть невольныхъ насмѣшницъ.

— *Я извихнулся. Булъ дождиь, грязнь, лужнъ, я заступился и лизнулъ*, отвѣтила серьёзно старуха Тульфертъ.

При первыхъ же словахъ хозяйка дома начала чего-то искать подъ столомъ: дамы, одна за одной, повыбѣжали изъ палатки. Лиза и Паша Рудины, ни съ того, ни съ сего, вдругъ принялись щекотать другъ друга и съ громкимъ хохотомъ кинулись тоже въ дверь, а Вѣра Ѳедоровна, соскочивъ съ своего стула, стала кричать во все горло:

— Господа! господа! чаю, милости просимъ.

Выручка подоспѣла: толпой нахлынули мужчины въ палатку и протянули руки къ стаканамъ.

— Ты, Вѣрочка, даешь мнѣ чаю, а я въ тебѣ души *не чаю*, сказалъ князь Андрей Петровичъ и, ставъ на одно колѣно, принялъ стаканъ, который подавала ему Вѣра Ѳедоровна.

— Браво! браво, князь! закричали всѣ, хлопая въ ладони.

— Нѣтъ, господа, проговорилъ старый князь, когда утихъ шумъ: — вы попросите, чтобъ онъ вамъ кстати сказалъ и свою загадачку про чай.

— Что̀ это? что́ такое? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А вотъ-съ что́ такое, началъ проворно князь Андрей Петровичъ: — извольте мнѣ сказать, что̀ слѣдуетъ послѣ чаю?

— Ужинъ, отвѣтилъ кто-то.

Князь Андрей Петровичъ качнулъ головой отрицательно.

— Ну, тепло бываетъ, отозвался еще чей-то голосъ.

— Безсонница, прибавилъ Штраль.

— Нѣтъ, отвѣчалъ князь и на вопросъ многихъ:—да что̀ жь въ-самомъ-дѣлѣ слѣдуетъ послѣ «чаю»? не выдержалъ и проговорилъ торопливо: «воскресеніе мертвыхъ».

Всѣ захохотали, кромѣ нѣмцевъ.

— Да скажи ужь имъ кстати, Андрей, и про козу, отозвался, задыхаясь отъ смѣха и кашля, старый князь.

— Извольте, батюшка. Ну, господа, скажите мнѣ, что̀ бываетъ съ козой послѣ семи лѣтъ?

— А Богъ ее знаетъ.

— Стригутъ ее, что̀ ли?

— Жирѣетъ она?

— Старѣетъ?

— Молоко теряетъ.

— Ѣдятъ ее?

— Околѣваетъ?

— Ягнится, что̀ ли?

Спрашивали и отвѣчали со всѣхъ сторонъ. Князь на всѣ вопросы и отвѣты качалъ попрежнему отрицательно головой.

— Да что̀ жь, не мучьте. Что жь бываетъ послѣ семи лѣтъ? спросили почти всѣ въ одинъ голосъ.

— Да, восьмой годъ пойдетъ—больше ничего, отвѣчалъ князь Андрей и началъ сморкаться въ большой фуляръ съ самодовольствіемъ.

Тутъ общій хохотъ не унимался еще долѣе. Во время чаю начали загадывать шарады, омонимы. Анекдотамъ и «bon mots» не было конца. И тотъ же хохотъ, то же безъ претензій одобренье сопровождали ихъ.

Вдругъ Паша Рудина подошла къ сестрѣ и тихо сказала ей на-ухо:

— Соня, поди въ комнату: Лизѣ Китиной дурно.

Софья Ѳедоровна встала, вышла изъ палатки и, идя скоро по двору, спросила Рудину:

— Что̀ съ Лизой? Я и не замѣтила, что ея нѣтъ съ нами.

— Да она пріѣхала ужь съ красными глазами. Вѣрно, у нихъ съ мужемъ что-нибудь да вышло. Сначала она, чтобъ скрыть, стала рѣзвиться, бѣситься, потомъ не выдержала, начала плакать, а теперь она расхохоталась и съ ней сдѣлалась истерика.

— Ахъ, Боже мой! ка́къ это непріятно! сказала Софья Ѳедоровна, входя въ комнату дѣвицъ Рудиныхъ.

Лиза дѣйствительно была въ истерическомъ припадкѣ.

— Ахъ, Боже мой! Лизочка, другъ мой, что̀ съ тобой? Паша, дай скорѣй гофманскихъ капель; спиртъ тамъ у меня на туалетѣ.

Лизу расшнуровали, дали ей капель, начали тереть виски, и она понемногу стала утихать.

— Тётенька, простите, говорила Лиза, приходя въ себя, но все еще всхлипывая: — что̀ я надѣлала!

— Да что съ тобой?

— Не спрашивай, Соня: ей отъ этого будетъ опять хуже... шепнула Паша Рудина на-ухо сестрѣ.

— Тётенька, я домой хочу, сказала Лиза, вдругъ вставая съ постели и начала одѣваться.

— Да отдохни хоть немного.

— Нѣтъ, пустите, ради Бога пустите! просила умолявшимъ голосомъ Лиза.

— Ну, поѣзжай, Богъ съ тобой! Только я тебѣ дамъ дѣвушку: я боюсь отпустить тебя одну.

— Нѣтъ, тётенька, не бойтесь: со мной Андрей Потапычъ. А если вы мнѣ дадите дѣвушку, Коля узнаетъ, что я капризничала, и это огорчитъ его.

— Ну, какъ хочешь, душа моя, сказала Софья Петровна.

Никто не замѣтилъ, какъ Лизу, укутанную, провели за ворота и усадили въ карету. Она уѣхала.

Разстроенная, возвратилась Софья Ѳедоровна въ гостиную. Смеркалось. Около дома забѣгали огоньки, и на темномъ фонѣ, ярко выступила буква «Е» въ розовой гирляндѣ. Громкіе аккорды туша, игранного на фортепьяно, понеслись изъ открытыхъ оконъ дома.

«Ура! а... а... а..!» раздалось изъ палатки.

— Пожалуйте! пожалуйте! кричалъ князь Юлій Петровичъ и, подойдя къ старушкѣ Тульфертъ, подалъ ей руку и повелъ ее къ освѣщенному дому.

За ними парами слѣдовали гости. Дѣти, прыгая, бѣжали впередъ. Князь Юлій Петровичъ остановился съ своей дамой передъ транспарантомъ.

— Паулина! Каролина! Sich'mal, was für schöne Blumen!... вскрикнула, растаявшая отъ восторга старуха: Allerliebst! Allerliebst!

— Gross-Mama! сказала гувернантка и подняла глаза къ небу.

Невѣстка улыбалась и молчала.

— Милости просимъ въ комнату, mes dames: я вамъ покажу иллюминацію моего изобрѣтенья: и дешево и сердито... сказалъ князь Юлій Петровичъ.

Гости биткомъ набились въ маленькой залѣ, гдѣ, на устроенныхъ изъ дерева фестонахъ, стояли подъ тѣнь подобранныя выдолбленныя свеклы и моркови съ восковыми огарками внутри.

Видъ былъ очень-хорошъ; особенно оригинальность идеи и новость выдумки очень всѣмъ понравилась.

Старушка Тульфертъ, усѣвшись на диванъ, была внѣ себя отъ восторга. Восклицаніямъ не было конца.

— Хоръ! хоръ! закричалъ старый князь: — да съ оркестромъ!

Русони сѣла за фортепьяно и взяла нѣсколько аккордовъ. Вдругъ, откуда ни взялись, импровизированные инструменты. Пѣвцы окружили фортепьяно и Русони затянула соло: «Какъ на горкѣ мужичокъ», хоръ дружно подхватывалъ: «Бухъ! бухъ! бухъ!»

Всѣ были заняты. Старушка Тульфертъ проливала слезы умиленья. Паулина поднимала глаза къ небу. Молодая m-me Тульфертъ улыбалась; а между-тѣмъ забытые всѣми шкалики начали кипѣть, свекла и морковь трещали и шипѣли. Сильный угаръ распространялся по комнатѣ. Вдругъ старушка Тульфертъ пожелала идти домой: ей стало тошно, дурно. Зеленою, синею подняли ее съ дивана, но она все-таки, не забывая приличій, пятаясь, подошла къ хозяину дома и, присѣдая, благодарила за угощенье. Хорошо было угощенье! бѣдняжка, угорѣла: еле-живую подъ-руки вывели ее за ворота.

Въ то время, какъ все шумѣло и веселилось въ домѣ князя, тихо тащилась наемная карета бѣдной Лизы Китиной. Оставшись одна, она вдругъ почувствовала себя легче, вздохнула свободно, прижалась въ уголокъ и, измученная насильственною веселостью и треволненьями дня, уступая физическому чувству слабости, тихо задремала.

Андрей, между-тѣмъ трясся и зѣвалъ на запяткахъ, отъ скуки, поглядывая по сторонамъ. Въѣзжая на Беданкуровъ Мостъ, вниманіе Андрея привлекъ простой невскій яликъ, ярко-освѣщенный бѣлымъ фонаремъ. Карета тащилось тихо. Лодочка подъѣзжала все ближе-и-ближе и направлялась къ одной изъ арокъ. Любопытный Андрей, перекинувшись на ремняхъ, началъ вглядываться пристальнѣе. Ясно разсмотрѣлъ онъ даму въ бѣломъ платьѣ, которая лежала на боковой скамейкѣ ялика, а потомъ разобралъ и что-то темное по другую сторону. Фонарь стоялъ на днѣ лодки и освѣщалъ бутылку шампанскаго и бокалы.

«Вотъ гуляютъ, такъ гуляютъ!» сказалъ онъ самъ себѣ. Вдругъ фонарь поднялся съ пола и освѣтилъ серебряные эполеты, аксельбантъ и красивое лицо мужчины; протянулась бѣлая рука съ сигарой, и легкое облачко дыма понеслось по вѣтру.

«Съ нами крестная сила!» прошепталъ Андрей, крестясь:

«Пошелъ! пошелъ! Спишь, что ли?» крикнулъ онъ сердито на извощика. Тотъ замахалъ кнутомъ, лошади завиляли хвостами и запрыгали. «Наказалъ ты меня, Господи, наказалъ!» снова прошепталъ Андрей, погружаясь вмѣстѣ съ каретой въ мракъ Каменноостровскаго Проспекта.

XXIV.

Лодочка между-тѣмъ подъѣхала подъ мостъ. Фонарь былъ повернутъ свѣтомъ къ гребцу. Раздался поцалуй...

«Экъ васъ!» шепнулъ себѣ подъ-носъ перевощикъ.

— Voulez vous bien finir, vaurien... Cet homme nous regarde... сказала дама.

— Ça ne nous regarde pas... Вамъ-то что́? онъ васъ не знаетъ. Не за тѣмъ же мы поѣхали, чтобъ сидѣть и считать звѣзды, ma cousine! отвѣтилъ адъютантъ.

— Ха-ха-ха! пострѣлъ!

— По-крайней-мѣрѣ, я не за тѣмъ.

— А за чѣмъ же? улыбаясь и открывая большіе, черные глаза, спросила дама.

— А вотъ зачѣмъ, ma cousine, сказалъ адъютантъ, прижимаясь губами къ пухлымъ плечамъ, еле-прикрытымъ кружевной пелеринкой.

— Хи-хи-хи! Дуракъ! Donnez moi un verre de champagne.

— Выпьемъ Brüderschaft, ma cousine.

— Выпьемъ, ка̀къ это? Хи-хи-хи!..

Адъютантъ обогнулъ свою руку около толстой руки дамы.

— Теперь что?

— Теперь пейте, сказалъ адъютантъ, тихо выпивая вино и глядя въ глаза дамѣ.

— Теперь еще что? спросила дама, опрокидывая въ себя на лобъ бокалъ.

— Теперь вотъ что̀, проговорилъ адъютантъ, бросая бокалъ за бортъ и впиваясь губами въ розовыя губки дамы. Лодка сильно пошатнулась.

— Поравняйтесь, господа, сказалъ флегматически перевощикъ.

— Vous allez me noyer, fou, que vous êtes!

— Съ вами и подъ водой будетъ хорошо.

— Merçi... Хи хи-хи! Тони самъ, а я не хочу.

— Такъ будемъ жить — это еще лучше, сказалъ адъютантъ,

обхвативъ даму за талью, и опять посыпались поцалуи, но лодка уже не качалась.

Тихо скользила она по зеркальной водѣ, около Аптекарскаго Острова. Вдругъ съ берега окрикнулъ ихъ хриплый, женскій голосъ и замахалъ бѣлый платокъ. Дама на яликѣ захохотала.

— Elle s'est enrhumée la pauvre Jessy.

Лодка стала причаливать. Бутылка и остальной бокалъ полетѣли въ воду. На берегу стояла высокая, толстая, затянутая въ корсетъ старуха, съ сѣдыми буклями и краснымъ носомъ. На рукѣ держала она сѣраго попугая, прицѣпленнаго за ножку золотой цѣпочкой. У ногъ старушки вились нѣсколько маленькихъ и большихъ собакъ.

— Vous êtes une folle, madame, крикнула съ берега сердито старуха.

— Mouchez vous Jessy et que cela finisse! сказала Магдалина Андреевна Рѣдькина, давая руку Китину, и поставила свою маленькую ножку на плотъ.

Старуха надула губы и молчала. Собаки съ визгомъ бросились къ Магдалинѣ Андреевнѣ и начали прыгать и лизать ей руки.

— Прочь, генералъ! сказала она, давая звонкую пощечину огромной лохматой собакѣ, которая, поставивъ ей лапы на плечи, лизнула ее прямо въ лицо.

Вышли на берегъ. Старуха потащилась впередъ. Магдалина Андреевна и Китинъ слѣдовали за ней.

— Ахъ, мой фонарь, фонарь! закричала вдругъ Магдалина Андреевна: — c'est une lanterne de Gènes, j'y tiens.

Китинъ бросился къ лодкѣ и вернулся съ фонаремъ. Рѣдькина взяла его, пожала пружинку и тонкая жестяная пластинка окружила огонь.

— Пріѣдешь завтра? спросила она, обращаясь къ Китину.

— Не знаю. Жена все одна. Надо посидѣть дома.

— Vous êtes ridicule avec votre femme! Пріѣзжай. Рѣдькинъ уляжется спать. Мы составимъ партію. Будетъ Сайкинъ, Жировъ. Я хочу ихъ обыграть. Нужны деньги! Рѣдькинъ ничего не даетъ.

— Право, не могу завтра.

— Ну, убирайся!.. Allez embrasser votre femme! сказала сердито Магдалина Андреевна, вырвала свою руку, побѣжала, опередила старуху и скрылась за калиткой большаго сада. Китинъ началъ ломиться въ калитку, но она была заперта.

Старуха подошла къ нему.

— Она заперлась, сказалъ Китинъ.

— C'est une folle; поѣзжай домой, *балуй не надо.*

Китинъ поцаловалъ руку старухи.

— Вы помирите насъ, miss Jessy.

— Она сама помиритъ, улыбнувшись, отвѣчала старуха и пошла съ собаками въ обходъ ко двору.

Китинъ уѣхалъ.

XXV.

Вотъ гдѣ запропадалъ Китинъ, отговариваясь службой и дѣлами. Да и кто въ то время изъ молодёжи, разъ переступивъ порогъ дома генерала Рѣдькина, не закручивался и не поддавался обаятельному вліянію очаровательной Магдалины Андреевны? Полька по манерамъ, француженка—по нравамъ, англичанка—по сердцу, она скоро завоевывала сердца́ другихъ; легко любила, а забывала еще легче. Кто жь не увлечется такой женщиной? Любить ее весело, пріятно и необязательно.

Магдалина Андреевна была богата, знатна и хороша собой. Въ первой молодости, неизвѣстно для чего, вышла она замужъ за *выслужившагося* генерала Рѣдькина; любить его—не любила, потому-что врядъ-ли нашлась бы женщина, способная полюбить его. Свадьба эта осталась для всѣхъ загадкой. Жажда къ свободѣ — вотъ чѣмъ объясняли ее въ то время. Воспитанная англичанкой, миссъ Джесси, Магдалина Андреевна рано почувствовала предвкусіе блаженства міра сего... Воля, воля и воля—вотъ чего жаждало ея юное, но уже испорченное сердце! Деньги, деньги и деньги — вотъ чего искалъ и нашелъ *выслужившійся* генералъ Рѣдькинъ! Тѣсно и душно было Магдалинѣ Андреевнѣ въ чинныхъ аристократическихъ салонахъ: она полетѣла доканчивать свое моральное воспитаніе за границу. Въ гондолахъ Венеціи, въ укутанныхъ виноградомъ виллахъ Флоренціи, подъ вѣковыми деревьями bois de Boulogne, въ затерянныхъ среди горъ и зелени шалé Швейцаріи брала она приватные уроки и возвратилась на родину съ дипломомъ. Воспитаніе было окончено блистательно.

Въ то время, когда жена бабочкой перелетала съ цвѣтка на цвѣтокъ, мужъ тоже не стоялъ: гигантскими шагами шелъ онъ впередъ по служебной дорогѣ; мѣсто лѣпилось за мѣстомъ, чинъ

за чиномъ; онъ сталъ лицомъ административнымъ и высоко поднялъ свою клинообразную голову; не по женѣ, а самъ собой сдѣлался онъ вельможей и важнымъ бариномъ.

Домъ ихъ раздѣлялся рѣзко на двѣ половины: въ одной господствовали порядокъ, служба, чинопочитаніе, дисциплина и точность; въ другой — безпорядокъ, удовольствіе, безчинство, равенство и безалаберность; но, несмотря на эту противоположность нравовъ, супруги жили вмѣстѣ и были очень-довольны другъ другомъ.

Въ настоящее время счастливая чета жила на дачѣ, гдѣ Магдалина Андреевна, въ свою очередь, начала образовывать юнаго Китина.

XXVI.

Весела, какъ птичка, встала на другой день утромъ, послѣ тревожнаго вчерашняго дня, Лиза, и опять розовая, свѣжая вышла въ гостиную.

— Андрей Потапычъ, подайте барину бриться, сказала она, садясь къ чайному столику.

Андрей сердито налилъ кипятку въ стаканъ и понесъ его двумя пальцами, молча, въ спальню.

Китинъ сидѣлъ передъ зеркаломъ и поглаживалъ подернутую легкою синевой бороду.

Андрей сунулъ стаканъ въ серебряный тазикъ; вода плеснула на столъ. Китинъ поглядѣлъ на него и спросилъ, улыбаясь:

— Вы не въ духѣ, Андрей Потапычъ?

Андрей, вмѣсто отвѣта, швырнулъ на столъ футляръ съ бритвами.

— Вы, можетъ-быть, нездоровы, Андрей Потапычъ?

— Да̀, батюшка, баринъ, на Каменноостровскомъ Мосту вечоръ простудился, отвѣтилъ Андрей дребезжащимъ голосомъ.

Китинъ вдругъ повернулся на стулѣ и уставилъ свои черные, ястребиные глаза на Андрея. Андрей глядѣлъ на него прямо и качалъ головой.

— Грѣхъ вамъ, грѣхъ! прошепталъ онъ, притворяя дверь спальни.

— Что́ это значитъ? спросилъ, блѣднѣя, Китинъ.

— То и значитъ, что хоть бы вы фонарей-то не брали...

Китинъ вскочилъ.

*

— Молчи! молчи! прошипѣлъ онъ, зажимая рукой ротъ Андрею.

Андрей подался шагъ назадъ.

— Ты видѣлъ меня на лодкѣ? А жена не видала?

— А Богъ-то милосердый на что?... Онъ ангельскую душу Елизаветы Леонидовны бережетъ. А вамъ грѣхъ, великій грѣхъ!

— Молчи! молчи!

— Ну, что заладили «молчи да молчи»? Не буду я молчать. Любилъ я васъ, Николай Иванычъ, какъ дитя свое родное; и теперь, вотъ сейчасъ положу за васъ мою голову; а ужь за барыню молчать не буду: меня за это и Богъ убьетъ. И такъ изъ-за васъ я чорту душу продалъ: передъ матушкой вашей, матерью и благодѣтельницей моею, лукавлю... Передъ вами—и вижу, что вы неладно дѣлаете, а молчу, окаянный... А ужь молодую барыню беречь буду, хоть рѣжьте вы меня тупымъ ножомъ, а все говорить буду...

— Андрей, ты любишь меня? перебилъ Китинъ: — я тоже люблю тебя, какъ отца; побереги же ты меня: я молодъ; кто не шалилъ и не дурачился въ мои годы? Ты сказалъ мнѣ правду—я благодарю тебя; но, ради Бога, чтобъ жена не знала...

— Мало жь вы меня знаете, коли думаете, что я могу быть доносчикомъ!

— Напротивъ, я въ тебѣ увѣренъ; я знаю, что ты меня не выдашь.

— Такъ о чемъ же вы просите? Сами себя, баринъ, не выдавайте. Ну, кабы барыня увидала—вѣдь убить недолго. Я, кажись бы, на мосту-то самъ припрегся къ лошадямъ, чтобъ проклятая карета скорѣй черезъ него перевалилась, а вы меня еще просите: это мнѣ, вѣдь, обидно.

— Коля! Коля! раздался въ сосѣдней комнатѣ голосъ Лизы.

Китинъ проворно сѣлъ къ зеркалу. Андрей, отирая глаза, вышелъ черезъ боковую дверь изъ спальни.

— Ты еще не готовъ, Коля? Лѣнивецъ! Чай простылъ, сказала, входя, Лиза и садясь подлѣ стола, на которомъ брился ея мужъ.

— Я сію минуту. Не садись около меня: я обрѣжусь.

— Трусъ! сказала весело Лиза и вышла изъ комнаты.

Цѣлый день Лиза блаженствовала: мужъ былъ подлѣ нея. О прошломъ ни полслова. Китинъ былъ ласковъ, привѣтливъ и не отходилъ отъ Лизы. Рисовали, читали, ходили гулять; время ле-

тѣло незамѣтно. Лиза ахнула, когда Андрей доложилъ, что ужинать подано. Такъ прошелъ не одинъ, а три дня. Китинъ и не заикался, что надо выѣхать.

На четвертый день утромъ Андрей, надувъ губы, подалъ барину маленькую записочку.

— Отъ Рѣдькиныхъ, сказалъ онъ и сталъ глядѣть въ глаза Китину.

— Ты, кажется, забываться вздумалъ? Вонъ! крикнутъ Китинъ, топнувъ ногой.

— Чего кричите? Барыня услышитъ. Не для васъ, а для нихъ уйду. А вамъ грѣхъ, все-таки скажу, грѣхъ! сказалъ тихо Андрей, показывая на образъ.

Китинъ нетерпѣливо пожалъ плечами. Андрей махнулъ рукой и побрелъ изъ комнаты.

Оставшись одинъ, Китинъ торопливо распечаталъ маленькій конвертъ и, вынувъ изъ него обрывокъ простой бумаги, на которомъ было написано карандашомъ, прочелъ:

«Venez, venez... Un malheur m'est arrivé... Je vous attends. Madeleine.»

Чрезъ часъ Китинъ поцаловалъ жену и уѣхалъ по дѣламъ. Андрей такъ захлопнулъ за нимъ дверь, что окна въ передней задрожали.

XXVII.

Былъ часъ утра, когда Китинъ, войдя въ переднюю Рѣдькиныхъ, спросилъ у людей:

— Генеральша встала?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ камердинеръ Магдалины Андреевны.

— Спитъ?

— Проснулись. Пожалуйте пока къ миссъ Джесси; я доложу.

Китинъ не успѣлъ пройти и двухъ комнатъ, какъ его догналъ тотъ же камердинеръ, говоря:

— И генеральша встала, проситъ васъ къ себѣ, и отворилъ дверь на половину Магдалины Андреевны.

Китинъ пошелъ по амфиладѣ комнатъ; когда онъ подходилъ къ спальнѣ, изъ-за дверей раздался вопль всевозможныхъ домашнихъ и недомашнихъ животныхъ; но онъ не испугался, какъ Лиза когда-то... смѣло отворилъ дверь и, давъ пинька бросившемуся на него съ ласемъ Генералу, вошелъ въ спальню.

Магдалина Андреевна стояла посреди комнаты въ батистовой рубашкѣ. Англичанка, горничная, собиралась ее шнуровать въ бѣлый муаровый корсетъ.

Въ дни треволненій Магдалина Андреевна имѣла привычку раньше обыкновеннаго покидать свое ложе. Лицо ея было красно, глаза заплаканы.

— Venez donc, monstre! сказала Рѣдькина нетерпѣливо, не обращая никакого вниманія на то, что она стояла въ рубашкѣ.

— Что̀ съ вами случилось, ma cousine? Ваша записка меня испугала, спросилъ Китинъ, цалуя ея руку.

— Je suis la plus malheureuse des femmes! отвѣчала Магдалина Андреевна и, крѣпко пожавъ руку Китина, начала ходить по комнатѣ.

Англичанка бѣгала за ней и на-ходу продѣвала снурокъ въ дырочки корсета.

— Но что̀ жь случилось? говорите ради Бога! повторилъ еще разъ Китинъ.

— Etes vous mon ami? спросила, вдругъ остановясь, Магдалина Андреевна: — ты никому не скажешь?

— Не-уже-ли вы сомнѣваетесь?

— Я проигралась... прошептала Магдалина Андреевна.

— Когда?

— Въ эти три дня.

— Сколько?

— Пять тысячъ.

— Во что̀?

— Au pharaon.

— Кому?

— Сайкину и Жирову. Если я сегодня не отъиграюсь или не заплачу̀, узнаетъ Рѣдькинъ—и тогда я пропала. Ты долженъ мнѣ помочь. Они будутъ сегодня обѣдать, а вечеромъ мы скажемъ, что идемъ гулять, и запремся въ комнату Джесси, куда Рѣдькинъ никогда не входитъ. Il y aura du champagne, tu les fairas boire...

Во все время этой сцены англичанка, несмотря на то, что генеральша не стояла ни минуты на мѣстѣ, продолжала одѣвать ее съ-налёту и окончила тѣмъ, что, повернувъ довольно-ненѣжно голову Магдалины Андреевны, вздѣла на нее чепчикъ, завязала завязки и толкнула тихо въ спину, что̀ значило, что генеральша была готова.

Взглянувъ мелькомъ въ зеркало, Магдалина Андреевна стала

передъ кивотомъ съ старинными образами и серебрянымъ складнемъ и начала, крестясь, мотать головой.

— Allez vous en et revenez pour diner, сказала она Китину, и опять, что-то шепча, снова замотала головой.

Въ четыре часа, въ столовой Магдалины Андреевны былъ накрытъ столъ на шесть персонъ. Пафнутій Михѣевичъ, Магдалина Андреевна, миссъ Джесси, Сайкинъ, Жировъ и Китинъ собрались въ маленькой диванной. Два офиціанта, въ черныхъ фракахъ, въ бѣлыхъ жилетахъ и перчаткахъ, разносили закуску.

Генералъ Рѣдькинъ подалъ руку Джесси, Жировъ—Магдалинѣ Андреевнѣ; Сайкинъ, оглянувшись и не находя себѣ дамы, подхватилъ Китина и всѣ вошли въ столовую.

Генералъ сѣлъ на главное мѣсто, въ первомъ концѣ стола; жена подлѣ него, за нею Жировъ, напротивъ ихъ Китинъ и Сайкинъ, миссъ Джесси помѣстилась противъ генерала. Генералъ-собака сѣлъ возлѣ стула Магдалины Андреевны.

Ѣли много и хорошо. Поваръ у Рѣдькиныхъ былъ французъ и славился своимъ искусствомъ. Самъ же генералъ не любилъ этихъ нѣжностей; ему подавали особо щи, кашу, утку съ груздями, жаренаго поросёнка. Всю эту русь-матушку онъ заливалъ огромными стаканами кваса, сладко прищелкивая языкомъ послѣ каждаго. За-то Магдалина Андреевна поддерживала честь своего повара: ѣла за четверыхъ, безпрестанно постукивая большой рюмкой объ столъ: вслѣдствіе этой мимики, всякій разъ рюмка наполнялась мадерой. Часто впродолженіе обѣда она оборачивалась и кричала: «Генералъ, ici!» и кидала обглоданную кость Генералу-собакѣ. Въ серединѣ обѣда начался разговоръ; говорили все пофранцузски, не обращая вниманія на то, что хозяинъ не понимаетъ ни слова; говорили такія вещи, что стѣны краснѣли; покраснѣлъ бы и генералъ-хозяинъ, да, по-счастью, ему языцы не дались.

— А отчего дитя не пріѣхала? спросилъ, наконецъ, Пафнутій Михѣевичъ, обращаясь къ Китину.

Въ ту минуту, какъ генералъ обернулся, дѣлая этотъ вопросъ, Магдалина Андреевна высунула ему языкъ.

— Жена не такъ здорова, отвѣчалъ Китинъ, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Жаль, жаль! покровительственно сказалъ Пафнутій Михѣевичъ: — я ее очень люблю.

Магдалина Андреевна сдѣлала мужу гримасу.

Всѣ, кромѣ Китина, захохотали.

— Что у васъ тамъ такое? спросилъ, оборачиваясь, снова съ улыбкой генералъ.

— Жировъ меня смѣшитъ, отвѣтила, какъ ни въ чемъ не бывала, Магдалина Андреевна.

— Мудрецы, мудрецы! сказалъ благосклонно генералъ и отодвинулъ стулъ.

Всѣ встали изъ-за стола. Послѣ кофе, котораго не пилъ Пафнутій Михѣевичъ, онъ сталъ собираться набоковую и повторилъ свое обычное, казенное *бамо* (bon mot):

— Богъ Морфей меня зоветъ въ свои объятія; а отъ Морфея въ комитетъ.

При этомъ Пафнутій Михѣевичъ тонко улыбнулся и подошелъ къ рукѣ жены.

— Ступай; а мы пойдемъ гулять. Хотите, messieurs? сказала Магдалина Андреевна такъ, чтобъ мужъ ее слышалъ.

— Смотри, не устань, дитя...

И генералъ отправился на свою половину.

— Не пора ли за дѣло? шепнулъ Жировъ Магдалинѣ Андреевнѣ, потирая руки.

— Хорошія рѣчи и слушать пріятно, прибавилъ Сайкинъ, облизывая губы.

— Шляпку скорѣй! Я иду гулять! закричала Магдалина Андреевна.

Шляпку подали. Джесси взяла зонтикъ, и вся честная компанія отправилась въ садъ. Обойдя небольшой кругъ, маленькая группа начала понемногу убывать. На каждомъ поворотѣ извилистыхъ аллей кто-нибудь да исчезалъ, и наконецъ никого не осталось; но за-то въ комнатѣ миссъ Джесси за зеленый столъ усаживались партнёры.

— Mon cousin, мы пополамъ, сказала Магдалина Андреевна, подсаживаясь къ Китину.

Миссъ Джесси спустила сторы.

Вошелъ Ѳомушка, камердинеръ Магдалины Андреевны, съ ящикомъ сигаръ и со свѣчой.

— Кто мечетъ? спросила сквозь зубы Магдалина Андреевна, закуривая огромную гавану.

— Я, отвѣчалъ Жировъ.

— Ѳомушка, я пить хочу, сказала Магдалина Андреевна и затянулась сигарой.

Ѳомушка въ одно мгновеніе исчезъ и возвратился съ обвернутой въ салфетку бутылкой, съ подносомъ и стаканами.

Прошло нѣсколько часовъ. Пафнутій Михѣевичъ успѣлъ выспаться, проснуться, уѣхать, насидѣться и намолчаться въ комитетѣ, и, вернувшись, по обыкновенію спросилъ:

— Гдѣ барыня?

— Онѣ легли; у нихъ голова болитъ; приказали не тревожить себя, отвѣтилъ Ѳомушка.

— Вѣдь я говорилъ, что устанетъ, сказалъ генералъ, раздѣлся, улегся и заснулъ сномъ богатырскимъ.

А между-тѣмъ, въ комнатѣ Джесси, среди облака дыма, шелеста картъ, шипѣнья шампанскаго все еще раздавалось на разные голоса: «дана, убита, пліэ, уголъ, транспортъ, идетъ, вабанкъ... дана, дана!...» Вдругъ послѣ одного «дана» Магдалина Андреевна вскочила, поцаловала въ лобъ Китина и, сказавъ: «я кончила...» убѣжала.

Китинъ даже не пошевилился. Онъ отъигралъ Магдалину Андреевну и, пользуясь счастіемъ, продолжалъ играть, но ужь одинъ, за себя. Счастіе, между-тѣмъ, повернуло. Напрасно миссъ Джесси гнала изъ своей комнаты запоздалыхъ игроковъ — никто ее не слушалъ. Игра кипѣла. Карты летали съ права налѣво, и при каждомъ абцугѣ Китинъ блѣднѣлъ больше-и-больше. Слѣдя за банкометомъ и, по-временамъ, поглядывая на запись, онъ повторялъ удушливымъ голосомъ:

— Убита... убита... и эта убита!

— Баста! сказалъ наконецъ банкомётъ и, бросивъ колоду, всталъ.

— Не мечете больше?

— Баста!

Китинъ взялъ одну изъ картъ, написалъ на ней свой проигрышъ и, отдавая ее Жирову, сказалъ:

— До завтра.

XXVIII.

Разбитый, уничтоженный Китинъ вернулся домой. У него была лихорадка. Руки его тряслись, голова горѣла. Перепуганная Лиза разбудила весь домъ и приказала поставить самоваръ. Къ душевнымъ терзаніямъ прибавились еще физическія: Китинъ долженъ былъ выпить два стакана малины и позволить навалить на себя все, что́ нашлось только въ домѣ теплаго — единственное

средство отдѣлаться отъ заботливости Лизы и скрыть, что́ было у него на душѣ. Укутанный, укрытый съ головой, онъ, по-крайней-мѣрѣ, лежалъ свободенъ, былъ одинъ. Боясь даже повернуться, чтобъ не обратить на себя вниманія, задыхаясь отъ волненія и одѣялъ, онъ перебиралъ въ головѣ весь ужасъ своего положенія. Онъ проигралъ Жирову двадцать тысячъ и обѣщалъ заплатить ихъ завтра; а гдѣ деньги?...

«Что́ дѣлать? Что́ дѣлать?» думалъ онъ. «Просить у жены? на какую надобность? И безъ того два мѣсяца назадъ я вынулъ изъ ломбарда, съ ея согласія, десять тысячъ на жизнь; но Лиза еще не знаетъ, что я уже всѣ почти издержалъ. Просить еще, значитъ сознаться, что я играю—идти на слезы, сцены... Да и можно ли положиться на ребенка? Проклятая старуха Рытова дала ей мысль купить домъ и жить процентами. Теперь Лиза бредитъ тѣмъ, чтобъ сдѣлать мнѣ этотъ подарокъ. Мнѣ домъ?.. Это все-равно, что камень на шею. Разумѣется, этому не бывать; а все-таки въ разговорахъ съ бабкой Лиза можетъ проговориться, и тогда, кончено, весь Петербургъ узнаетъ, что я игрокъ. Всякому другому это бы ничего: игрокъ, такъ игрокъ — плевать... а мнѣ?... огласка, толки... Нѣтъ, это невозможно!... А Жировъ? развѣ онъ будетъ молчать? Не заплачу—онъ пойдетъ дальше, и тогда я погибъ! Взять Лизу и уѣхать за границу; но бумаги?... Я не могу сдѣлать этого скоро — нѣтъ! Надо треснуть, а заплатить; и потомъ обработать отъѣздъ. Оставаться здѣсь нельзя. О, ка́къ я затянулся! А все эта анаѳемская Магдалина. Будь проклятъ тотъ часъ, когда я увидалъ ее!... Еслибъ не она, давно бы я былъ за границей...»

Вотъ что́ переворачивалось и перецѣживалось на всѣ лады въ мозгу Китина. Наконецъ, не выдержавъ болѣе моральной и физической муки, прислушавшись къ тихому дыханію спавшей Лизы, онъ рѣшился поднять голову и сбросить съ себя одѣяла. Прошла ночь; Китинъ не сомкнулъ глазъ ни на одну минуту, но ночь не прошла даромъ...

Утромъ Лиза начала просыпаться. Китинъ закрылъ глаза и притворился, что спитъ. Лиза, чтобъ не шумѣть и дать ему покой, набросила кой-какъ на себя пеньюаръ и тихо вышла изъ спальни. Пройдя черезъ гостиную въ залу, она сѣла у окна за пяльцы. Въ то же самое время Китинъ вскочилъ съ постели, накинулъ халатъ, подошелъ къ двери, приложилъ ухо, поглядѣлъ въ замочную скважину и, приподнявшись тихо, повернулъ

ключъ въ замкѣ; потомъ перебѣжалъ по ковру къ маленькой двери, задвинулъ задвижку и прямо отправился къ коммоду. Приподнявъ груду шалей, платковъ, онъ вытащилъ изъ-подъ нихъ знакомую шкатулочку бабушки Рытовой. Щелкнуть ключомъ, откинуть крышку, вынуть два билета и привести все опять въ прежній порядокъ было дѣломъ одной минуты. Зажавъ бумажки въ рукѣ, Китинъ такъ же тихо отперъ обѣ двери и черезъ маленькую прошелъ въ свой кабинетъ.

Черезъ полчаса Лиза очень удивилась, когда ея мужъ явился передъ ней, распомаженный, раздушеный, съ тонко-закрученными усиками.

— Ты ужь всталъ? вскрикнула Лиза, бросаясь къ нему на шею.

— Всталъ и совершенно здоровъ, милый мой докторъ, сказалъ Китинъ, цалуя руку жены: — твоя малина согрѣла меня, и я теперь хоть куда.

— Только не выходи еще сегодня: ты можешь простудиться.

— Нѣтъ, я сегодня никуда и не поѣду. Я точно зналъ вчера, что простужусь и взялъ работу на домъ.

— Какъ это ты могъ такъ простудиться?

— Ужь не говори! Это просто мука. Я заѣхалъ вчера утромъ къ Рѣдькинымъ. Магдалина Андревна оставила меня обѣдать съ тѣмъ, чтобъ ѣхать съ ними на тоню. Ты знаешь, какая она сумасшедшая. Было сыро, туманно, холодно; въ часъ только ночи едва вытащили оттуда кузину. Возвращались на лодкѣ. Я продрогъ до костей, и ты видѣла, каковъ я вернулся. Но, на мое счастье, у меня есть жена, а у жены малина...

Такъ говорилъ Китинъ и заключилъ свою тираду звонкимъ поцалуемъ.

— Хочешь чаю, мой ангелъ? спросила Лиза.

— Дай, душка. Да и за дѣло! Мнѣ надо писать такую чортову пропасть, что я не знаю какъ и кончу къ завтраму.

— Бѣдный Коля!

— А ты сходила бъ къ бабушкѣ; ты ужь давно не была тамъ.

— Грустно мнѣ глядѣть на нее, Коля.

— Нельзя жь, душа моя, все думать только о себѣ. Ты всѣмъ обязана бабушкѣ. Поскучай, но исполни долгъ. Это нехорошо, Лиза; я не узнаю тебя.

— Добрый, добрый Коля! Ну не сердись, я сейчасъ пойду.

— Посиди со старушкой часовъ до четырехъ; къ обѣду вернешься. Все-таки ты посмѣшишь ее, развлечешь. А дома что

тебѣ дѣлать? Я займусь, буду работать. Въ другое время, когда свободенъ, мнѣ грустно было бъ отпустить тебя. Ну, душка моя, возьми Андрея и отправляйся. Андрей! Андрей!

— Чего изволите? отозвался Андрей, показываясь въ дверяхъ передней.

— Ступай съ барыней къ Дарьѣ Яковлевнѣ и подожди ее тамъ.

Андрей молча повернулся и пошелъ въ свою маленькую каморку.

«Помѣшалъ тебѣ Андрей, сбыть его надо стараго чорта. Простудился! Больно скоро выздоравливаешь. Тоня, да туманъ. Подудился гдѣ-нибудь всю ночь, вотъ тебѣ и тоня! И теперь что-нибудь бѣдакурить собирается... Наказалъ ты меня, Господи, наказалъ! ворчалъ себѣ подъ-носъ Потапычъ, продѣвая руки въ парадный свой коричневый сюртукъ.

Когда Лиза съ Потапычемъ ушли, Китинъ отправился въ кабинетъ и заперъ за собой дверь на ключъ. Въ три часа онъ опять отперся, пошелъ въ спальню, открылъ тотъ же ящикъ комода, досталъ ту же шкатулочку и положилъ въ нее обратно два банковые билета.

На другой день, въ два часа утра Китинъ былъ у Жирова и вручилъ ему двѣ толстыя пачки ассигнацій, извиняясь, что не сдержалъ своего слова и просрочилъ цѣлый день.

Послѣ этого происшествія Китинъ постоянно былъ съ Лизой и не выходилъ почти изъ дома. Днемъ казался онъ веселъ и спокоенъ, а ночью у него вертѣлась подушка. Всякій посторонній, кромѣ наивной Лизы, замѣтилъ бы сейчасъ же, что въ головѣ Китина работаетъ одна и та же мысль. А Лизу не удивляла даже и необыкновенная нѣжность, которая вдругъ у ея мужа принала къ бабушкѣ. Безпрестанно посылалъ онъ ее навѣщать старуху.

— Добрый, добрый Коля! говорила она каждый разъ, надѣвая шляпу и отправлясь съ Потапычемъ къ Рытовой. Но не такъ было легко провести Потапыча! Часто въ темной его канурѣ говорилось шопотомъ: «наказалъ ты меня, Господи, наказалъ!»

XXIX.

30-го августа, въ александровъ день, Лиза поутру пристала къ мужу идти на крестный ходъ, а оттуда просила его провести ее къ бабушкѣ. Китинъ согласился. Лиза проворно одѣлась,

и они отправились. На углу Казанской жандармы остановили ихъ коляску, и они, подъ-руку, начали пробираться сквозь толпу. Китинъ повелъ Лизу къ паперти, чтобъ съ возвышенья она могла лучше видѣть общую картину крестнаго хода и массы народа. Войдя на лѣстницу, Лиза набожно перекрестилась на двери храма и сказала: «Коля, сколько сладкихъ воспоминаній живетъ для меня въ этомъ храмѣ! Странно, что всѣ важныя событія моей жизни связаны съ нимъ. Сюда принесла меня бабушка пріобщать въ первый разъ; здѣсь отецъ служилъ напутственный молебенъ, отдавая меня въ смольный; здѣсь я увидала тебя; здѣсь насъ соединили навѣкъ — и Лиза крѣпко пожала руку мужу. Въ это время начали выступать пѣвчіе, и Китинъ, чтобъ Лиза могла лучше видѣть, поставилъ ее передъ собой на край паперти; Лиза вся превратилась во вниманье.

Заколыхались хоругви, и духовенство стало устанавливаться съ образами. Вдругъ сзади Китиныхъ кто-то громко сказалъ: «Китинъ!...»

Жена и мужъ оглянулись въ одно время и увидѣли за собой офицера въ армейскомъ драгунскомъ мундирѣ. Слишкомъ разсѣянная въ эту минуту Лиза взглянула мелькомъ и, не обратя никакого вниманія на офицера, опять повернулась къ площади и начала глядѣть на великолѣпную картину, которую видѣла въ первой разъ.

Но не такъ легко взглянулось Китину. Въ одно мгновеніе онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, однакожь бойко и прямо посмотрѣлъ на офицера.

— Китинъ, ты не узнаешь меня? спросилъ опять драгунъ.

— Вы, вѣроятно, ошибаетесь и принимаете меня за другаго. Я имѣю удовольствіе васъ видить въ первый разъ, отвѣтилъ Китинъ и, вѣжливо раскланявшись, повернулся къ нему спиной. Офицеръ горько улыбнулся и, не сказавъ больше ни слова, началъ тихо пробираться сквозь толпу.

Китинъ стоялъ тихо и спокойно, но по блѣдному, мертвенному лицу, какъ молнія бѣгало судорожное подергиванье. Наконецъ онъ не выдержалъ, оглянулся опять и, не видя за собой драгуна, началъ пристально, съ какою-то настойчивостью, отъискивать его глазами.

Вдругъ раздалось тихое пѣніе, духовенство тронулось и пошло по красному сукну. Народъ хлынулъ сзади, и началась страшная давка. Неожидавшая этого, Лиза вдругъ почувствовала, что ее стиснули, сдавили и несутъ. Напрасно она старалась

устоять на своемъ мѣстѣ, напрасно хотѣла протянуть руку мужу, который въ нѣсколькихъ отъ нея шагахъ съ какой-то яростью прокладывалъ себѣ дорогу. Лизу закрутили и силой повлекли за крестнымъ ходомъ. На поворотѣ къ Невскому, какой-то толстый купецъ, видя отчаянье Лизы, схватилъ ее въ охапку и, вытащивъ изъ толпы, поставилъ въ подъѣздѣ угловаго дома.

Въ эту минуту Китинъ тоже прорвался изъ-за массы народа и подбѣжалъ къ Лизѣ.

На немъ лица не было.

— Коля, тебя ушибли? тебѣ дурно? закричала Лиза, забывъ свой испугъ.

— Нѣтъ, мой другъ, я испугался за тебя. Пойдемъ скорѣй; я доведу тебя до бабушки.

— А ты развѣ не войдешь?

— Нѣтъ, мнѣ сейчасъ надо ѣхать по дѣлу матушки.

— Опять! А вѣдь ты обѣщалъ мнѣ пойдти со мной къ бабушкѣ? говорила Лиза, едва поспѣвая бѣжать за мужемъ, который шелъ скорымъ шагамъ.

— Да̀, я думалъ... но теперь не могу. Я узналъ, что дѣло матушки идетъ дурно: мнѣ надо сейчасъ принять мѣры.

— Кто жь тебѣ сказалъ?

— Сейчасъ я видѣлъ одного человѣка...

— Вѣрно, офицеръ, который говорилъ съ тобой на паперти?

— Да́, онъ, отвѣтилъ Китинъ и пошелъ еще скорѣе.

— Кто это, Коля? твой прежній товарищъ?

— Да́! отвѣчалъ отрывисто Китинъ.

Они остановились у дома старухи Рытовой.

— Ну, ступай, Лиза; я за тобой заѣду или пришлю.

— Пожалуйста, поскорѣй, Коля.

— Постараюсь, отвѣтилъ Китинъ, крикнулъ извощика и пошелъ садиться.

— Прощай, Коля, вдругъ сказала вслѣдъ ему Лиза.

Онъ обернулся.

Лиза, нѣжно улыбаясь, послала ему рукой поцалуй.

Въ одно мгновеніе Китинъ очутился подлѣ, сжалъ ее судорожно руками и крѣпко поцаловалъ.

— Пріѣзжай скорѣй, Коля! шепнула ему раскраснѣвшаяся отъ счастья Лиза.

— Хорошо, хорошо! сказалъ Китинъ, вскакивая на дрожки, и двѣ крупныя слезы скатились по его блѣднымъ щекамъ.

XXX.

Веселая, спокойная поднялась Лиза по лѣстницѣ къ бабушкѣ. Войдя въ комнаты, она побѣжала прямо къ спальнѣ; но дверь была заперта на ключъ снутри: за дверями раздавалось церковное чтеніе на-распѣвъ.

Лиза постучала въ дверь.

— Кто тамъ? отозвался изъ спальни голосъ Дарьи Яковлевны.

— Это я, бабушка.

— Да кто ты? опять спросила старуха.

— Я, Лиза, бабушка.

— А, голубушка ты моя! погоди, я сейчасъ выйду, только домолюсь...

— Ну! читай же, Митя, скорѣй! сказала Дарья Яковлевна, и опять раздалось однообразное, гнусивое чтеніе.

Лиза улыбнулась, отошла и сѣла у окна. Сладко задумалась она подъ однообразное чтеніе Дмитрія Дмитріевича.

«Голубчикъ, Коля!» задумала она: «кàкъ онъ любитъ меня, кàкъ онъ за меня испугался, кàкъ поцаловалъ меня! А я еще иногда роптала не него, плакала, капризничала! Что жь ему, бѣдному, дѣлать, коли его треплютъ во всѣ стороны? Вотъ теперь опять это несное дѣло мамочки, снова поднялось... не можетъ же онъ бросить его. Я должна радоваться, что онъ добрый сынъ. Нѣтъ, съ этой минуты я буду спокойна, счастлива. Сегодня я поняла его. Милые русскіе мужички! какъ я благодарна вамъ за то, что вы меня утащили отъ Коли на нѣсколько шаговъ. Душки! я бъ всѣхъ васъ расцаловала теперь за одинъ колинъ поцалуй; я буду помнить его всю жизнь... Ахъ! кабы Колю поскорѣй выпустили!» проговорила Лиза про-себя и нетерпѣливо пересѣла на окно.

Въ эту минуту чтеніе смолкло, щелкнулъ замокъ, дверь отворилась, и въ ней показалась Дарья Яковлевна, вся красная, съ багровыми пятнами на щекахъ, тяжело передвигая ноги.

— Здравствуй, душа моя. Что это ты такъ рано? заговорила старушка, цалуя внучку.

Лиза разсказала бабушкѣ, что она была на крестномъ ходу и чтò съ ней случилось. Старушка выслушала равнодушно ея разсказъ и, потирая себѣ спину, прибавила:

— Пойдемъ ко мнѣ, сядемъ; я стоять не могу.

— Что съ вами, бабушка? Вы нездоровы, у васъ, вѣрно, жаръ?

— Нѣтъ, это отъ поклоновъ; пройдетъ. Пойдемъ сядемъ.

Обѣ вошли въ спальню.

Дмитрій Дмитріевичъ стоялъ передъ кивотомъ и поправлялъ лампаду.

— Извините, милѣйшая племянница, что я не смѣю дотронуться до вашей ручки, сказалъ онъ, отставивъ назадъ обѣ руки, выпачканныя въ деревянномъ маслѣ, и кланяясь Лизѣ нѣсколько разъ.

— Митя, кофейку хочется, проговорила Дарья Яковлевна и опять замолчала.

— Сейчасъ, тёточка, сію минуту, отвѣтилъ Дмитрій Дмитріевичъ, торопливо вытирая руки объ масляное полотенце.

Когда онъ вышелъ, Лиза начала болтать съ бабушкой, пробовала смѣшить старушку; но та все молчала, качалась передъ внучкой на стулѣ и, шевеля губами, не переставала перебирать въ рукахъ чотки.

Скоро явился Дмитрій Дмитріевичъ съ конфоркой въ рукѣ; за нимъ шла Савишна съ подносомъ. Систематически принялся онъ варить кофе, приговаривая всякую минуту:

— Тёточка, обратите вниманіе, каковъ ароматъ?

— Слышу, мой батюшка, слышу, шептала старуха, не переставая качаться.

Дмитрій Дмитріевичъ началъ разливать кофе.

— Ахъ, Боже мой, какой крѣпкій! закричала вдругъ Лиза: вѣдь это очень-вредно.

— Вотъ и я ему это говорю, вдругъ оживившись, сказала Дарья Яковлевна.

— Жизни, жизни прибавляетъ крѣпкій кофе старому человѣку, тёточка. Всѣ ученые, когда работаютъ, пьютъ кофе. И почему? Оживляетъ, тёточка, оживляетъ! А вы ужь очень-слабы становитесь.

— Я буду пить, Митя! сказала испуганная Дарья Яковлевна, протягивая дрожавшую руку за чашкой.

Дмитрій Дмитріевичъ подалъ ей большую аппетитную чашку и, наклонясь, нѣсколько разъ поцаловалъ ея руку.

— И пейте, тёточка, пейте, никого не слушайте: въ каждой этакой чашкѣ годъ жизни!

— Я пью, Митя, пью, проговорила старушка и, подувъ на блюдечко, начала прихлебывать.

Лиза съ удивленіемъ посмотрѣла на бабушку, на Дмитрія Дмитріевича и невольно взглянула на Савишну, которая въ почтительномъ отдаленіи стояла съ полотенцемъ на рукѣ.

Старая няня подмигнула значительно лѣвымъ глазомъ и втянула въ себя лиловыя губы.

Между-тѣмъ Дмитрій Дмитріевичъ налилъ себѣ въ дѣтскую чашечку кипятку капнулъ въ нее кофе, долилъ густыми сливками, положилъ въ ротъ огромный кусокъ сахару и черезъ него началъ всасывать маленькіе глотки.

Лиза съ презрѣньемъ улыбнулась и, поставивъ свою чашку, вышла въ гостиную. Не зная, что дѣлать отъ скуки и грустнаго чувства, она начала ходить по комнатѣ. Ей очень хотѣлось уйти домой, но она боялась разъѣхаться съ мужемъ. Бродя взадъ и впередъ, въ какомъ-то лихорадочнымъ состояніи, то подходила она къ окнамъ, то заглядывала къ бабушкѣ, которая все качалась на стулѣ, перебирая чотки.

Дмитрій Дмитріевичъ нѣсколько разъ являлся занимать свою милую племянницу, но Лиза не была расположена поддерживать съ нимъ разговоръ и отвѣчала на всѣ его нѣжности коротко и отрывисто.

Позвали завтракать.

Дмитрій Дмитріевичъ, идя мелкимъ шажкомъ, приноровливаясь къ тяжелому шагу тётушки, довелъ ее подъ-руку до столовой.

Лиза была сыта, но, не желая огорчить бабушку, сѣла за столъ.

За завтракомъ удивленію Лизы не было конца.

Бабушка ея, которая не брала никогда въ ротъ ни вина, ни водки, выпила преспокойно поднесенную ей Дмитріемъ Дмитріевичемъ большую серебряную чарочку.

— Бабушка! вы водку пьете? не выдержавъ спросила Лиза.

— Пью. Митя говоритъ, что это хорошо.

— Да, ангелъ тёточка, въ ваши лѣта это необходимо: надо отогрѣвать желудокъ и помогать пищеваренію. Желудокъ вашъ очень, очень-слабъ, тёточка, сказалъ печально Дмитрій Дмитріевичъ, накладывая для слабаго желудка тётушки полную тарелку бужанины съ чеснокомъ.

Лиза не сказала ни слова больше и только молча слѣдила за бабушкой.

Старушка съѣла все, что ей положилъ племянникъ.

— Послѣ жирнаго — винца, тёточка: это необходимо.

— Я выпью, сказала Дарья Яковлевна, выпила рюмку мадеры и принялась за макароны.

— Послѣ этого—ратафіи; она сладенькая, тёточка, одинъ сахаръ. Вишневая, на косточкахъ — понюхайте, какой ароматъ!

— Я выпью, прошептала Дарья Яковлевна, и проглотила протянутую племянникомъ рюмку.

Впродолженіе всего завтрака Дмитрій Дмитріевичъ ѣлъ за десятерыхъ и выпилъ два графина воды, но вина ни капли.

Послѣ завтрака Дмитрій Дмитріевичъ всталъ, поднялъ глаза къ небу и началъ молиться.

Не красную, а лиловую повелъ онъ изъ столовой въ спальню Дарью Яковлевну. Глаза ея были мутны; она улыбалась.

Когда они скрылись за дверьми, Савишна вдругъ какъ изъ полу выросла передъ Лизой.

— Что? видѣли, солнце вы мое?

— Няня, голубушка, что̀ это бабушка какъ пьетъ? сказала встревоженная Лиза.

— Пьютъ-съ, ангелъ вы божій.

— Что это какіе у бабушки бараньи глаза, это, просто, страсть!

— Бараньи-съ; да какимъ же глазкамъ у нихъ и быть-съ, радость вы моя? Съ непривычки-то ихъ хмѣль больно зашибаетъ-съ.

— Что это дѣлаетъ Дмитрій Дмитричъ! Я его любви не понимаю; онъ моритъ бабушку.

— Моритъ-съ, чисто моритъ, дорогая вы моя, сказала Савишна и вдругъ шмыгнула въ боковую дверь.

Вошелъ Дмитрій Дмитріевичъ.

— Тёточка легли на часокъ, сказалъ онъ сладко Лизѣ.

Въ это время сильно позвонили въ передней.

Лиза, не отвѣчая Дмитрію Дмитріевичу, бросилась туда.

Дверь отворили, и вошелъ Андрей.

— А Коля не будетъ? спросила его Лиза.

— Вѣрно, имъ нельзя. Вотъ-съ записка, сказалъ Андрей, подавая маленькій пакетъ.

Лиза проворно схватила его и начала распечатывать.

— Я не хочу! я не хочу! вдругъ вскрикнула Лиза, комкая записку мужа въ рукахъ.

— Матушка-барыня, что̀ съ вами? Успокойтесь! Ахъ, ты, Господи! да что̀ же тамъ написано?

— Я не хочу! я не хочу, я безъ него не останусь, я догоню его, кричала Лиза, бросаясь къ двери безъ шляпы и салопа.

— Куда вы? куда вы? Ахъ ты, Господи! что̀ же это? говорилъ Андрей, останавливая Лизу.

— Ангелъ божій! пресвятая Богородица! Архангелъ-хранитель! что съ вами, солнце вы мое? кричала Савишна, обхвативъ Лизу руками: — безъ одёжи-то бѣжите-съ.

— Пустите меня; я догоню его; я одна не останусь! я не хочу, я не хочу!

— Господи, ты Боже мой! да куда жь это баринъ уѣхалъ? скажите мнѣ, матушка барыня.

— Поѣдемте скорѣй! догонимъ его, ради Бога! я васъ прошу.

— Да куда жь мы поѣдемъ? Господи ты праведный!

— Въ Ямбургъ.

— Да развѣ они въ Ямбургъ уѣхали? Да какъ же это возможно? Они въ одной шинелишкѣ, одинъ портуфёль съ бумагами взяли. Я думалъ, что они въ должность.

— Въ Ямбургъ! я вамъ говорю, въ Ямбургъ, кричала, топая ногой, Лиза:—я не останусь! я поѣду. Наймите мнѣ сейчасъ лошадей!

— Ахъ, ты Господи! ахъ, ты Господи! говорилъ Андрей, всплескивая руками передъ Лизой, которая, рыдая, опустилась на ларь.

— Матушка барыня, извольте въ комнату войти: не пристойно вамъ здѣсь сидѣть.

— Я ѣхать хочу! Андрей Потапычъ, если вы меня любите, свезите меня къ Колѣ. Мнѣ нéкого просить, кромѣ васъ. Ради Бога!... умоляла Лиза, какъ ребенокъ, сложивъ руки.

Андрей, вмѣсто отвѣта, заплакалъ на-взрыдъ.

Савишна всхлипывала, сморкаясь въ кончикъ передника.

— Вы плачете? вы поѣдете со мной къ Колѣ? сказала Лиза, и бросилась въ комнату надѣвать шляпу. Андрей и Савишна побѣжали за ней.

Въ это время изъ другой двери показался Дмитрій Дмитріевичъ, поднялъ проворно записочку, которая выпала изъ рукъ Лизы, и прочелъ:

«Другъ мой, Лиза!»

«Дѣло матушки идетъ очень-дурно. Я сію минуту ѣду въ Ямбургъ; не знаю, сколько времени меня тамъ задержатъ. Не огорчайся. Совѣтую тебѣ погостить у бабушки. Я не заѣхалъ къ тебѣ потому, что зналъ навѣрное, что ты меня задержишь и будешь проситься ѣхать со мной, а этого нельзя: для скорости

я долженъ ѣхать въ телегѣ, на перекладныхъ. Цалую тебя тысячу разъ. Не сердись и жди

нѣжно любящаго тебя

Колю.»

Окончивъ, Дмитрій Дмитріевичъ бросилъ опять записку на полъ, и прямо побѣжалъ въ спальню тётки.

— Тёточка! тёточка! крикнулъ онъ во все горло надъ самымъ ухомъ старухи.

Дарья Яковлевна открыла большіе, налитые кровью глаза, и затряслась всѣмъ тѣломъ.

Дмитрій Дмитріевичъ, не давая ей опомниться, опять закричалъ на ухо:

— Вставайте, тёточка! несчастье, несчастье!

— А? что?.. пожаръ?.. горимъ! удушливо заговорила Дарья Яковлевна, стараясь подняться съ перины, на которой лежала спиной.

Всегда угодливый, Дмитрій Дмитріевичъ не протянулъ даже руки, чтобъ помочь тёткѣ.

Дарья Яковлевна вдругъ захрапѣла и вытянулась.

Отворилась дверь, и Савишна бросилась къ постели. Это случилось нечаянно. Видя положеніе своей любимой воспитанницы, старая нянька тихонько пробиралась въ спальню, чтобъ разбудить барыню и упросить ее встать и уговорить Лизавету Леонидовну не ѣхать въ Ямбургъ.

Подходя къ двери, она услышала крикъ, испугалась и, забывъ, зачѣмъ шла, бросилась къ кровати.

— Что вы тутъ дѣлаете? закричала она на Дмитрія Дмитріевича, и начала поднимать Дарью Яковлевну.

— Оставь! сказалъ сквозь зубы Дмитрій Дмитріевичъ и отдернулъ Савишну за руку.

— Не оставлю! закричала опять Савишна что̀ было силы и бросилась къ кровати.

— Ты уморишь тёточку! развѣ ты не видишь, что ей дурно? сладко, шопотомъ сказалъ Дмитрій Дмитріевичъ.

— Сюда, сюда! люди добрые! воды! дофтура! барыня умираетъ! продолжала кричать Савишна.

Всѣ люди, Андрей и даже Лиза, забывшая о своемъ горѣ, вбѣжали въ спальню.

Дмитрій Дмитріевичъ первый схватилъ графинъ съ водой и началъ брызгать на Дарью Яковлевну.

— Что это съ бабушкой? спрашивала испуганная, заплаканная Лиза.

Савишна злобно, молча, показала пальцемъ на Дмитрія Дмитріевича.

— Это дура Савишна испугала тёточку, шопотомъ говорилъ Дмитрій Дмитріевичъ.

— Бѣгите скорѣй за докторомъ! приказывала Лиза.

— Пустите-съ, сударь! сказалъ вдругъ Андрей, отталкивая Дмитрія Дмитріевича и вынимая изъ кармана перочинный ножикъ.

— Что ты хочешь дѣлать? спросили всѣ вмѣстѣ.

— Это мое дѣло! отвѣтилъ Андрей, проворно засучивъ рукавъ правой руки Дарьи Яковлевны, натянулъ руку и прокололъ жилу —кровь не показалась.

— Тарелку, живѣй! крикнулъ Андрей и началъ сильно тереть руку.

Никто не смѣлъ дохнуть.

Дмитрій Дмитріевичъ бросился къ кивоту и ударился лбомъ объ полъ.

— Вотъ она! радостно крикнулъ Андрей, и кровь чернымъ фонтаномъ брызнула надъ кроватью.

— Щотку, щотку! Трите барыню! Полотенцо подайте! рвите его вдоль... Труту! командовалъ Андрей.

Дѣвушки исполняли его приказанія.

Лиза, какъ полотно блѣдная, тоже терла ноги бабушкѣ.

Вдругъ Дарья Яковлевна тихо вздохнула и открыла глаза.

Всѣ въ комнатѣ перекрестились. Андрей передалъ тарелку Савишнѣ, проворно сдѣлалъ компрессъ, зажалъ пальцемъ рану, положилъ трутъ и перевязалъ руку.

— Ну, теперь пусть докторъ скажетъ, что я дурно сдѣлалъ! сказалъ онъ, тихо отходя въ сторону.

Всѣ люди стали выходить, одинъ за однимъ. Когда Дарья Яковлевна пришла совершенно въ чувство, передъ ней уже стоялъ Дмитрій Дмитріевичъ.

— Что это со мной было? слабо спросила старуха: — я ничего не помню...

— Немножко дурно, тёточка. Слава Богу, что я еще тутъ былъ! нѣжно сказалъ Дмитрій Дмитріевичъ.

— Спасибо, Митя, сказала Дарья Яковлевна и кивнула ему головой.

Пріѣхалъ домашній докторъ Рытовой, осмотрѣлъ старушку. Лиза разсказала ему, что̀ было; онъ пожелалъ видѣть Андрея: его позвали.

— Отчего ты догадался, братецъ, пустить кровь?

— Я съ молоду учился цирюльному мастерству, батюшка. Въ Ямбургѣ часто случалось при эвдакихъ случаяхъ бывать. Вижу, что у генеральши приливъ — вотъ-съ я и пустилъ имъ кровь; только ланцетика-то со мной не было — извините, батюшка, что я ножичкомъ! скромно сказалъ Андрей, низко кланяясь.

— Чѣмъ бы ни было! Молодецъ старина! Знай, что ты спасъ барыню, сказалъ докторъ, благосклонно потрепавъ по плечу Андрея.

— Благодарю моего Господа, прошепталъ Андрей и пошелъ въ переднюю.

— Теперь главное дѣло сдѣлано. Я пропишу бабушкѣ вашей успокоительное, обратился докторъ къ Лизѣ. — Наблюдать строгую діэту, ничего горячительнаго (при этомъ Лиза значительно взглянула на Дмитрія Дмитріевича)... спокойствіе — и тогда бабушка ваша скоро поправится.

Докторъ уѣхалъ.

XXXI.

Неожиданная болѣзнь Дарьи Яковлевны сдѣлала сильный переломъ съ Лизой. Внезапный испугъ, страхъ за жизнь бабушки заставили забыть ее мгновенно все, что̀ за минуту такъ сильно взволновало ее. Вспышка потухла, горе притаилось въ душѣ; она бѣгала, распоряжалась, ухаживала за бабушкой и ни на минуту мысль о мужѣ, о себѣ не приходила ей въ голову. Такъ прошелъ день; но, когда опасность миновалась, когда старушка уснула тихимъ, сладкимъ сномъ, когда все смолкло, замерло въ домѣ, она вдругъ какъ-бы очнулась; сердце заныло и заговорило снова; но не бурлило, не волновалось оно, какъ въ первую минуту, когда Лиза узнала, что мужъ уѣхалъ безъ нея и не простился даже съ ней — нѣтъ, оно какъ-то сжалось, присмирѣло, и больно, очень-больно было бѣдной Лизѣ!

Всю ночь старушка спала сладко. Лиза тихо рыдала у ногъ ея. Напрасно нѣсколько разъ прокрадывалась въ спальню Савишна и уговаривала ее лечь въ приготовленную постель: Лиза всякій разъ спроваживала ее молча, махая рукой и показывая

на дверь. Старуха выходила на цыпочкахъ, грустно покачивая головой.

Андрей Потапычъ не оставилъ свою барыню, не пошелъ домой ночевать, а только снялъ сапоги, свернулся на ларѣ въ комокъ и закрылъ глаза. А когда все смолкло, когда всѣ уснули, тихо приподнялся онъ, посидѣлъ на ларѣ, потомъ пересѣлъ на окно, вынулъ свой красный платокъ, началъ перебирать его да глядѣть на небо. И видѣлъ онъ, кàкъ летали звѣзды падучія, кáкъ мѣсяцъ игралъ съ тучками, за нихъ прятался и выглядывалъ; и видѣлъ, кàкъ начали тонуть звѣздочки въ дневномъ свѣтѣ, кàкъ луна, блѣдная, съ небомъ сравнялась, и видѣлъ онъ, кàкъ загорѣлся востокъ, какъ раскаленнымъ ядромъ изъ-за черной земли выкатилось солнышко... И все глядѣлъ да глядѣлъ Андрей, и проглядѣлъ бы онъ, кажется, такъ до другихъ звѣздочекъ, да по передней мальчишки зашмыгали. Очнулся онъ; стыдно ему стало, точно въ грѣхѣ какомъ застали. Вскочилъ онъ проворно съ окна, вытеръ глаза платкомъ, захватилъ сапоги да и бросился въ кухню опрометью.

Свѣжа и бодра проснулась на утро Дарья Яковлена, одѣлась, какъ всегда, и встала съ постели.

Напротивъ, усталая, измученная физически и морально Лиза потеряла всю энергію; ей стало тяжко въ чужомъ домѣ, съ грустью на сердцѣ. Встревожить бабушку, ей открыться, разсказать ей все—Лиза боялась. Притворяться и быть веселой—у нея не было силы. Успокоенная совершенно насчетъ здоровья старушки, она приказала Андрею Патаповичу привести себѣ карету, простилась съ бабушкой и уѣхала домой. Всю дорогу она была въ нетерпѣніи: ей хотѣлось доѣхать скорѣй, точно какъ-будто бы ее дома ждалъ кто-нибудь. Бѣгомъ вбѣжала она на лѣстницу, и когда ей отворили дверь, она прямо бросилась въ кабинетъ мужа: кабинетъ былъ пустъ.

Лиза кинулась на диванъ и дала волю своему сердцу. Опять закипѣло оно; она рвалась, плакала, хотѣла скакать за мужемъ.

«Я не хочу оставаться!.. но какъ это сдѣлать?» твердила она, ломая руки. «Андрей Потапычъ не повезетъ меня — я это чувствую... Ѣхать къ Годинымъ, просить кого-нибудь изъ дядей проводить меня до Ямбурга—это значитъ жаловаться имъ на Колю, выдать имъ мужа, выказать его въ дурномъ свѣтѣ въ ихъ глазахъ... Нѣтъ! Я лучше умру здѣсь одна, чѣмъ выдамъ моего Колю!.. Написать къ нему, просить его, чтобъ онъ приказалъ злому

Потапычу привезти меня... Да, это лучше всего!» вскрикнула Лиза, вскочила съ дивана, отерла глаза, сѣла къ столу и начала писать. Когда письмо было кончено, она проворно запечатала его и подписала адресъ на имя Ивана Степановича Китина.

«Папочка и мамочка любятъ меня; пусть къ нимъ первымъ попадетъ въ руки мое письмо» думала она, идя въ переднюю: «они уговорятъ Колю взять меня къ нимъ, въ Ямбургъ; да Коля и самъ, когда узнаетъ, какъ я огорчилась, сейчасъ велитъ Потапычу привезти меня.»

Лиза успокоилась совершенно, когда Андрей понесъ письмо на почту; ей и въ голову не пришло, что письмо ея понесетъ не легкій голубокъ, а медленная почта, что ей долго еще придется ждать отвѣта, и что въ это время мужъ ея успѣетъ уже возвратиться... Нѣтъ, она ждала отвѣта очень-скоро.

Андрей Потапычъ, между-тѣмъ, вышелъ съ письмомъ на улицу, повертѣлъ его въ рукахъ, зашелъ за уголъ, остановилъ перваго мальчишку, который попался ему на встрѣчу, и спросилъ:

— Ты грамотный?

— Грамотный, отвѣтилъ тотъ.

— Ну, читай, что тутъ написано, сказалъ Андрей, указывая пальцемъ на адресъ письма.

Мальчишка прочелъ по складамъ: «Его бла...го...ро...дію И...ва...ну Степа...но...вичу Ки...ти...ну.»

— Ну, спасибо, проговорилъ Андрей, засовывая письмо въ карманъ.

Мальчишка побѣжалъ.

«Убить-то недолго!» ворчалъ Андрей, поднимаясь по лѣстницѣ.

— Ну, что, отнесъ? спросила Лиза, когда вернулся Андрей.

— Отнесъ, отвѣтилъ онъ, и пошелъ въ свою каморку.

Весь день провела Лиза, укладывая и выбирая вещи, которыя взять съ собой въ Ямбургъ. Вечеромъ, раньше обыкновеннаго, усталая, легла она въ постель и заснула крѣпкимъ сномъ. Чуть свѣтало... сладко спала Лиза... Вдругъ она почувствовала, что до нея дотронулись холодной рукой, и открыла глаза.

Передъ ней стояла блѣдная, какъ смерть, горничная, Маша.

— Что ты? спросила Лиза, проворно садясь на постели.

— Да вы не пугайтесь, барыня, проговорила дѣвушка дребезжавшимъ голосомъ.

— Что? что такое? закричала Лиза.

— Да ничего-съ... вы не пугайтесь... Одѣвайтесь скорѣй.

— Что̀ же это? Боже мой!

— Ничего-съ... тамъ солдаты...

— Какіе солдаты? гдѣ?

— Вездѣ... на улицѣ... у дверей... весь домъ оцѣпили.

— Зачѣмъ? говорила Лиза, надергивая на себя кое-какъ капотъ и надѣвая туфли на босу-ногу.

— Да вы не пугайтесь... барина, вѣдь, дома нѣтъ...

— Барина?... На что имъ баринъ? закричала Лиза и хотѣла бѣжать.

Въ эту минуту въ дверяхъ показался Андрей съ салономъ на рукѣ и заступилъ Лизѣ дорогу.

— Куда вы, матушка-барыня? проговорилъ онъ, тихо взявъ Лизу за руку.

— Я бѣгу на улицу; тамъ солдаты: я все узнаю.

— Не для чего вамъ къ солдатамъ бѣжать. Слушайтесь меня, барыня, сказалъ строго Андрей.—Въ домѣ неладно; вамъ здѣсь оставаться нельзя. Надѣвайте скорѣй машинъ салопъ, да платкомъ накройтесь: я васъ выведу.

— Я не пойду! Я хочу знать все. За кѣмъ пришли солдаты?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ за кѣмъ! Почемъ мнѣ знать? Мало ли тутъ народу въ домѣ.

— Не за Колей? спросила вдругъ Лиза, глядя прямо Андрею въ лицо.

— Да на что имъ барина? проговорилъ едва-слышно Андрей.

— А Маша говорила что-то про барина?...

— Вретъ она, дура! Вонъ пошла! крикнулъ Андрей, топая ногой.

Маша вышла.

— Ну, я вамъ все разскажу. Здѣсь въ домѣ что-то случилось; вамъ одной оставаться здѣсь нельзя... Поѣзжайте къ дяденькѣ Юлію Петровичу. Въ машкиномъ салопѣ васъ пропустятъ. Пойдемте скорѣй.

Андрей началъ надѣвать Лизѣ платокъ на голову.

— А то и васъ припутаютъ; вы и барина въ это дѣло замѣшаете... Скорѣй, матушка-барыня...

Это послѣднее убѣжденіе было дѣйствительно. Лиза проворно накинула салопъ и побѣжала въ переднюю.

— Не туда, не туда! по черной лѣстницѣ! крикнулъ Андрей.

Лиза побѣжала въ кухню.

— Послушайте, барыня: вдвоемъ насъ не пустятъ. Вотъ возьмите корзиночку, будто-бы за булками. Я васъ выведу за ворота, а тамъ вы возьмите извощика да и поѣзжайте къ дяденькѣ. Да вы простите меня, коли я вамъ «ты» буду говорить при солдатахъ.

Лиза не слушала и бѣжала впередъ.

У воротъ ихъ остановили часовые.

— Куда вы? Не велѣно пускать!

— Пусти, кавалеръ, дѣвку за булками, только вонъ за уголъ добѣжать... Она сейчасъ придетъ...

— Да говорятъ тебѣ, не велѣно никого пускать! вонъ фратальный у парадной лѣстницы стоитъ... Плац-майоръ здѣсь, сейчасъ наверхъ пошелъ... говорятъ тебѣ, нельзя!

Квартальный услышалъ говоръ и подошелъ къ воротамъ.

— Что̀ тутъ такое? спросилъ онъ.

— Ваше высокоблагородіе, сдѣлайте божескую милость, позвольте дѣвкѣ въ булочную сбѣгать; она мигомъ вернется.

Квартальный заглянулъ на Лизу, которая въ старомъ салопѣ, накрытая платкомъ, боязливо стояла въ уголку.

— Чья она? спросилъ важно квартальный.

— Наша, сверху—Вакачихина, отвѣтилъ Андрей.

— Пропустить! крикнулъ во все горло квартальный подъ самымъ ухомъ часоваго, надулъ свои красные щеки и, глядя на концы своихъ ботфортъ, пошелъ опять къ подъѣзду дома.

— Ну! скорѣй ты, мигомъ у меня! одна нога здѣсь, а другая тамъ! сказалъ Андрей, выпроваживая изъ воротъ перепуганную свою барыню.

Лиза стрѣлой пустилась по троттуару, завернула за уголъ, кинула корзиночку, сѣла на извощика и поскакала на Васильевскій Островъ къ дядѣ, который переѣхалъ уже съ дачи.

Семейство Годиныхъ только начинало просыпаться, когда блѣдная, встревоженная Лиза вбѣжала прямо въ столовую, гдѣ по утрамъ собиралось все семейство.

Но тамъ никого еще не было, кромѣ няни Матрены Ефремовны, которая возилась около чайнаго стола.

Старуха всплеснула руками, взглянувъ на Лизу:

— Что съ тобой, княгинюшка? На тебѣ лица нѣтъ, сказала Матрена Ефремовна, подходя безъ церемоніи поцаловать Лизу: (Матрена Ефремовна все продолжала такъ называть Лизу, несмотря на то, что она была уже замужемъ за Китинымъ).

— Ахъ, няня! голубушка! не спрашивайте... Гдѣ тётенька, дяденька? Мнѣ надо ихъ скорѣй видѣть.

— Да что это на тебѣ за солопишка холопскій надѣтъ? Погорѣла ты, что̀ ли? Ахъ, напасть какая! продолжала Ефремовна, опять всплеснувъ руками.—Аксютка! что̀ жь ты стоишь, вылупивъ глазищи? не видишь, фабричная этакая, что княгинюшка въ салопѣ стоитъ? Сними, тварь безпрокая! крикнула Ефремовна на дѣвочку, которая стояла у стола.

Дѣвочка улыбнулась на брань старухи и подошла снять салопъ.

— Поди поскорѣй, спроси, можно ли войти къ дяденькѣ, сказала Лиза, сняла салопъ, опустила платокъ съ головы на плечи и укуталась имъ.

Дѣвочка побѣжала.

— Куда засвистала, выжига этакая? Князь спитъ. Твой дядюшка еще храповицкаго задаетъ, обратилась Матрена Ефремовна къ Лизѣ: — ни дать, ни взять, какъ мальчишкой былъ; утромъ, бывало, вставать надо, а онъ поваливается... Да что съ тобой случилось? Ты мнѣ все не скажешь.

— Ахъ, няня милая! я, право, сама не знаю... Какое-то несчастіе у насъ въ домѣ, отвѣтила Лиза въ страшномъ волненіи.

— Да ты сиди, княгинюшка; что̀ ты бѣгаешь? говорила Матрена Ефремовна, усаживая насильно Лизу:—вишь ты вся дрожишь... Эки черти! кто это тебя такъ напугалъ? Чтобъ имъ ни дна, ни покрышки!

— Ахъ, няня! тамъ солдаты... я боюсь... зачѣмъ они въ нашемъ домѣ? несвязно спрашивала Лиза.

Юлій Петровичъ проворно вошелъ въ столовую; за нимъ бѣжала испуганная княгиня Софья Ѳедоровна.

Взглянувъ на Лизу, они еще болѣе перепугались.

— Лиза, другъ мой! что̀ съ тобой? спросилъ князь.

— Боже мой! что̀ случилось? сказала, блѣднѣя, Софья Ѳедоровна.

— Пойдемте къ вамъ въ спальню, я вамъ все разскажу, отвѣтила Лиза и, схвативъ дядю и тётку за руки, торопливо повела ихъ изъ столовой.

— Веди, веди! Ка̀къ тебѣ при старой слугѣ говорить! проворчала имъ вслѣдъ Ефремовна.

Когда они вошли въ спальню, Лиза вдругъ бросилась къ дядѣ на шею и залилась слезами. Ее усадили на диванъ, дали ей

воды. Немного погодя, она успокоилась и начала разсказывать все, что съ ней случилось въ эти ужасные два дня.

Князь Юлій Петровичъ и Софья Ѳедоровна слушали и не понимали ничего.

Да оно и трудно было понять. Какое важное дѣло могло побудить Китина уѣхать неожиданно въ Ямбургъ въ одной шинели, съ однимъ портфёлемъ, на перекладныхъ и не простившись съ женой? Наконецъ, зачѣмъ Андрей выпроводилъ свою барыню изъ дома одну, одѣтую въ салопъ ея горничной, съ сухарницей въ рукахъ? Почему Лизѣ нельзя было оставаться въ домѣ, гдѣ вышла какая-то исторія?

Все это было темно и неясно.

Чѣмъ далѣе слушалъ князь Юлій Петровичъ, тѣмъ болѣе какое-то грустное предчувствіе прокрадывалось въ его душу. Но онъ старался казаться спокойнымъ, чтобъ не напугать еще болѣе и безъ того уже сильно-встревоженную Лизу.

— Полно, душа моя! сказалъ онъ ей, когда она замолчала:— будь благоразумна. О чемъ ты такъ разрываешься? Мужъ твой, вѣрно, скоро пріѣдетъ. А что въ домѣ, гдѣ ты живешь, случилось что-то непріятное—тебѣ тревожиться нѐчего. Андрей сдѣлалъ очень-благоразумно, что отправилъ тебя къ намъ. Будь же спокойна, ступай къ тёткамъ и жди меня. Я сейчасъ поѣду къ тебѣ и все узнаю. Да одѣнь ее скорѣй, Соня! Я на нее глядѣть не могу, прибавилъ князь обращаясь къ женѣ и отвернулся, чтобъ Лиза не замѣтила слезъ, которыя показались у него на глазахъ. Софья Ѳедоровна и Лиза ушли наверхъ, а князь одѣлся и уѣхалъ.

Страшно испугались дѣвицы Рудины и Глафира Петровна, когда вошла заплаканная, почти неодѣтая, Лиза.

Всѣ онѣ бросились обнимать ее, всѣ плакали, сами не зная отчего, но ни у кого не хватало духу спросить, что случилось.

Софья Ѳедоровна поняла сестеръ и въ краткихъ словахъ разсказала имъ, что слышала отъ племянницы.

Съ Лизы сняли платокъ. Дѣвицы áхнули, когда увидѣли, что она была безъ чулокъ, въ однѣхъ туфляхъ. Лиза очень озябла: время было холодное—ее продуло. Всѣ засуетились, позвали дѣвушку; сейчасъ явилось бѣлье и платье. Пашенька нагрѣла одеколону и сама, несмотря на сопротивленіе Лизы, начала тереть ей ноги. Скоро Лиза была одѣта, и тётки пристали къ ней, чтобъ она непремѣнно выпила чаю; уложили ее насильно въ

постель и, усѣвшись вокругъ нея, наперерывъ старались утѣшить ее, сказать ей доброе, теплое слово.

Князь Юлій Петровичъ, между-тѣмъ, прискакавъ на Мильйонную, вошелъ въ квартиру Китина. Караулъ былъ еще не снятъ: всѣ вещи Китина и Лизы были опечатаны.

Старикъ Андрей встрѣтилъ его, опустивъ голову, какъ приговоренный къ смерти.

— Что̀ здѣсь случилось? спросилъ у него князь.

— Батюшка, ваше сіятельство, лучше бы я, окаянный, нѣмой родился, чѣмъ мнѣ вамъ выговорить.

— Да что̀ такое? говори!

— Ваше сіятельство, у насъ бѣда... Нашъ Николай Иванычъ... Ахъ! ты Господи... да мнѣ и не выговорить.

— Говори, ради Бога! ты меня пугаешь. Что съ нимъ?

— Не мнѣ, батюшка, объ этомъ вамъ докладывать.

— Какъ не тебѣ? Я тебя не понимаю.

— Батюшка, ваше сіятельство, не спрашивайте вы меня ради Господа. Не мнѣ первому вамъ про моего барина такія слова страшныя говорить: у меня и языкъ не повернется. Богомъ васъ прошу, поѣзжайте въ ордонанс-гаузъ: тамъ вамъ все разскажутъ, а меня не невольте. Таково-то мнѣ теперь сладко, ваше сіятельство, что лучше бы мнѣ живому въ могилу лечь.

Какъ ни бился князь, какъ ни упрашивалъ Андрея, старикъ не сказалъ ему больше ни слова. Нечего было дѣлать, князь рѣшился ѣхать къ плац-адъютанту.

Когда Юлій Петровичъ надѣвалъ шинель, чтобъ уѣхать, Андрей сказалъ ему:

— Батюшка, ваше сіятельство, не извольте на меня гнѣваться, что я посмѣлъ васъ ослушаться и не отвѣтилъ вамъ... Какъ все узнаете, такъ вы простите меня, стараго. Видитъ Богъ, мнѣ не жаль Николая Иваныча: оторвалось у меня все къ нему на сердцѣ. Много душъ праведныхъ онъ загубитъ—ихъ мнѣ жаль. А все-таки онъ баринъ мой; я его няньчилъ, холилъ... и во всю жизнь мнѣ про него не выговорить слова такого нестоющаго, сказалъ Андрей и, махнувъ рукой, пошелъ къ себѣ въ комнату.

Растроганный князь уѣхалъ въ ордонанс-гаузъ.

Тамъ онъ узналъ все, о чемъ такъ упорно молчалъ Андрей.

Вотъ въ чемъ было дѣло:

Китинъ былъ не адъютантъ, а армейскій драгунскій офицеръ, уволенный въ Петербургъ въ отпускъ на двадцать-восемь дней,

для свиданія съ родными. По истеченіи этого срока, онъ написалъ самъ себѣ фальшивую отсрочку и подписался подъ руку своего полковаго командира. По истеченіи этого втораго срока, онъ откланялся начальству и сказалъ, что уѣзжаетъ въ полкъ. Но въ полкъ онъ не поѣхалъ, а остался въ Петербургѣ, два раза мѣнялъ мундиры и дѣлалъ себѣ нужныя для прожитія на квартирѣ виды и бумаги.

Между-тѣмъ, ѣхавшему изъ того же полка въ Петербургъ по дѣламъ казначею было поручено развѣдать, гдѣ находится поручикъ Китинъ, о чемъ казначей, по пріѣздѣ своемъ въ столицу, и увѣдомилъ начальство.

Въ день Александра Невскаго этотъ же казначей наткнулся нечаянно на Китина, одѣтаго въ адъютантскій мундиръ. Когда казначей назвалъ его по имени, Китинъ представился, что видитъ его въ первый разъ. Казначей донесъ объ этомъ начальству, и тотчасъ же приказано было сдѣлать строгій розыскъ и найти Китина. Но нашли только его квартиру, которую описали; самъ Китинъ, по показанію людей, въ одной шинели, съ портфелемъ вышелъ изъ дома и послалъ женѣ письмо, въ которомъ было сказано, что онъ ѣдетъ въ Ямбургъ. Всѣ бумаги Китина были осмотрѣны, но въ нихъ касающагося до дѣла ничего не нашлось. Дальнѣйшія распоряженія начальства не были еще извѣстны.

Вотъ что̀ разсказалъ князю Юлію Петровичу плац-адъютантъ о дѣлѣ Китина.

XXXII.

Въ первый разъ въ жизни князь Юлій Петровичъ неохотно возвращался домой: сердце его замирало при одной мысли о несчастной Лизѣ.

Не доѣзжая до дома, онъ приказалъ кучеру остановиться, чтобъ шумомъ дрожекъ не привлечь вниманія Лизы, прошелъ пѣшкомъ черезъ дворъ и по заднему ходу войдя въ квартиру, велѣлъ сейчасъ же вызвать къ себѣ потихоньку Софью Ѳедоровну, которая все еще была наверху съ Лизой.

Княгиня сейчасъ же сошла внизъ. Страшно испугалась она, когда Юлій Петровичъ разсказалъ ей все.

Долго совѣтовались они, ка́къ имъ поступить, что̀ сказать бѣдной Лизѣ, которая ждала дядю съ нетерпѣніемъ.

— Воля твоя, Соня, не лучше ли скрыть отъ Лизы поступокъ ея мужа? сказалъ Юлій Петровичъ: — она теперь и безъ того растерзана.

— Нѣтъ, Юлій, послушай меня: я не менѣе тебя люблю Лизу и именно потому, что люблю ее много, прошу тебя не скрывать ничего. Положимъ, мы скроемъ, обманемъ ее; но что изъ этого выйдетъ? Она успокоится, станетъ опять весела—да на долго ли? Рано или поздно, ей надо будетъ сказать правду— и тогда опять новое горе, новыя терзанія! Повѣрь, что человѣку веселому, спокойному, гораздо-труднѣе перенести душевный ударъ, чѣмъ человѣку, измученному огорченіемъ. Горе съ горемъ сливается гораздо-легче, чѣмъ счастіе съ горемъ. И если мы сдѣлаемъ такъ, какъ ты говоришь, тогда за Лизу надо будетъ опасаться больше, чѣмъ теперь.

— Можетъ-быть, ты и права, Соня; но мнѣ страшно, воля твоя.

— Повѣрь мнѣ, Юлій, у меня чутьё женское. Я бы не говорила такъ, еслибъ не видѣла примѣра. Когда я была дѣвушкой, у покойницы-матушки умерла любимая сестра. Матушка страшно огорчилась. Въ то же самое время мы получили письмо, что братъ мой, который служилъ на Кавказѣ, умеръ чахоткой. Посовѣтовавшись между собою, мы рѣшились сказать матушкѣ, что сынъ ея умеръ. И какъ бы ты думалъ? Матушка, которая всѣхъ насъ обожала, перенесла это ужасное горе гораздо-покойнѣе, чѣмъ мы предполагали. А отчего? оттого только, что у нея прежде душа сильно наболѣла.

— Ну, Соня, дѣлай, какъ знаешь: только я не въ силахъ высказать Лизѣ всю правду.

— Я скажу, Юлій. Ты думаешь, что меня не станетъ на это, потому-что я обыкновенно робка и боязлива—не бойся за меня: у такихъ характеровъ, какъ мой, энергія является именно въ ту минуту, когда она нужна. Да́, я скажу Лизѣ все, и скажу съ убѣжденіемъ. Трудно мнѣ, больно, но я это сдѣлаю.

— Благодарю тебя, Соня, сказалъ князь Юлій Петровичъ, крѣпко пожавъ руку женѣ.

— Иди въ свой кабинетъ, будь спокоенъ: ты увидишь, что я не ошибаюсь.

Твердо вошла княгиня Софья Ѳедоровна въ комнату дѣвицъ.

— Что́? дяденька не вернулся, тёточка? спросила сейчасъ же Лиза.

— Пріѣхалъ, душа моя.

— Что̀ же у насъ въ домѣ?

— Очень-нехорошо, Лиза. Хочешь знать всю правду?

— Да, тёточка, едва выговорила Лиза, блѣднѣя.

— Слушай же Лиза, и будь тверда, продолжала княгиня Софья Ѳедоровна и разсказала спокойно и подробно Лизѣ все, что̀ сдѣлалъ ея мужъ.

Лиза съ первыхъ словъ какъ-то сжалась; сердце ея не билось; она молчала и не прерывала тётку ни однимъ словомъ. Ни крику, ни слезъ не было; глаза ея были сухи; она слушала, но на лицѣ ея это не было замѣтно. Какъ мраморная статуя сидѣла она передъ тёткой, и не шевельнулась, когда Софья Ѳедоровна кончила.

— Другъ мой, Лиза, что̀ жь ты молчишь? сказала опять княгиня, начиная уже терять присутствіе духа.

Лиза все молчала.

— Опомнись, Лиза, плачь! приставала Софья Ѳедоровна.

Лиза не плакала и молчала.

— Лиза, мужъ твой виноватъ; но на всякую вину есть и милость.

Лиза все молчала.

— Вѣдь ты любишь мужа? вдругъ спросила Софья Ѳедоровна, хватая Лизу за холодныя руки.

— Люблю! вскрикнула Лиза.

И обѣ женщины, рыдая, бросились другъ къ другу.

— Ты любишь его? продолжала княгиня:—ты любишь? Такъ что̀ жь тебѣ его проступокъ? Онъ молодъ, заблудился; ты простишь его; еслибъ онъ былъ разбойникъ, ты и тогда бы любила его?

— Да̀, да̀, тётенька, разбойникъ, даже убійца... онъ мнѣ все будетъ милъ, и я буду любить, всегда любить его! говорила Лиза, крѣпко цалуя тётку.

Дѣвицы Рудины и Глафира Петровна—всѣ по разнымъ угламъ, заливались горькими слезами.

Женское утѣшеніе Софьи Ѳедоровны сильно подѣйствовало на больное сердце Лизы. Она покорилась кротко своему горю и рѣшилась терпѣть, терпѣть до конца. Впереди ее ожидало счастіе—она вѣрила тому всей силой души, молилась за мужа, ждала его, полная надежды на будущее.

Все простила она Китину, и даже, по молодости и неопытно-

сти, не видѣла въ его проступкѣ большой вины. «Коля не сдѣлалъ никому вреда» думала она: «онъ погубилъ только себя одного, и его надо жалѣть, а не обвинять». Ей и въ голову не приходило, что мужъ ея былъ безчестный человѣкъ. Все приписывала она одной вѣтрености и необдуманности, въ чемъ и не разувѣряли ее родные. Одна мысль мучила Лизу больше всего: это было недовѣріе къ ней, скрытность ея мужа. «Давно ли?» вспомнила Лиза: «когда Коля былъ женихомъ моимъ, онъ спросилъ меня, готова ли я сдѣлать для него жертву. Тогда я не поняла его, а одна только любовь заставила меня отвѣтить, что съ нимъ мнѣ ничто не жертва. Тогда онъ одинъ зналъ, какой жертвы отъ меня требовалъ. Теперь и я знаю все, и опять-таки говорю: «Коля, для тебя мнѣ ничто не жертва». Богъ слышитъ меня, Богъ видитъ, какъ я готова на все. А Коля забылъ мои слова, усомнился во мнѣ. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Можетъ-быть, съ нимъ бы не случилось такого несчастья, какъ теперь.»

Но и на это Лиза нашла извиненіе: Китинъ не открылся ей во всемъ только потому, что любилъ ее слишкомъ-много и не имѣлъ духу огорчить жену.

И Китинъ прощенъ былъ безусловно.

Лиза забыла себя и начала заботиться только о немъ. Подробно разспросила она дядю о наказаніи, которое ожидало ея мужа за его вину. Князь Юлій Петровичъ не скрылъ отъ нея, что Китинъ будетъ, по-крайней-мѣрѣ, разжалованъ въ солдаты.

Въ первую минуту Лиза пришла въ отчаяніе—не за себя, не изъ гордости испугалась она: ей стало страшно за мужа; ее пугала предстоящая ему трудная служба.

Но князь Юлій Петровичъ утѣшилъ ее, говоря, что съ людьми, попавшимися въ несчастье, начальство обыкновенно поступаетъ милостиво и что имъ даютъ всевозможныя льготы.

— Если такъ, я не боюсь: я буду солдатка—я буду съ Колей. У меня есть деньги: онъ никогда не будетъ нуждаться. Гдѣ бы мы ни были, я съумѣю окружить его всѣмъ, что онъ любитъ, и заставлю его забыть наше несчастье. Я докажу ему, что для него нѣтъ жертвы, нѣтъ лишенія, котораго я бы не перенесла съ радостью на сердцѣ. Я докажу ему, что съ нимъ мнѣ будетъ хорошо вездѣ, куда бы ни забросила насъ судьба.

Одно терзало Лизу больше всего — разлука. Она думала, что мужъ въ Ямбургѣ, и ждала его съ часу на часъ.

Мысль о побѣгѣ мужа не приходила ей въ голову. Князь Юлій

Петровичъ предупредилъ ее, что Китинъ, по возвращеніи въ Петербургъ, будетъ содержаться до окончанія дѣла.

Лиза и тутъ нашла утѣшеніе въ своей молодой душѣ. Она рѣшила, что пойдетъ за мужемъ въ тюрьму, куда бы его ни посадили, сократитъ ему тяжелое время заточенія своею любовью и веселостью, которую онъ такъ любитъ въ ней... И она молилась горячо только о томъ, чтобъ Богъ соединилъ ихъ, чтобъ поскорѣй кончились терзанія ея мужа...

Дѣло Китина, между-тѣмъ, приняло дальнѣйшій ходъ. Разосланы были курьеры, чтобъ отъискать его; одинъ изъ нихъ былъ посланъ въ Ямбургъ съ предписаніемъ отцу Китина, выдать сына, если онъ находится у него; велѣно было также отобрать у него показанія, если онъ знаетъ, куда скрылся сынъ.

XXXIII.

Громовымъ ударомъ упало это извѣстіе на мирный, сѣрый домикъ стариковъ Китиныхъ. По обыкновенію, сидѣли они въ своей маленькой залѣ другъ противъ друга, у окна, и раскладывали вдвоемъ гран-пасьянсъ, какъ вдругъ подлетѣла къ дому фельдъегерская тройка. Анна Павловна ахнула и хотѣла вскочить.

— Чего ты, Анна, все пугаешься? Сиди... Развѣ не видишь, что это фельдъегерь по ошибкѣ у нашего дома остановился? сказалъ Иванъ Степановичъ, спокойно продолжая раскладывать карты:—ну, клади короля-то...

— А если къ намъ, Иванъ Степанычъ? спросила Анна Павловна, блѣднѣя.

— Ну, да, да, за мной пріѣхали: я государственный преступникъ, улыбаясь страшнымъ голосомъ проговорилъ старикъ Китинъ и положилъ туза на двойку.

Вдругъ въ дверяхъ, безъ доклада, показался фельдъегерь.

Анна Павловна обмерла отъ испуга.

Иванъ Степановичъ не успѣлъ еще отодвинуть стула и встать, какъ фельдъегерь подошелъ къ столу, протянулъ Ивану Степановичу бумагу и, не обращая вниманія на Анну Павловну, громко и отчетисто высказалъ возложенное на него порученіе—арестовать поручика Китина.

Анна Павловна покатилась со стула.

— Милостивый государь, я также былъ фельдъегеремъ, какъ

вы, но я имѣлъ состраданіе къ женамъ и матерямъ несчастныхъ, которыхъ мнѣ доводилось брать, сказалъ Иванъ Степановичъ, страшно взглянувъ на фельдъегеря, поднялъ жену и понесъ ее въ спальню. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся опять въ залу и спросилъ причину ареста сына. Выслушавъ все до конца, Иванъ Степановичъ холодно сказалъ:

— Поручика Китина нѣтъ въ моемъ домѣ. Еслибъ онъ былъ здѣсь, то онъ былъ бы уже въ вашихъ рукахъ. Гдѣ онъ—я не знаю; но даю вамъ честное слово, что если онъ явится въ мой домъ, то я представлю его начальству.

Иванъ Степановичъ поклонился и вышелъ.

Между-тѣмъ Анну Павловну оттирали женщины; войдя опять въ спальню, Иванъ Степановичъ началъ помогать имъ.

Анна Павловна нѣсколько разъ приходила въ себя, но, взглянувъ на мужа, опять теряла чувство.

— Я выйду... Аннѣ при мнѣ трудно, сказалъ Иванъ Степановичъ, вышелъ въ залу и началъ ходить большими шагами.

Анну Павловну оттерли еще разъ, но она была уже безъ памяти и никого не узнавала.

Одна изъ дѣвушекъ выбѣжала сказать объ этомъ Ивану Степановичу.

— Это милость Божія, Анну Богъ любитъ, сказалъ старикъ Китинъ и перекрестился. А когда дѣвушка начала приставать къ нему, чтобъ онъ послалъ скорѣй за докторомъ, онъ сказалъ: «Ненадо!...» и опять сталъ ходить по залѣ.

Недолго боролась съ болѣзнью Анна Павловна.

Ровно чрезъ недѣлю, рано утромъ изъ сѣраго домика, мужики вынесли малиновый бархатный гробъ и повернули по дорогѣ къ сосѣднему селу. За гробомъ бодро шелъ Иванъ Степановичъ; возлѣ него, въ прискачку, бѣжала заплаканная Палаша, покрытая чернымъ платкомъ. Немного поодаль съ громкимъ воемъ тянулась дворня и мужики покойной Анны Павловны... Возвратившись съ кладбища, Иванъ Степановичъ опять сѣлъ у окошка... но одинъ; а въ уголку, прижавшись къ печкѣ, тихо всхлипывала Палаша.

Чрезъ нѣсколько дней, поздно вечеромъ, одинъ въ потьмахъ ходилъ Иванъ Степановичъ по залѣ. Вдругъ дверь скрипнула, и кто-то бросился ему въ ноги.

— Кто это? спросилъ, вздрогнувъ, Иванъ Степановичъ.

Ему не отвѣчали.

— Огня!... крикнулъ Иванъ Степановичъ.

Дѣвушка внесла свѣчку. Николай Ивановичъ Китинъ въ мужицкомъ кафтанѣ лежалъ у ногъ отца.

Старикъ отступилъ на нѣсколько шаговъ. Сынъ подползъ за нимъ и обхватилъ его ноги.

— Батюшка, батюшка, простите! простите вашего несчастнаго сына!

— Встаньте, поручикъ! сказалъ повелительно Иванъ Степановичъ, не поднимая сына.

— Батюшка, батюшка, простите! твердилъ Китинъ.

— Здѣсь нѣтъ ни отца, ни сына, поручикъ... Здѣсь — преступникъ и фельдъегерь... фельдъегерь, который повезетъ васъ сейчасъ же въ Петербургъ и сдастъ начальству... Встаньте, поручикъ: я долженъ позвать людей. Въ память моей покойной жены я не хочу, чтобъ васъ видѣли въ ея домѣ въ такомъ униженіи.

Китинъ вскочилъ на ноги.

— Человѣкъ!... дѣвки!... Кто тамъ?... крикнулъ Иванъ Степановичъ.

Вошелъ мальчишка.

— Бѣги къ старостѣ, скажи ему, чтобъ сейчасъ же была здѣсь телега тройкой.

Мальчишка вышелъ.

Китинъ стоялъ блѣдный, слабый, уничтоженный; нѣсколько разъ порывался онъ сказать что-то, но языкъ его не поворачивался.

— Слушайте меня, поручикъ! началъ опять холодно Иванъ Степановичъ: — хозяинъ этого имѣнія—вы. Я здѣсь только до шести недѣль. Теперь вы не будете имѣть права владѣть крестьянами. Это имѣнье, равно какъ и все движимое, будетъ продано, и деньги всѣ сполна будутъ пересланы вамъ. Изъ всего, что имѣла моя покойная жена, я беру себѣ только дѣвочку Палашу да обручальное кольцо и крестъ, въ которомъ она скончалась... За Палашу и эти двѣ вещи вамъ будутъ выданы деньги. Насчетъ Андрея Потапова скажите мнѣ вашу волю: продать ли его съ имѣніемъ, къ которому онъ приписанъ, или выдать ему вольную?

— Вольную, батюшка... едва слышно проговорилъ Китинъ.

— Потрудитесь же мнѣ написать довѣренность на продажу имѣнья, равно какъ и на отпускную Андрея. Я вамъ принесу листъ гербовой бумаги.

Старикъ ушелъ и скоро воротился съ листомъ, чернильницею и перомъ.

Китинъ сѣлъ и началъ писать. Когда онъ кончилъ, старикъ взялъ бумагу и сказалъ:

— Хорошо... Теперь не угодно ли вамъ взять себѣ что-нибудь на память послѣ Анны Павловны? Хотя бы по обычаю и нельзя было трогать вещей покойницы до шести недѣль; но теперешнія обстоятельства извинятъ меня. Пойдемте.

Иванъ Степановичъ взялъ со стола свѣчу и пошелъ впередъ. Китинъ, какъ автоматъ, шелъ за нимъ.

— Вотъ ключи, сказалъ Иванъ Степановичъ, подалъ Китину связку и вышелъ въ залу.

Китинъ остался одинъ въ спальнѣ матери. Тускло горѣла сальная, тонкая свѣча, да у образовъ теплился огонёкъ лампады.

Китинъ дико сталъ оглядывать спальню, какъ-будто онъ вошелъ въ нее въ первый разъ, а въ ней все было попрежнему: на окнѣ тѣ же герани и волькомеріи, та же клѣтка съ старой канарейкой, тотъ же стулъ у окна, тотъ же столъ, и на немъ та же мотовилка съ натянутою еще бумагою, та же двухспальняя древняя кровать, но на ней, вмѣсто четырехъ подушекъ, лежало только двѣ...

Ключи выпали изъ рукъ Китина; онъ кинулся на эту кровать и, рыдая какъ ребенокъ, прижался губами къ одѣялу, сшитому покойницей Анной Павловной изъ маленькихъ лоскутковъ, на которомъ игралъ онъ еще въ дѣтствѣ...

Долго лежалъ онъ ничкомъ въ какомъ-то тупомъ отчаяніи, безъ мысли, безъ сознанія, а слезы все лились и лились на одѣяло матери...

— Выбрали вы?... вдругъ раздался въ дверяхъ голосъ Ивана Степановича:— тройка готова...

— Выбралъ, батюшка, сказалъ, опомнившись и вскочивъ, Китинъ:—позвольте мнѣ взять это одѣяло...

— Возьмите, сказалъ Иванъ Степановичъ, отвернувшись — и двѣ крупныя слезы покатились по лицу его.

Молча вышли они на дворъ, молча сѣли въ телегу и молча пріѣзжали со станціи на станцію... молча доѣхали до Петербурга и молча разстались въ ордонанс-гаузѣ...

ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

РОМАНЪ.

Часть вторая и послѣдняя.

I.

Китинъ, служа въ армейскомъ драгунскомъ полку, за своезнаніе дѣла, расторопность и красивую наружность, считался однимъ изъ лучшихъ офицеровъ. Прежде онъ былъ совершенно-доволенъ своей судьбой и не желалъ ничего лучшаго. Неожиданно въ ихъ полкъ былъ переведенъ изъ гвардіи молодой повѣса, ловкій, разбитной гуляка и игрокъ. Съ перваго свиданія съ офицерами онъ обворожилъ ихъ своей любезностью, разгуломъ и разсказами о Петербургѣ. Больше всѣхъ привязался къ нему пылкій Китинъ. Скоро они были неразлучны. За разсказами пошли попойки, за попойками карты и женщины. Китинъ скоро выучился отъ своего новаго ментора пить и не пьянѣть, играть и не проигрываться, не любить и влюблять въ себя.

На холостыхъ пирушкахъ Китинъ пилъ больше всѣхъ, вставалъ изъ-за зеленаго стола послѣдній; на губернскихъ собраньяхъ выходилъ тогда, когда ламповщикъ начиналъ махать грязнымъ полотенцемъ надъ лампами.

Начальство любило Китина какъ хорошаго офицера, товарищи—какъ лихаго малаго и гуляку, губернскія старушки—какъ угодливаго молодаго человѣка, барышни—какъ любезника, неутомимаго танцора и красавчика. Барыни неизвѣстно за что любили, а любили. И весь городъ любилъ Китина; а самъ онъ сталъ скоро не любить никого и ничего. Товарищи казались ему обло-

мами, выигрышъ—малъ старухи несносны, балы скучны, барышни глупы, вино гадко, барыни надоѣдливы. Въ то самое время заегозилъ онъ, по словамъ Потапыча, въ Петербургъ, въ отпускъ, выманилъ у матери денегъ и уѣхалъ.

Но онъ ошибся въ разсчетѣ: все, о чемъ онъ мечталъ, на что надѣялся въ Петербургѣ, давалось туго и трудно. Молодые люди, съ которыми онъ познакомился, были всѣ себѣ-на-умѣ; роли передъ ними никакой онъ не могъ играть. Карты везли и нѣтъ. На петербургскихъ женщинъ, съ которыми встрѣчался въ обществахъ, онъ не производилъ того же эффекта, какъ въ провинціи, да и отецъ его, жившій еще тогда въ Петербургѣ, какъ-то вообще мѣшалъ ему распустить крылья. Все дѣлалъ онъ оглядываясь и потихоньку.

На зло всѣмъ этимъ неудачамъ и препятствіямъ, жажда Китина къ удовольствіямъ петербургской жизни росла не по днямъ, а по часамъ. Срокъ отпуска, между-тѣмъ, прошелъ. Что дѣлать? Писать въ полкъ? отпустятъ либо нѣтъ. И, недолго думая, Китинъ, написалъ самъ-себѣ по формѣ отсрочку, подмахнулъ подъ руку своего полковаго командира, представилъ ее куда слѣдовало, сказалъ отцу, что получилъ отсрочку, и зажилъ снова, спустя рукава, въ Петербургѣ.

Въ это время, сидя разъ въ креслѣ, въ театрѣ, съ однимъ изъ своихъ новыхъ друзей, глазѣя кругомъ, онъ замѣтилъ въ одной изъ ложъ перваго яруса хорошенькую женскую головку.

— Посмотри, какая прелесть дѣвушка! сказалъ онъ, толкая локтемъ молодаго человѣка.

— Гдѣ?

— Въ первомъ ярусѣ, третья ложа справа.

— А! эта... Я ее знаю. Да, она прехорошенькая.

— Кто она?

— Это княжна Година.

— Ты съ ней знакомъ?

— Нѣтъ; но я видаю ее каждое воскресенье у обѣдни въ Казанской, съ ея бабушкой. А знаешь ли, что лучше всего въ этой княжнѣ?

— А что?

— У нея, говорятъ, сто тысячъ.

Разговоръ на этомъ остановился, а между-тѣмъ Китину вдругъ пришла мысль поправиться свадьбой и разомъ попасть въ же-

данную колею жизни пріятной и богатой. Задумано — сдѣлано. Въ слѣдующее же воскресенье Китинъ былъ въ Казанской.

Вотъ откуда завязалась перестрѣлка глазъ, записочки, знакомство, мундиры и, наконецъ, свадьба. Женившись не по любви, Китинъ началъ кутить съ первыхъ дней и бѣгать отъ жены, отговариваясь какими-то мнимыми дѣлами. Обманывать наивную Лизу не было ничего легче: она любила горячо и вѣрила мужу безгранично. Мужъ пользовался этимъ и шелъ все дальше-и-дальше. Правда, что среди этой вѣтряной жизни на Китина вдругъ находили минуты, когда онъ оглядывался назадъ и заглядывалъ въ будущее — и невыразимая тоска и страхъ сковывали его всего.

Но это было ненадолго: онъ снова закручивался и затягивался далѣе-и-далѣе. Одно нечистое дѣло вело за собой другое. Опомнился онъ настоящимъ образомъ тогда, когда было уже поздно, именно, когда на паперти въ Казанской неумолимая судьба поставила его лицомъ-къ-лицу съ казначеемъ его прежняго полка. Тутъ онъ понялъ, что всѣ продѣлки его должны кончиться дурно. Вообразивъ, что побѣгъ можетъ спасти его, онъ тотчасъ же на него рѣшился. Догнавъ жену, которую оттерла толпа, онъ довелъ ее до бабушки. Въ эту минуту въ первый разъ зародилось въ немъ неподдѣльное, теплое чувство къ Лизѣ: ему стало жаль ее. Въ первый разъ, онъ чисто и свято поцаловалъ ее. Но когда? тогда-какъ счастье для нихъ обоихъ закатывалось и, можетъ-быть, навсегда.

Разставшись съ Лизой, онъ прискакалъ домой, вошелъ въ свой кабинетъ, заперъ за собой дверь на ключъ, подошелъ къ письменному столу, открылъ ящикъ и началъ проворно рыться въ немъ, откладывая какія-то бумаги въ сторону. Вдругъ попался ему печатный листъ: это была его старая подорожная. Онъ сейчасъ же сѣлъ, выскоблилъ въ ней все написанное перомъ и твердой рукой вписалъ то, что ему было надо. Подорожная явилась въ совершенно-новомъ видѣ. Вмѣсто поручика Китина, уволеннаго въ отпускъ въ Петербургъ, стоядо: «адъютанту Ремневу, по казенной надобности, въ Ригу» и проч. Форма вся была соблюдена и подскобка непримѣтна. Китинъ проворно положилъ подорожную въ портфёль, изорвалъ отобранныя имъ бумаги въ мелкіе лоскутки и засунулъ ихъ далеко въ печь, потомъ написалъ записку Лизѣ, положилъ нѣсколько пачекъ ассигнацій въ карманъ, вышелъ въ переднюю, отдалъ записку Андрею съ приказаніемъ, отнести ее къ барынѣ, и на извощикѣ отправился прямо въ

Ямскую; тамъ нанялъ онъ себѣ почтовую тройку и поскакалъ по нарвской дорогѣ.

До Риги Китинъ добрался благополучно. Помѣстившись въ маленькой комнаткѣ, у вдовы-мѣщанки, на московскомъ форштатѣ, жилъ пока смирно и спокойно, пріискивая удобнаго случая бѣжать за границу. И бѣжалъ бы непремѣнно, еслибъ неожиданное обстоятельство не заставило его выбраться и изъ Риги. Разъ, сидя у себя въ комнатѣ, онъ услышалъ за тонкой перегородкой, которая отдѣляла его отъ кануры хозяйки, сперва чмоканье, а потомъ слѣдующій разговоръ:

— Здравствуйте, кумушка, милости просимъ, послышался писклывый голосъ хозяйки.

— Здравствуй, мать моя, какъ поживаешь? отозвался рѣзкій, писклывый голосъ гостьи.

— Помаленьку-съ. Что̀ это вы, кумушка, у насъ давненько не бывали? Загордились...

— Что̀ за гордость, мать моя! Занята все была. На генерала стирку беру. Надо хлѣбъ добывать да и горяченькаго хочется. Мой-то получаетъ красненькую въ мѣсяцъ; что̀ ему это? глотнуть только. Какъ получитъ и налопается, да и валяется, какъ свинья, прости Господи! А проспится, за меня же хватается. «Подавай, гдѣ хошь бери» — вотъ моя доля-то какая! Тутъ въ гости-то ходить нѐкогда. А всѣ завидуютъ. Говорятъ: модница, франтиха Василиса Васильевна, а того не знаютъ, что у Василисы-то Васильевны вонъ мозоли какіе на рукахъ натерты. Все мужу приписываютъ, говорятъ: «вонъ, какъ жену водитъ». А того опять-таки не знаютъ, что я его кормлю, а онъ только стекло чиститъ... Нѣтъ, мать моя, гости на умъ и нейдутъ, вотъ оно что̀, а не гордость. Вотъ, какъ можно, такъ урвалась на тебя да на крестника посмотрѣть. Гдѣ онъ?

— Да въ училищѣ, кумушка; вѣдь сегодня будни. Учится, мой батюшка, да какой же онъ умный! Такой ему Господь талантъ послалъ, не повѣрите. Въ училищѣ, куда его отдалъ крестный тятенька, ротный, онъ первый. Ужь такъ меня утѣшаетъ, говоритъ: «маменька, я скрозь все знаю»... Такой, право, умный! *Ашетрію, манетрію* какую-то прошелъ. «Теперь» говоритъ «маменька, *фицъ-подъфискалъ* учу»... (*). Ужь и Богъ-знаетъ, что̀ это такое, а онъ учитъ.

(*) Вѣроятно, стереометрію, планиметрію, дифференціалъ и интегралъ.

— Я знаю, это хорошее... значительно сказала прачка.

— А художества за нимъ, за моимъ батюшкой, никакого нѣтъ, вотъ передъ Богомъ.

— Это хорошо; человѣкъ будетъ; а одной учености-то мало. Вонъ, мой-то ужь какъ пишетъ! первымъ писаремъ во всемъ зàмкѣ считается, а безъ нравствія человѣкъ—чтò въ немъ?... И весь-то плевка не стóитъ! сказала, плюнувъ, прачка-писарша.

— Истинно, матушка, истинно! проговорила печально хозяйка.

— Да ныньче и весь народъ-то такой. Только и слышишь, что разные пассажи. Вотъ и вчера въ зàмокъ фельдъегеръ пріѣхалъ. Мой-то тверёзъ былъ, такъ разсказывалъ: приказано, вишь ты, схватить молодчика... армейскаго офицеришку.

— За чтò жь, кумушка?

— Да ты слушай, дерзость-то какая, непомѣрная... вѣрно объ двухъ головахъ. Мой-то говоритъ, что офицеришко, мало того, что бѣглый изъ полка, а еще бумаги фальшивыя дѣлалъ, гвардейцами да адъютантами разными наряжался. Слышь ты, армейщина-то?...

— Ахъ, мать пресвятая Богородица! Да чтó жь съ нимъ за это будетъ?

— Извѣстно чтò. Сошлютъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Да по-дѣломъ вору и мýка.

— И точно, что подѣлóмъ. А по фамильи-то какъ его? Вы не знаете?

— Какъ не знать. Мой-то сказывалъ... постой... какъ бишь его?... Такъ, вѣдь, на умѣ и вертится... дай Богъ память. Ахъ, ты, Господи! Еще рыба такая большая есть.

— Щукинъ, что ли?

— Постой, постой, не мѣшай!... Китъ рыба зовется, Кит... Китинымъ зовутъ соколика.

Въ ту жь ночь Китина не было въ Ригѣ. Переодѣтый мужикомъ, вышелъ онъ изъ города съ тою мыслью, чтобъ добраться до деревни матери, признаться ей во всемъ и умолить ее скрыть у себя до-тѣхъ-поръ, пока онъ найдетъ случай перебраться за границу.

Но когда Китинъ дотащился до усадьбы старушки и вошелъ въ первую крестьянскую избу съ тѣмъ, чтобъ послать вызвать къ себѣ, потихоньку отъ отца, Анну Павловну, ему сказали, что барыню испугалъ какой-то офицеръ, который пріѣзжалъ на тройкѣ, и что она ужь недѣлю, какъ приказала долго жить и схоро-

нена на погостѣ... Все понялъ Китинъ. Страшно поразила его эта вѣсть. Полный раскаянья, забывъ себя, свое безвыходное положіе, онъ бросился къ отцу, съ одной мыслью вымолить въ ногахъ его прощеніе и раздѣлить общее ихъ горе. Но жосткій пріемъ Ивана Степановича уничтожилъ его совершенно. Онъ понялъ, что въ уязвленномъ сердцѣ отца нѣтъ больше для него ни любви, ни состраданья, ни прощенья. А бороться съ непреклонною желѣзною волею Ивана Степановича у него не было силы. Онъ онѣмѣлъ и уничтожился совершенно. Иванъ Степановичъ, съ своей стороны, съ непоколебимыми понятіями о чести, о службѣ, не могъ никогда допустить въ своемъ сынѣ никакого чернаго дѣла. И вдругъ ему суждено было сознаться, что единственный, глубоколюбимый имъ сынъ — преступникъ. Страшная борьба и ломка произошли въ твердой душѣ старика. Боролся онъ съ отцовскою любовью къ нему и съ святой, просто имъ понимаемою честью. Одно, или другое, сросшееся съ нимъ чувство, онъ долженъ былъ вырвать съ корнемъ вонъ изъ сердца. Когда Китинъ бросился къ отцу въ ноги, у Ивана Степановича сына уже не было—оставалась одна честь. Передъ нимъ лежалъ преступникъ и убійца его дорогой Анны Павловны.

II.

Проѣхавъ всю дорогу до Петербурга совершеннымъ истуканомъ, безъ мысли, безъ воли, безъ сознанья, разставшись съ отцомъ въ ордонанс-гаузѣ безъ сожалѣнія, Китинъ очнулся тогда только, когда привезли его на гауптвахту и оставили одного въ особой комнатѣ. Тутъ онъ опомнился, и имъ вдругъ овладѣло отчаянье и какая-то безплодная ярость. Онъ катался по дивану, рвалъ на себѣ волосы и рыдалъ, какъ ребенокъ. Свиданье съ женой терзало его всего болѣе. При одной мысли объ этомъ, онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Каждый шорохъ, каждый шагъ по корридору приводилъ его въ ужасъ. Онъ боялся, онъ не хотѣлъ видѣть Лизы и зналъ, что Лиза явится къ нему, только-что услышитъ, что онъ пріѣхалъ.

Онъ не ошибся. Лиза всякій день справлялась черезъ дядю, «что мужъ? гдѣ мужъ? привезенъ ли?» Наконецъ, князь Юлій Петровичъ, сказалъ ей, что Китинъ въ Петербургѣ и содержится на гауптвахтѣ.

Птицей прилетѣла туда Лиза и упала на грудь мужа.

Китинъ былъ снова уничтоженъ. Вмѣсто упрековъ и слезъ улыбались, осыпали его поцалуями! Нѣсколько разъ блѣдными, дрожащими губами начиналъ онъ шептать несвязныя слова оправданія—ему всякій разъ зажимали ротъ поцалуями.

— Простила? проговорилъ наконецъ Китинъ.

— Молчи, молчи! прошептала Лиза, прижавъ свою руку къ его губамъ.

— Лиза, дай мнѣ сказать тебѣ...

— Не говори, я не слушаю, Коля... молчи, молчи... Я все знаю и простила. Развѣ я могу не прощать тебя?...

— Но я погибъ на всю жизнь.

— А Богъ, Коля?... Ты молодъ, у насъ много дней впереди, мы перенесемъ горе вдвоемъ: тебѣ будетъ легче. Я не оставлю тебя поѣду за тобой всюду. Право, намъ будетъ хорошо. Не бойся, Коля; не вѣкъ же станутъ мучить насъ: тебя простятъ. Ты начнешь опять служить, и мы снова будемъ очень-очень счастливы. Надо покориться. Потерпимъ, Коля. Я на все готова. Теперь и бабушкина шкатулка пригодится: въ ней еще много... У насъ будетъ все, что̀ ты любишь. Вездѣ можно найти счастье, если захочешь—это отъ насъ зависитъ. Счастье въ насъ самихъ, Коля...

Сладко ворковала Лиза, прижавшись къ плечу мужа и пріютившись около него на диванѣ. Китинъ грустно качалъ головою. Долго вилась и болтала Лиза и ни разу въ своемъ утѣшительномъ лепетѣ не коснулась ни до чего, что̀ могло затронуть самолюбіе мужа. О мужицкомъ армякѣ, который бросился ей въ глаза съ первой минуты встрѣчи, она и не спросила, точно, какъ-будто Китинъ сидѣлъ передъ ней въ адъютантскомъ мундирѣ.

Китинъ разспросилъ ее обо всемъ, что̀ было безъ него. Она разсказала.

— Такъ квартира наша опечатана?

— Да, Коля. Эти злые солдаты все опечатали. Знаешь ли, Коля, я теперь безъ гроша? Мнѣ стыдно просить у дяденьки Юлья, а иногда бываетъ надобно. Онъ и такъ взялъ меня къ себѣ и всѣхъ людей нашихъ. Да и ты какъ теперь будешь безъ денегъ? Это меня тревожитъ.

Не безпокойся; у меня есть деньги. Уѣзжая изъ дому, я, въ попыхахъ, забылъ, что онѣ оставались у меня въ карманѣ, сказалъ, смутившись, Китинъ.

— Ахъ, какъ ты это мило сдѣлалъ, что забылъ! Я теперь совершенно-спокойна.

— Надо тебѣ, Лиза, возьми, сказалъ Китинъ, засовывая руку за армякъ.

— Послѣ, Коля, послѣ, когда я пойду.

Въ два часа принесли Китину казенный обѣдъ. Лиза бросилась къ столу и начала заботливо осматривать, что̀ подали ея мужу.

— Коля, это что-то нехорошо; ты будешь голоденъ. Дай денегъ я пошлю къ Фёльету. Андрей Потапычъ тутъ, въ корридорѣ.

Китинъ при имени Андрея вздрогнулъ; проворно вынулъ бѣленькую ассигнацію и отдалъ Лизѣ. Лиза вышла въ корридоръ.

Андрей сидѣлъ на прилавкѣ, горько опустивъ голову и вертѣлъ свой красный платокъ. Лиза отдала ему деньги и приказала поскорѣй съѣздить къ Фёльету и привезти обѣдъ и бутылку бургонскаго, которое Китинъ очень любилъ.

Лиза вернулась и сѣла подлѣ мужа.

— Коля, ты былъ у нашихъ все это время? вдругъ спросила Лиза.

Китинъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Что̀, папочка и мамочка здоровы? продолжала Лиза.

— Здоровы, глухо проговорилъ Китинъ.

— Они ничего не знаютъ?

— Не знаютъ... едва-слышно прошепталъ Китинъ и бросился лицомъ на кожаную подушку дивана.

— Коля, Коля! что съ тобой? Я огорчила тебя. Прости, успокойся. Я не буду больше ничего спрашивать. Встань. Сейчасъ принесутъ обѣдъ. Мы будемъ обѣдать вмѣстѣ. Слушай меня, Коля: сегодня у тебя все еще нехорошо, не въ порядкѣ, а завтра я куплю и привезу все необходимое. Андрей Потапычъ можетъ остаться и пусть служитъ тебѣ.

— Нѣтъ, не надо! вдругъ, вскочивъ, проговорилъ Китинъ:—не надо; я найму себѣ кого-нибудь здѣсь. Андрей останется съ тобой.

— Да онъ мнѣ не нуженъ, Коля, а ты къ нему привыкъ.

— Я говорю тебѣ, что не надо, сказалъ Китинъ нетерпѣливо пожимая плечами.

Дверь отворилась, и на порогѣ показался Андрей съ обѣдомъ. Онъ стоялъ блѣдный, опустя голову, и казалось, ему было тяжело переступить порогъ.

— Давайте, давайте, Андрей Потапычъ, скорѣй! Коля голоденъ.

Андрей, не поднимая глазъ, подошелъ къ столу, поставилъ кушанье и, низко поклонившись барину, сказалъ:

— Здравствуйте, батюшка, Николай Иванычъ.

— Здравствуй, Андрей, тихо проговорилъ Китинъ, тоже несмотря на своего стараго дядьку.

Андрей поклонился еще разъ и молча, не взглянувъ на Китина, вышелъ въ корридоръ.

Лиза засуетилась, начала раскладывать кушанье и подчивать мужа.

Отобѣдали. Лиза вспомнила про Андрея, который съ утра ничего не ѣлъ, и вынесла ему остатокъ обѣда. Андрей такъ же сидѣлъ на лавкѣ и все вертѣлъ свой красный платокъ.

— Покушайте, Андрей Потапычъ, да отнесите тарелки, сказала привѣтливо Лиза.

— Я сытъ, матушка-барыня, отвѣчалъ Андрей и проворно началъ связывать посуду въ салфетку.

Начинало уже смеркаться, а Лиза и не думала еще уѣзжать отъ мужа.

— Тебѣ пора домой, Лиза, ужь поздно, напомнилъ ей Китинъ.

— Ужь пора? Пожалуй, я поѣду, сказала неохотно Лиза. — Скажи же мнѣ, Коля, что́ тебѣ надо: я все завтра куплю и привезу.

— Что́ хочешь, мнѣ все-равно; я на тебя полагаюсь. Мнѣ нужно какое-нибудь штатское платье. Да я отсюда пошлю кого-нибудь.

— Почему жь ты не поручишь Андрею? Онъ знаетъ твой ростъ.

Китинъ опять нетерпѣливо дернулъ плечами.

— Ну, хорошо, хорошо, Коля, не сердись; я для тебя же... Какой ты раздражительный! Ну, прощай до завтра. Будь же спокоенъ, веселъ, не хандри.

И Лиза начала цаловать и крестить мужа, точно какъ-будто бы снова разставалась съ нимъ надолго.

— Прощай, прощай, говорила она ему нѣсколько разъ, выглядывая въ полуотворенную дверь.

— А деньги? спросилъ Китинъ.

— Ахъ, я и забыла! воскликнула Лиза и вбѣжала опять въ комнату.

Китинъ вынулъ пачку ассигнацій и отдалъ ей.

— Merci, Коля. Завтра же я все привезу тебѣ. Ну, прощай, прощай...

Въ Китинѣ все время было видно нетерпѣніе и желаніе поскорѣй остаться одному. Лиза не замѣчала этого и, какъ за минуту передъ тѣмъ, долго еще кивала ему изъ двери головой.

Наконецъ она уѣхала. Китинъ вздохнулъ свободно. Лиза безсознательно, своимъ самоотверженіемъ и любовью, слишкомъ подавила мужа съ первой же минуты свиданья. И вмѣсто того, чтобъ успокоить, утѣшить его, она разбудила въ немъ самолюбіе, столько дней уже забытое и заснувшее. Вмѣсто благодарности къ женѣ, въ немъ заговорило тайное чувство зависти. Онъ не отдыхалъ съ Лизой, не успокоивался, не восхищался ею безусловно, а какъ-то мѣрилъ ее и себя—и ему становилось обидно и больно. Тяжело было ему видѣть такое чистое, безпредѣльно-любящее его созданье и все, что̀ было еще теплаго въ душѣ, снова заглушилось самолюбіемъ и гордостью.

Долго ходилъ Китинъ, подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, взадъ и впередъ по комнатѣ большими шагами. Вдругъ за сосѣдней стѣной раздались голоса. Китинъ остановился и началъ прислушиваться. Говоръ долеталъ до него все яснѣе-и-яснѣе. Любопытство Китина было возбуждено до крайней степени. Онъ отворилъ дверь и кликнулъ сторожа, который гулялъ по корридору. Тотъ вошелъ.

— Что̀ это за шумъ тутъ, возлѣ меня? спросилъ Китинъ.

— Господа гуляютъ, ваше благородіе.

— Развѣ тутъ чья-нибудь квартира?

— Нѣтъ-съ; такой же, какъ вы, баринъ сидитъ.

— Такъ что̀ жь у него, гости?

— Какіе гости! такіе жь арестанты, какъ вы-съ, нашли, да и офицеръ караульный съ ними.

— Что̀ жь они тамъ дѣлаютъ?

— Да что̀, извѣстно что̀. Пьютъ, да въ картишки играютъ.

Глаза Китина заблистали. Онъ походилъ немного по комнатѣ и остановился опять передъ сторожемъ.

— А какъ фамилія моего сосѣда, любезный?

— Свистовымъ прозывается, ваше благородіе.

— Ты не знаешь, за что̀ онъ сидитъ?

— Да за карты, говорятъ. Казенныя деньги, вишь, проигралъ. Да вотъ, слышно, скоро выпустятъ: заплатилъ, говорятъ. А жаль! баринъ добрый, пусть бы посидѣлъ... Мы его любимъ.

— Послушай, любезный, нѣтъ ли здѣсь человѣка, который могъ бы служить мнѣ, покуда я тутъ?

— Я могу-съ, ваше благородіе.

— Нѣтъ, любезный, мнѣ бъ надо камердинера чьего-нибудь. Я приговорилъ бы его служить мнѣ. Я ему буду хорошо платить, а тебѣ дамъ за хлопоты.

— Какъ не быть, есть; вотъ у эвтого самого сосѣда крепостной человѣкъ съ нимъ живетъ. Я, пожалуй, его позову.

— Позови, сдѣлай одолженье.

Сторожъ вышелъ въ корридоръ, притворилъ сосѣднюю дверь и тихо окликнулъ:

— Степанъ Иванычъ! а Степанъ Иванычъ!

Изъ дверей выскочилъ мальчишка, лѣтъ восьмнадцати, завитой подъ корешокъ.

— Что надо? спросилъ онъ.

— Да вотъ, тутъ сегодня новаго посадили. Богатѣющій, должно-быть, баринъ важный, даромъ-что въ армякѣ. Жена въ каретѣ съ лакеемъ пріѣзжала. Такъ вотъ онъ проситъ меня камердинера ему здѣсь въ домѣ пріискать—значитъ, чтобъ и ему прислужить. Говоритъ, что я-де хорошо заплачу. Такъ я ему про васъ сказалъ. Онъ приказалъ привести. Вамъ, вѣдь, это сподручно будетъ, все-таки копейку лишнюю зашибете. Баринъ вашъ вѣрно вамъ позволитъ.

— Стану я его спрашиваться! Дери его горой! Что онъ для меня дѣлаетъ? Только картами, да покупками и живешь.

— Такъ пойдемте; онъ зоветъ, проговорилъ сторожъ, указывая большимъ пальцемъ на дверь Китина.

— Пойдемъ, отвѣтилъ мальчишка и, взъерошивъ торчкомъ свои волосы, вошелъ за сторожемъ къ Китину.

— Вотъ, привелъ, сказалъ сторожъ.

— Спасибо, любезный. Подойди сюда, мой милый, обратился Китинъ къ лакею:—можешь ты мнѣ послужить?

— Могу, ваше сіятельство.

— Я не сіятельство. Вотъ, братецъ, мнѣ надо завтра рано утромъ купить штатское платье.

— Извольте приказать, ваше превосходительство.

— Я не превосходительство.

— Извините, господинъ полковникъ.

— Я не полковникъ. Ну да все-равно. Вотъ видишь ли, любезный: завтра ты долженъ привезти мнѣ изъ магазина нѣсколько сюртуковъ, жилетовъ и прочее, чтобъ я могъ примѣрить и выбрать себѣ пару. Слышишь?

— Будетъ сдѣлано, ваше высокоблагородіе.

Китинъ хотѣлъ-было сказать, что онъ не ваше высокоблагородіе, но промолчалъ и. вынувъ красненькую и синенькую, далъ первую лакею, а другую сторожу.

— Вотъ, это тебѣ, на разъѣзды, а тебѣ за хлопоты. Ступайте.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе, сказали въ одинъ голосъ и сторожъ и лакей, низко поклонились и вышли изъ комнаты.

Измученный дорóгой и душевными волненіями дня, Китинъ легъ на диванъ и, несмотря на крики и хохотъ въ сосѣдней комнатѣ, скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

III.

Возвратясь къ Годинымъ, Лиза побѣжала къ Софьѣ Ѳедоровнѣ, выпросила у нея для мужа простынь, подушки, одѣяло и сѣла писать счетъ завтрашнихъ покупокъ. Большой столбецъ вывела Лиза, какъ когда-то въ институтѣ. Но въ столбцѣ были уже не кусочки, а необходимыя и не необходимыя вещи и не для себя, а для милаго ея Коли.

Рано утромъ полетѣла она на Невскій съ горничной своей, Машей. Андрея не взяла она, потому-что поняла, кáкъ трудно было ея мужу въ настоящемъ положеньи видѣть своего стараго дядьку.

По мѣрѣ того, какъ Лиза переходила изъ лавки въ лавку, переѣзжала изъ магазина въ магазинъ, карета наполнялась всё болѣе и болѣе и наконецъ, когда кучеру сказано было ѣхать на гауптвахту, изъ-за покупокъ выглядывали двѣ только головки — Лизы и Маши.

Лиза, войдя къ мужу, застала его уже не въ армякѣ, а въ щегольскомъ статскомъ сюртукѣ и въ пестренькомъ платочкѣ, кокетливо завязанномъ на шеѣ.

Маша перетаскала изъ кареты купленыя вещи, и Лиза начала суетиться и приводить все въ порядокъ въ комнатѣ мужа.

Ничего не осталось непредугаданнымъ, непредусмотрѣннымъ. Лиза навезла мужу бѣлья, туалетныхъ вещей, посуды — словомъ, у Китина явилось самое полное и даже излишне-затѣйливое хозяйство. Лиза была совершенно счастлива и довольна. Она опять просидѣла цѣлый день съ мужемъ и уѣхала тогда только, когда онъ напомнилъ ей, что уже поздно.

На слѣдующіе дни Китинъ сталъ выпроваживать Лизу гораздо-раньше, говоря, что къ нему придутъ съ допросами по его дѣлу. И бѣдная Лиза уѣзжала отъ него, полная тревоги и грусти.

А между-тѣмъ къ Китину по дѣлу никто не являлся: онъ самъ уходилъ къ сосѣду, который, вѣроятно, черезъ посредничество завитаго своего Сеньки, былъ у Китина, познакомился и просилъ его проводить вечера, отъ скуки, вмѣстѣ. Нѣтъ сомнѣнья, что Сенька, брея или одѣвая своего барина, не выдержалъ и сообщилъ ему обо всемъ, что̀ дѣлалось у новаго богатаго сосѣда.

Съ перваго же вечерняго посѣщенія Китинъ сошелся и сдружился съ своими собратьями по затворничеству. Его засадили тотчасъ же за зеленый столъ и не могли придумать лучшаго развлеченія. За картами Китинъ забывалъ все. Сперва его помазали по губамъ: вечера два къ-ряду онъ выигрывалъ, а потомъ будто бъ счастье повернуло къ милымъ сосѣдямъ, и Китинъ, спустивъ выигрышъ, принялся и за свои деньги. Дежурные офицеры удивительно-какъ сочувствовали къ скукѣ своихъ арестантовъ, и за партіей дѣло никогда не становилось. Каждый день честная компанія собиралась, пила, играла и веселилась безъ устали, а деньги Китина между-тѣмъ незамѣтно все вылетали, да вылетали, и въ одинъ прекрасный день въ карманѣ оказалось пусто. Нечего дѣлать, надобно было прекратить дружескія развлеченія. Китинъ началъ выходить изъ себя. Вся надежда его отыграться лопнула. Ка́къ играть безъ денегъ? А взять ихъ больше неоткуда. Лиза замѣтила, что ея мужъ очень-мраченъ и грустенъ.

— Что̀ съ тобой, Коля? спросила она.

— У меня денегъ нѣтъ, грубо отвѣтилъ Китинъ.

— Ка́къ Коля! У тебя было такъ много бумажекъ: гдѣ жь онѣ?

— Я долженъ былъ дарить тѣхъ, кто ведетъ мое дѣло, чтобъ они хлопотали обо мнѣ.

— Такъ что̀ жь, Коля? ты очень-хорошо сдѣлалъ, что подарилъ ихъ. Потерпи; вѣрно дѣло скоро кончится, и мнѣ отдадутъ мою шкатулочку: тогда у тебя опять будутъ деньги. Да, вѣрно тебѣ и мамочка скоро пришлетъ изъ деревни. Отчего это, Коля. они не пишутъ къ тебѣ?

— Не говори мнѣ о деревнѣ никогда! крикнулъ Китинъ, топнувъ ногой.

— Что̀ это, Коля, какой ты сердитый? Чѣмъ я виновата, что у меня теперь нѣтъ денегъ? сказала Лиза, сѣла въ уголъ и заплакала.

— Могла бъ занять у дяди, или у бабки. Тебѣ все-равно, что мужъ твой терпитъ нужду.

— Ахъ, Боже мой! да какую жь, ты терпишь нужду?... Кажется, у тебя все есть. Ну, ка̀къ же я пойду къ дядѣ, когда онъ самъ едва можетъ жить тѣмъ, что̀ получаетъ?... А бабушка и такъ мнѣ много дала. Нѣтъ, я не могу, Коля, воля твоя не могу, говорила Лиза, захлебываясь слезами.

— Ну, чего ты ревешь? Не можешь—и не надо. Поди цалуйся съ твоимъ дядей и бабушкой.

— Коля! за что̀ жь ты на нихъ сердишься? Они чѣмъ виноваты?

— Ну, невиноваты. Что̀ ты ко мнѣ пристала съ ними?...

— Да развѣ я къ тебѣ пристала, Коля? Вѣдь ты самъ же на всѣхъ сердишься. Я все дѣлала, Коля, а просить денегъ у родныхъ не могу.

— И не просите; только оставьте меня въ покоѣ. Я васъ прошу, умоляю. Развѣ трудно вамъ это сдѣлать?

— Чего жь ты хочешь отъ меня, Коля — я не понимаю. Ты хочешь, чтобъ я уѣхала? Не гони меня, Коля: мнѣ скучно безъ тебя... сказала Лиза и положила голову на его плечо.

— Ну, вѣшайтесь, если это доставляетъ вамъ удовольствіе.

— Коля! коля! какой ты неблагодарный!.. Я такъ тебя люблю, а чѣмъ ты мнѣ платишь?

— Ну, да̀, вы ангелъ, вы сверхъестественная женщина, а я злодѣй, извергъ, негодяй — этого вы хотѣли?... Вы хотѣли, чтобъ я въ этомъ сознался... Ну, я сознаюсь. Довольны вы теперь?

— Что ты, Коля? Богъ съ тобой!

— Богу нѣтъ дѣла до такого мерзавца, какъ я, по вашему мнѣнію.

— Я не могу этого слышать... я уѣду, мнѣ страшно... сказала Лиза, проворно надѣвая шляпу и салопъ.

— Сдѣлайте милость; васъ никто не держитъ.

Лиза выбѣжала вся въ слезахъ и уѣхала домой.

На другой день бѣдная женщина опять пріѣхала. Китинъ встрѣтилъ ее ласково и просилъ прощенья за свою вчерашнюю запальчивость. И сію жь минуту все было прощено, забыто, и Лиза опять улыбалась и ласкалась къ мужу.

Причиной этой внѣзапной перемѣны духа въ Китинѣ было письмо отъ сослуживца отца его, переданное ему потихоньку корридорнымъ сторожемъ. Въ этомъ письмѣ старый пріятель Ивана Степановича увѣдомляетъ Китина, что завтрашній день будетъ самъ къ нему и вручитъ лично присланныя отъ батюшки деньги и бумаги. Китинъ, который скрывалъ отъ Лизы смерть своей матери, не сказалъ ей ни слова и о полученіи письма. Но ему нужно было устроить ловко и повѣрнѣе, чтобъ жена на другой день не пріѣзжала. Утромъ онъ ожидалъ дорогаго гостя, а на вечеръ составилъ уже планъ отправиться за реваншемъ къ сосѣду. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Лиза была страшной помѣхой. Китинъ думалъ недолго, подсѣлъ къ женѣ, началъ ласкать ее, болтать съ ней и, между прочими пустяками, сказалъ:

— Ну, мой другъ Лиза, теперь мнѣ ужь недолго оставаться здѣсь. Вотъ завтра я поработаю съ однимъ человѣчкомъ весь день, и дѣло мое двинется впередъ.

— Дай Богъ, Коля! Значитъ, мнѣ ужь нельзя пріѣхать къ тебѣ? Я могу помѣшать вамъ?

— Какъ хочешь, душа моя. Ты знаешь, что я тебѣ всегда радъ. Одно только, что ты, можетъ-быть, стѣснишь этого дѣловаго человѣка: онъ будетъ тебя женироваться... А мнѣ ты никогда не помѣха.

— Такъ ужь лучше я не пріѣду, Коля. Отчего ты мнѣ прямо не скажешь? не-уже-ли, ты думаешь, что я не пойму этого? Я не такой ребенокъ...

— Мнѣ самому скучно безъ тебя Лиза; вотъ почему, я и мечусь между желаньемъ быть съ тобой и необходимостью заняться серьёзно моимъ дѣломъ.

— Какъ же это можно, Коля? Нѣтъ, я не пріѣду, ни за что не пріѣду завтра. А за-то послѣ завтра я буду здѣсь чѣмъ-свѣтъ.

— Быть по-твоему. Видишь, Лиза, что и я иногда бываю ребенкомъ, и тебѣ приходится наводить меня на путь истины.

На другой день Китинъ получилъ деньги бумаги и письмо отъ отца. Оставшись одинъ, онъ прочелъ письмо Ивана Степановича. Вотъ что писалъ онъ:

«Милостивый государь,

«Николай Ивановичъ!

«При послѣднемъ свиданьи нашемъ было положено: приходящуюся вамъ послѣ смерти блаженной памяти супруги моей, Анны Павловны Китиной, усадьбу, равно какъ и все движимое, продать и выслать вамъ деньги, что̀ я и хотѣлъ сдѣлать немедленно; но, по вскрытіи вещей дорогой Анны Павловны, мною найдена была писанная рукой покойницы копія духовнаго ея завѣщанія, въ которой было сказано, что подлинникъ оной хранится у отца Петра, ея духовника и душеприкащика. Копію сію при письмѣ моемъ вамъ и прилагаю. Вслѣдствіе сего, исполняя священную волю супруги моей, я имѣнія ея не продалъ въ чужія руки, а оставилъ его за собой, равно какъ и все движимое. По сдѣланной оцѣнкѣ, все имѣнье усопшей оцѣнено въ пятнадцать тысячъ рублей, которые вамъ присемъ и посылаю, полагая, причемъ, за крестъ и кольцо пять тысячъ рублей. Оцѣнка недвижимаго и движимаго имѣнія, равно какъ купчая и отпускная Андрею Потапову, сдѣланы мной, вслѣдствіе довѣренности вашей по формѣ, что̀ вы и увидите изъ прилагаемыхъ мною бумагъ. Въ случаѣ моей смерти, во избѣжаніе какихъ-либо наслѣдственныхъ требованій съ вашей стороны, сдѣлано уже духовное завѣщанье и положено на сохраненіе куда слѣдуетъ.

«Иванъ Китинъ.»

Китинъ прочелъ довольно-равнодушно письмо отца и началъ разсматривать приложенныя къ нему бумаги. Вдругъ руки его задрожали; онъ поблѣднѣлъ какъ полотно: ему попалась копія съ духовной, писанная рукой матери. Долго онъ не могъ собраться съ силами, чтобы прочесть ее, наконецъ, переломилъ себя и сталъ разбирать эти знакомые крючки и мушки, которыми была испещрена ея послѣдняя грамматка:

«Други вы мои драгоцѣнные, Иванъ Степановичъ и Колинька. Когда вы прочтете сіе письмо, я буду уже лежать въ сырой землѣ. Не плачьте обо мнѣ, плакать не надо. Я пожила довольно, пора жь послужить и Господу. Не плачьте же и молитесь за душу мою многогрѣшную, чтобъ Владыко дозволилъ и мнѣ помо-

литься за васъ у престола Его пресвѣтлаго. Благодарю тебя, Иванъ Степановичъ, за счастье мое земное; если Богъ приметъ молитву мою грѣшную, я буду молить Его, чтобъ Онъ заготовилъ тебѣ мѣстечко у пресвятаго подножія Его. Благодарю тебя, Колинька, за земныя мои радости. Не огорчалъ ты меня никогда, со дня рожденья. Прошу тебя, будь и впредь такимъ, почитай родителя твоего. Люби жену твою милую, береги ее, живи съ ней, какъ мы жили съ отцомъ твоимъ. Служи вѣрой и правдою, да не покидай, а слушайся дядьку твоего, Андрея Потатовича. И знай, что надъ тобой молитва моя и благословеніе на вѣки нерушимо. Теперь прошу васъ, мои родные, исполнить мою волю послѣднюю. Вопервыхъ, прошу я васъ крестьянъ моихъ вѣрныхъ отнюдь никому не продавать и не закладывать, а если кто въ родѣ моемъ останется послѣдній, то пусть онъ имъ волю дастъ. Я не хочу, чтобъ ни они, ни дѣти, ни внуки, ни правнуки ихъ никогда во вѣки не плакались на родъ мой, чтобъ ихъ моихъ голубчиковъ терзалъ недобрый человѣкъ. Кланяйтесь имъ всѣмъ отъ меня и скажите, что я прошу у нихъ униженно прощенье, если я кого, по слабости человѣческой, когда обидѣла. Деньги мои малыя раздать по крестьянамъ, на мое поминовеніе. Лизанькѣ, дочери моей милой, мое родительское благословеніе и благодарность за любовь ея къ Колинькѣ, моему милому. Да скажите ей, что я прошу ее принять въ память мою и любовь всѣ вещицы мои мелкія. Ихъ найдете вы въ моемъ комодѣ, въ верхнемъ ящикѣ, въ красной коробочкѣ. Палашѣ моей передайте мое благословеніе и скажите ей, что я съ неба буду смотрѣть на нее, и что тяжко будетъ моимъ косточкамъ въ сырой землѣ, если она что̀ дурное сдѣлаетъ. И это грѣхъ ей будетъ, если она барина своего, Ивана Степановича, покинетъ, пока онъ живъ будетъ. А ты, мой Иванъ Степановичъ, постарайся ее честно замужъ выдать за хорошаго человѣка, да отдай ей въ приданное все, что̀ изъ платья по мнѣ осталось. Андрею Потаповичу моя благодарность вѣчная за уходъ его за Колинькой, даю ему вольную и прошу не покидать сына моего, пока Богъ ему продлитъ жизнь. Всѣмъ, кто зналъ меня и помнитъ—мой поклонъ нижайшій. Ото всѣхъ молитвъ прошу грѣшной душѣ моей. Прощайте, други милые. Твоя, Иванъ Степановичъ, жена, вѣрная твоя, Колинька, мать много тебя любящая Анна Китина. Во вѣки вѣковъ. Аминь.

«Подлинную духовную найдете вы у отца моего духовнаго, протоіерея Петра.»

Китинъ читалъ. Слезы текли изъ глазъ его ручьемъ и падали на бумагу. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ останавливался отъ волненія, судорожно прижимаясь губами къ милому почерку матери.

Не успѣлъ онъ дочитать послѣднихъ словъ, какъ кто-то стукнулъ въ дверь три раза.

— Кто тамъ? вскрикнулъ испуганный Китинъ, засовывая деньги и бумаги въ столъ и проворно утирая глаза.

— Это я, сосѣдъ любезный. Что это вы заперлись, мое сокровище? сказалъ сквозь дверь Свистовъ.

— Я не запираюсь, я одѣвался, говорилъ Китинъ, отворяя дверь.

Въ комнату вошелъ высокій, полный мужчина съ темнофіолетовыми волосами и закрученными, нафабренными усами.

— То-то! сказалъ онъ: — а я думалъ, что вы мизантропничать вздумали. А мы всѣ по васъ соскучились. Хотѣли нѣсколько разъ за вами послать, да боялись потревожить въ вашихъ амурахъ съ супругой.

Китинъ улыбнулся.

— Злодѣй! еще улыбается! сказалъ Свистовъ, взявъ обѣими руками Китина за талью: — Вамъ тутъ смѣшно, а пятьдесятъ-то двѣ канашки, поди, плачутъ бѣдныя... И Свистовъ захохоталъ хриплымъ басомъ.

— Пусть ихъ плачутъ; мнѣ отъ нихъ плохо пришлось.

— Э-эхъ, любезнѣйшій! Ныньче—ваше, завтра—наше... Реваншикъ надо! Пойдемте-ка ко мнѣ позавтракать, или женку ждете?

— Нѣтъ, она сегодня не будетъ.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? А какую я «стару вудку» досталъ, чортъ, просто. Пойдемте-ка; что одному сидѣть. Я устрицъ велю принести, портерцу. Сенька мигомъ слетаетъ. Право, хоть повѣсть отъ скуки...

— Пожалуй, пойдемте. Мнѣ нечего дѣлать, сказалъ Китинъ, заперъ столъ и пошелъ съ Свистовымъ въ его комнату.

IV.

Въ то самое время, какъ Китинъ отправлялся завтракать, Лизу, которая скучала у Годиныхъ, потому-что не могла ѣхать къ мужу, вызвала Маша и сказала ей, что Андрей вдругъ слегъ

въ постель и зоветъ ее къ себѣ въ комнату. Лиза побѣжала тотчасъ же.

Андрей лежалъ на кровати; лицо его сильно измѣнилось.

— Андрей Потапычъ, что съ вами? Вы нездоровы?

— Ничего, матушка-барыня, это пройдетъ. Это мнѣ съ горя ноги подрѣзало, сказалъ Потаповичъ, привставъ. И вдругъ, схватилъ руку Лизы и началъ цаловать ее, заливаясь горькими слезами.

— Что съ вами? еще разъ спросила Лиза, испугавшись.

— Горе, горе! не могу я больше терпѣть, силы моей нѣтъ. Наказалъ ты меня, Господи, наказалъ!

— Да что съ случилось?

— Испугаю я васъ, огорчу я васъ, а скажу, хоть вы помянете ее... мать мою родную... хоть вы со мной поплачете.

— Кто умеръ? да говорите ради Бога!...

— Барыня моя, мать моя родная, скончалась...

— Мамочка! вскрикнула Лиза.

— Она, она, моя голубушка...

— Андрей Потапычъ, правда ли это? Отъ кого вы узнали?

— Мужикъ былъ изъ Ямбурга.

Лиза опустилась на стулъ около Андрея и тоже начала горько плакать.

— Плачьте, плачьте о ней, ангельская душа, говорилъ Андрей, сквозь рыданья: — она за васъ тамъ молиться будетъ. Баринъ-то, баринъ... вспомнить не могу, кто за нимъ доходитъ, кто добережетъ его...

— Ахъ, Боже мой, какое несчастье! Надо скрыть отъ Коли. Это убьетъ его; у него и такъ много горя.

Андрей покачалъ головой, и по лицу его пробѣжала злобная улыбка.

— Матушка-барыня, вотъ у меня, тутъ вамъ посылочка есть отъ барина, да вотъ еще вольная моя. Мать моя родная вспомнила меня. На-те, возьмите вы ее ради Господа! Я на нее глядѣть не могу. Мнѣ она не надобна. Буду я вамъ служить, какъ ей служилъ. Мнѣ всю волю послѣднюю матери моей баринъ передать приказалъ, и я буду ей вѣренъ во всемъ. Вотъ возьмите, продолжалъ Андрей, вытаскивая изъ-подъ подушки посылку и вольную и отдавая ихъ Лизѣ: — подите, матушка. Я встану. Нечего мнѣ старому псу валяться. Я васъ увидѣлъ — въ слезы меня пробило, полегче стало. Подите, матушка, помолитесь о ней, о

моей голубушкѣ, а я встану, въ церковь пойду, сорокоуст закажу...

— Андрей Потапычъ, вы слабы, вы не можете, не ходите; я пошлю, сказала заплаканная Лиза.

— Нѣтъ, я пойду; для нея, моей матери, у меня сила найдется. Никого не пущу, самъ пойду... Да еще мнѣ въ одно мѣсто сходить надо... Пойду, говорилъ Андрей, вставая и шатаясь побрѣлъ въ людскую.

Лиза побѣжала къ тёткамъ и разсказала имъ о своемъ новомъ несчастьи. Вмѣстѣ онѣ раскрыли посылку и вынули красненькую коробочку. Въ ней лежало письмо отъ Ивана Степановича и разныя мелкія золотыя и брильянтовыя вещи. Лиза долго плакала надъ ними и цаловала ихъ. Тётки напомнили ей о письмѣ, и она прочла его. Иванъ Степановичъ писалъ ей, нѣжно упоминалъ о томъ мѣстѣ завѣщанія, въ которомъ говорилось о ней, и прибавлялъ отъ себя, что до послѣднихъ дней жизни онъ не перестанетъ любить ее. И что̀ бъ ни случилось съ ней, она всегда найдетъ въ немъ втораго отца. О ея мужѣ, кромѣ выписанныхъ строкъ изъ духовной Анны Павловны, во всемъ письмѣ не было и помину.

Сильно была огорчена Лиза и, несмотря на всѣ утѣшенія добрыхъ тётокъ, не могла успокоиться. Больше всего тревожила ее мысль, что у нея не станетъ силы скрыть это новое несчастье отъ мужа. И Лиза плакала и разрывалась, думая о немъ.

А Китинъ, причина ея слезъ и мученій, преспокойно сидѣлъ за картами. Ему опять везло; онъ совершенно забылъ свое недавнее горе, острилъ надъ своими партнёрами и весело помѣтывалъ качаловской. Вдругъ дверь отворилась и сторожъ сталъ вызывать Китина.

— Что̀ тебѣ надо? разсѣянно спросилъ онъ.

— Ваше благородіе, васъ человѣкъ спрашиваетъ.

— Какой человѣкъ?

— Штаринкой, Андрей, говоритъ.

Китинъ проворно всталъ, передалъ свои карты и вышелъ въ корридоръ.

— Зачѣмъ ты здѣсь? спросилъ онъ у Андрея.

— Надобно, батюшка, отвѣчалъ Андрей.

Китинъ вошелъ къ себѣ, Андрей за нимъ.

— Чего ты отъ меня хочешь?

— Того я отъ васъ хочу, батюшка Николай Иванычъ, чтобъ вы мнѣ вамъ служить позволили.

Китинъ гладѣлъ во всѣ глаза на Андрея.

— Что́ вы на меня смотрите? Я все знаю, батюшка. Знаю и то, что вы знаете, что нѣтъ на свѣтѣ нашей благодѣтельницы-матери... Знаю и то, отчего онѣ Богу душу отдали: все я знаю. И не отъ себя я къ вамъ пришелъ. Тяжко мнѣ съ вами — видитъ Богъ, тяжко. А пришелъ я къ вамъ велѣньемъ ея послѣднимъ. Она, мать моя, мнѣ приказала васъ не оставлять по гробъ моей жизни. Вотъ и пришелъ я, и буду рабъ вашъ вѣрный, проговорилъ и Андрей повалился въ ноги Китину.

Китинъ началъ поднимать его.

— Не поднимайте вы меня. Пусть видитъ покойница мою покорность воли ея... сказалъ снова Андрей, стоя на колѣняхъ передъ Китинымъ: — виноватъ я передъ нею, моей матерью. Разлюбилъ я васъ, батюшка, отрѣшился я отъ васъ всею душой, а она, мать моя — знаю я, простила васъ на небѣ и за васъ же молится. Разрѣшите жь вы мою душу, батюшка, хоть слезинку-то одну тёплую пролейте вы при мнѣ, по ней, моей голубушкѣ. Помолитесь о ней — и легче мнѣ будетъ окаянному смотрѣть на васъ, и служить вамъ, по велѣнію моей матери.

Китинъ стоялъ блѣдный, какъ смерть. Вдругъ слёзы пробились изъ глазъ его, и онъ молча протянулъ къ старику обѣ руки. Андрей схватилъ и началъ цаловать ихъ.

— Не цалуй, не цалуй! не тебѣ цаловать мои руки, сказалъ, вспыхнувъ, Китинъ, вырывая ихъ у Андрея: — Я недостоинъ этого... Встань, обойми меня, пожалѣй... Я жалокъ... что-то страшное гнететъ меня. Я погибъ навсегда. Богъ отвернулся отъ меня... Я убилъ мою мать! А я ли не любилъ ее больше всего на свѣтѣ?... Я знаю, что жена моя ангелъ, а чѣмъ я плачу́ ей за ея любовь? вѣчнымъ несчастьемъ! Вотъ ты теперь со мной; я знаю, что ты мнѣ второй отецъ; я говорю тебѣ, что́ знаетъ одинъ только Богъ, а черезъ часъ я, можетъ-быть, дойду до того, что уничтожу тебя, смѣшаю съ грязью. Во мнѣ два человѣка: или я мученикъ, который раскаявается и сознаетъ въ себѣ все дурное, гнусное, ужасное; или я сумасшедшій, который, не думая, безъ страха дѣлаетъ сію жь минуту все, что́ ему придетъ въ голову и не можетъ остановиться. Во мнѣ сидитъ неискоренимое зло и постоянно тянетъ меня въ пропасть, а за мной и всѣхъ моихъ близкихъ. Оставьте, бросьте меня всѣ! пусть по-

гибну я, одинъ; мнѣ воротиться ужь нельзя... надо мной проклятіе Божіе!... Хоть бы чортъ меня побралъ только поскорѣе! — вскрикнулъ вдругъ Китинъ и началъ опять бѣсноваться, схватилъ себя за волосы, сталъ бѣгать по комнатѣ, забывъ объ Андреѣ, который тяжело поднялся съ колѣнъ, сложилъ руки и отошелъ въ уголъ, опустивъ голову.

— Будь проклятъ тотъ день, когда я родился!... Я не хочу жить! не хочу...

— Батюшка, Николай Иванычъ, побойтесь Бога, что́ вы говорите! тихо сказалъ Андрей, подходя къ Китину.

— Оставь меня! закричалъ Китинъ.

— Батюшка! батюшка!... умолялъ Андрей, ходя за барономъ по пятамъ.

— Прочь отъ меня! я зарѣжусь! убьюсь!... заревѣлъ Китинъ, вырвался у Андрея и хватился объ стѣну головой.

— Господи праведный! прости его! Мать ты моя, видишь ты, все видишь, не вини жь ты раба твоего... простоналъ Андрей и тихо вышелъ въ дверь.

Чрезъ полчаса Китинъ сидѣлъ у Свистова и опять безпечно выкидывалъ карточки.

V.

Три дня Лиза не могла быть у мужа — до того она ослабѣла, разстроилась и огорчилась смертью Анны Павловны, но за-то Маша летала всякій день съ записочками отъ Лизы. На всѣ нѣжныя посланія Китинъ посылалъ отвѣты словесно, прибавляя, что ему писать некогда. На третій день Маша вернулась съ гауптвахты съ запиской: Китинъ писалъ къ женѣ въ самыхъ отчаянныхъ выраженіяхъ, что ему прочли сентенцію, и что онъ приговоренъ къ лишенью чиновъ и дворянства, разжалованъ въ солдаты и ссылается въ арестантскія роты на двадцать лѣтъ.

Лиза съ страшною твердостью прочла это письмо и тотчасъ же собралась ѣхать къ мужу; но на этотъ разъ ее не пустили одну: князь Андрей Петровичъ поѣхалъ съ ней. Китинъ упалъ совершенно духомъ, двигался какъ истуканъ и не понималъ, что ему говорили. Напрасно утѣшала его Лиза, говорила ему, что она поѣдетъ вслѣдъ за нимъ; напрасно толковалъ ему князь, что они всѣми силами будутъ хлопотать, чтобъ участь его по-

возможности была облегчена: Китинъ, ничего не слушалъ, или не понималъ, что ему говорили.

Невыразимо страдала Лиза, видя мужа въ такомъ жалкомъ положеніи. Князь замѣтилъ это и, зная, что отправленіе преступника назначено черезъ двадцать-четыре часа, сталъ упрашивать племянницу проститься съ мужемъ и ѣхать домой: Лиза и слушать не хотѣла. Князь шепнулъ ей на-ухо, что ея присутствіе въ такую ужасную минуту только терзаетъ, а не успокоиваетъ несчастнаго. Лиза проворно накинула салопъ и бросилась на шею Китину. Онъ машинально пацаловалъ ее. Лиза слишкомъ-много брала на себя. Женскія, слабыя силы не выдержали—и, полумертвую оттащивъ отъ мужа, князь посадилъ ее въ карету и увезъ домой.

На другой день князь Юлій Петровичъ выѣхалъ рано утромъ, былъ при отправленіи Китина, привезъ ему денегъ отъ Лизы и заготовленную заботливостью Софьи Ѳедоровны провизію на дорогу, а между-тѣмъ повидался съ офицеромъ, который былъ назначенъ вести арестантовъ до самаго Динабурга, и попросилъ его быть поснисходительнѣе съ разжалованнымъ поручикомъ. Князь нашелъ полную готовность въ офицерѣ исполнить его просьбу: онъ обѣщалъ, «что все, что будетъ зависѣть отъ него, чтобъ Китинъ спокойно, ни въ чемъ ненуждаясь, дошелъ до мѣста назначенія—будетъ сдѣлано...» Всѣмъ этимъ обѣщаннымъ льготамъ Китинъ былъ обязанъ, однакожъ, не князю Юлію Петровичу, а Сенькѣ и своей безпутной жизни и транжирству даже на гауптвахтѣ, о которыхъ Сенька перебалтывалъ въ коридорѣ съ сторожами, а тѣ довели до свѣдѣнья и этапнаго офицера.

Сильно запало въ уши послѣдняго, что арестантъ Китинъ щедрый, богатый баринъ. Намотавъ себѣ это на усъ, онъ и прежде свиданья съ княземъ былъ уже очень-хорошо расположенъ къ Китину, вслѣдствіе и чего сажалъ его съ собой на одну подводу, или, чтобъ размяться, шелъ съ нимъ рядышкомъ, покуривая и закуривая другъ у друга сигары, разумѣется, гаванскія и Китина... На привалахъ они вмѣстѣ завтракали, обѣдали, пили чай и дружески разговаривали.

Безхарактерный Китинъ съ перваго же перехода началъ разсѣваться и смотрѣть совсѣмъ не съ такой мрачной стороны на свое несчастье. Онъ былъ спокоенъ и, порою, отпускалъ нахальныя шутки надъ своимъ новымъ положеніемъ, причемъ

обыкновенно на телегѣ раздавался густой, раскатистый хохотъ этапнаго офицера, и заставлялъ оглядываться остальную партію бѣдныхъ арестантовъ, которые, шлёпая по колѣни въ грязи, блѣдные, испитые, тяжко шагали передъ подводами между конвоя. На послѣднемъ переходѣ Китинъ и офицеръ, неизвѣстно зачѣмъ, скрылись въ особую комнату и оттуда вышли оба очень довольные собой; особенно круглое, рябое лицо этапнаго офицера такъ и сіяло невыразимо-сладкой улыбкой.

VI.

Между-тѣмъ Лиза скоро оправилась. Сильное желанье ея соединиться поскорѣе съ мужемъ и раздѣлить его горькую участь, возвратило ей утраченныя силы. Несмотря на всѣ резоны и убѣжденія родныхъ, которые уговаривали Лизу не пускаться въ дорогу въ такую глубокую осень, она не слушала ничего и рѣшила какъ-можно-скорѣй распродать всѣ свои вещи и, не дождавшись зимняго пути, ѣхать къ мужу. Всѣмъ людямъ своимъ она дала вольную. Одинъ Андрей Потапычъ, несмотря на то, что былъ отпущенъ прежде всѣхъ своей покойной барыней, остался при Лизѣ и непремѣнно хотѣлъ ѣхать съ ней до Динабурга.

Лиза съ какой-то лихорадочною торопливостью собиралась въ дорогу: все распродала за безцѣнокъ, оставила только самыя необходимыя вещи для своего будущаго хозяйства и отправила впередъ съ обозомъ. Въ настоящемъ, несчастномъ положеніи, она не хотѣла прощаться ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ и родныхъ: она боялась состраданія, а главное, намековъ на дурной поступокъ мужа. Когда все было готово и уложено, она поѣхала проститься къ одной только бабушкѣ Рытовой.

Во все это ужасное время она не была у нея, не желая разстроить старушку, и даже просила всѣхъ другихъ родныхъ скрыть отъ Рытовой несчастье Китина. Нѣсколько разъ, однакожь, посылала она узнавать о здоровьѣ, и тотъ же самый Дмитрій Дмитріевичъ выходилъ всегда къ посланному говоря: «Дарья Яковлевна здорова, приказала кланяться и благодарить Елизавету Александровну...» И Лиза была совершенно спокойна насчетъ бабушки. Теперь ѣхала она къ ней въ полномъ убѣжденіи, что

старушка ничего не знаетъ, и хотѣла ей сказать, что Кнуша посылаютъ съ важнымъ порученіемъ, отчего и она тоже ѣдетъ съ мужемъ.

Лиза очень ошиблась въ своихъ добрыхъ разсчетахъ и великодушныхъ соображеніяхъ.

Когда она вошла къ бабушкѣ, старушка, увидавъ ее, затряслась всѣмъ тѣломъ, протянула къ ней дрожавшую руку и сказала тупымъ, непонятнымъ голосомъ:

— Несчастная ты моя!... Поди, поди ко мнѣ...

Лиза бросилась къ ней и зарыдала.

— Твой мужъ злодѣй... мерзавецъ... брось его... Приходи ко мнѣ... Посмотри-ка на меня, что̀ онъ со мной сдѣлалъ... Извергъ, тиранъ этакій... Переходи ко мнѣ жить. Чортъ съ нимъ!... Пусть его сгніетъ въ арестантскихъ... Вонъ у меня ноги́ и руки́ нѣтъ.. Посмотри-ка, что̀ онъ со мной сдѣлалъ...» продолжала старуха такъ же тупо и невнятно.

Лиза поднялась и тутъ только взглянула прямо на бабушку. Сердце ея замерло: все лицо Дарьи Яковлевны было скривлено въ одну сторону.

— Что́, хороша я?... спросила она, съ трудомъ ворочая языкомъ.—Вѣдь у меня ударъ былъ, какъ я узнала, что̀ твой злодѣй-то надѣлалъ—вотъ я тебя, ка̀къ люблю, а ты меня ни разу и не навѣстила—это тебѣ не грѣхъ?...

— Бабушка, голубушка, простите!.. Я думала, что вы здоровы, я не знала... я не была у васъ потому, чтобъ не огорчить. Я не хотѣла вамъ говорить о нашемъ несчастьи.

— Я все знаю. Я испугалась очень, разсердилась на изверга-то твоего... Вѣдь у меня ударъ былъ... Вонъ у меня рука-то какая... снова повторила Дарья Яковлевна и бросила лѣвой рукой свою омертвѣвшую правую на колѣно.

— Да кто жь это поторопился вамъ сообщить такую непріятную новость?

— Митя, Митя... давно сказалъ... Я испугалась очень.... Вѣдь у меня ударъ былъ... Вонъ у меня правая нога-то, какъ плеть... Дарья Яковлевна качнула сильно лѣвой рукой, разбитую ногу:—и языкъ тупъ сталъ—слышишь ты?...

— Слышу, бабушка. Это ничего, пройдетъ, сказала испуганная Лиза, сама не зная, что̀ говоритъ.

— Дай-то Господи! А то скучно мнѣ, тошно мнѣ, говорила Дарья Яковлевна, качаясь тоскливо на стулѣ.—Знаешь,

продолжала она шопотомъ, оглядываясь боязливо:—знаешь ли мнѣ, я тебѣ, что скажу: я Митю боюсь... очень боюсь... страшно мнѣ съ нимъ...

И Дарья Яковлевна заплакала, какъ маленькое дитя.

Сердце Лизы разрывалось, глядя на старушку:

— Бабушка! милая бабушка! зачѣмъ вы живете съ Дмитріемъ Дмитричемъ, если вы его боитесь—я не понимаю этого. Вы можете давать ему содержаніе, на квартиру, и пусть-себѣ живетъ отдѣльно. За что вамъ изъ-за него мучиться всю жизнь?...

— Тс! тс! продолжала Рытова шопотомъ: — молчи, молчи Лиза... Нельзя этого сдѣлать: я боюсь старика въ бѣломъ... Это онъ Митю ко мнѣ привелъ... Нельзя, Лиза, нельзя...

Лиза замѣтила, что бабушка заговаривается, и слезы невольно опять потекли изъ глазъ ея.

— Тебѣ жаль меня; ты добрая; ты больше не уѣдешь отъ меня; я тебя не пущу. Не оставляй меня съ Митей: мнѣ страшно... говорила Дарья Яковлевна, цѣпляясь одной рукой за Лизу:— мужъ твой злодѣй, тиранъ... брось его, ну его! Останься со мной навсегда. Я люблю тебя. Останься... Пусть его сгніетъ въ арестантскихъ... Туда ему и дорога.

— Бабушка не говорите этого, не браните при мнѣ Колю: я люблю его и никогда не покину, съ сердцемъ сказала Лиза.

— Онъ убьетъ тебя; онъ разбойникъ; не ѣзди съ нимъ; я не пущу, не пущу тебя... Я люблю, люблю очень тебя. Вспомни, Лиза, я тебѣ мать была...

— Я это все помню, бабушка. Жаль мнѣ васъ всей душой, а остаться при васъ не могу: мѣсто мое теперь при несчастномъ моемъ мужѣ.

— Лизанька, родная моя, ради Господа не покидай меня! Ну что ты хочешь, скажи? Я для тебя все сдѣлаю, я мужа твоего любить стану, денегъ ему много посылать буду. Вотъ, въ комодѣ у меня духовная лежитъ. Все тебѣ отдаю. Хочешь, теперь все возьми... Я у тебя жить буду—хочешь? Я Митьку выгоню. Останься только, останься со мной... Съ тобой я не буду бояться бѣлаго старика...

Послышался звонокъ.

— Это Митя. Говори скорѣй: останешься ты? Я его пускать не велю. Лиза! Лиза! именемъ Господа останься... Я тебя на колѣняхъ прошу, сказала старушка и начала съ усильемъ ползти со стула.

— Бабушка! бабушка! что вы дѣлаете? закричала Лиза и всѣми силами старалась удержать старушку.

Вошелъ Дмитрій Дмитріевичъ. Дарья Яковлевна взглянула на него и безсмысленно улыбнулась.

— Это ты, Митя? прошептала Рытова, стараясь усѣсться на стулѣ.

— Я, тёточка... Ахъ! здравствуйте милѣйшая племянница! сказалъ Дмитрій Дмитріевичъ, подходя къ рукѣ Лизы.

Лиза молча поклонилась. Когда Дмитрій Дмитріевичъ дотронулся до руки Лизы, по всему ея тѣлу пробѣжала дрожь.

— Тёточка, Богъ вамъ милости прислалъ. Вотъ просвирку за ваше здоровье вынималъ...

— Спасибо тебѣ, Митя, спасибо.

— Что́ это, тёточка, какъ вы разстроены? Вамъ это вредно. Лягте на постель; вамъ надо отдохнуть. Позвольте я васъ снесу.

Лицо старухи покривилось еще больше.

— Ну, снеси, снеси, Митя, тупо проговорила она, обхватывая лѣвой рукой толстую шею Дмитрія Дмитріевича, который наклонился, чтобы поднять ее на руки.

Дмитрій Дмитріевичъ взялъ отяжелѣвшую отъ болѣзни старуху и, какъ перо, понесъ ее на кровать.

Лиза не могла видѣть и слышать всего, что́ передъ ней дѣлалось, и подошла къ кровати, чтобы проститься съ бабушкой.

Дарья Яковлевна схватила ее руку и прошептала ей на ухо:

—Я скоро умру... Прощай. Тутъ въ комодѣ духовная: все твое. Помни это...

Лиза молча цаловала старушку.

— Позвольте, Елизавета Леонидовна, сказалъ Дмитрій Дмитріевичъ, отстраняя Лизу: поберегите бабушку... Это можетъ убить ее.

Лиза отскочила отъ постели.

— Поди, поди сюда! вдругъ вскрикнула Дарья Яковлевна, протягивая къ Лизѣ руку.

— Тёточка, ангелъ мой! эта сцена вамъ очень-вредна. Съ вами опять можетъ быть ударъ... А третій ударъ—послѣдній, тёточка. Для меня поберегите себя. Что́ со мной будетъ? куда я пойду, когда васъ не станетъ? приговаривалъ Дмитрій Дмитріевичъ, цалуя руки тётки и утирая слезы.

— Я не буду, Митя, не буду. Ну, ступай, Лизачка, еще разъ проговорила старуха смирно, опускаясь на постель.

Лиза еще разъ подошла къ кровати. Ей хотѣлось взглянуть на бабушку, проститься съ ней... Лиза чувствовала, что не увидитъ уже ее больше; но напрасно глядѣла она старухѣ въ глаза, напрасно цаловала ей руки и прижималась къ ней: Дарья Яковлевна глядѣла со страхомъ на темный занавѣсъ кровати, и только-что махая пальцами лѣвой руки, тихонько проговаривала: «Поди, поди; ненадо, ненадо. Вонъ бѣлый старикъ грозитъ. Я боюсь, боюсь...»

Лиза выбѣжала изъ спальни въ переднюю. Тамъ поджидала ее, по обыкновенію, неизбѣжная Савишна. Только-что Лиза вышла, Савишна накинула на нее салопъ, выпихнула ее молча на лѣстницу и сама юркнула за ней.

— Няня, я сердита на тебя. Отчего ты ни разу не сказала человѣку, котораго я посылала узнавать о здоровьѣ бабушки, что она такъ больна? Я была бъ у нея, несмотря на мое горе, непремѣнно... Грѣшно тебѣ, няня, грѣшно такъ поступать со мной.

— Мнѣ грѣшно-съ? Ахъ радость вы моя! да я бы, кажется, такъ къ вамъ и полетѣла-съ. А Митька-то? Онъ ни одной душеньки изъ дома все это время не выпускалъ. Ровно будочникъ какой, за всѣми людьми приглядываетъ. Чуть за ворота кто выйдетъ, онъ именемъ бабушки-съ въ полицію драть-съ посылаетъ. Вотъ вѣрьте Богу не лгу, солнце вы мое! А меня почитай чуть не на веревкѣ держитъ, анаѳема этакая!... Дѣла не дѣлай, а сиди въ дѣвичей, какъ прикованная. Онъ знаетъ мою душу преданную и боится, каторжный, чтобъ я не поразсказала про его дѣла бѣсовскія. Къ человѣку вашему все самъ выходитъ, а людямъ какъ сказать-съ? Спины-то, вѣдь, свои-съ, а не чужія-съ. Извѣстно-съ будутъ молчать. Вотъ вѣрьте Богу-съ.

— Какой же онъ злодѣй, няня!

— Истинно злодѣй-съ, ангелъ вы Божій.

— Зачѣмъ онъ это сказалъ бабушкѣ, что мы въ несчастьи?

— Зачѣмъ-съ? Дитя вы малое... да ему, ехидному, что ни есть катафазія... то и на руку. Со всѣмъ ломитъ къ бабушкѣ-съ... Спятъ ли, не спятъ ли, такъ и гаркнетъ прямо на ухо. Да чѣмъ же, онъ аспидъ этакій, бабушку-то вашу-съ и со свѣту сживаетъ, какъ не эвтимъ-съ? Безъ эвтово-съ бабушка-то ваша-съ его, толстопузаго, пережила бъ-съ. А у него-то, у голыша-съ, только и на умѣ бабушкѣ-то вашей-съ на глазыньки поскорѣй грошики положить-съ, чтобъ она, сердечная, не видала, какъ онъ свою

лапищу-то жирную въ ея добро запуститъ. Да я думаю-съ, любой христіанинъ такъ празднику свѣтлому не радъ, какъ онъ, бѣсъ эвтакій, обрадовался, что вашъ Миколай Иванычъ набѣдокурить изволили-съ... Вѣрьте Богу-съ... Пришелъ домой словно зоренька ясная, всѣхъ людей въ передней по плечу потрепалъ, на кофей полтину далъ... А самъ и шасть къ барынѣ въ спальню-съ... Онѣ въ ту пору послѣ завтрака почивать изволили. Вотъ-съ, солнце вы мое-съ, я, зная душу-то его подлую... такъ меня ровно, что подмываетъ: поди да поди, поди да поди... Вотъ-съ, родная вы моя-съ, я и пошла, да бѣгомъ, да къ двери, что въ дѣвичью, и прижалась ухомъ—видѣть-то не вижу, а слышать-то слышу. Вотъ идетъ онъ, воръ эвтакій, такъ тихохонько, словно кошка подзаборная... крадется. Я, грѣшный человѣкъ, и подумай: ну, слава-те Господи, онъ будить барыню не хочетъ; а онъ, каторжный, какъ рявкнетъ вдругъ у кровати-то, у самой, таковымъ-то страшнымъ голосомъ: «тёточка!» Я какъ стояла, такъ и сѣла, да и сижу... Скажите вы мнѣ въ ту пору, ангелъ вы Божій: «встань, нянька, я тебѣ сто рублевъ дамъ»—не встала бъ-съ, вѣрьте Богу не встала... Ровно у меня по ногамъ-то телега проѣхала. Вотъ и сижу. А онъ-то, безстыжій, опять, какъ замычитъ, ровно быкъ какой: «тёточка!» А я все сижу. Только бабушка-то ваша и очнулась, да таково-то жалостно, да протяжно говорятъ: «М..и...тя, Ми...и..тя». А онъ-то, змѣя подколодная, не далъ барынѣ и прочихнуть, такъ разомъ и началъ все лѣпить про вашего Миколая-то Иваныча-съ, что онъ-де бѣглый, онъ-де воръ, мошенникъ... Простите вы меня, дорогая вы моя, я не свои слова говорю, а его, шельмы эвтакого—вѣрьте Богу-съ... Такъ и говоритъ, говоритъ: самозванецъ, говоритъ, бумаги фальшивыя сдѣлалъ, поймали, посадили, разжалуютъ говоритъ... А жена-то вовѣкъ пропала; онъ убьетъ ее... это онъ про васъ говоритъ-съ. Помилуй васъ, Господи! Чтобъ у него языкъ по колѣни вытащило, у губителя эвтакого... А я все сижу... А бабушка-то ваша-съ кричатъ, да таковымъ голосомъ нелѣпымъ, ровно борова рѣжутъ-съ... А я все сижу... Онъ-то говоритъ, а барыня-то кричатъ, онъ-то говоритъ, а барыня-то кричатъ: «Лизанька! чортъ! дьяволъ! Лизанька!... Мошенникъ! разбойникъ! пустите! пустите! пустите меня!...» Да вдругъ и захрипѣли-съ... Я вставать, вставать, насилу-то встала. Плетусь въ переднюю, за стѣнку придерживаюсь, смотрю, а Митька-то ужь туда выбѣжалъ, рвется, мечется, кричитъ, что тётенькѣ дурно сдѣлалось. Я въ спальню,

тляжу, а у бабушки-то, у вашей-съ, ротикъ весь на сторону своротило. А пѣна-то такъ и бьетъ, ровно у собаки бѣшеной— вотъ, вѣрьте Богу, не лгу-съ... Дофтуръ пріѣхалъ, кровку имъ пустилъ: черная-распречерная, деготь-дегтемъ... Вотъ онѣ и опамятовались. А губыньки-то все въ той же порѣ остались... А правая рученька и ноженька и по-сію-пору какъ плёточки болтаются. А въ ротикъ-то имъ, словно кто песку насыпалъ. Теперь еще благодарить Господа, а въ первые-то дни-съ, вертятъ-вертятъ язычкомъ, а явствія-то никакого нѣтъ-съ, точно коровка мычали-съ.

— Ахъ няня, няня! замолчи! Какъ это ужасно, что ты говоришь. Не-уже-ли нельзя удалить отъ бабушки этого злодѣя?

— Да кто его удалитъ-съ, солнце вы мое-съ? Да его и на веревкѣ отсюда, голыша, не вытащишь.

— Бабушка, кажется, не любитъ его, а только боится? Какое несчастіе, что я ѣду сегодня, а то я вмѣстѣ бы съ моими родными настояла на томъ, чтобъ Дмитрія Дмитрича не было здѣсь въ домѣ.

— Настояли бы-съ? Ахъ, ангелъ вы Божій! Бабушка ваша-съ сами его не отпустятъ, хоть весь Петербургъ имъ въ ноги кланяйся... А старикъ-то бѣлый нашъ-то-съ? Онъ у насъ теперь ужь въ занавѣскѣ сидитъ-съ. Нѣтъ, тутъ дѣлать нечего-съ. Бабушка ваша-съ, первымъ дѣломъ, зашибаютъ крѣпко... Простите вы меня, видитъ Богъ, не лгу-съ... А вторымъ дѣломъ, въ разумкѣ совсѣмъ помѣшались... А третьимъ дѣломъ, имъ и жить-то не долго-съ. Что жь имъ перечить на-послѣдяхъ? Это грѣхъ-съ... Ужь пусть спокойно Богу душеньку отдадутъ-съ.

— Какъ же спокойно? Когда ты сама, няня, говоришь, что Дмитрій Дмитричъ моритъ бабушку?

— Моритъ, истинно моритъ. Да бабушкѣ вашей-съ эвто самимъ угодно-съ... Значитъ, на это воля Господня.

Съ грустью на сердцѣ простилась Лиза съ Савишной и уѣхала. Все, что видѣла и слышала она, всю дорогу вертѣлось у ней въ головѣ. Бабушка, Дмитрій Дмитріевичъ и страшный разсказъ Савишны стояли у нее въ глазахъ и не давали ей покоя. Она рѣшилась попросить Годиныхъ вступиться въ это страшное дѣло и спасти, если можно, несчастную бабушку отъ Дмитрія Дмитріевича.

Возвратясь домой, она застала все семейство Годиныхъ въ сборѣ, тотчасъ же разсказала имъ все, что дѣлается въ домѣ

Дарьи Яковлевны, и начала умолять дѣдушку вступиться за старуху.

— Другъ ты мой сердечный, сказалъ старикъ-князь, выслушавъ внимательно Лизу: — нянька-то твоя старая спроста, а чистую правду говоритъ. Надъ бабкой твоей кара Господня.

— А все-таки, дѣдушка, нельзя жь оставлять людей страдать и не протянуть имъ руку помощи, перебила Лиза, покраснѣвъ.

— Да ты на меня не сердись. Я не отказываю тебѣ, я пойду къ Дарьѣ Яковлевнѣ, буду ей совѣтовать удалить Дмитрія Дмитріевича, только впередъ тебѣ говорю, что изъ этого ничего не выйдетъ путнаго.

— Да вы попробуйте, дѣдушка.

— Попробую—даю тебѣ честное слово. И впередъ знаю, что́ будетъ. Я хоть и старикъ, да не въ бѣломъ одѣяніи и не въ свѣтѣ несказанномъ. Вотъ бабка твоя меня съ первыхъ словъ и турнетъ: «Тебѣ, скажетъ, старый чортъ, что́ за дѣло мѣшаться въ мои дѣла? хочу и—держу Митю». Вотъ тебѣ моя рука, что это такъ будетъ.

— Ну, если бабушка васъ не послушаетъ, развѣ нельзя попросить, чтобъ Дмитрія Дмитрича заставили силой выѣхать отъ нея?

— Какъ же это силой? Ты дитя, Лиза. Что́ жь, донести, что ли, на него правительству прикажешь, какъ на убійцу?

— Да, вѣдь, онъ и точно убиваетъ бабушку.

— Положимъ, что убиваетъ, да ка́къ я это докажу? на чье я показаніе обопрусь? На болтовню Савишны? Положимъ, что такъ я и донесу: что-де вотъ такая-то дворовая женщина была свидѣтельницей, ка̀къ ея барыню, такую-то, умышленно спаивалъ и пугалъ ея родной племянникъ такой-то...

— Да, дѣдушка, такъ и скажите.

— А ты думаешь, мнѣ такъ на слово и повѣрятъ? Ка́къ бы не такъ! Пойдутъ разспросы, допросы, повальные обыски. Митька вывернется: онъ малый не промахъ; да ему это и легко: кто повѣритъ, чтобъ онъ свою благодѣтельницу сталъ морить? Бабка твоя станетъ на дыбы, Савишна отопрется, и вся дворня то же. Тотъ и я останусь дуракъ-дуракомъ. Нѣтъ, моя душа, кабы люди смертные могли такъ легко придти, сказать слова два да и измѣнить участь человѣческую, такъ и наказанія на землѣ не было бы. Нѣтъ, другъ мой, что́ мы съ тобой ни дѣлай, ни говори, ка̀къ ни хлопочи, а все будетъ, что̀ Богу угодно. Это бабкѣ твоей

раздѣлка пришла. Она весь вѣкъ хаживала, кувыркалась, фарисейничала и дралась... вотъ ей теперь и перекреститься нечѣмъ. Она всю жизнь ругалась, ненавидѣла и клеветала — вотъ у нея языкъ отнимается и совсѣмъ отнимется, и нечѣмъ ей будетъ сказать: «помяни меня Господи, егда пріидиши во царствіи Твоемъ». Вотъ и я изъ-за нея согрѣшилъ на старости лѣтъ: осудилъ; а не осуди и не осужденъ будеши. А, можетъ-быть, ей въ этомъ земномъ страданіи милость Божія проявляется; можетъ-быть, ей тамъ, наверху, за это отпустится. Вотъ такъ-то, Лиза! А я пойти, пойду; мнѣ это нетрудно. Ты не думай, чтобъ я не жалѣлъ Дарью Яковлевну — нѣтъ, душевно жаль. Молись, чтобъ она только меня послушала, а я пойти, пойду.

Такъ кончилъ старый князь и грустно задумался.

Лиза поблагодарила дѣдушку, видя его добрую готовность исполнить ея просьбу, утѣшилась мыслью, что бабушка непремѣнно приметъ совѣтъ почтеннаго старика и удалитъ отъ себя страшнаго Дмитрія Дмитріевича. Весь день провела она съ родными и подъ-вечеръ, сопровождаемая напутственными благословеніями всей семьи, выѣхала съ Потапычемъ въ бричкѣ, заваленной периной, подушками и поклажей, изъ воротъ дома Годиныхъ и потянулась по темнымъ улицамъ Петербурга.

VII.

По грязи и слякоти на долгихъ тащилась Лиза съ Андреемъ Потапычемъ. Кормленье лошадей, обѣды, ночлеги, чаи ямщика — всѣ эти неизбѣжныя остановки, страшно мучили ее. Чѣмъ ближе подвигались они къ Динабургу, тѣмъ быстрѣе мчалось впередъ сердце Лизы. Ей хотѣлось не ѣхать, а летѣть птицей. А междутѣмъ, какъ на зло, и ѣхать немного попишбче было совершенно невозможно: начинало сильно морозить; изрытую колеями дорогу подернуло ледяной корой. Напрасно старый ямщикъ покрикивалъ и помахивалъ кнутомъ: неподкованныя на шипы лошади тряслись, шатались, ступая боязливо по скользкому, хрупкому льду, или путались и чуть не ломали ногъ въ колеяхъ замерзшей грязи.

Лиза безпрестанно высовывалась изъ брички и спрашивала у ямщика: «сколько осталось верстъ до Динабурга?» — «Скоро, барыня; сиди только. Доѣдемъ скорёхонько» былъ отвѣтъ ямщика,

и Лиза опять опускалась на подушки, и опять выглядывала, и опять дѣлала тотъ же вопросъ.

— Вонъ, вонъ! гляди, барыня, вишь, огонёчки-то мелькаютъ— это въ крѣпости, сказалъ старикъ и замахалъ опять кнутомъ.— Скорёхонько доѣдемъ.

Сильно забилось сердце Лизы, глядя на темную даль, по которой были посыпаны тусклые огоньки. Съ жадностью вглядывалась она въ нихъ и думала, что одинъ изъ этихъ огоньковъ, можетъ-быть, свѣтитъ ея несчастному мужу.

Передъ форштатами дорога стала лучше. Лошади, почуя стойлю, побѣжали дружнѣй, и скоро бричка покатилась между деревянныхъ домиковъ форштата и завернула къ постоялому двору.

Войдя въ комнату, Лиза тотчасъ же хотѣла бѣжать къ коменданту и просить о дозволеніи видѣть мужа.

— Андрей Потапычъ, если вы меня любите, пойдемте сію жь минуту къ Колѣ. До завтра я не могу ждать, не могу... Я не засну всю ночь.

— Матушка-барыня, я пойду всюду, куда вы изволите приказать. Да не поздно ли? Должно быть, зорю пробили, а послѣ зари въ крѣпость не ходятъ.

— Да вы не выдумывайте сами, Андрей Потапычъ; вы мнѣ всегда во всемъ отказываете, сказала нетерпѣливо Лиза. — Подите спросите у хозяина: онъ лучше васъ знаетъ, можно ли. Отчего мнѣ нельзя къ Колѣ? Это неправда.

— Матушка-барыня, не гнѣвайтесь, вотъ я сейчасъ спрошу.

Андрей ушелъ и чрезъ минуту вернулся съ хозяиномъ, который подтвердилъ, что послѣ зари въ крѣпость не пускаютъ.

Нечего было дѣлать: пришлось покориться и ждать до утра. Лиза напилась чаю, напоила Андрея и, какъ была, не раздѣваясь, укутавшись только салопомъ, прилегла на диванъ и хотѣла насильно заставить себя заснуть. Андрей Потапычъ вышелъ въ общую комнату, разостлалъ свой овчинный тулупъ на полъ, завернулся въ шинель и улегся поперегъ двери, чтобъ никто не потревожилъ его барыню.

Несмотря на эту нѣжную предосторожность, въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи Лиза провертѣлась всю ночь. Напрасно убаюкивало ее сладкое всхрапыванье со всѣхъ сторонъ, напрасно шипящіе часы въ сосѣдней комнатѣ говорили ей, что всѣ добрые люди давно спятъ, напрасно она глядѣла на слабо-мерцавшій огонёкъ лампады и на спокойный ликъ Спасителя: тре-

вога не утихала въ ней. Сильное біенье сердца, безпрестанныя вздрагиванья не давали ей сомкнуть глазъ ни на одну минуту. Наконецъ на востокѣ по темному небу занялась свѣтлая полоса. Лиза весело вскочила съ дивана и подбѣжала къ окну. Радостно смотрѣла она на свѣтлую полоску, какъ она росла и росла, сгоняя съ неба докучныя звѣздочки. Заскрипѣли ворота; вышелъ мужикъ, снялъ шапку, помолился на всѣ четыре стороны, тронулъ подъ-уздцы показавшуюся изъ воротъ лошадку и повелъ и вывелъ на дорогу; за ней потянулся другой, третій возъ; за ними выходили мужички, всѣ снимали шапки и набожно молились на четыре стороны. Лиза невольно обернулась къ свѣтлому образу, колѣни ея подогнулись, и она тоже стала молиться; долго, безъ словъ, стояла она, сложа руки, и только слезы ручьемъ текли изъ глазъ ея. А между-тѣмъ свѣтлая полоса разлилась по небу, и желанный день заглянулъ въ окно къ Лизѣ. Она встала съ колѣнъ и весело взглянула на улицу. На дворѣ было сухо, морозно и ясно. На сосѣднихъ домахъ прямой струйкой вился бѣлый дымокъ. Кой-гдѣ отворяли ставни. Лиза проворно открыла свой чемоданъ, вынула изъ него платье, шаль, стряхнула ихъ, расправила и разложила по стульямъ; потомъ распустила свою длинную косу и начала причесываться передъ маленькимъ пѣгимъ зеркаломъ, которое висѣло между двухъ оконъ. Чтобъ протянуть время, Лиза старалась дѣлать все тихо и медленно, но руки какъ-то не слушались ее, торопились и, какъ-бы на зло ей, ея лоснящаяся коса обернулась уже около головы и два во время дороги подобранные локона завились за ушами. Капотъ, тоже въ одинъ мигъ, обхватилъ ея стройную талію, и Лиза была почти готова. Стоило только набросить шаль, надѣть капоръ и бѣжать въ крѣпость — такъ нѣтъ, докучные часы прошипѣли не болѣе семи, и оставался еще цѣлый, длинный часъ ожиданія. Вошелъ Андрей Потапычъ съ самоваромъ и началъ приступать къ Лизѣ, чтобъ она, хоть насильно, а чайку покушала. Лиза повиновалась, напилась сама, напоила его и съ послѣднимъ ударомъ шипящихъ часовъ, то-есть ровно въ восемь, была уже на улицѣ и бѣжала впередъ съ своимъ проводникомъ, мальчикомъ съ постоялаго двора, къ крѣпости. Потапычъ, кряхтя, мелкимъ шагомъ тоже бѣжалъ за барыней и только-что ворчалъ себѣ подъ-носъ: «Упадетъ, ей-богу, упадетъ. Долго ли упасть— вишь, гололедица какая! На грѣхъ мастера нѣтъ. Вотъ того-и-гляди упадетъ».

До крѣпости дошли скоро. Въ воротахъ Лиза спросила, гдѣ квартира коменданта. Ей указали. Чрезъ минуту она была уже въ передней. На просьбу Лизы видѣть коменданта, ей сказали, что онъ очень занятъ и надо подождать. Она опустилась на ларь. Въ ней все кипѣло и бурлило, а нѣчего дѣлать, надо было ждать. На ея счастье, скоро вышелъ плац-адъютантъ. Лиза обратилась къ нему и начала просить его, чтобъ онъ позволилъ ей видѣть ея мужа, арестанта Китина.

— Сколько угодно и когда угодно-съ, сударыня, отвѣтилъ плац-адъютантъ, молодецки расшаркиваясь передъ Лизой.—Вашъ супругъ живетъ съ подпоручикомъ Пупенко. Если позволите, сударыня, я буду имѣть честь проводить васъ къ нему.

— Очень вамъ благодарна.

Плац-адъютантъ изогнулся въ кольцо и пригласилъ Лизу слѣдовать за нимъ.

— Вы пріѣхали сюда для свиданья съ вашимъ супругомъ? спросилъ плац-адъютантъ, желая занять Лизу разговоромъ во время дороги.

— Нѣтъ, не для свиданья, а чтобъ жить здѣсь, пока мой мужъ будетъ содержаться.

— Какой счастливецъ вашъ супругъ! Многіе бъ желали на его мѣстѣ быть плѣнниками, чтобъ такая черкешенка, какъ вы, прошептала въ заключеньи:

Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главой ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь ..

Лиза подняла свои темносѣрые глаза на плац-адъютанта и съ удивленіемъ остановила ихъ на пошломъ, улыбавшемся его лицѣ.

— Это стихи Пушкина... «Кавказскій Плѣнникъ», сконфузившись, сказалъ плац-адъютантъ, опуская глаза.

— Я знаю, холодно отвѣтила Лиза.

— Сюда пожалуйте, сударыня, сказалъ плац-адъютантъ, сколзнувъ проворно въ корридоръ и отворяя дверь квартиры подпоручика Пупенко. — Позвольте мнѣ войти первому и возвѣстить вашему супругу пріятную новость: можетъ-быть, кавалеры еще не одѣты.

Лиза осталась въ маленькой передней. Плац-адъютантъ вошелъ во вторую комнату. Табачный дымъ столбомъ вылетѣлъ изъ нея.

— А, Купидонъ! А, Капитонъ Михайлычъ! закричали въ одинъ голосъ Китинъ и Пупенко.

— Я, господа-съ; только я не Купидонъ нынче, а Меркурій: я прилетѣлъ сюда съ благою вѣстью...

— Что́ жь ты намъ вѣстишь? спросилъ Пупенко...

— Не партійку ли хорошенькую? перебилъ Китинъ.

— У васъ все одно на умѣ, Николай Иванычъ... «Мотя», совѣтую тебѣ *сократиться*. Я къ Николаю Иванычу привелъ червонную даму — даму сердца, а не тебѣ. Да поди жь вонъ, Пупенко, тебѣ говорятъ!

— Да кто тамъ такой? покажи! сказалъ Пупенко, съ любопытствомъ заглядывая въ переднюю.

Плац-адъютантъ выпихнулъ его въ другую комнату.

— Ступай одѣнься и приходи, а въ халатѣ нельзя.

— И мнѣ надо одѣться въ мой мундиръ? спросилъ Китинъ, улыбаясь.

— Боже сохрани! оставайтесь въ халатѣ. M-me Китинъ, милости просимъ, сказалъ Капитонъ Михайловичъ, выходя въ переднюю.

Въ одну минуту Лиза была на груди мужа. Плац-адъютантъ, изъ деликатности, чтобъ не женировать Китиныхъ, прошелъ въ комнату Пупенка.

— Какую ты тамъ Венеру притащилъ, Купидонъ Меркурьичъ?

— Тс! что́ ты орешь! Истинно Венеру, братецъ; просто, отдай все да и мало — вотъ что́ такое!..

При этой послѣдней фразѣ Капитонъ Михайловичъ чмокнулъ въ концы пальцевъ.

— Кто жь это? Не терзай же ты меня! спрашивалъ Пупенко, приглаживая, фабря и закручивая усы передъ зеркаломъ.

— Не скажу. А бурколы-то какіе, братецъ! Большіе, умные... а рѣсницами-то хоть полъ мети!

— Вѣрно, жена Китина: онъ ждалъ ее.

— Насилу-то догадался! Кабы не жена́, такъ этакую бъ душку я скорѣй къ себѣ самому провелъ, чѣмъ къ нему. Что́ за ножка, братецъ! что́ за ручки—просто, мое почтенье! Вѣдь надобно жъ, чтобъ у этакого негодяя Китина была такая женка!

— Врёшь, Купидо; вѣрно рожа какая-нибудь...

— Одѣвайся скорѣй, самъ увидишь.

— Ну, вѣрно, харя.

— Коли харя, такъ на что́ жь ты мурло-то свое одеколономъ

щатираешь? Что Мари Фарина тебѣ, кума что ли? Даромъ поставляетъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, хороша—а? спросилъ Пупенко еще разъ, вертясь на стулѣ.

— Просто, жужу—какъ честный человѣкъ. Такъ бы и посадилъ въ коробочку, да все бы и цаловалъ.

— Ну, вѣрно, рожа! Смотри, Купидонишка, я тебя изуродую, коли ты меня обманываешь, говорилъ Пупенко, перетягиваясь, что̀ есть силы, ремнемъ въ рюмочку.

— Да ужь хорошъ. Пусти меня. Переломишься, сказалъ плацадъютантъ, отталкивая Пупенко и садясь передъ зеркаломъ. А между-тѣмъ началъ надармовку мазать фиксатуаромъ свои волосы и взбивать изъ нихъ огромный кокъ, тихо мурлыча про-себя:

Такъ и мнѣ узнать случилось,
Что̀ за птица купидонъ.
Сердце страстное плѣнилось,
Признаюсь: и я влюбленъ.

— Куда это сестра удрала съ ранняго утра? У насъ и дамы въ домѣ нѣтъ. Это неловко. Надобно бы завтракъ хорошенькій подать, бормоталъ въ то же время Пупенко, застегивая сзади шеи на пряжку высокій, черный бархатный, съ выемомъ, галстухъ.

Въ то время, какъ два гарнизонные офицера помадились, душились и подтягивались, чтобъ плѣнить Лизу, она даже не думала о ихъ присутствіи: сбросила съ себя шаль и уютно усѣлась возлѣ милаго своего Коли. А Китинъ, въ щегольскомъ халатѣ, лежалъ лѣниво, прижавшись въ углу дивана, сладко потягивая дымъ изъ янтарнаго мундштука, и слушалъ Лизу, которая не могла наговориться съ нимъ, не могла наглядѣться на него.

— Скажи мнѣ еще разъ, Коля, что ты не страдаешь здѣсь, что тебѣ здѣсь не дурно, говорила Лиза, прижавшись къ мужу.

— Что жь повторять все одно и то же, душка? До-сихъ-поръ не могу жаловаться. Посмотри на меня хорошенько и спроси себя одинъ разъ навсегда: похожъ ли я на несчастнаго? Кабы не мой «перелетный» мундиръ, я никогда бъ и не вспомнилъ, что я здѣсь живу не по собственной волѣ.

— Какой мундиръ, Коля?

— Вонъ, лежитъ на стулѣ, сказалъ Китинъ, улыбаясь и показалъ на сѣрую арестантскую куртку.

Лиза взглянула и вздрогнула.

— Что̀ ты испугалась? проговорилъ Китинъ страннымъ голосомъ и захохоталъ.

— Не хохочи, Коля; мнѣ больно, я не могу... прошептала Лиза, и слезы покатились градомъ.

— Вотъ ужь и дождикъ накрапываетъ. А не ты ли говорила, что на все готова?

— Да́, Коля, я готова переносить все: лишенья, нужду, смиряться передъ горемъ, но смѣяться надъ твоимъ несчастьемъ не могу: это страшно...

— У, у, бука! сказалъ Китинъ, показывая на куртку и закатываясь громкимъ смѣхомъ.

— Я не куртки боюсь, Коля, вдругъ проговорила серьёзно Лиза, вытирая глаза.

— А чего жь ты боишься?

— Твоего хохота, Коля.

— Ну, так давай плакать, если это тебѣ такъ хочется, и на это я готовъ, сказалъ Китинъ, прижавъ платокъ къ глазамъ.

— И этого ненадо, Коля.

— Что̀ жь надо?

— Терпѣть и надѣяться.

— Ухъ, какъ вы умны сегодня, монастырка!

— Что ты потѣшаешься со мной, какъ съ ребенкомъ, Коля? Я женщина, а не ребенокъ...

— И прехорошенькая женщина. Ты не замѣтила, какихъ стрѣлковъ пускалъ на тебя нашъ плац-адъютантъ, когда вводилъ тебя ко мнѣ?

— Онъ, кажется, сумасшедшій, вашъ плац-адъютантъ?

— Нѣтъ-съ, madame Китинъ, онъ премилый, прелюбезный молодой человѣкъ, а вы хоть кого съ ума сведете.

— Да ему, кажется, не́ съ чего сходить. Представь, что, провожая меня къ тебѣ, онъ началъ читать стихи изъ «Кавказскаго Плѣнника», обращаясь ко мнѣ...

— Ужь уснѣлъ? перебилъ Китинъ, хватаясь за бока, и покатился со смѣху.

— Да̀, да̀, сравнивалъ меня съ черкешенкой—ка́къ тебѣ это кажется?

— За это ужь извините, мы на томъ стоимъ. У нашего Купидона на все есть куплетецъ.

— Что̀ это еще за Купидонъ?

— Онъ же и плац-адъютантъ и Капитонъ сынъ Михайловъ, по прозванью Гайкинъ.

— Его зовутъ Купидономъ? Ахъ, какой уморительный! Зачѣмъ ты мнѣ сказалъ? Я теперь безъ смѣху не могу глядѣть на него.

— Нѣтъ, Лиза, сдѣлай одолженіе, будь съ нимъ мила, любезна, не затронь какъ-нибудь его самолюбія: онъ очень-обидчивъ. Знай, душа моя, что я ему всѣмъ обязанъ—свободой, хорошимъ помѣщеніемъ, скажу больше: дружбой и внимательностью ко мнѣ всѣхъ гарнизонныхъ офицеровъ. Я прошу тебя, если любишь меня, будь съ нимъ ласкова. Онъ добрый, прекрасный человѣкъ, а для меня, просто, сокровище.

— Коля, я не знала этого. Я буду благодарна ему всей душой, и съ этой минуты онъ не смѣшонъ ужь мнѣ больше. Я готова цѣлые дни слушать его куплетики, лишь бы онъ только былъ добръ съ тобой. А Пупенко, съ которымъ ты живешь, тоже хорошъ съ тобой, Коля?

— Больше чѣмъ хорошъ. Онъ предобрый тюфякъ, чистая гарниза и страшный сердечкинъ. Я впередъ знаю, что ты погубишь его во цвѣтѣ лѣтъ. У него есть сестра; она живетъ надъ нами, въ свѣтёлкѣ, поэтическая, старая дѣва. Отъ-нечего-дѣлать, я за ней приволакиваюсь—и она очень-довольна: вздыхаетъ, поднимаетъ «очи» къ небу и называетъ себя монахиней.

— Какой ты насмѣшникъ, Коля!

— Не вѣришь? Право, я тебѣ измѣнилъ, mon ange. Жаль только, что у нея зубы никогда не чищены и манишки и юбки вѣчно грязныя, а то я не отвѣчалъ бы за себя—преувлекательная дѣва! Когда-нибудь я подарю ей кусокъ сѣраго мыла и зубнаго порошку et alors vous êtes perdue pour moi ma chère.

— Mechant! сказала Лиза, улыбаясь.

Дверь отворилась, и Пупенко съ плац-адъютантомъ вошелъ въ комнату. Капитонъ Михайловичъ съ развязностью свѣтскаго молодаго человѣка поклонился и взялся за спинку стула. Пупенко, взглянувъ на Лизу, вспыхнулъ какъ зарево, засуетился, началъ расшаркиваться и потащилъ ногой стулъ, на который оперся плац-адъютантъ. Плац-адъютантъ насмѣшливо закусилъ усы.

— Модестъ Лукичъ, честь имѣю рекомендовать вамъ мою жену, сказалъ Китинъ, приподнимаясь съ дивана.

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ, monsieur Пупенко, и и васъ также, monsieur Гайкинъ, за ваше доброе вниманіе и

дружбу къ моему мужу, проговорила съ чувствомъ Лиза, кланяясь обоимъ офицерамъ.

— Помилуйте-съ! это была моя обязанность, отвѣтилъ, наклоняя слегка голову, Гайкинъ, усаживаясь на стулъ противъ Лизы.

— Я, право, ничего не сдѣлалъ... я, право, всегда готовъ... всей душой... сталъ бормотать, раскланиваясь нѣсколько разъ и переминаясь съ ноги на ногу, сконфуженный, Пупенко.

— Садись, Мотинька, сказалъ развязно и улыбаясь Капитонъ Михайловичъ, поддвигая Модесту Лукичу стулъ.

Пупенко покраснѣлъ до волосъ и опустился на кончикъ стула. Китинъ слегка толкнулъ локтемъ Лизу. Лиза опять сѣла около него.

— Вы не побоялись... Позвольте узнать имя и отчество? началъ развязно Гайкинъ.

— Лизавета Леонидовна, сказалъ Китинъ.

— Вы не побоялись, Лизавета Леонидовна, покинуть роскошный Петербургъ съ его баснословными увеселеніями для нашей глуши, для этой, такъ-сказать, могилы, гдѣ мы прозябаемъ, несчастные пасынки судьбы?

— Я ѣхала сюда не для развлеченія. Повѣрьте, что въ вашей глуши я не вспомню о Петербургѣ, отвѣчала Лиза, пожавъ руку мужа.

— Понимаемъ-съ, теперь понимаемъ-съ, Лизавета Леонидовна: что́ вамъ Петербургъ безъ этого счастливца Китина... Понимаемъ-съ...

Разлученъ съ тобою,
Сколько плакалъ я!

проговорилъ восторженно Гайкинъ.

— Да́, да̀, Капитонъ Михайлычъ, вы отгадали, подхватила, смѣясь, Лиза:—и я вамъ отвѣчу:

Что̀ теперь сравнится
Съ долею моей...

— Браво, браво, Лиза! и я прибавлю:

Ты узнала ль друга?
Онъ не то, что̀ былъ;
Но тебя, подруга,
Я не позабылъ...

Всѣ захохотали, Пупенко громче всѣхъ.

— Вы любите Пушкина, Лизавета Леонидовна?

— Развѣ можно его не любить, monsieur Гайкинъ?

— Да-съ. По-мòему онъ баснословный писатель...

— Ну, баснослововъ-то у насъ покуда только два: Богдановичъ да Дмитріевъ, сказалъ Пупенко.

— Ну, ты, Мотя, молчи: тебѣ поэзія не далась.

— Тебѣ и книги въ руки, тихо проговорилъ Пупенко.

— Нѣтъ, я опять-таки повторяю, что Пушкинъ истинно баснословный поэтъ. Съ чѣмъ сравнится эта легкость стиха, эта мѣткость выраженія, напримѣръ, въ этихъ двухъ стихахъ:

Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй...
Подумавъ, я скажу все то же...

Сколько тутъ истиннаго чувства, жара—просто, прелесть! диво! закричалъ Гайкинъ, взглянувъ на Лизу.

— Дà, точно, это мѣткое и очень-ловкое двустишіе, сказалъ Китинъ, опять подталкивая Лизу локтемъ.

— Это мило, какъ все, чтò пишетъ Пушкинъ, прибавила серьёзно Лиза.

— Однакожь, Капитонъ Михайлычъ, до-сихъ-поръ мы угощаемъ дорогую гостью только стихами, а, можетъ-быть, Лизаветѣ Леонидовнѣ угодно закусить что-нибудь, проговорилъ Пупенко, обращаясь къ Лизѣ.—Сдѣлайте одолженіе, позвольте приказать, прибавилъ онъ, краснѣя и вставая со стула:—я сію-минуту распоряжусь...

— Не безпокойтесь, monsieur Пупенко, я недавно пила чай. Я должна сейчасъ идти домой. У меня ничего еще не разобрано съ дороги.

— Кстати, Лиза, я еще не успѣлъ спросить тебя: гдѣ ты остановилась?

— Ахъ, мой другъ! я, право, не знаю гдѣ... въ какомъ-то домѣ, куда меня привезли; кажется, это постоялый дворъ. Впрочемъ, я и этого не спросила—я такъ торопилась къ тебѣ. Одно могу сказать, что тамъ очень-грязно и гадко.

— Такъ тебѣ надо торопиться нанять квартиру.

— Я это и хочу сдѣлать, Коля.

— Позвольте мнѣ объ этомъ озаботиться, подхватилъ плацадъютантъ.

— Я побѣгу сію жь минуту, проговорилъ, снова краснѣя, Пупенко.

— Очень вамъ благодарна, господа. Но если вы ужь такъ любезны, то позвольте мнѣ попросить васъ справиться: гдѣ мои вещи, которыя я отправила съ транспортомъ, и, если можно, доставить ихъ мнѣ.

— Все будетъ сдѣлано.

— Мы отъищемъ-съ. Мы пойдемъ-съ, сказали въ одинъ голосъ Гайкинъ и Пупенко.

Лиза простилась съ мужемъ и собралась домой. Гайкинъ подалъ ей шаль, Пупенко—шляпку.

— А тебѣ, Коля, ужь нельзя будетъ заглянуть въ мой уголокъ, когда я устроюсь? спросила Лиза грустно.

Китинъ молчалъ.

— Для васъ все будетъ возможно, Лизавета Леонидовна; вамъ стоитъ только пожелать—и все исполнится. Я вашъ покорнѣйшій слуга, сказалъ самодовольно плац-адъютантъ, положивъ руку на грудь.

— О! если такъ, то я желаю, очень желаю, monsieur Гайкинъ. Слышишь, мой милый гость: я жду тебя. Adieu, Коля, до завтра, проговорила Лиза и пошла къ двери.

— Позвольте васъ проводить, Лизавета Леонидовна, предложилъ плац-адъютантъ.

— И мнѣ, если позволите, робко прибавилъ Пупенко.

— Если это не затруднитъ васъ, господа. Я боюсь оторвать васъ отъ вашихъ занятій.

— Для васъ, ma-a-me Китинъ, можно кинуть все, сказалъ Гайкинъ, накидывая шинель.

— Помилуйте-съ, помилуйте-съ! говорилъ Пупенко, проворно хватаясь за шляпу.

И оба отправились съ Лизой, поддерживая ее, на скользкихъ мѣстахъ по крѣпостному двору, съ обѣихъ сторонъ подъ-руки.

Андрей шелъ поодаль за барыней. Вдругъ сзади раздался хохотъ. Андрей оглянулся и въ отворенной форточкѣ увидѣлъ Китина, который глядѣлъ на проводы Лизы и умиралъ со смѣху. Андрей Потапычъ тотчасъ опустилъ голову и заворчалъ себѣ подъ-носъ: «Хохочетъ... будто бы и не каторжный. Ахъ, ты, Господи, Господи! А материны-то косточки, поди, въ могилѣ поворачиваются, а Андрей на это гляди. Старый хрычъ, гляди, любуйся, кого выняньчилъ, старый пёсъ! кого? Вотъ тебѣ и уходъ твой! вотъ тебѣ и твоя забота. Вотъ оно... хохочетъ... Наказалъ ты меня, Господи, наказалъ!»

VIII.

Когда Китинъ пріѣхалъ въ крѣпость, онъ въ первыя минуты сильно оробѣлъ.

Форменно-холодный, строгій пріемъ начальства озадачилъ его еще болѣе. Слабаго, робкаго, безгласнаго отвели Китина на гауптвахту и оставили одного.

А между-тѣмъ офицеръ, который привелъ партію арестантовъ, былъ приглашенъ на завтракъ къ крѣпостнымъ офицерамъ.

За стаканомъ вина, слово-за-слово, завязался разговоръ; начались любопытные разспросы о Китинѣ: кто онъ? что онъ? за что? дворянинъ? богатъ? образованъ? женатъ? сыпалось со всѣхъ сторонъ.

— По моему мнѣнію, господа, сказалъ этапный офицеръ, обращаясь ко всей компаніи: — Китинъ достоинъ всякаго сожалѣнія. Вопервыхъ, онъ образованнѣйшій, умнѣйшій молодой человѣкъ. Кàкъ говоритъ! тàкъ вотъ и рѣжетъ, тàкъ вотъ и рѣжетъ! то-есть, чортъ его знаетъ, откуда у него чтó берется! Любезенъ, ловокъ — словомъ, рожденъ для парке́; вовторыхъ, знатенъ, богатъ; жена у него красавица, княжна—ну, просто, вельможа. А сердцемъ ребенокъ, можно сказать: мягкость какая-то въ немъ — ну, чистый воскъ, возьми только и лѣпи чтó хочется. А денегъ у него, господа—это я ужь вамъ говорю—куры не клюютъ: тàкъ и посыпаетъ, тàкъ и посыпаетъ! Истинный магнатъ, господа! Проступокъ его—это чистая молодость; увлеченіе, вѣрьте мнѣ, что увлеченіе! Признаюсь, мнѣ его чертовски-жаль. Вѣдь это не то, чтó другой арестантишка: возьми и гони его къ чорту на кулички, сажай куда хочешь—и не жаль, право, не жаль. Вѣдь это цвѣтокъ, я вамъ говорю, господа, чисто для парке́!

Ораторство этапнаго сильно подстрекнуло любопытство крѣпостныхъ офицеровъ; они, всѣ поочередно, начали забѣгàть на гауптвахту, сперва заглядывать на Китина, а потомъ знакомиться съ нимъ.

Плац-адъютантъ ударился къ супругѣ коменданта, которая къ нему очень благоволила.

— Ваше превосходительство, я прибѣжалъ сообщить вамъ новость: у насъ въ крѣпости новый арестантъ изъ Петербурга,

человѣкъ свѣтскій, милый, образованный, богачъ, женатъ на княжнѣ, красавецъ собою...

— Ахъ, Боже мой, какъ это пріятно! Кто жь это? Какой несносный этотъ Максъ, никогда ничего интереснаго не скажетъ!

— Это разжалованный поручикъ Китинъ—прелесть, что́ за молодой человѣкъ!

— Ахъ, Боже мой! Гдѣ жь онъ у васъ сидитъ, этотъ jeune homme?

— Теперь еще на гауптвахтѣ, а потомъ, все будетъ зависѣть отъ Максима Максимыча. Не-уже-ли онъ захочетъ поставить его на одну ногу съ другими арестантами? Это невозможно. Ради Бога похлопочите, Юлья Константиновна, чтобъ этого не было; вы однѣ можете уговорить генерала отступить отъ форменности.

— Ужь этотъ Максъ, такой несносный, съ своими формами! Онъ никогда не разбираетъ людей; ему все равно: солдатища ли какой-нибудь ужасный, или jeune homme interessant. Впрочемъ, я до этого не допущу. Это, просто, будетъ срамъ, если Максъ его куда-нибудь запихнетъ.

— Вы совершенно-правы, Юлія Константиновна. Если въ Петербургѣ, въ бомондѣ, родственники супруги Китина узнаютъ о жестокомъ обращеніи съ нимъ, это падетъ на генерала и на васъ ужаснымъ пятномъ.

— Ахъ, mon cher, что̀ вы мнѣ говорите! Я женщина, у меня сердце на мѣстѣ, я это понимаю. Ахъ! Но, Максъ, c'est un ours, mon cher; развѣ онъ что-нибудь чувствуетъ? Вы это лучше всѣхъ знаете; я съ вами всегда была откровенна. Впрочемъ, теперь хотя я и слабая женщина, а поставлю на-своемъ. Я не хочу быть ridicule изъ-за такого фельдфебеля, какъ Максъ. Я иду сей же часъ къ нему и постараюсь вдолбить ему резонъ. А вы, mon cher, ступайте на кухню и распорядитесь, чтобъ Китину сію же минуту послали на гауптвахту завтракъ. Пожалуйста, чтобъ на серебрѣ.

Генеральша отправилась въ кабинетъ къ мужу.

Комендантъ въ это время писалъ что-то, сидя за письменнымъ столомъ.

Юлія Константиновна опустилась передъ нимъ въ кресло.

— Максъ! начала она, повертывая на пальцахъ брильянтовыя кольца.

— Что, матушка? спросилъ комендантъ, продолжая писать.

— Максъ, у насъ новый арестантъ въ крѣпости.

— Ужь пронюхала?

— Какое выраженіе, Максъ! «пронюхала»! Что̀ жь дѣлать, если мнѣ мой мужъ ничего не говоритъ?

— Да вѣдь ты пронюхала?

— Опять, Максъ! Нельзя же мнѣ не знать, когда вся крѣпость кричитъ.

— Что̀ жь она кричитъ?

— Что сюда присланъ интересный молодой человѣкъ, monsieur Китинъ.

— Интересный! Да съ чего ты это взяла? Такая же выжига, шельма, какъ и всѣ, которыхъ къ намъ присылаютъ.

— Не правда, Максъ; это прелестный молодой человѣкъ!

— Давно ли это, матушка, правительство, въ утѣху старымъ бабамъ, стало ссылать въ арестантскія роты прелестныхъ молодыхъ людей?

— Максъ, вы совершенный солдатъ! Поберегите мои нервы, я васъ прошу.

— Знаю я, матушка, твои нервы. Какъ дѣвокъ по щекамъ хлестать, такъ и нервъ нѣтъ; а какъ бестія какая-нибудь съ усиками, такъ откуда и нервы возьмутся!

— Ай-ай-ай! Мнѣ дурно, дурно! проговорила Юлія Константиновна, вытянулась, заскрипѣла зубами и начала хохотать.

— Поѣхала... ну! еще... еще, да и проваливай отъ меня! Дай ты мнѣ, старику, хоть день спокойно прожить!.. Тьфу ты, Господи! Что̀ за анаѳемская баба!

— Ай... не могу!.. ай... дурно... Ха-ха-ха!.. Ай-ай-ай! не могу!

— Да говори ужь скорѣй, чего ты отъ меня хочешь?

— Максъ! я хочу, чтобъ ты не былъ жестокъ съ этимъ несчастнымъ jeune homme, сказала, проворно очнувшись, Юлія Константиновна.

— Да что̀ я, ѣмъ что̀ ли, твоего jeune homme?

— Скажи мнѣ, Максъ, что̀ ты съ нимъ хочешь дѣлать?

— Что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать? Чортъ его побери совсѣмъ! Что̀ я дѣлаю со всѣми арестантами?

— Со всѣми, Максъ? Да развѣ онъ то же, что̀ всѣ? Онъ изъ бомонда. Онъ женатъ на княжнѣ.

— Да мнѣ-то, матушка, что̀ до этого за дѣло? Я знаю только, что онъ арестантъ; а для арестантовъ для всѣхъ одно положеніе.

— Ай-ай! мнѣ дурно, дурно!

— Чего же ты хочешь, говори!

— Я хочу чтобъ онъ былъ свободенъ, этотъ милый молодой человѣкъ.

— Какъ же, матушка, я сейчасъ отворю ему ворота!

— Максъ, не то, не то. Выслушай меня: я не прошу ему свободы—пойми меня хоть разъ въ жизни; я хочу, чтобъ онъ не сидѣлъ со всѣми арестантами. Позволь ему жить у кого-нибудь изъ офицеровъ. Они всѣ тебя объ этомъ просятъ. Вѣдь онъ не можетъ убѣжать изъ крѣпости: они за него отвѣчаютъ.

— Врутъ они, дураки, сами не знаютъ, что̀... твои офицеры!

— Ну, отдай его мнѣ. Я тебѣ за него отвѣчаю.

— Покорно благодарю, матушка.

— Ай-ай! дурно...

— Да бери его, бери! Отстань отъ меня!

— Не бойся, Максъ, онъ не уйдетъ: я помѣщу его къ одному изъ офицеровъ.

— Да бери и сажай его хоть къ себѣ за пазуху, только провались ты съ нимъ отъ меня!

Генеральша не упала больше въ обморокъ, а проворно побѣжала изъ кабинета.

— Смотри ты только у меня! Если что̀ случится: я вѣдать не вѣдаю, знать ничего не знаю, и ничего не позволялъ! кричалъ вслѣдъ женѣ комендантъ.

Она его больше не слушала и скрылась за дверью, гдѣ ее поджидалъ Гайкинъ.

— Вы слышали, mon cher, мое самоотверженіе! Что̀ я перенесла, чтобъ вырвать этого jeune homme изъ звѣрскихъ рукъ этого тирана!

— Я все слышалъ и дивлюсь вамъ... Вы ангелъ-хранитель, посланный въ это страшное жилище стоновъ, чтобъ утирать слезы несчастныхъ, сказалъ восторженно Гайкинъ, страстно цалуя руку комендантши.

— Я слабая женщина, mon cher, j'ai un coeur—и больше ничего.

Вслѣдствіе этой растрепанно-нѣжной сцены, Китинъ, къ общей радости всѣхъ офицеровъ, былъ помѣщенъ на жительство къ добрѣйшему капитану Пуненко, который отъ-души самъ вызвался раздѣлить съ нимъ свой уголъ.

Отъ работы и службы Китинъ былъ уволенъ и арестантскую

куртку свою надѣвалъ только въ тѣ часы, когда комендантъ дѣлалъ осмотръ арестантамъ.

Китинъ спокойно зажилъ съ Пупенко; къ нимъ по вечерамъ начали собираться офицеры; завязалась игра, и Николай Ивановичъ былъ совершенно въ своей сферѣ. Сестра Пупенко души не чаяла въ своемъ новомъ жильцѣ, поила и кормила его на убой, и дѣлала ему глазки. Сама генеральша нѣсколько разъ называлась на бостонъ къ сестрѣ Пупенко и была въ совершенномъ чаду отъ любезности интереснаго jeune homme.

Даже комендантъ, заставая Китина во время осмотра арестантовъ всегда на своемъ мѣстѣ, одѣтаго по формѣ, на вытяжкѣ, со скромнымъ, кроткимъ лицомъ, началъ благоволить къ нему и смотрѣть сквозь пальцы на продѣлки жены и офицеровъ.

Въ это самое время Лиза пріѣхала къ мужу и застала его веселымъ и спокойнымъ.

IX.

Возвратясь отъ мужа на постоялый дворъ, Лиза начала разбирать свои вещи. Плац-адъютантъ и Пупенко пустились въ разныя стороны искать поблизости отъ крѣпости удобную квартирку и освѣдомиться о привезенныхъ въ Динабургъ вещахъ очаровательной мадамъ Китинъ.

Всякому хотѣлось отличиться, угодить Лизѣ. Нѣсколько разъ забѣгали они къ ней поочередно, одинъ за другимъ, сообщить объ отысканныхъ вещахъ, о величинѣ и числѣ комнатъ въ замѣченныхъ квартирахъ. Вмѣстѣ повели они Лизу смотрѣть пріисканный Пупенко маленькій, чистенькій домикъ возлѣ самой крѣпости. На этотъ домикъ палъ выборъ Лизы, къ неописанному восторгу Модеста Лукича. Рѣшено было, что она туда переѣдетъ на другой же день поутру.

Чѣмъ-свѣтъ, плац-адъютантомъ были скомандованы изъ крѣпости солдаты, чтобъ перевезти мадамъ Китинъ.

Пупенко и Гайкинъ суетились съ ранняго утра. Съ огромными кренделями отправились они на новую квартиру и торжественно дожидались молодой хозяйки.

Гайкинъ провелъ всю ночь отъискивая въ Пушкинѣ стишки, соотвѣтствующіе случаю, чтобъ поднести ихъ Лизѣ на новоселье; но, не найдя ничего, самъ къ утру разрѣшился четверостишіемъ.

Поджидая Лизу у окна, онъ стоялъ передъ кренделемъ, на которомъ лежала розовая бумажка, исписанная крючковатымъ почеркомъ, и твердилъ свой куплетъ. Пупенко, стоя у другаго окна, тоже передъ кренделемъ, вспыхивалъ каждую минуту.

Когда всю мёбель перетащили, Лиза наконецъ показалась изъ-за угла съ Андреемъ Потапычемъ, который несъ завѣтный образъ Божіей Матери—благословеніе покойной Анны Павловны.

Офицеры бросились съ кренделями къ дверямъ. Проворный Гайкинъ завладѣлъ порогомъ, мѣшковатый Пупенко, краснѣя, помѣстился сзади него.

Лиза вошла на крыльцо.

Плац-адъютантъ прокашлялся и звонкимъ голосомъ проговорилъ, подавая свой крендель:

Войди въ сей домъ, звѣзда младая,
Меня собою освѣти,
Прими хлѣбъ-соль не отвергая,
Живи, красуйся и цвѣти!

— Будьте благополучны... Всего, всего вамъ желаю Лизавета Леонидовна, толкался изъ-за Гайкина бѣдный Пупенко съ своимъ кренделемъ, въ который былъ воткнутъ огромный бумажный розанъ.

Лиза раскланивалась, благодарила и не знала, ка́къ совладѣть съ двумя кренделями, которые ей совали въ руки.

Цѣлое утро прошло въ томъ, что изъ крѣпости являлись рекомендоваться и поздравить мадамъ Китинъ съ новосельемъ гарнизонные офицеры съ конфектами, тортами и куличами въ рукахъ.

Отъ комендантши принесли такую высокую бабу, что ее насилу могли вворотить въ низенькую дверь домика Лизы.

Вотъ подъ какими счастливыми предзнаменованіями Лиза водворилась въ Динабургѣ.

X.

Пообѣдавъ на скорую руку, Лиза отправилась къ мужу въ крѣпость.

На этотъ разъ ее тамъ ожидали: все было прибрано. Передъ зеркаломъ, на подстольникѣ, стояли двѣ приготовленныя къ вечеру восковыя свѣчи.

Китинъ былъ въ венгеркѣ, въ пестренькомъ галстучкѣ; Пупенко въ мундирѣ. Сестра его Марья Лукинична тоже была дома и въ полномъ парадѣ, въ малиновомъ шелковомъ платьѣ, съ огромными буклями крепне. Какъ хозяйка, она приняла Лизу первая.

— Ахъ, madame Kitine, ка́къ высказать все нетерпѣніе, которымъ я сгорала все это время, желая имѣть счастье познакомиться съ вами! сказала старая дѣва, встрѣтивъ Лизу на порогѣ гостиной и жеманно присѣдая.—Вашъ милый супругъ подтвердитъ истину словъ моихъ, прибавила она, бросая убійственный взглядъ на Китина.—Сколько разъ я говорила имъ: «Николай Иванычъ, когда же это, наконецъ, пріѣдетъ очаровательная ваша супруга?» Милости просимъ въ нашу келью; она недостойна принять васъ; но что̀ же дѣлать отшельникамъ, если судьба не надѣлила ихъ дворцомъ, чтобъ вмѣстить такую особу, какъ вы? заторaторила залпомъ Марья Лукинична, вводя Лизу, послѣ жаркихъ поцалуевъ, въ гостиную.

Лиза только кланялась и не находила ни одного слова въ отвѣтъ на многорѣчивый потокъ хозяйки дома.

Едва успѣла Лиза поцаловать мужа, чмокнуть лоснящуюся щеку Модеста Лукича, который, ободрившись, краснѣя, подошелъ къ ея ручкѣ, какъ Марья Лукинична опять завладѣла ею.

— Сюда, madame Kitine, на диванъ, тутъ вамъ будетъ спокойнѣе. Братецъ, да подайте же скамеечку madame Kitine! Простите насъ, мы не знаемъ приличій большаго свѣта; мы вѣрно вамъ кажемся смѣшны, необразованы? но по-крайней-мѣрѣ вы найдете у насъ, чего не съищете въ этомъ холодномъ свѣтѣ— эти теплыя сердца и непритворную любовь. При этомъ послѣднемъ изреченіи бойкіе, черные глаза Марьи Лукиничны опять какъ-то случайно набѣжали на Китина.

— Сестрица, сестрица! шепнулъ, покраснѣвъ, Пупенко, подмигивая сестрѣ.

— Лиза, Марья Лукинична страшная охотница церемониться. Сдѣлай милость упроси ты ее быть съ тобой просто, безъ затей, сказалъ Китинъ Лизѣ.

— Да̀, мадмуазель Пупенко, пожалуйста будьте со мной какъ съ родной: это мнѣ докажетъ, что вы меня сколько-нибудь полюбили.

— Полюбить васъ! Да я васъ люблю давно... Одна вѣсть о томъ, что вы хотите покинуть шумную столицу длятого, чтобъ

въ нашей забытой глуши соединиться съ другомъ сердца, васъ сроднила съ моей душой. Конечно, я дѣвушка, никогда еще не любила, не раздѣляла ни съ кѣмъ завѣтныхъ чувствъ своихъ, но, несмотря на это, все, что̀ свѣтло и ясно, съ родни моей душѣ. Я люблю васъ давно; и если мое сочувствіе нечуждо вамъ, вы во мнѣ найдете вѣрнаго, искренняго друга. А между женщинами, признайтесь, это рѣдко, милѣйшая Лизавета Леонидовна.

— Сестрица, сестрица!... прошепталъ опять Пупенко.

— Я вамъ очень благодарна за ласку и вниманіе ко мнѣ, добрая Марья Лукинична.

— Вниманіе, ласку! Да кто же можетъ быть съ вами иначе? Сто́итъ только взглянуть на васъ, чтобъ обожать васъ всей душой. Вы —ангелъ, очаровательная madame Kitine! проговорила скороговоркой старая дѣва и бросилась цаловать Лизу.

— Сестрица, сестрица! погромче проговорилъ пунцовый Пупенко.

— Что́ вамъ, братецъ? что̀ вы все меня зовете?

— Не пора ли чаю, сестрица? сказалъ Модестъ Лукичъ, желая отвлечь сестру отъ Лизы.

— Безъ васъ знаютъ, братецъ, отвѣтила Марья Лукинична.

И снова полились ручьемъ нѣжныя изліянія. Лизѣ это начинало страшно надоѣдать; ей хотѣлось поговорить съ мужемъ, а любезная хозяйка не переставала болтать съ ней, вскакивать и цаловать ее каждую минуту.

Наконецъ зажгли двѣ восковыя свѣчи и поставили ихъ на столъ передъ Лизой.

Немного погодя, въ комнату начали набираться офицеры, которые жаждали провести съ Лизой вечеръ, послушать и поговорить съ ней. Первый весело влетѣлъ Гайкинъ и подсѣлъ къ Лизѣ, какъ человѣкъ уже знакомый.

Марья Лукинична скрылась, и скоро деньщикъ началъ разносить чай. Всѣ офицеры подливали себѣ въ стаканы ромъ изъ граненаго графинчика. Китинъ тоже ухнулъ себѣ чуть не полстакана. Одинъ Пупенко пилъ чай со сливками.

Гайкинъ, между тѣмъ, занималъ Лизу. Сперва онъ началъ опять со своего конька, со стиховъ Пушкина, и потомъ перешелъ къ музыкѣ.

— Вы, вѣрно, играете на фортепьяно, Лизавета Леонидовна? спросилъ онъ вдругъ у Лизы.

— Немножко, мсьё Гайкинъ.

— Какая скромность! Я увѣренъ, что вы виртуозка: это видно по вашимъ длиннымъ пальчикамъ.

— Мои пальчики васъ обманываютъ, мсьё Гайкинъ. Чтобъ увѣрить васъ въ противномъ, я вамъ съиграю что-нибудь, сказала Лиза, очень-довольная тѣмъ, что можетъ придраться къ чему-нибудь и встать съ почетнаго мѣста, куда усадила ее любезная хозяйка.

— Да́, Лиза, съиграй, пожалуйста, что-нибудь, сказалъ Китинъ женѣ:—а намъ бы столикъ поставить, Модестъ Лукичъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. Только я играть не буду сегодня.

— Мы и безъ васъ составимъ партію. Господа! кому угодно? проговорилъ Китинъ, протягивая офицерамъ карточки.

Лиза взяла первые аккорды.

Гайкинъ облокотился на фортепьяно и картинно заложилъ ножку за ножку. Пупенко сталъ поодаль, у печки. Китинъ съ тремя партнёрами усѣлся за карты. Марья Лукинична тоже выскочила изъ сосѣдней комнаты, гдѣ разливала чай, и стала по другую сторону фортепьяно. Лиза безъ всякаго жеманства съиграла вальсъ Вебера и еще нѣсколько морсо изъ любимыхъ того времени композиторовъ. Она была далеко не виртуозка и играла не съ блестящею бѣглостью, а съ чувствомъ и пріятно; но для ея немудреныхъ слушателей игра ея показалась совершенствомъ.

— Баснословно, баснословно! кричалъ восторженный Гайкинъ. Марья Лукинична бросилась цаловать Лизу, а Пупенко, стоя у печи, отеръ рукой глаза и скромно подошелъ благодарить Лизу за доставленное ему удовольствіе. Офицеры тоже, одинъ за однимъ, подходили къ Лизѣ, восторгались вслухъ ея талантомъ и говорили ей приторныя любезности.

— Теперь ваша очередь, Марья Лукинична, сказала, вставая, Лиза.

— Ахъ, нѣтъ, мадамъ Китинъ! я, кромѣ аккомпанементовъ, ничего не играю.

— Стало-быть, вы поете? тѣмъ лучше. Какой инструментъ можетъ сравниться съ человѣческимъ голосомъ? Я обожаю пѣніе... прибавила Лиза.

— Особенно, когда такой голосъ, какъ у Марьи Лукиничны... отозвался изъ-за картъ Китинъ.

— Вы смѣетесь надо мной, Николай Иванычъ: — а еслибъ у меня и въ-самомъ-дѣлѣ былъ голосъ, я никогда не посмѣла бы

пѣть при такомъ очаровательномъ талантѣ, какъ Лизавета Леонидовна, начала ломаться Марья Лукинична.

— Сестрица, право, не поетъ, проговорилъ, краснѣя, Пупенко.

— Пою ли я, не пою ли, вамъ до этого какое дѣло, братецъ?

— Поетъ, поетъ, прелестно поетъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ видите, вамъ теперь нельзя отказаться доставить намъ удовольствіе. Вы поете и садитесь, сказала Лиза, насильно усаживая Марью Лукиничну.

— Ахъ нѣтъ... Я не могу, я охрипла сегодня. Попросите лучше мсьё Гайкина: у него дивный теноръ.

— Мсьё Гайкинъ вѣрно будетъ такъ любезенъ и тоже споетъ намъ.

Гайкинъ поклонился, въ знакъ согласія.

— А теперь очередь за вами, Марья Лукинична, продолжала Лиза.

— Сажай, сажай ее, Лиза! Это ни на что не похоже, съ такимъ голосомъ, какъ вашъ, заставлять себя просить такъ долго, Марья Лукинична.

— Сестрица, право, не поетъ... опять проговорилъ, подойдя къ фортепьяно, Модестъ Лукичъ.

— Оставьте, братецъ, не ваше дѣло. Я спою, чтобъ показать Лизаветѣ Леонидовнѣ, какъ я ее много люблю, сказала Марья Лукинична, рѣшительно садясь за фортепьяно, и пробренчала какой-то дребезжащій ретурнель.

Пупенко, въ совершенномъ отчаяніи, выбѣжалъ въ другую комнату, чтобъ не слышать, какъ милая сестрица затянула фальшиво и въ носъ:

Въ Толедо жилъ несчастный,
Съ младенчества слѣпой,
Не зрѣлъ весны прекрасной,
Не зналъ семьи родной.

Лиза съ первыхъ нотъ закусила себѣ губу и старалась вспомнить что-нибудь печальное, чтобъ не расхохотаться.

Когда Марья Лукинична опять проиграла ретурнель, по комнатѣ раздались со всѣхъ сторонъ рукоплесканія. Насмѣшники-офицеры не умолкали. Лиза, чтобъ скрыть невольный смѣхъ, тоже бросилась цаловать пѣвицу. Старая дѣва была въ восторгѣ. Одинъ только Модестъ Лукичъ печально выглядывалъ изъ двери.

— Теперь вамъ, вамъ, мсьё Гайкинъ. Я не отстану, кричала разгорячившаяся отъ самодовольствія Марья Лукинична.

— Я не отказываюсь, только со мной нѣтъ моей гитары, а я на фортепьяно не умѣю себѣ аккомпанировать, сказалъ развязно Капитонъ Михайловичъ.

— У брата есть гитара, я сейчасъ принесу, проговорила дѣва, порхнула въ спальню Модеста Лукича и возвратилась сію же минуту.

— Теперь нѣтъ отговорокъ, обратилась она къ Гайкину, подавая ему гитару.

— Извольте, я готовъ, отвѣтилъ плац-адъютантъ и началъ прилаживать строй, задѣвая за струны пальцемъ, на которомъ былъ надѣтъ перстень съ огромной стразой.

— Пойте, пойте! она настроена, сказала, опершись граціозно на фортепьяно, Марья Лукинична.

— Пою-съ, проговорилъ Гайкинъ и затянулъ чистымъ и звонкимъ теноромъ:

Близь Ревеля баронъ, любитель псовъ,
Жилъ съ деревенской простотою...

Лиза была въ восторгѣ отъ романса. Она слышала его въ первый разъ, и слова и голосъ чрезвычайно ей понравились.

Гайкинъ выросъ цѣлой головой отъ похвалъ Лизы.

Во время этихъ музыкальныхъ увеселеній, деньщикъ часто похаживалъ съ стаканами; только въ нихъ ужь былъ не чай, а вода. Причемъ графинчикъ нѣсколько уже разъ вносился въ гостиную полный, а возвращался въ чайную пустымъ.

За карточнымъ столомъ перестали симпатизировать музыкѣ, а начинали спорить и покрикивать. Модестъ Лукичъ вертѣлся около стола и краснѣлъ. Лиза подошла къ мужу и поцаловала его въ лобъ.

— Пусти, Лиза, ты мнѣ мѣшаешь, грубо сказалъ Китинъ.

Лиза поглядѣла на мужа и удивилась. Китинъ былъ блѣденъ, а глаза его были красны.

— Что ты на меня глядишь? Я пьянъ, какъ свинья!...

Лиза вся вспыхнула.

— Ну, чего ты? Развѣ ужь и напиться нельзя?

Лизѣ вдругъ сдѣлалось такъ стыдно, такъ больно, что она не знала куда дѣться, отошла отъ мужа и стала у окна.

— Вы огорчились Лизавета Леонидовна? спросилъ грустно подошедшій къ ней Цупенко.

— Нѣтъ... ничего...

— Нѣтъ-съ, я вижу.

— Право, ничего. Я устала, мнѣ хочется домой.

— Если вамъ угодно, я васъ провожу.

— Пожалуйста, только проведите меня, если можно, тихонько. Мнѣ не хочется прощаться... сказала Лиза, едва удерживаясь отъ слезъ.

— А съ Николаемъ Иванычемъ вамъ не угодно проститься?

— Нѣтъ, онъ играетъ; я не хочу прерывать ихъ партію. Вы ему скажете послѣ, что я ушла, что у меня разболѣлась голова.

— Позвольте, я скажу сестрицѣ, она выведетъ васъ такъ, что никто не замѣтитъ.

Пупенко отозвалъ сестру и шепнулъ ей что-то на ухо. Марья Лукинична тотчасъ же подошла къ Лизѣ и сказала:

— Лизавета Леонидовна, пойдемте, я вамъ покажу мою келью.

И обѣ онѣ вышли подъ-руку изъ гостиной.

— Что съ вами, мой ангелъ? спросила заботливо Марья Лукинична.

— У меня голова болитъ; я пойду домой.

— Какъ же это можно! Я вамъ сейчасъ дамъ спирту понюхать: все пройдетъ. Я не пущу васъ безъ ужина. У меня такой славный ужинъ я для васъ нарочно приготовила, мой ангелъ.

— Нѣтъ, ради Бога, не удерживайте меня! Я очень устала съ переноской сегодня. Мнѣ надо отдохнуть.

— Сестрица, не удерживайте: онѣ точно устали. Я ихъ провожу самъ.

— Хотите, я вызову вашего милаго мужа?

— Нѣтъ, не надо, пусть играетъ; я завтра его увижу.

— Ну, какъ хотите, очаровательная моя. Я не смѣю просить васъ остаться, *хоша* мнѣ и очень-грустно, что вы такъ рано покидаете нашъ скромный уголокъ.

— Позвольте, сестрица, сказалъ Модестъ Лукичъ, накидывая на Лизу салопъ и подавая ей капоръ.

Лиза поцаловалась съ Марьей Лукиничной и проворно вышла изъ дверей. Пупенко надѣлъ шинель, фуражку и выбѣжалъ за Лизой.

— Вы огорчились, Лизавета Леонидовна? мнѣ это очень-жаль, спросилъ снова Пупенко, когда они пошли рядомъ.

— Послушайте, мсьё Пупенко, я васъ мало знаю, но вижу, что вы добрый человѣкъ, и скажу вамъ просто и прямо: зачѣмъ вы такъ поите моего мужа? не стыдно ли вамъ?

— Я его не пою, Лизавета Леонидовна, и мнѣ самому это очень-непріятно. Я самъ не пью и не люблю, чтобъ пили другіе.

— Такъ зачѣмъ же у васъ носятъ все этотъ графинчикъ?

— У насъ безъ этого невозможно... Я долженъ угощать товарищей.

— Какіе они противные! Развѣ нельзя проводить время пріятно и не пить? Колѣ это вредно. Онъ очень-блѣденъ. Коля часто здѣсь такъ пьетъ? прибавила тревожно Лиза, остановясь вдругъ противъ Пупенко.

Онъ молчалъ. Лиза замолчала тоже. Сердце ея защемило, и, не говоря болѣе ни слова, она дошла до дому.

X.

Грустно было Лизѣ. Ей и въ голову никогда не приходило, чтобъ ея мужъ могъ быть пьянъ. Никогда сама-собой она и не замѣтила бы этого, еслибъ самъ мужъ не проговорился и такой наглой, армейской пошлостью: «я пьянъ, какъ свинья!» Новую заботу, новое горе привилъ Китинъ женѣ своей.

На другой день Лиза снова отправилась къ нему, но не такъ ужь весело и беззаботно, какъ наканунѣ. Весь вечеръ она была робка, какъ-то боязливо слѣдила за мужемъ и не спускала его съ глазъ ни на одну минуту. Вечеръ, между-тѣмъ, шелъ совершенно тѣмъ же порядкомъ. Повчерашнему же вѣшалась ей на шею восторженная Марья Лукинична, повчерашнему жь любезничали съ ней офицеры и повчерашнему жь деньщикъ носилъ стаканы и убійственный для Лизы графинчикъ. Играли такъ же въ карты, такъ же пили и такъ же, по обязанности, угощалъ и краснѣлъ Модестъ Лукичъ Пупенко. Только Гайкинъ, обиженный тѣмъ, что Пупенко одинъ провожалъ домой Лизу, вѣроятно, хотѣлъ наказать ее и первый протянулъ руку за карточкой.

Но все, что наканунѣ вызывало невольную улыбку и забавляло Лизу, теперь только ее мучило и разрывало. Не было никакой возможности сказать хоть слово одинъ-на-одинъ съ мужемъ. Все время, послѣ обычнаго поцалуя при всѣхъ, шелъ общій разговоръ; потомъ началась игра, и изрѣдка только Ки-

тинъ, какъ изъ милости, обращаясь къ бѣдной Лизѣ, кидалъ двѣ-три незначащія фразы. Сама она боялась подойти и приласкаться къ Китину, издали слѣдила за нимъ и невольно вздрагивала каждый разъ, какъ деньщикъ подносилъ пуншъ, и чаще, чѣмъ кому-либо, ея мужу. Будь она одна съ нимъ, она бросилась бы, отняла стаканъ, упросила бы Колю не пить больше, но при другихъ, при постороннихъ она не только словомъ, даже взглядомъ боялась обратить ихъ вниманіе на мужа и уронить его въ ихъ глазахъ.

Къ совершенному ея отчаянью, Китинъ началъ проигрывать, причемъ страшно шумѣлъ и горячился. Лиза опять ушла не дождавшись конца вечера.

Лиза стала ходить по утрамъ, разсчитывая, что легче уловить минуточку поговорить съ мужемъ наединѣ; но не тутъ-то было: все та же вѣчная ватага офицеровъ, съ тою только перемѣной, что на мѣсто путешествующаго графинчика на столѣ стояла неисходная закуска и другой неисходный большой графинъ. Лиза и могла бы какъ-нибудь отвлечь мужа и объясниться съ нимъ, уговорить, упросить его перемѣнить образъ жизни, но самъ Китинъ, какъ-будто былъ насторожѣ, отъигрывался шуточками, заминалъ рѣчь и снова вмѣшивался въ общій разговоръ, оставляя Лизу въ самомъ ужасномъ положеніи, съ самой страшной бурей въ сердцѣ.

Такъ протянулся цѣлый мѣсяцъ. Нѣсколько разъ Китинъ приходилъ къ ней по вечерамъ, но обыкновенно въ сопровожденіи Гайкина, при которомъ не могло быть откровеннаго разговора съ мужемъ. Эти безпрестанныя помѣхи, огорченія сильно на нее дѣйствовали. Ни днемъ, ни ночью, бѣдная, не видала покоя: днемъ притворялась, говорила и дѣйствовала противъ сердца, ночью выплакивала денное горе. Лиза замѣтно похудѣла въ это время. Не зная, что́ дѣлать, она рѣшилась посовѣтоваться и довѣриться Пупенко: онъ одинъ могъ помочь ей, и при первомъ же свиданіи, она, улучивъ удобную минуту, сказала ему:

— Модестъ Лукичъ, приходите ныньче; вы мнѣ очень-нужны.

— Приду-съ, непремѣнно приду-съ... отвѣтилъ ей Пупенко, краснѣя до ушей.

Освободившись отъ службы, Пупенко прибѣжалъ.

— Модестъ Лукичъ, я уже разъ вамъ сказала, что вы для меня добрый и чистой души человѣкъ, потому я теперь буду говорить съ вами какъ съ другомъ.

— Очень я счастливъ, Лизавета Леонидовна, очень-счастливъ... Прикажите мнѣ—я все для васъ сдѣлаю.

— Выслушайте же и поймите меня.

— Я слушаю васъ, Лизавета Леонидовна.

— Я очень страдаю, Модестъ Лукичъ. Теперешняя жизнь моя нестерпима. Я люблю Колю больше всего на свѣтѣ и разлучена съ нимъ, хотя и видаюсь каждый день. Кромѣ первыхъ нѣсколькихъ минутъ свиданія, когда я была въ чаду отъ радости и счастья, ни разу я не видала Колю съ глазу на глазъ: насъ вѣчно окружаютъ посторонніе люди, и я никогда не могу говорить съ нимъ безъ свидѣтелей, а можетъ-быть, теперь я больше, чѣмъ когда-нибудь, нужна ему...

— Лизавета Леонидовна, перебилъ Пупенко:—повѣрьте мнѣ, не я приглашаю къ себѣ каждый день товарищей. Я очень-помню, что вамъ это тяжело и непріятно: все это дѣлается по желанію Николая Иваныча.

— Я знаю, прошептала сквозь слезы Лиза и опустила голову.

— Лизавета Леонидовна, повѣрьте, что я не хотѣлъ обидѣть васъ намёкомъ на холодность Николая Иваныча... проговорилъ такъ же тихо готовый тоже заплакать Пупенко.

— Не оправдывайтесь, Модестъ Лукичъ, я знаю, что вы не въ-состояніи этого сдѣлать. Я такъ... я не огорчилась... Вы не думайте, чтобъ Коля былъ ко мнѣ холоденъ... Онъ увлекся своими новыми друзьями. У него такое привязчивое сердце... А меня онъ очень, очень любитъ, говорила Лиза, утѣшая сама себя.

— Да какой же извергъ можетъ не любить васъ? вдругъ вскрикнулъ Пупенко, ударивъ кулакомъ по столу.

Лиза вздрогнула.

— Простите, простите меня, Лизавета Леонидовна; я солдатъ, я испугалъ васъ... Я хотѣлъ сказать: кто жь можетъ не любить васъ?...

— Благодарю васъ, благодарю, мсьё Пупенко, за ваше хорошее мнѣніе обо мнѣ. Но теперь будемъ говорить о Колѣ. Ради Бога, ради всего, что̀ вамъ дорого на свѣтѣ, доставьте мнѣ возможность видѣть Колю здѣсь, у меня, одного.

— Лизавета Леонидовна, для васъ, видитъ Богъ, я сдѣлалъ бы все, что̀ въ моей власти, но Николай Иванычъ не можетъ приходить къ вамъ одинъ. Даже и то, что мы его приводимъ къ вамъ по вечерамъ, подвергаетъ уже насъ большой отвѣтственности.

— Если этого нельзя, то приходите вы съ нимъ: къ вамъ

я имѣю довѣренность, какъ къ брату, какъ къ другу; при васъ мнѣ легче будетъ говорить съ Колей, а при Гайкинѣ я не могу, я боюсь его... говорила Лиза и дружески протянула руку Пупенко.

Модестъ Лукичъ боязливо поцаловалъ руку и едва могъ проговорить отъ душевнаго волненія.

— Я это чувствую, я буду помнить это всю жизнь. Я сдѣлаю все, что изволили мнѣ приказать. Я самъ приведу къ вамъ Николая Иваныча, но я не буду мѣшать вамъ говорить съ нимъ. Я могу, покуда онъ будетъ у васъ, постоять у дверей, или на улицѣ.

— Ахъ, нѣтъ, какъ это можно! Мы устроимъ это гораздо-лучше. Вы будете сидѣть здѣсь, я уйду съ Колей въ другую комнату. Да я вамъ говорю, что я васъ не боюсь, повторила Лиза улыбаясь и подавая снова руку Модесту Лукичу.

Очень-довольные другъ другомъ они разстались.

Не слыша земли подъ собой, Пупенко полетѣлъ въ крѣпость, а Лиза, полная ожиданій, осталась дома и начала придумывать, что ей сказать, какъ подѣйствовать на мужа, чтобъ удалить его отъ безпрестанныхъ попоекъ и карточной игры и вообще измѣнить его образъ жизни.

Какъ только смерклось, вѣрный своему слову Пупенко привелъ къ Лизѣ мужа. Онъ почти насильно вытащилъ Китина изъ крѣпости, гдѣ составлялась уже партія и давно похаживали стаканы. Добрѣйшій Пупенко, въ-попыхахъ исполнить свое обѣщаніе Лизѣ и не замѣтилъ, что Китинъ уже успѣлъ порядочно хватить, и хотя уступилъ просьбѣ Пупенко, но чѣмъ ближе подходилъ къ дому Лизы, тѣмъ сильнѣе разбиралъ его хмѣль и тѣмъ алѣе становился онъ на Лизу.

— Ты не здорова? спросилъ онъ, когда она выбѣжала къ нему на встрѣчу.

— Нѣтъ, здорова, отвѣтила Лиза, нѣсколько разъ цалуя его.

— Зачѣмъ же ты сама не пришла въ крѣпость? Что это у тебя все за ребяческія фантазіи! Мы собрались тамъ покутить, а ты меня вытащила богъ-знаетъ зачѣмъ.

— Коля, другъ мой, я хотѣла быть съ тобой наединѣ хоть одну минуточку. Мы такъ давно не были вмѣстѣ.

— Кажется, мы цѣлый мѣсяцъ вмѣстѣ.

— Но не одни, Коля.

— И теперь, кажется, здѣсь Модестъ Лукичъ. Ты знаешь, что я не могу приходить къ тебѣ безъ провожатаго.

— Модестъ Лукичъ будетъ такъ добръ—извинитъ насъ, если мы оставимъ его ненадолго — не правда ли?

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь обо мнѣ Лизавета Леонидовна.

— Вотъ видишь, Коля. Пойдемъ ко мнѣ, сказала Лиза, таща Китина въ свою комнату.

— Ну, говори скорѣй, что̀ тебѣ надо? Мнѣ нѐкогда; меня ждутъ, крикнулъ Китинъ съ сердцемъ, бросившись на стулъ.

— Коля, не грѣхъ ли тебѣ сердиться?

— Что̀ жь изъ этого? Нельзя же висѣть все у тебя на шеѣ.

— Не дѣлай этого, Коля, если не хочешь; я не затѣмъ и звала тебя.

— Позвольте же спросить, зачѣмъ? Кажется, у васъ всю жизнь только и на умѣ, что поцалуи, проговорилъ Китинъ съ насмѣшкой.

— Тутъ нѣтъ ничего ни смѣшнаго, ни страннаго, что я люблю тебя...

— Это я знаю давно. Что̀ жь далѣе?

— Я вижу, что тебѣ хочется обидѣть, огорчить меня, но сегодня я стерплю все. Оставь этотъ тонъ со мной. Я хочу поговорить съ тобой серьёзно. Выслушай меня, я прошу тебя.

— Это должно быть интересно; я никогда не слышалъ отъ тебя ни одного путнаго слова. Говорите, я слушаю...

— Не мучь меня, Коля; у меня нѣтъ силы высказаться, а такъ жить дальше я не могу. Развѣ ты не видишь, что я страдаю, что я несчастлива?...

— Что жь мнѣ дѣлать? Вольно жь вамъ было выходить за меня замужъ! Вышли бы за какого-нибудь графа, или князя, и были бы счастливы. Надо было выбирать лучше. А вамъ хотѣлось скорѣй замужъ, вы и кинулись на перваго встрѣчнаго. Вамъ попался чуть не каторжный. Кто жь въ этомъ виноватъ?...

— Коля, опомнись, про кого ты говоришь? съ ужасомъ спросила Лиза.

— Про себя и про княжну, которая вышла замужъ за каторжника, холодно отвѣчалъ Китинъ.

— И эта княжна любитъ тебя, Коля, и отъ тебя зависитъ, чтобъ она была совершенно-счастлива съ каторжникомъ, если ты непремѣнно ужь хочешь такъ называть себя.

— Что жь для этого поэтическаго счастья надо дѣлать счастливому каторжнику? спросилъ Китинъ, несовсѣмъ-твердо выговаривая слова.

Въ тёплой комнатѣ, онъ охмѣлѣлъ еще болѣе.

— Будь такимъ же, какимъ ты былъ, Коля, прежде; больше я ничего не прошу отъ тебя.

— Я вамъ нравился—я очень-радъ, сказалъ Китинъ, и покатился со смѣху.

Лиза начала терять терпѣнье.

— Можетъ-быть, ты зналъ себя лучше, чѣмъ я въ то время; можетъ-быть, ты былъ то же, что̀ и теперь: такъ я не знаю, честно ли ты дѣлалъ, притворяясь и обманывая неопытную дѣвушку?... Да нѣтъ, Коля, это не можетъ быть... Прости меня, я вспылила. Ты не дурной, ты говоришь теперь такъ, потому-что выпилъ много съ офицерами. Я вижу, ты такой странный... Брось, Коля, это дурное общество, не пей... Вино и карты погубятъ тебя совершенно. Вотъ, Коля, зачѣмъ я звала тебя. Ради Бога, если любишь меня, не пей и не играй...

— И цалуй меня для развлеченья — не такъ ли? прибавилъ Китинъ.

— Да, Коля и цалуй меня, ангельски улыбаясь, проговорила Лиза и хотѣла обнять мужа.

— Вы, кажется, позволяете себѣ подшучивать надо мной, сударыня. Такъ знайте жь разъ навсегда, что мнѣ эти нѣжности надоѣли, что мнѣ онѣ такъ же нужны, какъ ваши совѣты и мораль, что я буду жить и дѣйствовать, какъ я хочу, а не какъ вамъ угодно. Запомните это однажды на вѣкъ. Хочу пить—и буду пить, хочу играть—и буду играть, не хочу нѣжничать и лизаться всякую минуту—и не буду. Слышали вы?... Прощайте.

Китинъ всталъ со стула и пошатнулся.

— Коля! другъ мой, останься, успокойся; я не буду ничего говорить тебѣ, только не уходи. Ты качаешься... Я не хочу, чтобъ тебя такъ видѣли; ради Бога не уходи!...

— Кто?... я качаюсь?... Съ чего ты это взяла? сказалъ, улыбаясь, Китинъ, подбодрился и пошелъ прямо къ двери, но тутъ снова сильно пошатнулся и ударился объ стѣну плечомъ.

Лиза выбѣжала за нимъ.

— Модестъ Лукичъ, я иду.

— Пойдемте, Николай Иванычъ, отвѣчалъ, краснѣя, Пупенко.

— Модестъ Лукичъ, берегите его, прошептала, вся въ слезахъ, Лиза.

— Будьте спокойны. Ахъ, Боже мой! что̀ я надѣлалъ! Я и не замѣтилъ... простите...

Китинъ былъ уже въ передней и заливался безсмысленнымъ хохотомъ.

Въ страшномъ отчаяніи осталась Лиза послѣ этого свиданія, на которое такъ много разсчитывала. На другой день рано утромъ Китинъ прислалъ записку, просилъ прощенія за вчерашній свой поступокъ, писалъ ей, что онъ совершенно не помнитъ, что̀ говорилъ и дѣлалъ наканунѣ, и именемъ ея любви къ нему умолялъ забыть все и придти съ нимъ помириться.

Чего не сдѣлала бы Лиза именемъ этой всесильной любви? и Чрезъ нѣсколько минутъ она была уже въ крѣпости. Китинъ встрѣтилъ ее одинъ и на словахъ, какъ въ запискѣ, просилъ простить его и обѣщался ей не пить и не играть въ карты. Все утро Пупенко и сестра не входили въ гостиную, и Лиза была снова вполнѣ-счастлива нѣсколько часовъ.

Записку къ женѣ написалъ Китинъ вслѣдствіе разговора съ глазу на глазъ съ добрѣйшимъ Пупенко, который нехотя былъ свидѣтелемъ его сквернаго обращенія наканунѣ съ Лизой. Китинъ расчувствовался и благодарилъ Модеста Лукича за его дружбу.

Нѣсколько дней онъ крѣпился, держалъ данное слово женѣ и былъ съ ней чрезвычайно-ласковъ. Лиза блаженствовала; Пупенко потиралъ руки и ухаживалъ за Китинымъ, какъ за ребенкомъ. Но нисколько не были довольны другіе офицеры. Они привыкли жить насчетъ Китина, угощаться и перекладывать понемногу его деньги въ свои карманы. Эта перемѣна образа жизни Китина, весьма-понятно, пришлась имъ не понутру. Съ досады, они стали надъ нимъ подтрунивать. То-и-дѣло Китинъ слышалъ, что онъ красная дѣвушка, что онъ у жены подъ башмакомъ, что Пупенко сдѣлался его гувернёромъ. Самолюбіе Китина было сильно задѣто. Восторженность раскаянья давно уже прошла. Ему стало стыдно за свою мнимую, минутную слабость. Онъ началъ удаляться отъ Пупенко и сближаться снова съ кутилами и игроками. Замѣтивъ, что Китинъ сталъ переваливаться на ихъ сторону, послѣдніе воспользовались этимъ вполнѣ, но только, вмѣсто того, чтобъ затѣять игру и попойки опять у Пупенко, они переманили Китина къ себѣ и овладѣли имъ совершен-

но. Обиженный невниманіемъ Лизы, Гайкинъ перешелъ тоже на ихъ сторону и сдѣлался первымъ зачинщикомъ и коноводомъ попоекъ и игры; скоро Китинъ сталъ съ нимъ неразлученъ, проводилъ дни и вечера внѣ дома и возвращался къ своему доброму хозяину, Пупенко, только ночевать, еле-еле держась на ногахъ.

На всѣ отеческія увѣщанія Модеста Лукича Китинъ отвѣчалъ шуточками и насмѣшками. Съ Лизой видался онъ только по утрамъ и несовсѣмъ еще проспавшись отъ вечернихъ возліяній, и рѣдкій разъ Лиза не плакала, возвращаясь домой.

Андрей Потапычъ ходилъ за Лизой по пятамъ. И хотѣлось бы старику растолковать съ ней общее близкое горе, но, боясь еще болѣе опечалить ее, онъ скрывался и молчалъ.

Лиза тоже чувствовала, что подлѣ нея есть чистая, свѣтлая душа, въ которую она могла бы отлить хоть часть своихъ страданій; нѣсколько даже разъ собиралась она высказаться Потапычу, чтобъ хоть одно слово услышать отъ него въ утѣшеніе, но вдругъ ей становилось больно за мужа и она останавливалась, умолкала. Такъ Лиза и Потапычъ жили подъ одной кровлей и порой только, когда на душѣ не было мѣста отъ горя, они взглядывали другъ на друга и тотчасъ же отворачивались, отирая слезы. Хоть всплакнуть вмѣстѣ, и то легче...

Лиза не боролась болѣе съ страстями мужа: она видѣла, что ей не переломить ихъ. Терпѣть все отъ него, взглянуть на него изрѣдка и потомъ жалѣть, прощать его и любить, любить, пока Богъ не приберетъ ее — вотъ новая жизнь, на которую Лиза обрекла себя.

Всякій день она бѣгала въ крѣпость, хотя и очень-хорошо знала, что ничего, кромѣ горя и горя, не ждетъ ея тамъ, но, какъ собачонка, которую бьетъ и колотитъ баринъ, а бѣдненькая все вьется у ногъ его, Лиза переносила всѣ наглости, дерзости и насмѣшки изъ-за того только, чтобъ взглянуть на негодяя-мужа.

При другихъ Лиза всегда старалась казаться веселой и скрывала, что у ней на сердцѣ. Напрасно сантиментальная Марья Лукинична вызывала ее на откровенность: «Я очень-счастлива» говорила всякій разъ, улыбаясь, Лиза, когда старая дѣва позволяла себѣ сожалѣть ее. Одинъ благородный Модестъ Лукичъ глубоко понималъ Лизу и никогда ни словомъ, ни взглядомъ, не задѣвалъ больной струны ея сердца, хотя и страдалъ за нее,

чуть ли не столько жь, сколько она сама, но за-то день-ото-дня онъ начиналъ все больше-и-больше ненавидѣть Китина. Во время страшныхъ сценъ, которыя всякій почти день дѣлались Китинымъ своей женѣ, на Модеста Лукича находили такія минуты бѣшества, что онъ едва удерживался и каждый разъ готовъ былъ вскочить въ комнату и приколотить мужа за страдалицу-жену. Какъ часто думалъ онъ: «пойду къ коменданту и разскажу ему все, что здѣсь творится, и засадитъ онъ этого гнуснаго негодяя въ кандалы—и подѣломъ чорту мука». Но одна мысль о Лизѣ, одно имя ея, одно убѣжденіе, что она будетъ горевать еще больше, смиряли его, и онъ продолжалъ скрывать поступки Китина и держалъ его все еще у себя на квартирѣ. Разъ, однакожь, когда самъ пьяный Китинъ проболтался ему, что въ ночь проигралъ въ банкъ десять тысячъ, онъ тотчасъ же отправился къ Лизѣ и, ужь не краснѣя, рѣшительно сталъ говорить съ нею.

— Лизавета Леонидовна, до-сихъ-поръ я все молчалъ насчетъ вашего мужа. Я все вижу, вижу, что у васъ много горя, а нечего дѣлать, я пришелъ еще огорчить васъ.

— Что съ нимъ случилось? спросила, блѣдная, испуганная Лиза.

— Съ нимъ ничего. Но онъ ведетъ страшную игру и въ прошедшую ночь, въ нетрезвомъ видѣ, проигралъ Гайкину и другимъ офицерамъ десять тысячъ.

— Я ему дамъ денегъ, сказала Лиза.

— Онъ заплатилъ.

— Гдѣ жь онъ взялъ? У него не могло быть такой суммы. Подите скорѣй и спросите его, сколько ему надо.

— Я вамъ говорю, что мужъ вашъ заплатилъ: онъ самъ сказалъ мнѣ это.

— Не правда, вы меня обманываете. Я пойду къ нему; я знаю, что ему негдѣ взять десяти тысячъ. Я дала всего двѣ тысячи, когда онъ сюда отправлялся.

— Да я жь вамъ говорю, что онъ заплатилъ. Но этимъ, вѣдь, не кончится. Завтра онъ опять можетъ проиграть столько жь и дойдетъ до того, что пуститъ васъ по-міру...

— Ахъ, нѣтъ! У меня много денегъ, наивно сказала Лиза.

— Да что жь у васъ, золотыя горы, что ли?... сердито сказалъ добрый Пупенко.

— У меня было сто тысячъ, въ четырехъ бумажкахъ... Одной

ужь нѣтъ. Коля часто вынималъ изъ нея на хозяйство, а послѣднія я вынула для него и для себя, чтобъ имѣть чѣмъ жить здѣсь. Изъ нихъ у меня осталось еще три тысяти, и я ихъ очень берегу. А потомъ три бумажки, каждая по двадцати-пяти тысячъ, еще у меня цѣлы, въ бабушкиной шкатулкѣ.

— Я вижу, что вы деньгамъ и счету не знаете. Если Николай Иванычъ будетъ такъ продолжать, то вамъ и на полгода ихъ не станетъ. Объ этомъ-то я и пришелъ говорить съ вами. Надо прекратить силой его игру. Я скажу коменданту; отъ него скрываютъ; а когда онъ узнаетъ, то завтра жь все кончится.

— Ахъ, Боже мой! что̀ вы хотите сдѣлать! Вы осрамите Колю. Ему будетъ за это дурно отъ начальства. Нѣтъ, ради Бога ни слова никому. Я скорѣй соглашусь пойти по-міру, но выдать мужа — никогда.

— Какъ вамъ угодно. Какъ честный человѣкъ, я долженъ былъ васъ предупредить, Лизавета Леонидовна. Вы молоды...

— Оставьте, оставьте, это! я васъ умоляю, перебила Лиза со слезами на глазахъ.

— Мнѣ жаль васъ, сказалъ Пупенко, и снова покраснѣлъ и сдѣлался робокъ, какъ всегда.

— Если вамъ жаль меня, то поберегите Колю. Вы не скажете никому, что онъ проигрался?

— Не скажу-съ.

— А офицеры не скажутъ?

— Имъ нѣтъ выгоды болтать.

— Благодарю васъ, мсьё Пупенко. Мы друзья, сказала Лиза и пожала ему руку.

— Если мы друзья, то позвольте жь мнѣ дать вамъ совѣтъ.

— Говорите, я васъ послушаюсь.

— Не давайте вашему мужу на игру денегъ: вы этимъ погубите и его и себя. Безъ денегъ онъ поневолѣ перестанетъ играть и, можетъ-быть, перемѣнится совершенно въ свою пользу.

— Не дамъ! Вотъ вамъ рука моя! твердо сказала Лиза.

XI.

Китинъ въ одну ночь спустилъ остальную половину наслѣдства послѣ матери. Денегъ у него не было больше ни гроша, а онъ хотѣлъ играть, играть во что̀ бы ни стало. У жены, онъ зналъ,

есть еще деньги, и теперь ему ни бояться, ни церемониться было нѐ съ кѣмъ. На основаніи этого соображенія, онъ въ тотъ же вечеръ съ однимъ изъ офицеровъ пошелъ къ Лизѣ. Послѣ утренняго испуга, она чувствовала себя нехорошо и лежала въ постели. Онъ прямо вошелъ къ ней въ спальню, а офицеръ остался поджидать его въ передней.

— Лиза, дай мнѣ денегъ! сказалъ онъ, сейчасъ же послѣ обычнаго поцалуя.

— Коля, на что тебѣ деньги? У тебя должны быть еще цѣлы тѣ, которыя ты получилъ отъ меня передъ отъѣздомъ. Ты не могъ ихъ издержать такъ скоро.

— Что̀ это за контроль? спросилъ, весь вспыхнувъ, Китинъ.

— Это не контроль, Коля, а я знаю, что ты у меня просишь денегъ на карты, и я не дамъ ихъ тебѣ.

— Ты мнѣ не дашь? проговорилъ сквозь зубы Китинъ.

— На карты не дамъ, Коля.

— Кто жь вамъ сказалъ, что я прошу у васъ на карточную игру?

— Я знаю, что ты проигралъ прошедшую ночь десять тысячъ и хочешь проиграть все, что̀ у насъ есть...

— У васъ есть шпіоны?...

— Не шпіоны, Коля, а добрые люди.

— Изъ чего жь вы бьетесь, слѣдя за мной? Кажется, я доказалъ, что вамъ меня не перемѣнить. Ну, да̀, я играю и буду играть.

— Нѣтъ, ты играть не будешь безъ денегъ, я на игру тебѣ ихъ не дамъ, сказала снова твердо Лиза.

— У меня будутъ деньги!... зашипѣлъ Китинъ.

— Только не отъ меня... не хочу губить тебя. Я скорѣе сожгу ихъ всѣ на свѣчкѣ и буду своими руками доставать себѣ кусокъ хлѣба, но не отвѣчу за тебя ни Богу, ни отцу, ни матери твоей, сказала Лиза, немного пріостановившись на послѣднихъ словахъ.

— У меня нѣтъ матери: она умерла! вскрикнулъ Китинъ.

— Ты это знаешь? поблѣднѣвъ, спросила Лиза.

— Кому же и знать, какъ не тому, кто убилъ ее! Сегодня ночью я проигралъ ея наслѣдство... Ну, цалуй же меня; ты меня, вѣдь и теперь любишь?...

— Нѣтъ! вскрикнула Лиза и затряслась всѣмъ тѣломъ.

— Дай же мнѣ деньги.

— Не дамъ...

— Дай!

— Я разъ сказала, что не дамъ...

— Дашь!... дашь!... сказалъ шопотомъ Китинъ и впился пальцами въ плечо Лизы.

— Не дамъ!... повторила Лиза.

— Дашь... дашь... снова зашипѣлъ Китинъ и сильно рванулъ Лизу за косу.

Лиза взвизгнула. Вбѣжалъ Андрей Потапычъ.

— Что̀ вы тутъ дѣлаете? сказалъ онъ, хватая Китина за плечи.

— Что̀ вы, что̀ вы? Андрей Потапычъ, мы ничего... мы играли!... вдругъ вскочивъ и улыбаясь, проговорила Лиза.

— Пошелъ вонъ, старый дуракъ! сказалъ Китинъ и закохоталъ во все горло.

— Подите, Андрей Потапычъ... Чего вы испугались? Я вамъ, говорю, что мы шутили.

Андрей неохотно вышелъ изъ комнаты.

Только-что онъ притворилъ дверь, Китинъ съ яростью кинулся на жену и молча началъ толкать ее, таскать за косу, щипать и тискать кулаками.

Лиза не пикнула.

Китинъ, натѣшившись, сильно швырнулъ Лизу на кровать и прямо бросился къ сундуку, открылъ крышку и началъ все перерывать въ немъ.

Скоро ему попалась знакомая шкатулочка. Онъ вынулъ изъ нея три билета, подошелъ съ ними къ свѣчкѣ и началъ внимательно ихъ разглядывать; наконецъ выбралъ одинъ, бросилъ остальные два какъ попало въ сундукъ, заперъ крышку, не взглянувъ даже на Лизу выбѣжалъ въ переднюю и ушелъ съ офицеромъ.

Андрей заперъ за ними дверь. Сердце его ныло. Хотѣлось ему опять заглянуть къ барынѣ, а и такъ думалось: она сама его выслала, можетъ, ей и не полюбится, что онъ безъ зову къ ней соваться станетъ.

Походилъ онъ по передней, а сердце-то все ноетъ, все думается:

— Что это она меня обманываетъ, стараго: «шутимъ» говоритъ, а сама вся блѣдная и коса распущеная, а онъ какъ коршунъ надъ ней стоитъ... Не-уже-ли, Мать ты Пресвятая Богородица!

онъ на жену руку поднялъ?... Господи ты праведный! кабы я на это нашелъ, кажется, я бы забылъ, что я больше ничего, какъ мужикъ-лапотникъ, схватилъ бы я его, изверга, несмотря на старость мою дряхлую, несмотря на то, что я его выняньчилъ, что онъ сынъ моей матери благодѣтельницы — такъ бы шмякнулъ его объ полъ и не далъ бы, кажется, ему и пошевельнуться-то... Да я пойду погляжу, что съ ней, моей голубушкой. Сердце у меня не на мѣстѣ: пусть ее прогнѣвается на меня—я стерплю, проговорилъ Андрей и. въ страшномъ волненіи, пошелъ въ спальню. Лиза лежала все на томъ же мѣстѣ, куда кинулъ ее мужъ.

Андрей окликнулъ ее.

Лиза подняла только руку и махнула ею Потапычу; онъ взялъ эту руку и тихо проговорилъ:

— Не уйду я, матушка, не выгоните вы меня. Позвольте васъ поднять, что это вы внизъ головкой лежите?

— Мнѣ хорошо, едва-слышно прошептала Лиза. — Оставьте меня, Андрей Потапычъ.

— Не оставлю я васъ. Не обманывайте вы меня: недоброе у васъ тутъ было съ бариномъ.

— Ахъ, нѣтъ! сказала Лиза и приподнялась на кровати: — видите, я весела... я хотѣла спать...

Потапычъ взглянулъ Лизѣ въ лицо, и сердце его повернулось.

Лиза сидѣла передъ нимъ на кровати блѣднѣе смерти; вокругъ глазъ ея были черные круги, длинные волосы ея были всѣ всклочены и прядями висѣли по вискамъ. Она улыбалась, но отъ ея улыбки у старика по тѣлу побѣжали мурашки. Онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ навзрыдъ.

У Лизы, которая до той минуты сидѣла съ сухими, красными глазами, вдругъ хлынули слезы; она протянула къ Потапычу дрожавшія руки, судорожно обхватила его и крѣпко прижалась къ его груди.

Долго вдвоемъ рыдали они безъ словъ. Наконецъ Потапычъ первый пришелъ въ себя и началъ нашептывать Лизѣ самыя нѣжныя отеческія утѣшенія.

Лиза вдругъ схватила и поцаловала руку старика.

Андрей Потапычъ до того смутился этимъ, что чуть не упалъ со всѣхъ ногъ.

— Господи! Господи! что вы дѣлаете! кричалъ, онъ въ отчаяньи, опуская Лизу на кровать:—что вы сдѣлали! руку поца-

ловали... руку у раба вашего. Прости ты, Боже праведный, меня окаяннаго... Ахъ, ты Господи! Чтó я надѣлалъ? Руку... у червя такого, руку... Ой-ой-ой, матушка, простите вы меня! говорилъ Андрей стоя на колѣняхъ и цалуя платье барыни.

Лиза хотѣла приподняться, но вдругъ ей сдѣлалось больно, и она взвизгнула.

— Чтò тамъ у васъ? закричалъ, какъ ужаленный, проворно вскакивая Андрей.—Что у васъ болитъ? Онъ избилъ васъ, безбожникъ, изуродовалъ!... Потереть, уложить васъ надо. Я хозяйку позову.

— Ненадо, ненадо! просила Лиза.

— Надо, надо, матушка. Хозяйка женщина хорошая, набожная. Я ей скажу; она никому не промолвится. Съ нами и умретъ тутъ все, никто не узнаетъ.

— Дѣлайте, чтó хотите, сказала Лиза, невольно уступая физической нестерпимой боли.

Андрей Потапычъ позвалъ старушку. Она пришла и принесла съ собой маслица изъ лампады.

Лиза позволила хозяйкѣ раздѣть себя тогда только, когда она передъ образомъ поклялась ей никому ничего не разсказывать. Старушка раздѣла Лизу и начала тереть ее. Она всякую минуту вскрикивала отъ боли; все тѣло ея было избито, исщипано до черныхъ пятенъ.

Уложивъ Лизу въ постель, хозяйка вышла въ кухню, гдѣ поджидалъ ее Андрей.

— Ну, чтó матушка, чтò она, моя сердечная?

— Ты ужь все знаешь, отецъ мой, такъ я тебѣ скажу, а то вѣдь она съ меня клятву взяла.

— Ангелъ Господень! Жалѣетъ все изверга.

— Видно, что такъ, отецъ мой, сказала старуха, грустно качая головой.

— Ну, чтò жь?

— Что, отецъ мой, вся синяя, да изверченная, словно въ застѣнкѣ была.

— Мать, пресвятая Богородица! не попусти же ты, чтобъ этотъ человѣкъ нестоющій погубилъ душу праведную, проговорилъ Андрей, набожно поднимая руки къ небу.

— Помилуй ее Господи! прошептала за нимъ хозяйка, крестясь.

— Что, матушка, вы писать умѣете? вдругъ, подумавъ, спросилъ Андрей.

— Пишу, отецъ мой, небольно-красиво, по старинному, а писать-пишу, разбираютъ кому надобно.

— Сдѣлайте же вы мнѣ божескую милость, напишите мнѣ письмецо въ Питеръ, началъ просить Андрей, низко кланяясь.

— Изволь, отецъ мой, только ты мнѣ самъ все въ толкъ подсказывай, а то я выдумывать-то ныньче что-то негоразда стала.

— Я все, матушка, вамъ говорить буду, вы только со словъ пишите.

— Изволь, отецъ мой. Принеси бумажки; я тебѣ сейчасъ напишу.

— Сдѣлайте божескую милость, а я завтра и на почту снесу, сказалъ Андрей, тихо прошелъ въ залу и сейчасъ же воротился съ листомъ бумаги, чернильницей и перомъ.

Старушка усѣлась за кухонный столъ, вынула изъ кармана очки съ пружинкой, защемила ими свой длинный носъ и гнусиво спросила, взявъ перо въ руки:

— Что жь писать-то, отецъ мой?

— А вотъ такъ и извольте начать:

«Милостивая государыня, ваше превосходительство генеральша Дарья Яковлевна, проговорилъ Андрей.

— Написала, сказала старушка, поцарапавши перомъ.

«Въ первыхъ сихъ строкахъ кланяюсь вамъ униженно и увѣдомляю васъ, что внучкѣ вашей, а моей барынѣ, жить въ здѣшнемъ городѣ больше нельзя.

— Нельзя, повторила старушка, зацѣпивъ за бумагу перомъ и размазавъ пальцемъ брызги чернилъ.

Андрей опять началъ диктовать, а старушка пословно писала за нимъ:

«И поспѣшайте вы, по любви вашей къ нимъ родительской, и неоставленію, взять ихъ къ себѣ сейчасъ по полученіи моего покорнаго вамъ письма. А то, на грѣхъ мастера нѣтъ, имъ недолго и Богу душеньку отдать. Хоша Николай Иванычъ и баринъ мой и не слѣдъ бы мнѣ про нихъ говорить такія слова, а я все скажу, что они съ супругою своею не побожески поступаютъ и даже руку свою на нихъ подняли. И деньги, кажись, у нихъ всѣ перетаскиваетъ, потому-что играетъ въ карты непомѣрно и пьетъ съ офицерами кажинный день.

«И я не въ ябеду пишу сіи слова—пусть меня Богъ убьетъ

а мнѣ желательно грѣхъ тяжкій развязать. Такъ вы изволите ихъ скорѣй взять. Васъ за это и Господь Богъ не оставитъ.

«За симъ низко кланяюсь вамъ и цалую ручки. Остаюсь униженный холопъ по гробъ моей жизни,

«Андрей Потаповъ.

«Домнѣ Савишнѣ отъ меня низкій поклонъ, Филиппу Моисеичу отъ меня низкій поклонъ.»

Когда хозяйка докончила письмо, оба они принялись дѣлать вдвоемъ конвертъ, на которомъ, со словъ Андрея, старушка нацарапала адресъ Дарьи Яковлевны Рытовой.

На другой же день письмо это, застрахованное, полетѣло въ Петербургъ.

XII.

Но не суждено было письму Потапыча попасть въ руки Дарьи Яковлевны.

Совѣты стараго князя Година, который былъ у нея нѣсколько разъ и уговаривалъ ее разстаться съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ, не подѣйствовали: старуха Рытова, какъ предвидѣлъ князь, безъ церемоній разбранила его и почти выгнала изъ своего дома.

Дмитрій Дмитріевичъ остался полнымъ властелиномъ своей милой тёточки.

Полусумасшедшая, запуганная вымышленными видѣньями Дмитрія Дмитріевича, старушка, подъ руководствомъ нѣжнаго племянника, всякій день все болѣе-и-болѣе втягивалась въ пьянство; рѣдкій вечеръ она не была въ совершенномъ безсмысліи отъ охмѣлѣнія.

Этого и добивался Дмитрій Дмитріевичъ: это вело ближе къ цѣли, то-есть смерти милой тёточки.

Старуха часто твердила ему въ первые дни его водворенія въ ея домъ, вѣроятно, для того, чтобъ не дать ему надежды когда-нибудь наслѣдовать послѣ ея смерти, что Лиза ея единственная наслѣдница, и даже, въ подтвержденіе словъ своихъ, показывала ему форменную духовную. Дмитрій Дмитріевичъ изъ этой духовной зналъ, что все состояніе Дарьи Яковлевны состояло въ банковыхъ билетахъ.

Твердо запримѣтилъ онъ ящикъ въ комодѣ, гдѣ лежала духовная; изъ того же ящика старуха вынимала и деньги. По сообра-

женію его, тамъ же должны были храниться и банковые билеты. Дмитрій Дмитріевичъ положилъ, во что бы то ни стало, сдѣлать себя благопріобрѣтеннымъ наслѣдникомъ всѣхъ этихъ прелестей и оставить Лизѣ только Савишну съ причетомъ.

И Дмитрій Дмитріевичъ началъ выжидать удобнаго случая исполнить свой планъ. Подъ счастливой звѣздой родился несчастный сирота; судьба не томила его. Въ одну прекрасную ночь, когда онъ выхрапывалъ молодецкимъ сномъ, его разбудили и сказали, что у тётушки опять ударъ. Онъ накинулъ халатъ и бросился въ спальню.

Живымъ трупомъ, безъ движенья, безъ языка, лежала Дарья Яковлевна на кровати, подъ зеленымъ балдахиномъ. Одни только глаза ея смотрѣли, и жалко смотрѣли, говорили что-то, но никто и не подумалъ разобрать, что говорили они.

Дмитрій Дмитріевичъ, какъ всегда, рвался и метался; Савишна всхлипывала; люди, болѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ состраданья, заглядывали въ дверь на барыню.

Дмитрій Дмитріевичъ послалъ за докторомъ; тотъ пріѣхалъ и объявилъ, что онъ не ручается, чтобъ старушка прожила сутки. Эта вѣсть привела Дмитрія Дмитріевича въ такое неописанное отчаяніе, что докторъ почелъ за надобность заняться лучше имъ, чѣмъ старухой, съ которой нечего ужь было дѣлать, и началъ давать несчастному племяннику успокоительныя капли. Дмитрій Дмитріевичъ тотчасъ успокоился, потому-что въ разсчетъ его не входило, чтобъ докторъ долго засиживался.

Духовная и билеты все еще лежали въ комодѣ тёточки, а не въ его карманѣ. Докторъ уѣхалъ.

Дмитрій Дмитріевичъ отпустилъ всѣхъ людей спать, сказалъ, что онъ самъ просидитъ всю ночь съ тёточкой, и затворилъ въ спальню дверь.

Скоро все въ домѣ заснуло мертвымъ сномъ, но не заснулъ Дмитрій Дмитріевичъ. Походивъ немного по спальнѣ, послушавъ у дверей, онъ остановился передъ кивотомъ, нѣсколько разъ перекрестился и пошелъ къ кровати.

Дарья Яковлевна все такъ же лежала и жила только одними глазами.

Дмитрій Дмитріевичъ началъ ее трогать, шевелить; руки и ноги ея были ледяныя и падали какъ у трупа; глухое хрипѣнье замѣнило дыханье.

Увѣрившись, что Дарья Яковлевна уже не встанетъ, Дмитрій

Дмитріевичъ взялъ свѣчу, пошелъ къ комоду и сталъ отворить ящикъ.

Глаза старухи начали слѣдить за нимъ... Дмитрій Дмитріевичъ не видалъ этого и рылся въ бумагахъ. Наконецъ лицо его просвѣтлѣло.

Все, чего искалъ онъ, было въ его рукахъ. Проворно началъ онъ совать за пазуху и въ карманы халата банковые билеты, духовную и деньги, и футляры съ брильянтами...

Вдругъ, сзади него послышалось глухое мычанье... Дмитрій Дмитріевичъ захлопнулъ ящикъ, обернулся и взглянулъ на кровать. Волосы его стали дыбомъ...

Дарья Яковлевна приподнялась, глядѣла на него двумя блестящими, страшными глазами, грозила ему лѣвой рукой и дико мычала.

Стремглавъ бросился Дмитрій Дмитріевичъ къ кивоту, упалъ на полъ и закрылъ голову халатомъ.

Глаза старухи все слѣдили за нимъ, потомъ перешли отъ него на свѣтлыя иконы... и закрылись.

Тяжело рухнула Дарья Яковлевна обмертвѣвшимъ туловищемъ на кровать.

Дмитрій Дмитріевичъ все лежалъ на полу подъ кивотомъ и боялся пошевелиться; только изрѣдка выглядывалъ онъ однимъ глазкомъ изъ-подъ халата.

Въ комнатѣ было тихо, темно: тяжкое хрипѣнье не раздавалось больше. Восковой, догорѣвшій огарокъ то вспыхивалъ и пробѣгалъ дрожащимъ свѣтомъ по неясной фигурѣ Дарьи Яковлевны, то утухалъ почти совершенно. Одна лампада ровно и спокойно горѣла надъ головою Дмитрія Дмитріевича.

Наконецъ, переломивъ свой страхъ, какъ изъ лука стрѣла, выбѣжалъ онъ изъ спальни и перебудилъ весь домъ.

Со всѣми людьми, со свѣчами, вошелъ онъ опять къ Дарьѣ Яковлевнѣ и осмѣлился подойти къ ней.

Старушка лежала мертвая не вдоль, а поперегъ кровати. Дмитрій Дмитріевичъ и вся дворня завыли въ одинъ голосъ надъ покойницей... Долго толковали люди въ передней о томъ, отчего барыня лежала неднижима вдоль кровати, а умерла поперегъ...

У Дмитрія Дмитріевича никто не догадался объ этомъ спросить.

Во время всеобщей суматохи, бѣдный сирота одѣлся въ своей комнатѣ, набилъ карманы благопріобрѣтеннымъ наслѣдствомъ милой тётушки и, сказавъ людямъ, что ѣдетъ увѣдомить поли-

цію о ея кончинѣ, вышелъ изъ дома и сейчасъ же воротился съ пустыми карманами и квартальнымъ надзирателемъ.

Въ присутствіи квартальнаго и всѣхъ людей пошелъ онъ въ комодъ, чтобъ достать деньги на похороны Дарьи Яковлевны: порывшись во всѣхъ ящикахъ, наконецъ нашелъ Дмитрій Дмитріевичъ пачку ассигнацій. Ее перечли: въ ней оказалось три тысячи рублей; ихъ взяли и, вынувъ изъ комода и шкаповъ во что одѣть старушку, все въ домѣ сейчасъ же опечатали.

Потомъ Дарью Яковлевну обмыли, одѣли и положили на столъ.

Начались панихиды за панихидами. Опять вылъ Дмитрій Дмитріевичъ и выла вся дворня.

Въ это время пришло письмо отъ Андрея Потапыча и застало Дмитрія Дмитріевича за трогательнымъ занятіемъ:

Онъ надписывалъ фамиліи приглашенныхъ на похоронныхъ билетахъ съ черными ободками, на которыхъ были награвированы два толстые купидона съ черными факелами въ рукахъ и двѣ скрещенныя кости подъ мертвой головой, а въ серединѣ было напечатано:

«Коллежскій регистраторъ
«Дмитрій Дмитріевичъ
«*Тягинъ*,

«Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ возлюбленнѣйшей тётушки своей, генеральши Дарьи Яковлевны Рытовой, воспослѣдовавшей сего 8 января 18.. года, въ три часа пополудни, покорнѣйше проситъ отдать послѣдній долгъ покойницѣ и пожаловать на выносъ тѣла ея сего 12 января въ 9 часовъ пополуночи, на квартиру покойницы, а оттуда на отпѣванье тѣла ея въ Александроневскую Лавру, а оттуда на поминовеніе души ея, на квартиру покойницы.»

Большая стопа билетовъ лежала передъ Дмитріемъ Дмитріевичемъ, однакожь, онъ распечаталъ письмо Потапыча, прочелъ его, улыбнулся, положилъ опять въ пакетъ, позвалъ лакея, отдалъ ему это письмо и нѣсколько похоронныхъ билетовъ, подписанныхъ на имена всѣхъ князей Годиныхъ и сказалъ:

— На, братецъ, отнеси кстати все это вмѣстѣ къ князю Юлію Петровичу Годину.

Печально опустя голову, держа бѣлый платокъ у глазъ, въ широкихъ плёрезахъ, съ огромнымъ крепомъ на шляпѣ, шелъ Дмитрій Дмитріевичъ по Невскому за малиновымъ, бархатнымъ

гробомъ Дарьи Яковлевны, покрытымъ кованымъ парчевымъ покровомъ.

За нимъ шли всѣ люди въ глубокомъ траурѣ и ѣхала шестерней траурная пустая карета.

Сзади тянулся длинный рядъ экипажей. По бульварамъ бѣжали, подпрыгивая, ребятишки и ковыляли нищіе.

На поминовеніи души гости много ѣли, много пили и смѣялись... Были и блины и бѣлый висель.

За литіей бѣдный сирота, который въ первый разъ въ жизни выпилъ съ горя, по дорогой тёточкѣ, затянулъ сладкимъ теноромъ «вѣчная память!»

XIII.

Письмо Потапыча страшно взволновало семейство Годиныхъ. Общимъ совѣтомъ было сейчасъ же рѣшено увезти Лизу отъ мужа, и князь Андрей Петровичъ вызвался поѣхать за ней.

Одно тревожило Годиныхъ — ея помѣщеніе. Несмотря на сильное желаніе взять Лизу къ себѣ, на это не было никакой возможности. Домъ князя Юлія Петровича, послѣ страшнаго наводненія, за недостаткомъ средствъ, былъ недостроенъ. Во всемъ нижнемъ этажѣ жить было нельзя. Все семейство князя помѣщалось въ четырехъ только комнатахъ верхняго этажа. Очень огорчало это добрыхъ Годиныхъ, всегда готовыхъ пріютить у себя не только роднаго, но и всякаго посторонняго. Они думали, ломали голову и придумали нанять Лизѣ квартиру поблизости отъ себя, въ домѣ Ивана Кудряваго, бывшаго камердинера отца ея. Годины знали Ивана за преданнаго себѣ человѣка и были увѣрены, что онъ будетъ беречь и успокоивать свою прежнюю барышню. Князь Андрей Петровичъ уѣхалъ за Лизой. Между тѣмъ въ Динабургѣ творились чудныя дѣла.

Китинъ силою завладѣлъ женнинымъ билетомъ въ двадцать-пять тысячъ, перешелъ отъ Пупенко къ Гайкину и началъ пить и играть съ какимъ-то остервенѣніемъ. Офицеры завладѣли имъ совершенно. Денегъ у Китина въ рукахъ не было подъ тѣмъ предлогомъ, что билета нельзя было размѣнять въ Динабургѣ: офицеры положили его въ полковой ящикъ до удобнаго случая послать размѣнять его въ Петербургъ.

Съ Китинымъ играли на мѣлокъ, поили и кормили его на свой счетъ; разумѣется, проигрыши и всѣ выдачи на продовольствіе

Китина записывались. Какъ велся этотъ счетъ, извѣстно только одному Богу...

Китинъ же и не думалъ считать своихъ друзей и пріятелей: онъ былъ или мертвецки-пьянъ, или бѣсновался, называлъ Лизу ангеломъ, а себя—убійцею. Офицеры тотчасъ заливали стаканами пунша и вина эти пароксизмы раскаянья—и Китинъ скоро забывалъ свое отчаянье и начиналъ бранить и проклинать жену, которую, за минуту передъ тѣмъ, превозносилъ до небесъ.

Въ рѣдкіе часы, когда просыпалась его совѣсть, ложный стыдъ мѣшалъ ему попросить офицеровъ сходить съ нимъ къ женѣ.

Лиза съ того ужаснаго дня была больна, убита, уничтожена, лежала въ постели и не могла быть у мужа, хотя, несмотря на весь ужасъ его поступка противъ нея, не проходило минуты, чтобъ она не молилась о немъ и не летѣла къ нему душой. Добрѣйшій Пупенко, судя по сумасшедшей игрѣ Китина, по болѣзни Лизы и потому, что она такъ долго не была у мужа, понялъ, что между ними произошло что-то страшное и, несмотря на сильное желаніе видѣть Лизу, пересталъ ходить къ ней изъ деликатности, чтобъ не смутить, не сконфузить ее своимъ приходомъ.

Только чрезъ Андрея Потаповича Лиза знала, что дѣлаетъ ея мужъ. Всякій день справлялся онъ у крѣпостныхъ деньщиковъ о Николаѣ Ивановичѣ и прямо приходилъ разсказывать все слышанное барынѣ. Тяжело ему было, больно, а онъ говорилъ да думалъ про-себя:

— Оторчаю я ее, мою голубицу бѣдную... Да пусть теперь поплачетъ, порвется; за-то какъ пріѣдутъ за ней изъ Питера, легче ей разставаться-то съ нимъ будетъ; а то, пожалуй, ее и не вытащить: любитъ она его больно-много...»

Но въ одну прекрасную ночь съ Китинымъ случилась такая исторія, что и Потапычъ ни слова не сказалъ о ней Лизѣ.

Поутру деньщикъ Гайкина войдя за сливками въ лавочку, гдѣ стоялъ Андрей Потапычъ — значительно подмигнулъ ему, послѣ чего оба вышли вмѣстѣ и стали къ сторонкѣ.

— У насъ нынче въ ночи съ вашимъ такая перетасовка была, что и Боже упаси, сказалъ деньщикъ.

— Что еще такое? Господи ты, праведный! спросилъ Андрей тяжело вздохнувъ.

— Да перепились всѣ, ровно чушки какія, да за картами такую эпёху подняли, что хоть святыхъ выноси. Мой-то вовьми да

какъ-то и верни картами, а вашъ-то и вцѣпился ему въ руки, да какъ заорётъ: «передернулъ! мошенникъ! такой-сякой...» А мой-то и шваркъ вашему-то въ рожу карты, да и ну кричать: «а какъ ты смѣешь?» Я, говоритъ, плац-адъютантъ, а ты колодникъ! Мы изъ милости съ тобой компанію ведемъ, а ты еще шумѣть вздумалъ! Въ кандалы его! А вашъ-то оретъ, какихъ-то денегъ своихъ проситъ... А наши-то, всѣ на него, какъ коршуны налетѣли: «Какія деньги? какія деньги? Нѣтъ у тебя денегъ! проигралъ ты деньги! Еще долгъ за тобой есть!...» а тутъ ужь и не разбери Господи, что̀ было... Стулья, шандалы летятъ, столы падаютъ. Все вашъ воевалъ, да скрутили голубчика, связали, теперь сидитъ въ арестантской.

— Боже праведный! не-уже-ли, мать-то моя, барыня, все это видитъ?... Упокой Господи душу усопшей рабы Анны... перекрестившись сказалъ Андрей, и побрелъ домой.

Когда Лиза его спросила, не слыхалъ ли онъ чего про ея мужа, онъ отвѣчалъ:

— Ничего, матушка. Молитесь Богу: потише сталъ.

Подъ-вечеръ того же дня, къ неописанной радости Потапыча, князь Андрей Петровичъ подкатилъ къ дому.

Потапычъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу, сказалъ, что барыня все еще очень-нездорова, ввелъ князя потихоньку на половину хозяйки и тамъ, заливаясь слезами, разсказалъ ему все, что̀ случилось съ-тѣхъ-поръ, какъ Лиза переѣхала въ Динабургъ, и умолялъ князя увезти насильно Лизавету Леонидовну отъ мужа.

Андрей Петровичъ едва могъ узнать Лизу—до того она похудѣла и измѣнилась въ это короткое время.

Лиза очень обрадовалась пріѣзду дяди; но когда князь сказалъ, что онъ пріѣхалъ за ней и заговорилъ о ея мужѣ, о жестокости его обращенія съ ней, Лиза не хотѣла сознаться ни въ чемъ и не переставала твердить, что она очень-счастлива, довольна своей участью и ни за что̀ на свѣтѣ не уѣдетъ отъ мужа.

— Ты говоришь неправду, другъ мой, сказалъ князь, выслушавъ Лизу: — я въ Петербургѣ еще зналъ, что мужъ твой забылся до того, что поднялъ на тебя руку.

— Это неправда, дяденька.

— Онъ играетъ въ карты... онъ пьетъ...

— Это неправда, дяденька, повторяла упорно Лиза.

— Какъ! ты не сознаешься въ томъ, что мужъ проигрываетъ твои деньги?...

— Я сама ему дала, дяденька, вдругъ перебила Лиза.

— И очень-дурно сдѣлала: этимъ ты губишь и его и себя. Подумай, что́ съ нимъ будетъ, когда вы останетесь безъ гроша? Тебя, мы всѣ покуда живы, не оставимъ. Ты будешь жить съ нами.

— Я не хочу... опять, заливаясь слезами, перебила Лиза.

— Ну, если ты не хочешь жить у насъ, если ты не думаешь о себѣ, то подумай о мужѣ. Ты чисто губишь его твоей—прости ты меня—глупою любовью. Покуда ты будешь съ нимъ, онъ не перестанетъ выманивать у тебя деньги; а съ деньгами онъ все будетъ пить и играть и никогда не образумится.

— Я больше не буду ему давать денегъ, дяденька.

— Не такъ ли, какъ въ послѣдній разъ?... Я почти увѣренъ, что онъ прибилъ тебя изъ-за денегъ.

— Нѣтъ, дяденька, онъ не билъ меня... право, я сама дала ему... краснѣя, проговорила Лиза, опустивъ голову.

— Видишь, Лиза, ты и лгать не умѣешь. Говори мнѣ сейчасъ, сколько онъ взялъ у тебя денегъ?

— Я ему дала только одну бумажку...

— Какую бумажку?

— Въ двадцать-пять тысячъ.

— Шутка ли!... И онъ ихъ ужь проигралъ?

— Нѣтъ, онѣ вѣрно цѣлы.

— Ну, наврядъ. А гдѣ жь у тебя остальные билеты?

— У меня еще есть такихъ два.

— А третій гдѣ?

— Мы прожили, дяденька.

— Въ семь съ половиною мѣсяцевъ! Это ужасно! Да подумой, Лиза, что̀ съ тобой будетъ? Отдай мнѣ твои билеты: я ихъ помѣщу и буду высылать тебѣ проценты. Развѣ возможно проживать капиталъ? Ты ничего не понимаешь, а Николай Иванычъ съ тобой поступаетъ безбожно.

— Дяденька, возьмите все, только не браните его, я васъ прошу; мнѣ это больно.

— Помилуй, Лиза, я увѣренъ, что отъ тебя еще много скрываютъ. Я слышалъ, что Николай Иванычъ скверно велъ себя въ послѣднее время. Я сейчасъ самъ пойду въ крѣпость, узнаю все

и скажу тебѣ. Вѣришь ли ты мнѣ? убѣждена ли ты въ томъ, что я люблю тебя и желаю тебѣ добра?

— Вѣрю и знаю, что вы меня любите, дяденька, вздохнувъ, сказала Лиза.

— Если такъ, то дай мнѣ слово, что когда я только увѣрюсь въ томъ, что тебѣ здѣсь оставаться дольше нельзя, ты послушаешься меня и поѣдешь со мной.

— Не даю слова, проговорила Лиза.

— Что́ жь ты хочешь, уморить себя?

— Ка̀къ будетъ угодно Богу, а я Колю не оставлю.

— Ты просто сумасшедшая, Лиза! запальчиво сказалъ князь.

— Не сердитесь, дяденька. Я люблю Колю больше всего въ мірѣ... Безъ него, гдѣ бы я ни была, мнѣ не жить на свѣтѣ. А здѣсь, когда я знаю, что онъ тутъ, близко—я счастлива, право счастлива, дяденька. Я знаю, что онъ исправится. Онъ молодъ; дурное общество офицеровъ его втянуло въ карточную игру. Я увѣрена, что онъ раскаявается и нейдетъ ко мнѣ, потому-что ему совѣстно видѣть меня. Онъ любитъ меня — я это знаю. Подите къ капитану Пупенко — онъ честный, добрый человѣкъ: онъ вамъ скажетъ, что Коля не такъ дуренъ, какъ о немъ говорятъ. Подите къ Колѣ: вы сами убѣдитесь въ этомъ; скажите ему, что я простила его, что я больна... Попросите Пупенко привести его ко мнѣ, и вы увидите, ка̀къ онъ хорошъ со мной.

— Дай Богъ, другъ мой, чтобъ ты была права, я больше ничего не желаю. Сейчасъ же иду въ крѣпость и исполню все, что́ ты хочешь.

Князь отправился къ Пупенко.

Добрый, простой Модестъ Лукичъ не́хотя пересказалъ князю все, что́ тотъ уже зналъ отъ Потапыча. Князь не могъ понять странной любви и упорства Лизы. Ему вдругъ пришло въ голову дѣйствовать на Лизу чрезъ мужа. По мнѣнію Андрея Петровича, Китинъ одинъ, если у него осталось хоть искра совѣсти и теплаго чувства къ женѣ, могъ убѣдить ее уѣхать хоть не на долго въ Петербургъ, чтобъ отдохнуть и поправить разстроенное здоровье.

Князь попросилъ Пупенко проводить его въ арестантскую.

Когда Андрей Петровичъ вошелъ туда, Китинъ, грязный, немытый, нечесанный, какимъ-то звѣремъ сидѣлъ на скамейкѣ въ углу.

Увидѣвъ дядю жены, онъ не шевельнулся, опустилъ только голову и началъ глядѣть въ полъ.

Князь подошелъ къ нему.

— Николай Иванычъ, поступокъ вашъ съ моей племянницей ужасенъ; но не упрекать васъ въ немъ я пришелъ сюда — на это у васъ есть ваша собственная совѣсть, сказалъ князь глядя на Китина.

Китинъ молчалъ.

— Я пріѣхалъ сюда нарочно, чтобъ увезти ее въ Петербургъ.

Китинъ все глядѣлъ въ полъ.

— Лиза такъ любитъ васъ, что не соглашается ни за что въ свѣтѣ ѣхать со мной, а между-тѣмъ безпрестанныя огорченія, одинокая жизнь убьютъ ее непремѣнно, если она пробудетъ здѣсь дольше. Отъ нея еще скрываютъ послѣдній вашъ поступокъ и внезапную страшную перемѣну вашей участи... Лиза можетъ поправиться, придти къ вамъ... Подумайте сами, что съ ней будетъ, если она васъ увидитъ въ арестантской и въ такомъ видѣ, перенесетъ ли она это?

Китинъ не пикнулъ и не шевельнулся.

— Вотъ зачѣмъ я пришелъ къ вамъ. Вы одни можете уговорить Лизу ѣхать со мной. Сдѣлайте это, помогите мнѣ спасти вашу несчастную жену.

Китинъ и на это не отвѣтилъ ни слова.

— Да долго ли вы будете молчать, милостивый государь? вдругъ, вспыхнувъ, проговорилъ князь.—Я говорю съ вами какъ съ человѣкомъ, обращаюсь къ вашему сердцу, говорю вамъ о вашей женѣ, которую вы погубили, а вы на все это молчите и сидите какъ столбъ? Что же? Я ничего не дождусь отъ васъ?

Китинъ все не шевелился.

— Кто же вы послѣ этого? Вы извергъ... нераскаянный злодѣй... говорилъ, все болѣе-и-болѣе горячась, Андрей Петровичъ.— Что же вы, ничего мнѣ не скажете? Говорите!

Китинъ всталъ, молча отошелъ къ окну и повернулся спиной къ князю.

Андрей Петровичъ плюнулъ и вышелъ вонъ. Возвратясь къ Лизѣ, онъ разсказалъ ей, что Китинъ проигралъ ея деньги, разсказалъ послѣднюю исторію его съ офицерами, послѣ которой онъ сидитъ въ арестантской, и наконецъ свое свиданье съ нимъ и его упорное молчанье.

Лиза сейчасъ же вскочила съ постели и начала одѣваться, чтобъ идти къ мужу. Дядя не удерживалъ ее.

— Ступай, матушка, я тебя не держу, авось онъ тебя самъ, лучше меня, навсегда вылечитъ отъ твоей сумасбродной любви... сказалъ князь и, въ волненьи, началъ ходить по комнатѣ.

XIV.

Лиза между-тѣмъ, одѣлась, взяла все, что оставалось у нея денегъ, и съ какой-то страшною твердостью и силой ушла съ Потапычемъ къ мужу.

Когда ее впустили къ нему, она долго оглядывалась и искала его глазами.

Китинъ опять сидѣлъ въ темномъ углу на томъ мѣстѣ, гдѣ засталъ его князь.

Лиза не узнала своего мужа. Когда ей указали его, она съ какою-то недовѣрчивостью подошла къ нему и начала вглядываться.

Китинъ зло поглядѣлъ на жену: онъ уже былъ страшно взбѣшенъ посѣщеніемъ князя; а когда Лиза вошла сейчасъ же послѣ него, Китина взорвало окончательно. Онъ притаился и не всталъ къ ней на встрѣчу.

— Коля, это ты?... робко спросила Лиза.

Китинъ насильственно захохоталъ.

— Коля, прошептала блѣдная Лиза, не подвигаясь впередъ, испуганная знакомымъ ей страшнымъ смѣхомъ:—Коля, не смѣйся такъ, я боюсь.

Китинъ захохоталъ еще громче.

У Лизы начали подгибаться колѣни; она схватилась за стѣну рукой.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Здѣсь не мѣсто для княжны... насмѣшливо сказалъ Китинъ.

— Коля, не говори со мной такъ; я не могу, проговорила Лиза, опускаясь на лавку.

— Не можете, такъ поѣзжайте съ дядюшкой въ Петербургъ, а не ходите всѣ сюда глядѣть на меня какъ на допотопнаго звѣря... Слышали—я не хочу этого!... Поѣзжайте въ Петербургъ къ вашимъ прекраснымъ роднымъ, и чтобъ это все кончилось!

— Я не поѣду, рѣшительно сказала Лиза.

— Не поѣдете? Для чего вы остаетесь здѣсь? чтобъ къ моей каторжной жизни прибавлять еще вотъ эти милыя сцены и слезы? Я не понимаю, однако, зачѣмъ вы за мной вяжетесь, что̀ я для этого сдѣлалъ? Вспомните все одинъ разъ навсегда, и бросьте меня ко всѣмъ чертямъ! началъ проповѣдывать Китинъ, расхаживая большими шагами передъ убитой горемъ Лизой. — Посмотрите на меня хорошенько: сто̀ю ли я вашей любви? Видите, я бѣглый, я колодникъ. Вспомните я васъ билъ, я проигралъ ваши деньги, я извергъ, я злодѣй, какъ говоритъ вашъ милый дяденька. Не-уже-ли и теперь еще вы меня любите?

— Люблю, Коля, и буду любить всю жизнь!

Китинъ опять разразился своимъ страшнымъ смѣхомъ.

— Коля, именемъ Бога, не хохочи... я умру...

— Нѣтъ, я буду хохотать, буду! Вы сами уморите меня со смѣху. Она меня любитъ! За что̀, за что̀ я васъ спрашиваю? приступалъ Китинъ къ Лизѣ съ какою-то яростью. Я васъ спрашиваю, за что̀ вы меня любите?

— Я не знаю, Коля, прошептала едва-слышно Лиза.

— Вы, можетъ-быть, воображаете, что и я люблю васъ.

— Да̀, Коля, я знаю, что ты любилъ меня, ты и теперь любишь, только ты раздраженъ, озлобленъ; вотъ почему ты такъ жестокъ со мною. Я тебѣ все прощаю, Коля.

— А я вамъ не прощаю того, что вы ангелъ—слышите ли? Мнѣ тяжко видѣть васъ и сознавать мое ничтожество передъ вами. Самая блаженная минута моей жизни будетъ та, когда я узнаю, что не увижу васъ больше, что вы не будете давить, уничтожать меня собой. Скажите мнѣ, что̀ для этого надо сдѣлать? вдругъ спросилъ Китинъ у полумертвой Лизы.

Она не могла выговорить ни слова.

— Не-уже-ли и тогда вы не бросите меня, когда я вамъ скажу, что я никогда не любилъ васъ... Знаете ли, отчего я на васъ женился?... Я женился не на васъ... я любилъ не васъ...

— Молчи!... болѣзненно вскрикнула Лиза.

— Понимаете теперь? Я любилъ ваши сто̀ тысячъ!... проговорилъ Китинъ и разразился неистовымъ смѣхомъ.

Лиза вскрикнула еще громче и упала въ обморокъ. На крикъ ея вбѣжали Андрей и Пупенко, который видѣлъ, ка̀къ Лиза пришла къ мужу, и пришелъ въ корридоръ, чтобъ имѣть счастье хоть взглянуть на нее.

Когда Китинъ увидѣлъ, что жена его упала, онъ вдругъ опом-

нился, бросился къ ней, началъ цаловать ей руки, бѣсноваться и рвать на себѣ волосы.

— Пустите, батюшка! сказалъ Андрей, отталкивая Китина отъ жены.

Китинъ не слушался и продолжалъ цаловать руки Лизы.

— Прочъ, мерзавецъ! заревѣлъ Пупенко и швырнулъ Китина на полъ.

Безъ чувствъ вынесли Лизу въ сосѣднюю комнату. Она понемному пришла въ себя, взглянула на Пупенко, на Андрея, оглядѣлась кругомъ и вдругъ вспомнила все... Тутъ она хотѣла переломить себя и улыбнуться, но это ей не удалось. Невольно покатились слезы, и она начала истерически рыдать. Пупенко, весь заплаканный, суетился около Лизы, сбѣгалъ домой, принесъ спирту, одеколону, началъ мочить ей голову и давать ей нюхать.

Лизѣ стало лучше, и она начала проситься домой. Подъ-руки довели ее до квартиры. Князь увидѣлъ племянницу и выбѣжалъ къ ней на встрѣчу.

Всѣ трое ввели ее въ комнаты и уложили въ постель.

Когда Пупенко сталъ прощаться, слабая, едва-дышавшая Лиза сказала дядѣ:

— Дяденька, выйдите на минуту, я хочу поговорить одна съ Модестомъ Лукичемъ.

Князь и Потапычъ вышли.

— Модестъ Лукичъ, слабо сказала Лиза: — я ѣду отсюда въ Петербургъ, мои родные этого желаютъ. Богъ знаетъ, что со мной будетъ... Можетъ-быть, я не увижу васъ больше... благодарю васъ за все, за все...

— Помилуйте-съ! проговорилъ Пупенко и залился слезами, какъ женщина.

— Слушайте меня, Модестъ Лукичъ.

— Я васъ слушаю-съ...

— Вы исполните мою просьбу?

— Все-съ, исполню-съ... прикажите-съ...

— У васъ здѣсь остается моя жизнь, все мое — вы знаете, о комъ я говорю?...

— Знаю-съ.

— Дайте же мнѣ слово, вспомните, что, можетъ-быть, это мои послѣдняя просьба, а такія просьбы надо исполнять свято.

— Не говорите этого, Лизавета Леонидовна: вы не умре-

те, этого не можетъ быть... этого не будетъ... твердилъ, рыдая, Пупенко.

— Дайте же мнѣ честное слово, что будете дѣлать все на свѣтѣ, что только отъ васъ зависитъ, чтобъ мужъ мой не страдалъ.

— Буду, буду все дѣлать...

— Будете беречь его и защищать его?

— Буду, Лизавета Леонидовна — вотъ вамъ моя рука.

Лиза взяла эту руку и крѣпко пожала.

— Модестъ Лукичъ, у меня до васъ еще есть просьба: пишите ко мнѣ все, что будетъ съ нимъ. Когда вы замѣтите, что онъ станетъ не такъ раздражителенъ, когда онъ будетъ ровнѣе, спокойнѣе, когда онъ вспомнитъ обо мнѣ хоть разъ, пожалѣетъ что я не съ нимъ, дайте мнѣ знать скорѣй и я прилечу къ нему сію же минуту...

— Непремѣнно напишу, Лизавета Леонидовна.

— Теперь, вотъ еще что, Модестъ Лукичъ, начала опять Лиза, снимая опять запутанный на рукѣ ридикюль: — вотъ бумажникъ; въ немъ безъ малаго три тысячи, возьмите эти деньги къ себѣ и держите ихъ на Колю, чтобъ онъ имѣлъ все необходимое и ни въ чемъ не нуждался. Балуйте, его, пожалуйста, не скупитесь на него; когда эти деньги выйдутъ, я вамъ еще пришлю.

— Все будетъ исполнено свято, Лизавета Леонидовна.

— Ну, теперь я совсѣмъ спокойна. Прощайте, добрый другъ мой...

— Прощайте, дорогая Лизавета Леонидовна. Дай вамъ Богъ успокоиться и быть здоровой! проговорилъ сквозь слезы Пупенко, цалуя протянутую ему Лизой руку.

— Прощайте. Помните, что я васъ просила, сказала Лиза, когда Модестъ Лукичъ пошелъ къ двери.—Пойдите ко мнѣ еще на минуту, подозвала его опять Лиза.

Онъ подошелъ.

— Поговорите съ нимъ когда-нибудь обо мнѣ, и если онъ меня любитъ—напишите! шопотомъ проговорила Лиза.

— Вы ангелъ! вскрикнулъ Модестъ Лукичъ и выбѣжалъ изъ спальни.

Князь вошелъ къ племянницѣ.

— Ну, дяденька, поѣдемте въ Петербургъ, я согласна, сказала Лиза князю.

XIX.

Покуда князь приготовлялъ все къ отъѣзду, Лиза расхварывалась все болѣе-и-болѣе, но перемогалась и скрывала отъ дяди свои страданія.

За день до отъѣзда, когда князя и Потапыча не было дома, Лиза, задумавшись, сидѣла у окна своей спальни.

Вдругъ къ ней кто-то тихо постучался въ окно. Она вздрогнула, оглянулась и увидѣла солдата, который держалъ въ рукѣ письмо и дѣлалъ пантомимы, показывая на крѣпость и на нее.

Сильно запрыгало сердце Лизы; она вскочила, отворила форточку и высунулась на морозъ.

— Давай, давай! это ко мнѣ отъ Николая Иваныча, сказала торопливо Лиза, опуская руку за окно.

— Вамъ-съ, отъ арестанта Китина, велѣно отдать, чтобъ никто не видалъ, шопотомъ проговорилъ солдатъ, оглядываясь во всѣ стороны и подавая письмо.

— Благодарствуй, мой милый, радостно сказала Лиза:—я прошу зайди черезъ полчаса. Посмотри въ комнату, если я буду здѣсь одна; постучись — я отдамъ тебѣ отвѣтъ.

Солдатъ ушелъ.

Лиза проворно распечатала письмо и, забывъ запереть форточку, сѣла подъ окномъ и начала читать. Вотъ что̀ писалъ Китинъ:

«Елизавета Леонидовна.

«Не смѣю назвать васъ другимъ священнымъ именемъ; не мнѣ, отверженцу судьбы, произносить его преступными устами...

«Не мужъ теперь пишетъ къ вамъ, а злодѣй вашъ и убійца... Вы еще не знаете всѣхъ моихъ злодѣяній. Но прежде чѣмъ заговорить о нихъ, я у ногъ вашихъ молю, не о прощеньи—нѣтъ, для меня нѣтъ его—молю васъ о состраданіи. Вы ѣдете. Въ послѣднее свиданье наше, въ моей запальчивости, я самъ васъ вынуждалъ на это; сегодня отъѣздъ вашъ приводитъ меня въ ужасъ.»

Дочитавъ до этого мѣста, Лиза вся запылала радостью, прижала письмо къ губамъ, осыпала его поцалуями и съ жадностью начала читать дальше:

«Вмѣсто того, чтобы удержать васъ, открыться вамъ, я васъ измучилъ, истиранилъ; васъ безъ чувства вынесли отъ меня...

И теперь, не зная ничего, вы увозите съ собой документы, которые изъ Динабурга перекинутъ меня въ рудники Сибири...»

Румянецъ Лизы сбѣжалъ, руки ея затряслись, но она продолжала читать:

«Елизавета Леонидовна, услышьте отъ меня роковое признанье. Вы—нищая: у васъ нѣтъ больше денегъ; я обокралъ васъ давно; два билета, которые остались у васъ—фальшивые, я ихъ сдѣлалъ самъ и подмѣнилъ ими настоящіе... Теперь я въ вашихъ рукахъ: вамъ стоитъ только представить ихъ въ банкъ—и я погибъ безъ возврата... Одинъ Богъ и его ангелы прощаютъ все. Вы—ангелъ! Если вы когда-нибудь любили вашего несчастнаго мужа, то именемъ этой любви молю, не погубите меня и уничтожьте эти два билета. Прощайте, прощайте на вѣкъ... Забудьте недостойнаго васъ

«несчастнаго Китина.»

Прочитавъ все до конца, Лиза горько улыбнулась, опустила руки съ письмомъ на колѣни и замерла. Напрасно рѣзкій вѣтеръ изъ открытой форточки бросалъ ея развитые локоны на лицо: она ничего не чувствовала и не шевелилась. Мутные глаза ея стояли неподвижно на письмѣ...

Долго бы просидѣла она такъ, еслибъ не зашумѣли въ сосѣдней комнатѣ.

Лиза очнулась, встала, заперла дверь на ключъ, твердо подошла къ сундуку, вынула изъ бабушкиной шкатулочки два банковые билета, разорвала ихъ на мелкіе куски, завернула въ обрывокъ бумаги и проворно написала на немъ четыре слова: «именемъ моей святой любви», потомъ запечатала пакетъ, опять сѣла у окна и задумалась.

Скоро разбудилъ ее солдатъ, стукнувъ по стеклу; она приподнялась, машинально отдала ему пакетъ и опять опустилась на стулъ.

На другой день Лиза, князь и Потапычъ выѣхали въ крытой повозкѣ изъ Динабурга.

Дорогой болѣзнь сломила Лизу совершенно. Голова ея трещала отъ нестерпимой боли; все тѣло ея пылило какъ въ огнѣ.

Безъ памяти, въ бреду вынули Лизу въ Петербургѣ изъ повозки и отнесли на нанятую ей квартиру въ домъ Ивана Кудряваго.

XV.

Князь Андрей Петровичъ, не переодѣваясь съ дороги, сейчасъ же поскакалъ за докторомъ. Иванъ бросился извѣстить княгиню Софью Ѳедоровну о пріѣздѣ больной Лизы.

А Потапычъ и Марья Осиповна, жена Ивана, остались при Лизѣ, которая, лежа, въ забытьи, на диванѣ, не переставала бредить ни на минуту.

Когда пришли Годины, княгиня Софья Ѳедоровна съ Глафирой Петровной и женой Ивана начали раздѣвать Лизу; когда разстегнули на ней капотъ, выпала наполъ въ нѣсколько разъ сложеная бумажка. Марья Осиповна подняла ее и подала княгинѣ. Софья Ѳедоровна, впопыхахъ, сунула себѣ бумажку между двухъ пуговицъ миссіонера и продолжала возиться съ Лизой. Скоро возвратился и князь Андрей Петровичъ; къ-несчастью, онъ засталъ домашняго своего доктора въ постели: докторъ былъ тоже боленъ. Князь привелъ другаго молодаго господина Тольфа, о которомъ много кричали въ то время.

Господинъ Тольфъ осмотрѣлъ больную, объявилъ, что у Лизы начинается воспаленіе въ мозгу, и тотчасъ же самъ пустилъ ей кровь. Съ какою-то жадностью и любовью слѣдилъ онъ за этимъ процесомъ.

Выпустивъ довольно-много крови, онъ сказалъ, что одного кровопусканья, можетъ-быть, недостаточно, и потому онъ находитъ необходимымъ остаться ночь при больной, прописалъ лекарство и приказалъ положить Лизѣ на голову ледъ въ пузырѣ; но пузыря ночью достать было негдѣ, и его замѣнили холоднымъ конпрессомъ.

Послѣ кровопусканія Лиза немного утихла, забылась и какъ-будто заснула.

Мужчины тихо вышли въ другую комнату.

— Скажите, докторъ, какъ вы находите больную? спросилъ Юлій Петровичъ.

— Она нехороша теперь, elle a un transport au cerveau... Но не безпокойтесь: при строгомъ наблюденіи и кровопусканіяхъ это скоро пройдетъ.

— Вы думаете, что ей необходимо опять пустить кровь?

— Думаю; впрочемъ, увидимъ, увидимъ. Будьте спокойны и положитесь на меня: я вамъ за нее отвѣчаю.

Князья Годины успокоились немного насчетъ Лизы и хотѣли отправиться домой, но ихъ остановилъ Иванъ, съ салфеткой въ рукѣ, и доложилъ, что ужинать подано и просилъ сдѣлать честь пожаловать на его половину.

Князья Годины не хотѣли обидѣть гостепріимнаго Ивана и пошли за нимъ.

У Ивана была огромная, прекрасно-мёблированная квартира; столъ былъ сервированъ превосходно.

Аппетитъ доктора разыгрался, глядя на вкусную закуску; онъ первый отодвинулъ безъ церемоніи стулъ и сѣлъ за столъ, Князья Годины сдѣлали тоже.

Иванъ, хозяинъ дома, помѣстился, съ салфеткой на рукѣ, за стуломъ стараго князя.

— Что̀ ты это, батюшка, дѣлаешь? Какъ тебѣ не грѣхъ? Мы, твои гости, ты насъ хочешь кормить и поить — и сталъ за моимъ стуломъ! Слава Богу, у тебя народу довольно, есть кому послужить, сказалъ старый князь, показывая на трехъ офиціантовъ.—Что̀ было прежде, то̀ давно прошло, о томъ никто и не помнитъ... Полно дурить, садись, купецъ честнòй, со мной рядомъ, а то мнѣ и въ горло ничто не пойдетъ...

— Нѣтъ-съ, ваше сіятельство, ужь позвольте мнѣ старое вспомнить; давно мнѣ этой чести не доводилось, отвѣчалъ, низко кланяясь, Иванъ.

— Помилуй, батюшка, что̀ ты со мной дѣлаешь? Не конфузь ты меня, ради Бога. Хоть для жены-то ты этого не дѣлай; вспомни, что она дворянка.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не извольте меня упрашивать, ни для кого на свѣтѣ не сяду я съ вами рядомъ... Не обижайте меня; извольте кушать.

— Это глупо, право глупо, повторялъ, вертясь на стулѣ, старый князь. Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ старика.

— Qu'est ce que c'est? спросилъ г. Тольфъ, обращаясь къ Юлію Петровичу и взглядывая то на полную тарелку, то на стараго князя. Юлій Петровичъ разсказалъ ему по-французски, что хозяинъ этого дома, тотъ, который угощаетъ ихъ прекраснымъ ужиномъ, былъ прежде крѣпостной человѣкъ его брата, и, несмотря на то, что онъ теперь уже давно вольный, купецъ, женатъ на дворянкѣ и богаче господъ своихъ, все-таки не хочетъ сѣсть съ ними рядомъ и стоитъ за стуломъ своего стараго барина.

— Cést beau! c'est beau! проговорилъ докторъ, набивая ротъ жирной осетриной.

— «Beau, beau! этого мало, что «beau»! Какъ вы это такъ легко говорите?.. перебилъ вдругъ вспыльчиво старый князь:— это не «beau!» что̀ такое «beau»? это благородно, хорошо, честно, возвышенно, а не «beau»!... Вы и про собаку скажете «beau»? Нѣтъ. это не «beau». У васъ, во всѣхъ чужихъ краяхъ, не найдете такого человѣка, какъ этотъ. Ну, ну-ка, разскажите мнѣ подобный случай про какого-нибудь нѣмца, француза, англичанина? Ну, разскажите... приступалъ, горячась все болѣе-и-болѣе, старый князь къ господину Тольфу, который и не думалъ оспоривать его, прехладнокровно набивалъ себѣ ротъ всѣмъ, что̀ было на столѣ, и запивалъ большими глотками вина.

— Вотъ и не можете; значитъ, я правъ. А говорите «beau». Какое тутъ «beau», когда у меня, у старика, слезы на глазахъ! Это не «beau», а умилительно — вотъ что милостивый государь.

Молодые князья всѣми силами удерживались отъ улыбки.

Князь Юлій Петровичъ перебилъ отца и опять заговорилъ съ докторомъ о больной:

— Итакъ вы находите, докторъ, сказалъ онъ:—что наша больная неопасна? Дай Богъ, чтобъ обошлось безъ кровопусканія. Я не знаю медицины, но, по моему крайнему разумѣнію кажется, что кровь въ человѣкѣ надо беречь больше всего, какъ мать и питательницу организма, а разставаться съ ней только въ безвыходныхъ случаяхъ.

— Князь, позвольте съ вами поспорить, хотя то, что̀ вы говорите, кричатъ всѣ наши профессора и ученые, но я хочу доказать и докажу, что крови жалѣть ненадо. Возьмите вы всѣ корни болѣзней—все кровь, и кровь. Тамъ испорченность крови, тамъ дурное обращеніе, тамъ сгущеніе, тамъ приливы. Рѣдко попадаются люди, которые страдаютъ отъ малокровія. Вездѣ излишекъ, избытокъ; а въ такихъ случаяхъ что̀ надобно дѣлать? Уничтожить дурную кровь, дать правильную циркуляцію, разжидить, отвлечь неправильный приливъ, отлить отягощающій избытокъ, сгладить, уровнять, успокоить, дать правильный толчокъ крови — словомъ, дѣйствовать на корень зла. Кровь испортилась— вонъ дурную; нарушила свой правильный ходъ, приливаетъ куда не слѣдуетъ—вонъ ее; отягощаетъ организмъ, бурлитъ—вонъ ее... И все вонъ и вонъ! Вотъ моя метода, и я надѣюсь, что современемъ многіе доктора согласятся со мною.

Посмотрите вы на меня... Что̀ я: худъ, испитой, болѣзненный? Нѣтъ; а мѣсяца не проходятъ, чтобъ я не пускалъ себѣ крови, не дѣлалъ надъ собою наблюденій... Нѣтъ, князь, крови жалѣть ненадо, и бояться пускать ее нечего. Что̀ у вашей племянницы? У нея, отъ неизвѣстныхъ мнѣ причинъ, приливъ крови въ голову и, вслѣдствіе этого прилива, воспаленіе въ мозгу. Вонъ кровь— и она спасена. Это, просто, какъ дважды два—четыре. Не бойтесь, не бойтесь, князь, я... о! я заклятой врагъ крови: она мнѣ мила только въ этомъ бифстексѣ, а въ человѣкѣ все, что̀ лишнее, что̀ зашумѣло, забурлило, дало себя знать—вонъ, вонъ и вонъ!

Съ какой-то недовѣрчивостью слушали князья Годины разглагольствованія новаго Санградо. Господинъ Тольфъ даже въ то время, когда всѣ почти доктора̀ были тороваты на кровь человѣческую, съумѣлъ возбудить въ нихъ страхъ и недовѣріе къ себѣ. Старый князь начиналъ сильно на него покашиваться.

Во время этого спора жена Ивана угостила ужиномъ княгиню и княжну, вызывая ихъ поочередно въ сосѣднюю комнату, и также ни за что̀ не согласилась сѣсть съ ними за одинъ столъ, говоря, что она жена бывшаго ихъ крѣпостнаго человѣка и никогда не позволитъ себѣ забыться передъ его бывшими господами.

Поужинавъ немного, Софья Ѳедоровна уговорила княжну пойти лечь спать на первую половину ночи, съ тѣмъ, чтобъ быть свѣжей, когда ей придется сидѣть у больной.

Когда княжна ушла, Софья Ѳедоровна придвинула кресло и сѣла у кровати.

Послѣ кровопусканія Лиза забылась, но не надолго; скоро она начала дышать неровно и метаться но постели. Мокрое полотенце безпрестанно спадывало съ головы ея, и княгинѣ пришлось держать его:

Опять начался бредъ. Лиза говорила страшныя несвязныя, слова; всякую минуту она вскакивала, звала мужа и хотѣла встать съ кровати.

Наконецъ, княгиня и Марья Осиповна не могли совладѣть съ ней и послали сказать доктору, что больная снова сильно безпокоится. Господинъ Тольфъ и Юлій Петровичъ тотчасъ же пришли къ Лизѣ, а старый князь и Андрей Петровичъ отправились домой.

Уходя, старый князь вынулъ изъ бумажника нѣсколько ассигнацій и, подавая ихъ Ивану, сказалъ:

— Я туда ужь не пойду... Помочь — не помогу, а глядѣть мнѣ на нее больно, на мою голубушку; да и докторъ-то мнѣ этотъ модный не понутру. Завтра, чѣмъ свѣтъ, съѣзди ты мнѣ за Карломъ Иванычемъ Днера. Я тогда буду спокоенъ: онъ первый докторъ въ Петербургѣ, пусть поглядитъ Лизу... А вотъ это возьми и держи на расходы.

— Помилуйте, ваше сіятельство, что это вы безпокоитесь, я не возьму-съ. Не-уже-ли у меня на мою барыню и денегъ не найдется? Да у меня рука отсохнетъ, коли я съ васъ буду деньги брать.

— Это на лекарство, братецъ, возьми.

— Не возьму-съ.

— Да это глупо, братецъ! Бери... я разсержусь.

— Извольте гнѣваться, а я не возьму-съ.

— Это глупо, право, глупо, братецъ! проговорилъ князь и началъ моргать глазами, сморкаться, и проворно побрелъ въ переднюю, гдѣ его дожидался сынъ.

Между-тѣмъ Лиза была въ страшномъ волненіи; бредъ ея все усиливался.

«Коля! Коля, не бей меня!... Мнѣ больно...» кричала она, отталкивая князя и доктора, которые ее держали. «Не хохочи; я боюсь... я уйду!... Не дери мнѣ косу! мнѣ больно, больно!... Пусти, пусти меня!... Сожгите карты скорѣй... Офицеры идутъ... они хотятъ убить Колю... У меня нѣтъ билетовъ... я не покажу ихъ никому... Никто не узнаетъ, что они фальшивые... не правда, это не Коля ихъ сдѣлалъ... Въ Сибирь... въ Сибирь... я умру...»

Или начинала плакать и тихо говорить:

«Не говори, что ты меня не любишь... Ты любишь меня... Я помню, какъ ты поцаловалъ меня на крыльцѣ, у бабушки, какъ ты заплакалъ... Я вижу, ты и теперь плачешь... поцалуй меня еще такъ!... Сними, Коля, куртку!... Ты адъютантъ, ты не въ крѣпости... тебя простили. Уйдемъ отсюда!... Насъ держутъ... Пустите, пустите!...» кричала Лиза и рвалась съ такой силой, что ее едва могли держать двое сильныхъ мужчинъ.

Господинъ Тольфъ объявилъ, что второе кровопусканіе необходимо. Перепуганный князь не противорѣчилъ.

Лизѣ пустили кровь изъ другой руки. Послѣ этого она сильно ослабѣла, и бредъ прекратился.

Князь вышелъ и прилегъ въ другой комнатѣ, а Софья Ѳедоровна осталась одна съ докторомъ.

— Теперь я понимаю болѣзнь вашей племянницы, княгиня, сказалъ Тольфъ.

Княгиня молчала.

— Это любовная драма молодаго сердца.

— Она очень-несчастлива въ замужствѣ, докторъ, печально отвѣтила княгиня: — но у нея теперь бредъ; по ея словамъ, нельзя судить ни о чемъ. Я знаю всю жизнь ея, но не понимаю многаго, что̀ она говорила теперь.

— Въ самомъ безсмысленномъ бреду женщины всегда есть истина, княгиня, шопотомъ заговорилъ докторъ. — Повѣрьте мнѣ, нѣтъ ни одной женщины на свѣтѣ, повидимому, самой спокойной, счастливой, въ душѣ которой не была бы зарыта какая-нибудь тайна. Спросите объ этомъ у доктора. Чего-чего мы не слышимъ отъ этихъ милыхъ скрытницъ, когда жаръ и бредъ откроютъ имъ молчаливыя уста! Доктора́, сверхъ своего призванія, должны бы непремѣнно быть и романистами. Какое обширное поприще для сюжетовъ, завязокъ и развязокъ романовъ! Вотъ вы, напримѣръ, княгиня: что̀ сравнится съ чистотою вашего ангельскаго взгляда, съ безукоризненнымъ спокойствіемъ всего вашего существа? А несмотря на все это небесное затишье, случись вамъ—я не желаю этого, дай вамъ Богъ всегда быть такой прекрасной и здоровой, какъ теперь—случись вамъ лежать въ такомъ же положеніи, какъ ваша племянница въ сію минуту, не то̀ бы заговорили эти прозрачные глаза, не то̀ бы заговорили эти сладко-сложенныя губки...

— Повѣрьте, докторъ, что и тогда онѣ бы заговорили: «я счастлива, счастлива» и больше ничего! отвѣтила, краснѣя, Софья Ѳедоровна.

— Не вѣрю, княгиня. У всякой женщины, женщины съ душой, умомъ и чувствомъ, есть своя затаенная страница романа.

— Только не у меня, докторъ.

— Я не вѣрю въ счастье замужней женщины, княгиня.

— Почему жь это?

— Потому, княгиня, что счастье и любовь живутъ только тамъ, гдѣ свобода. Разъ ее нѣтъ—и они отлетаютъ.

— Замужство не неволя, докторъ.

— Хуже, княгиня.

— Кажется, пора давать лекарство?

— Нѣтъ, можно еще погодить. Человѣкъ такъ созданъ, продолжалъ докторъ: — что ему хочется именно того, на что̀ ему положенъ запретъ. Бракъ воспрещаетъ свободу — женщина ее жаждетъ всѣми силами души; бракъ воспрещаетъ скрытность въ женщинѣ—отъ этого самаго зарождается тайникъ сокровенныхъ мыслей и мечтаній...

— Мы тревожимъ больную нашимъ разговоромъ, докторъ, перебила княгиня.

— Она ничего не слышитъ, сказалъ вскользь Тольфъ.—Бракъ требуетъ постоянной вѣрности и направленной на одно существо любви: оттого-то и нѣтъ почти ни одной женщины вѣрной. Любятъ онѣ не одного, а десятерыхъ и болѣе... и изъ всего святаго, чистаго, открытаго дѣлается тайна и грѣхъ. Тогда-какъ будь женщина свободна, она думала бы, дѣйствовала открыто, по своему произволу, любила бы, ка̀къ и кого хотѣла; не было бы тогда ни тайныхъ думъ, ни мечтаній, ни неволи, ни грѣха, а только одно открытое, полное счастіе...

Княгиня закрыла глаза и притворилась, что спитъ.

— Вы не хотите со мной говорить, княгиня? спросилъ Тольфъ.

— Докторъ, все, что̀ вы говорите, такъ фальшиво, такъ старо, что я невольно задремала.

— Вы не хотите сознаться, что воля женщины—первый проводникъ къ счастію.

— Докторъ, больная шевелится; она не спитъ; я дамъ ей лекарство, сказала княгиня, вставая: — помогите мнѣ, пожалуйста.

Тольфъ приподнялъ подушку, и Софья Ѳедоровна тихо влила Лизѣ въ ротъ ложку лекарства. Лиза проглотила и осталась въ томъ же положеніи, ка̀къ была.

— Она, кажется, очень ослабѣла, а жаръ не уменьшается... Посмотрите, проговорила княгиня, дотронувшись до лица больной.

Докторъ положилъ руку на руку княгини; она проворно выдернула свою.

— Чего вы испугались, княгиня?

— Я не испугалась, докторъ, но вы, вѣрно, не замѣтили, что я еще не отняла руки, сказала сконфуженная княгиня.

— Какъ можно не замѣтить вашу прелестную ручку!

— Я васъ спрашиваю, докторъ, ка̀къ вы находите больную? спросила княгиня, строго взглянувъ на Тольфа.

Докторъ взялъ пульсъ больной и, не сводя глазъ съ княгини, началъ считать.

Вошла княжна Глафира.

Княгиня очень обрадовалась: докторъ начиналъ сильно надоѣдать ей своею любезностью.

Но когда княжна начала посылать ее спать, княгиня рѣшительно отказалась, сказавъ, что совершенно не устала и не хочетъ спать. Остальную половину ночи они просидѣли втроемъ.

Тольфъ нѣсколько разъ принимался-было опять развивать наивныя теоріи о чувствахъ, о любви, о женщинахъ, но княгиня всякій разъ взглядывала такъ, что слова невольно замирали у него на языкѣ.

Эта неудача въ волокитствѣ за двумя хорошенькими женщинами внутренно сильно бѣсила его. Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и изъ угодливаго, сладкаго и любезнаго сталъ дерзкимъ и невѣжливымъ. На всѣ вопросы дамъ насчетъ больной онъ отвѣчалъ вовсе-неуспокоительными шуточками. Княгиня и Глафира Петровна не могли дождаться утра: ихъ сильно тревожило положеніе Лизы, на которую напала тяжелая сонливость. Наконецъ, часовъ въ шесть утра, Тольфъ, къ неописанной радости княгини, раскланялся и уѣхалъ.

Княгиня Софья Ѳедоровна разбудила мужа и сказала, что у нея нѣтъ никакой вѣры въ господина Тольфа и умоляла князя сейчасъ же послать за Карломъ Ивановичемъ Днера.

Марья Осиповна сказала имъ, что старый князь еще съ вечера приказалъ ея мужу непремѣнно пригласить господина Днера и что Иванъ уже уѣхалъ за нимъ.

XVI.

Марья Осиповна опять засуетилась, начала угощать своихъ дорогихъ гостей чаемъ и кофеемъ. Пришелъ князь Андрей Петровичъ навѣстить больную. Освѣдомившись о положеніи Лизы, онъ разсказалъ Юлію Петровичу и княгинѣ о варварскомъ обращеніи Китина съ женой, о его скверномъ поведеніи и обо всемъ, что̀ произошло въ Динабургѣ въ это короткое время.

— Пожалуйста, Андрей, не говори объ этомъ: у меня муравьки по тѣлу бѣгаютъ, прервала его Софья Ѳедоровна.—Бѣдная бредитъ всѣми этими ужасами... Одного я не понимаю, про какіе фальшивые билеты она все говоритъ?

— Ахъ, дà, братъ! И я хотѣлъ тебя объ этомъ спросить, не знаешь ли ты, чтò это такое?

— Не фальшивые, а онъ проигралъ въ нѣсколько ночей двадцать-пять тысячъ... Лиза ни въ чемъ не сознается, но должно быть, что она не хотѣла ему дать денегъ—вотъ за чтò онъ ее и избилъ! отвѣтилъ князь Андрей.

— Чудовище! Слава Богу, что мы ее вырвали изъ его рукъ. Дай только Богъ, чтобъ она скорѣй поправилась!

— Да знаете ли чтò? Они въ эти семь съ половиною мѣсяцевъ прожили такія же двадцать-пять тысячъ—а? Кàкъ вамъ это покажется? Лиза говоритъ, что они всѣ ушли на жизнь; но это невозможно; она ровно ничего не понимаетъ. Этотъ соколъ просто ихъ спустилъ справа налѣво. Теперь у Лизы всего осталось пятьдесятъ тысячъ; надо ихъ взять у нея и давать ей только проценты, а то она все перешлетъ мужу.

— Ну, чтò деньги... Богъ съ ними, Андрей... Только бы она поправилась. Скоро старухѣ Рытовой шесть недѣль: она опять получитъ наслѣдство.

— Если Митька не перепросилъ его у Дарьи Яковлевны, перебилъ Юлій Петровичъ. — Соня, мой другъ, обратился онъ къ женѣ:— поди усни, я разбужу тебя, когда Днера пріѣдетъ.

— Да, Юлій, я пойду, у меня голова очень болитъ, сказала Софья Ѳедоровна и подошла поцаловать мужа.

— Чтó это, Соня, у тебя за бумажка? спросилъ Юлій Петровичъ, вынимая записку, которая была заткнута между двухъ пуговицъ капота княгини.

— Это письмо лежало на груди Лизы и выпало, когда мы ее раздѣвали.

Князь Юлій развернулъ записку, прочелъ и, молча, передалъ брату.

Андрей Петровичъ прочелъ тоже, весь вспыхнулъ, хотѣлъ что-то сказать и не могъ. Бумажка тряслась въ его рукахъ.

— Чтò это такое? Чтò вы молчите? проговорила испуганная Софья Ѳедоровна, взяла листокъ изъ рукъ князя Андрея и проворно пробѣжала его глазами.

— Ахъ, какой ужасъ! вскрикнула она, и бумажка выпала изъ рукъ ея. Это было послѣднее письмо Китина къ Лизѣ.

— Карлъ Ивановичъ пріѣхалъ, доложилъ Андрей, войдя въ комнату.

Софья Ѳедоровна опомнилась и побѣжала на встрѣчу доктору.

Князь Юлій Петровичъ наклонился, поднялъ письмо и бросилъ въ ярко-пылавшую печь.

— Что ты дѣлаешь, братъ? торопливо проговорилъ князь Андрей и подбѣжалъ къ печи, чтобъ выхватить письмо, но было уже поздно; прежде, чѣмъ подоспѣлъ князь, бумажка скорчилась, вспыхнула и по черному пеплу забѣгали искорки.—Что ты сдѣлалъ! повторилъ князь Андрей.—Надо бы сохранить это письмо, чтобъ держать всегда въ рукахъ этого мерзавца.

— Мы не должны знать этого, братъ! грустно отвѣтилъ Юлій Петровичъ и пошелъ къ Лизѣ.

Карлъ Ивановичъ, осмотрѣвъ больную, молчалъ, потиралъ свои круглыя маленькія руки и качалъ головой.

— Вы находите, что больная нехороша? боязливо спросила княгиня.

— Я ничего еще не могу сказать навѣрное. Кто ее лечилъ? Позвольте мнѣ видѣть лекарство.

Княгиня подала микстуру.

— Больную только вчера привезли въ Петербургъ, и мы пригласили господина Тольфа, отвѣтилъ князь Юлій.

— А сколько разъ пускалъ онъ ей кровь со вчерашняго дня? спросилъ докторъ Днера, пробуя микстуру.

— Два раза, отвѣтила Софья Ѳедоровна.

— Гм!.. проговорилъ докторъ.

— Вы находите, что это много? спросилъ князь.

— Ей нужны были піявки, а не жильная кровь, тихо сказалъ Днера: — у больной отняты всѣ силы; руки и ноги ея холодны, а въ головѣ все еще воспаленіе. Піявокъ пустить нельзя: она ослабѣетъ еще болѣе... гм!...

— Какъ же это господинъ Тольфъ сдѣлалъ такую ошибку? Говорятъ, онъ такой прекрасный докторъ, сказалъ князь Юлій Петровичъ.

— Да, князь, онъ очень-хорошо учился, скоро вошелъ въ моду и могъ бы быть очень-хорошимъ докторомъ, еслибъ у людей не было крови—понимаете? протоворилъ Днера, вертя пальцемъ по своему лбу.—Жаль, жаль, что вы на него попали именно въ этой болѣзни. Будь у вашей племянницы ударъ, онъ бы вышелъ молодцомъ... А кровь — его лютый врагъ...

И Днера опять повертѣлъ пальцемъ на лбу.

— Что же, докторъ, не-уже-ли нельзя поправить его ошибки? печально спросила Софья Ѳедоровна.

— Не надо отчаяваться; никто, какъ Богъ. Молодость можетъ взять свое... Я пропишу больной лекарство: давайте его каждые четверть часа по столовой ложкѣ; на икры положите ей сейчасъ же синапизмы, постарайтесь ихъ продержать тридцать минутъ. Да я пропишу мушку: положите ее сейчасъ же, какъ принесутъ, на затылокъ; я надѣюсь, что этого покуда будетъ достаточно. А завтра увидимъ... Прощайте, прощайте. Надѣйтесь! Все зависитъ отъ Бога. Я завтра утромъ буду.

И Карлъ Ивановичъ, показавъ на небо, выкатился, какъ шаръ.

На другой день утромъ Лиза лежала въ залѣ на столѣ.

Позвонили, и Карлъ Ивановичъ вбѣжалъ, потирая руки, въ залу, гдѣ, подлѣ покойницы, стояла княгиня Софья Ѳедоровна.

— Скончалась? проговорилъ докторъ.

— Скончалась... грустно отвѣтила княгиня.

— А лекарство вы ей давали аккуратно?

— Давали, докторъ.

— И синапизмы ставили?

— Ставили, докторъ.

— И мушка лежала?

— Лежала.

— И натянула хорошо?

— Натянула.

— Что жь, послѣ синапизмовъ жаръ въ головѣ уменьшился?

— Уменьшился, докторъ.

— Прекрасно, прекрасно! обрадовавшись, сказалъ Днера: — послѣ мушки эта тупая сонливость уменьшилась?

— Уменьшилась.

— Отлично, отлично! потирая руки, проговорилъ Днера: — и отъ микстуры сухость кожи начала смягчаться?

— Да, докторъ.

— Безподобно, безподобно! Начала показываться маленькая влажность?

Княгиня только утвердительно кивнула головой.

— Великолѣпно! великолѣпно! въ восторгѣ вскрикнулъ Карлъ Ивановичъ.

Княгиня молча откинула простыню съ мраморнаго лица Лизы...

Господинъ Днера вспыхнулъ, показалъ на небо и покатился въ переднюю.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло тридцать лѣтъ. На Смоленскомъ Кладбищѣ, по прямой аллеѣ отъ большой церкви, сильно покривились на сторону три одинаковые гранитные саркофага. Подъ среднимъ лежитъ бѣдная Лиза между отцомъ и дѣдомъ, старымъ княземъ Годинымъ. Бронзовая доска съ памятника ея давно ужь сорвана, и нѣтъ на немъ больше ни кудрявой эпитафіи, ни даже имени его несчастной жилицы...

По другую сторону церкви, подъ развѣсистой ивой, добрая и прекрасная княгиня Софья Ѳедоровна тоже покоится вѣчнымъ сномъ праведницы.

Домъ князя Юлія Петровича остался однимъ изъ пріятнѣйшихъ домовъ въ Петербургѣ, но утратилъ, вмѣстѣ съ вѣкомъ, завѣтную простоту милой старины.

Генеральша Тулупина стала еще кислей; все такъ же зоветъ мужа «Доля мой!» Ея Доля еще больше съёжился, уменьшился, боится грому и во время грозы прячется подъ кровать.

Генералъ Рѣдькинъ представляетъ изъ себя старинную табакерку «колесо фортуны»; то подымется, то упадетъ; то наверху, то внизу...

Магдалина Андреевна толста, стара, ханжитъ, ходитъ съ костылемъ и ѣстъ за десятерыхъ, толькой рюмкой за столомъ она ужь больше не постукиваетъ, а магическая эта рюмка и безъ мимики безпрестанно наполняется хересомъ... Должно-быть, что новый камердинеръ Магдалины Андреевны похитрѣе покойнаго Ѳомушки—словомъ, генеральша дѣлаетъ именно то, что̀ сказала въ молодые годы одному изъ адъютантовъ своего мужа который разъ, подъ веселую руку, спросилъ ее:

— Que fairez vous, ma mie, quand vous serez vieille, quand l'amour et la jeunesse s'envoleront?

— Je mengerai, je mengerai... tant que je creverai... отвѣтила Магдалина Андреевна.

Дмитрій Дмитріевичъ жиренъ, толстъ, староста церковный; подъ вѣрные залоги даетъ деньги взаймы и беретъ милостивые проценты: только сто на сто.

По ямбурской дорогѣ все еще стоитъ деревушка покойной Анны Павловны. Мужики въ ней давно всѣ вольные, все народъ мастеровой, или торговый. Иванъ Степановичъ передъ смертью имъ вольную далъ; Палашеньку за сына старосты замужъ выдалъ и домъ ей свой по смерти завѣщалъ. Теперь Палашеньку

всѣ зовутъ Пелагеей Филатьевной; она съ муженькомъ, по милости къ ней господской, постоялый дворъ завела.

Пелагея Филатьевна баба здоровая, полная, бѣлая; ребятъ у нея и большихъ и маленькихъ не перечтешь. Большіе-то все статные да красивые, а маленькіе—кровь съ молокомъ. Въ домѣ у Пелагеи Филатьевны чисто, свѣтло да сытно. Гости заѣзжіе то-и-дѣло заворачиваютъ—не нахвалятся...

И молельня есть въ домѣ у Пелагеи Филатьевны, въ той комнатѣ, гдѣ прежде была спальня Анны Павловны; все въ ней въ прежнемъ видѣ оставлено, и передъ барынинымъ кивотомъ лампада неугасимая горитъ. Пелагея Филатьевна женщина богомольная: всякій праздникъ со всѣми дѣтьми на село въ церковь ходитъ и части вынимаетъ; отстоитъ обѣдню, раздѣлитъ дѣтямъ просвирку на кусочки, одинъ себѣ возьметъ, да и скажетъ маленькимъ дѣтямъ: «Кого надо помянуть?» А они всѣ вмѣстѣ и помянутъ «Анну, Ивана и Андрея» да и потянутъ мать за платье на господскія могилы. Ихъ тамъ двѣ рядышкомъ: Анны Павловны да Ивана Степановича, а въ ногахъ у нихъ третья могила пришлась — Андрея Потапыча... Онъ послѣ смерти Лизы къ барину, въ Ямбургъ, пришелъ; засталъ его на послѣднемъ концѣ; глаза ему закрылъ да и самъ скоро на рукахъ Пелагеи Филатьевны умеръ. Она его у господъ въ ногахъ и похоронила... И ка́къ же молится она тамъ долго и усердно! И большія дѣти съ ней; а маленькія играютъ, валяются въ густой травѣ на барыниной могилѣ. Какъ мать ихъ окрикнетъ, и они креститься да молиться начнутъ... А дѣтская молитва скорѣе всѣхъ доходитъ до Бога... Хорошо, должно-быть, тамъ доброй Аннѣ Павловнѣ!...

Николай Ивановичъ Китинъ все еще живъ; послѣ двадцати лѣтъ его выпустили изъ крѣпости.

Въ эти ужасныя двадцать лѣтъ онъ спился съ кругу, обрюзгъ, поглупѣлъ, и тѣни въ немъ не осталось прежняго красавчика и ловкаго любезника. Одно его только не оставило, это—прежняя его повадка маскироваться... Онъ нищій, отставной солдатъ; адъютантомъ теперь ему одѣться нельзя, такъ онъ пожаловалъ самъ себя, нашилъ во всю грудь всевозможныхъ орденскихъ ленточекъ, подвязалъ здоровую руку; вѣчно-пьяный, заплывшій, прогуливается по гостиному двору и, протягивая другую руку, говоритъ: «Милая барыня, помогите заслуженому воину!»

DUE SEP [redacted]